

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет»

Научно-исследовательская лаборатория
по изучению древностей Сибири и Центральной Азии

**Древности
Сибири и Центральной Азии
№3(15)**

Горно-Алтайск
2010

ББК 63.4
63.3
63.5

Древности Сибири и Центральной Азии.

Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. –
№3(15) – 176 с.

ISBN 978-5-91425-043-7

Ответственный редактор – к.и.н., доцент **В.И. Соёнов**

Сборник научных трудов подготовлен Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в рамках реализации проекта «Древняя и средневековая фортификация Алтая» (№2.1.3/6768) Аналитической ведомственной целевой программы Министерства образования и науки Российской Федерации "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)" и проекта «Хронология и этнокультурная принадлежность археологических памятников Чуйской котловины» Научно-технической программы Правительства Республики Алтай.

Электронную версию издания «Древности Сибири и Центральной Азии»
читайте на сайте ГАГУ <http://www.gasu.ru/>

ISBN 978-5-91425-043-7

© В.И.СОЁНОВ, составление, оформление, макет, 2010

Соёнов В.И.

(г. Горно-Алтайск, Россия)

**ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г.***

Научно-исследовательская лаборатория по изучению древностей Сибири и Центральной Азии Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Горно-Алтайский государственный университет» под руководством к.и.н., доцента В.И. Соёнова образована приказом ректора, д.филос.н., профессора Ю.В. Табакаева от 02 февраля 2009 года №28. Лаборатория создана по представлению проректора по научно-исследовательской работе и международным связям, к.и.н., доцента В.Г. Бабина для реализации научно-исследовательских проектов в области археологии, истории материальной культуры, исторической географии, краеведении, культурологии, музееведения и т.д. Она действует на основании Положения, утвержденного Ученым советом университета 22 января 2009 г.

В отчетном полевом сезоне 2010 г. сотрудниками лаборатории производились полевые и камеральные работы по научно-исследовательским проектам Минобрнауки Российской Федерации и Правительства Республики Алтай, а также работы в рамках научно-исследовательских хоздоговоров между ГОУ ВПО ГАГУ и Гентским университетом (Бельгия), Государственным некоммерческим учреждением «Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай». В этих работах принимали участие к.и.н., в.н.с. С.В. Трифанова, к.и.н., с.н.с. А.В. Эбель, н.с. – Н.А. Константинов, И.А. Николаев, м.н.с. – Е.А. Штанакова, Д.В. Соёнов, А.Г. Сипатрова и другие.

По первому виду работ в отчетный период подготовлены и проведены разведочные изыскания в Майминском и Кош-Агачском районах, а также раскопки и разведки в Онгудайском районе. Полевые археологические работы производились по Открытым листам В.И. Соёнова №186 и №187, выданным Росохранкультурой на основании распоряжения от 09 июня 2010 г., а также №932, выданному на основании распоряжения от 10 сентября 2010 г.

В ходе подготовки экспедиции сотрудниками лаборатории осуществлялись следующие виды работ: изучение и систематизация опубликованной литературы по темам исследований; ознакомление с графическими, текстовыми и вещественными материалами экспедиций, хранящимися в фондах и архивах различных научных учреждений; набор рабочих для раскопочных работ; обучение участников экспедиции методике полевых исследований и первичной обработке материалов; закупка оборудования, материалов, инвентаря, продуктов; инструктажи участников полевых и камеральных работ; и т.д.

В Кош-Агачском районе исследования проводились аспиранткой Б.В. Якояковой и к.и.н., с.н.с. А.В. Эбелем, который работал совместно с группой бельгийских коллег под руководством проф. Ж. Буржуа и проф. Р. Гуссенс.

В июле-августе Б.В. Якояковой продолжены, начатые в предыдущем полевом сезоне 2009 г., изучение и копирование гравированных и выбитых наскальных рисунков в урочище Сёёк-Тыт на р. Чаганка выше с. Старый Белтир (Якоякова Б.В., 2009, с. 71-72), а также осуществлено копирование гравированных рисунков в урочище Абыдьай на левом

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации и Правительства Республики Алтай в рамках научно-исследовательских проектов «Древняя и средневековая фортификация Алтая» Аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)" (№2.1.3/6768) и проекта «Хронология и этнокультурная принадлежность археологических памятников Чуйской котловины» Научно-технической программы Правительства РА.

берегу р. Чаганки. Изученные изображения относятся к разным историческим периодам от бронзового века до этнографической современности.

В середине июля – середине августа А.В. Эбелем и бельгийскими коллегами продолжался многолетний мониторинг температурного режима почвы в бассейнах рр. Уландрык, Тархата, Каланегир, Тара, Джазатор, Ак-Алаха и Бертек, а также было завершено картографирование памятников на участке долин рр. Юстыд и Бар-Бургазы, взяты пробы для термолюминесцентного анализа на археологических объектах Юстыда.

В середине июня – середине июля в Майминском районе нами были продолжены исследования на городищах Манжерок-3 (Бородовский А.П., 2002, с. 45-46; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 46-47) и Черемшанка (Киреев С.М., 1991, с. 84-88; Соёнов В.И., 2003, с. 21-22; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 64-65), а также было обследовано городище Барангол-5 (Бородовский А.П., 2007, с. 185-187; Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, с. 9).

Для выявления мощности и характера культурного слоя Манжерокского городища в центральной части объекта нами был заложен шурф. В нем найдены фрагменты керамики. В восточной части городища был продолжен сбор подъемного материала на грунтовой дороге, пересекающей памятник с северо-запада на восток (Соёнов В.И., 2009а, с. 186-188; 2009б, с. 51-55). Собранный материал представлен обломками курантов зернотёрки, небольшим фрагментом керамического пряслица и многочисленными фрагментами керамических сосудов (рис. 1 – 1).

От мыса, на котором располагалось Черемшанское городище, к настоящему времени сохранилась лишь узкая кромка в северной и восточной частях (Киреев С.М., Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., 2008, рис. 83). Для уточнения границ городища был заложен шурф в северной части остатков мыса. Фортификационных или каких-либо других сооружений, культурного слоя или артефактов в шурфе не зафиксировано. По-видимому, культурный слой и объекты городища полностью разрушены в результате вскрышных работ и в ходе разработки карьера. В осыпях стенки карьера и бульдозерных отвалах был собран подъемный материал в виде фрагментов керамики (рис. 1 – 2) и костей животных. На грунтовой дороге, идущей в лог параллельно р. Черемшанке, найден фрагмент куранта зернотерки.

Для выявления мощности и характера культурного слоя Барангольского городища в западной части памятника был заложен шурф, в котором найдены фрагменты керамики и древесные угли. При обследовании упавшего дерева, расположенного рядом с шурфом, в вывернутом корнями грунте был собран подъемный материал, представленный фрагментами стенок и венчиков керамических сосудов (рис. 1 – 3), костями животных и окатанным камнем со следами использования.

Анализ инвентаря из Манжерокского, Черемшанского и Барангольского городищ позволяет предварительно датировать эти памятники, как и городища Нижний Чепош-3 и Нижний Чепош-4, первыми веками нашей эры и отнести их к объектам Горного Алтая гунно-сарматского времени.

В августе-сентябре под руководством В.И. Соёнова в Онгудайском районе проводились исследования на петроглифическом комплексе Калбак-Таш-2 (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 49) и на могильнике Степушка-2.

На памятнике Калбак-Таш-2 изучались разновременные изображения, выполненные в технике выбивки и гравировки.

На могильнике Степушка-2, расположенном в долине реки Урсул, раскопано 64 объекта: 37 каменных курганов и колец с погребениями, а также 27 каменных колец и выкладок без погребений. Погребенные были ориентированы головой преимущественно в северо-восточный сектор. Из предметов сопроводительного инвентаря найдены: детали предметов вооружения (костяные и железные наконечники стрел, железные кинжалы; костяные накладки луков и т.д.); предметы украшения и туалета (стеклянные, костяные и каменные бусины, железная диадема, бронзовые бляшки, фрагмент бронзового зеркала, подвески из зубов и кости и т.д.); предметы снаряжения коня (железные удила с кольчатыми и стержневыми псалиями, костяные цурки, подпружные пряжки и т.д.); орудия труда (железные ножи, обломки каменных жерновов и т.д.). Раскопанные погребения

могильника Степушка-2 по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря датируются первыми веками н.э.

По второму, камеральному, виду работ в течение осени производились: обработка и систематизация новых научных сведений; реставрация и консервация вещей; подготовка паспортов к образцам для лабораторных анализов; лабораторные исследования (радиоуглеродное датирование проб из органических материалов и калибровка дат, технико-технологический анализ образцов посуды, антропологический и остеологический анализ, др. исследования и анализы); печать полевых фотографий, съемка и печать фотографий предметов; изготовление чертежей и рисунков; подготовка текстов и иллюстраций итоговых научных отчетов по результатам разведок и раскопок в Отдел полевых исследований Института археологии РАН, Министерство образования и науки Российской Федерации и Правительство Республики Алтай.

По второму виду работ продолжалось изучение археологических коллекций предыдущих полевых изысканий, неопубликованных материалов отчетов и диссертационных работ по темам исследований, хранящихся в архивах Горно-Алтайского государственного университета, Института алтаистики им. С.С. Суразакова, Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Таким образом, полевые и камеральные работы 2010 г., реализованные сотрудниками Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ, существенно расширили сведения об археологических памятниках Горного Алтая. Результаты исследований по проектам и хоздоговорам, а также ход изысканий обсуждались на заседаниях лаборатории и постоянно действующего семинара «Древняя и средневековая фортификация Южной Сибири и Центральной Азии». По итогам исследований готовится к публикации серия научных и популярных работ: статей, сообщений, тезисов, монографий и диссертаций.

Библиографический список

1. Бородовский, А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай / А.П. Бородовский // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – №9. – С. 42-52.
2. Бородовский, А.П. Продолжение археологического обследования правобережья горной долины Нижней Катунь / А.П. Бородовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2007. – Вып. XVI. – С. 183-189.
3. Киреев, С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района / С.М. Киреев, Т.А. Акимова, А.П. Бородовский, Е.Л. Бородовская. – Горно-Алтайск, 2008. – 144 с.
4. Киреев, С.М. Поселение Черемшанка / С.М. Киреев // Охрана и исследования археологических памятников Алтая (тезисы докладов и сообщений к конференции). – Барнаул, 1991. – С. 84-88.
5. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин. – Новосибирск, 1992. – 123 с.
6. Соёнов, В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ) / В.И. Соёнов. – Горно-Алтайск, 2003. – 160 с.
7. Соёнов, В.И. Отчет об археологических исследованиях в 2009 г. / В.И. Соёнов // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2009а. – №1-2 (13-14). – С. 186-188.
8. Соёнов, В.И. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского госуниверситета в 2009 году / В.И. Соёнов // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г. (Археология, этнография, устная история). – Барнаул: АлтГПА, 2009б. – Выпуск 6. – С. 51-55.
9. Якоякова, Б.В. Изучение наскальных рисунков урочища Сёёк-Тыт (Чаганка) / Б.В. Якоякова // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2009 г. (Археология, этнография, устная история). – Барнаул: АлтГПА, 2009. – Выпуск 6. – С. 71-72.

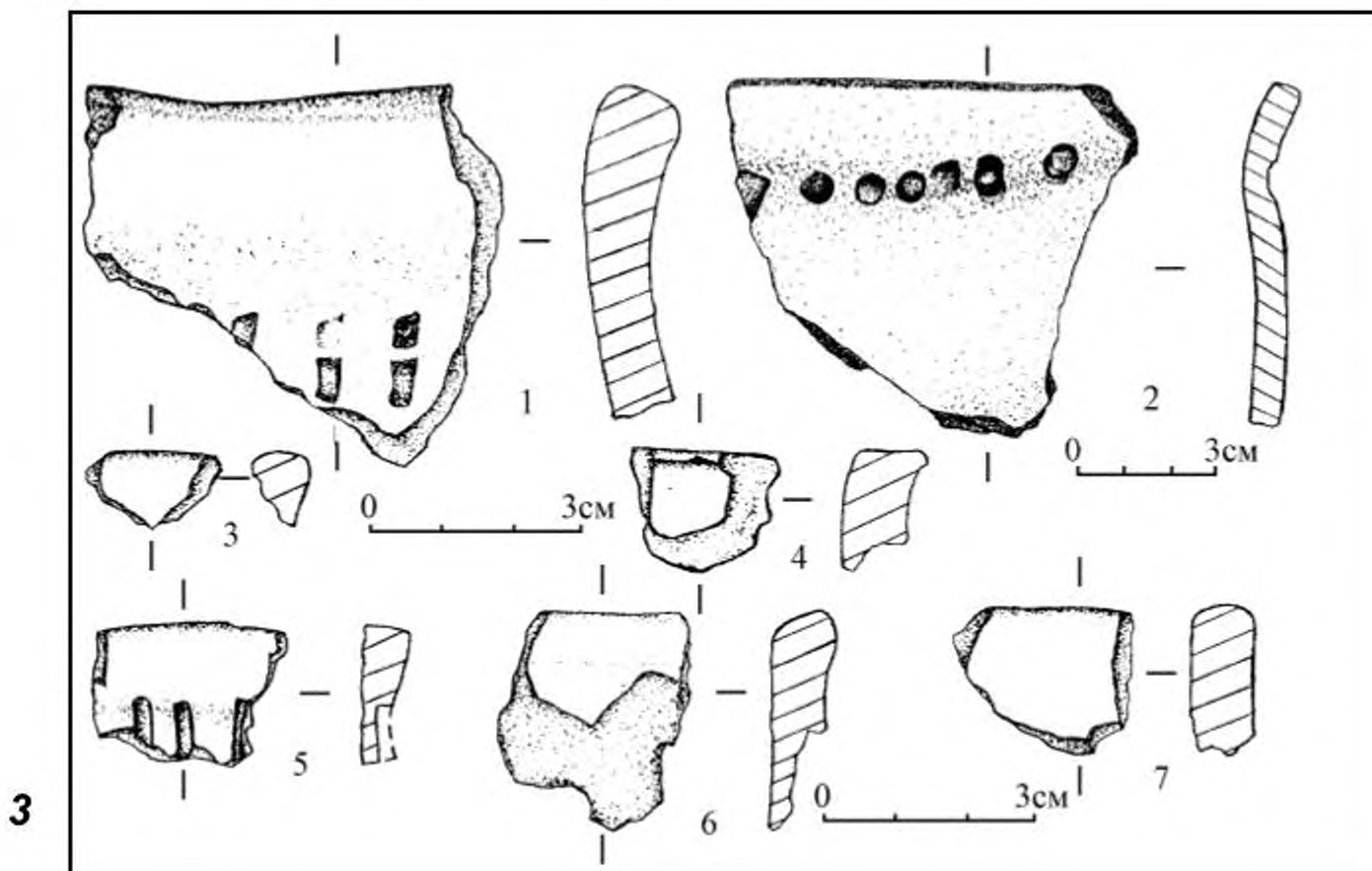
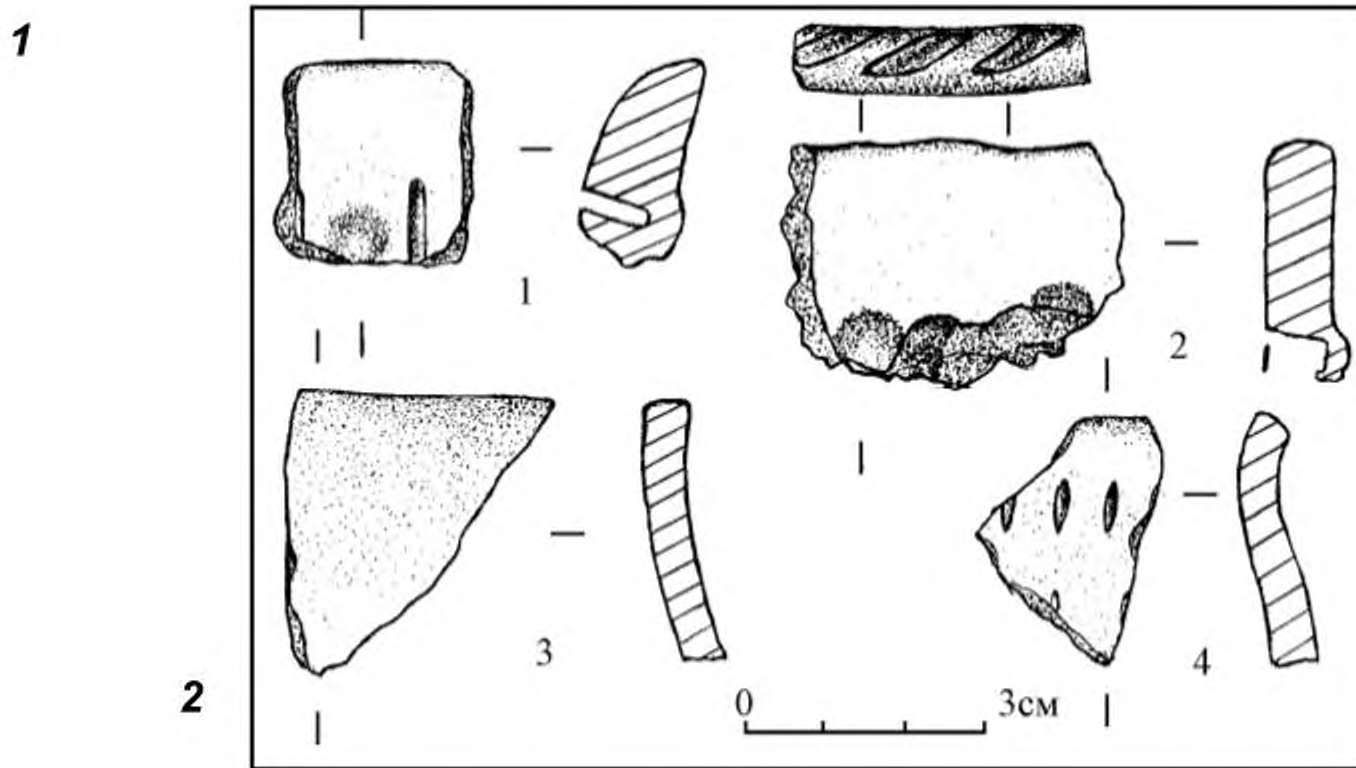
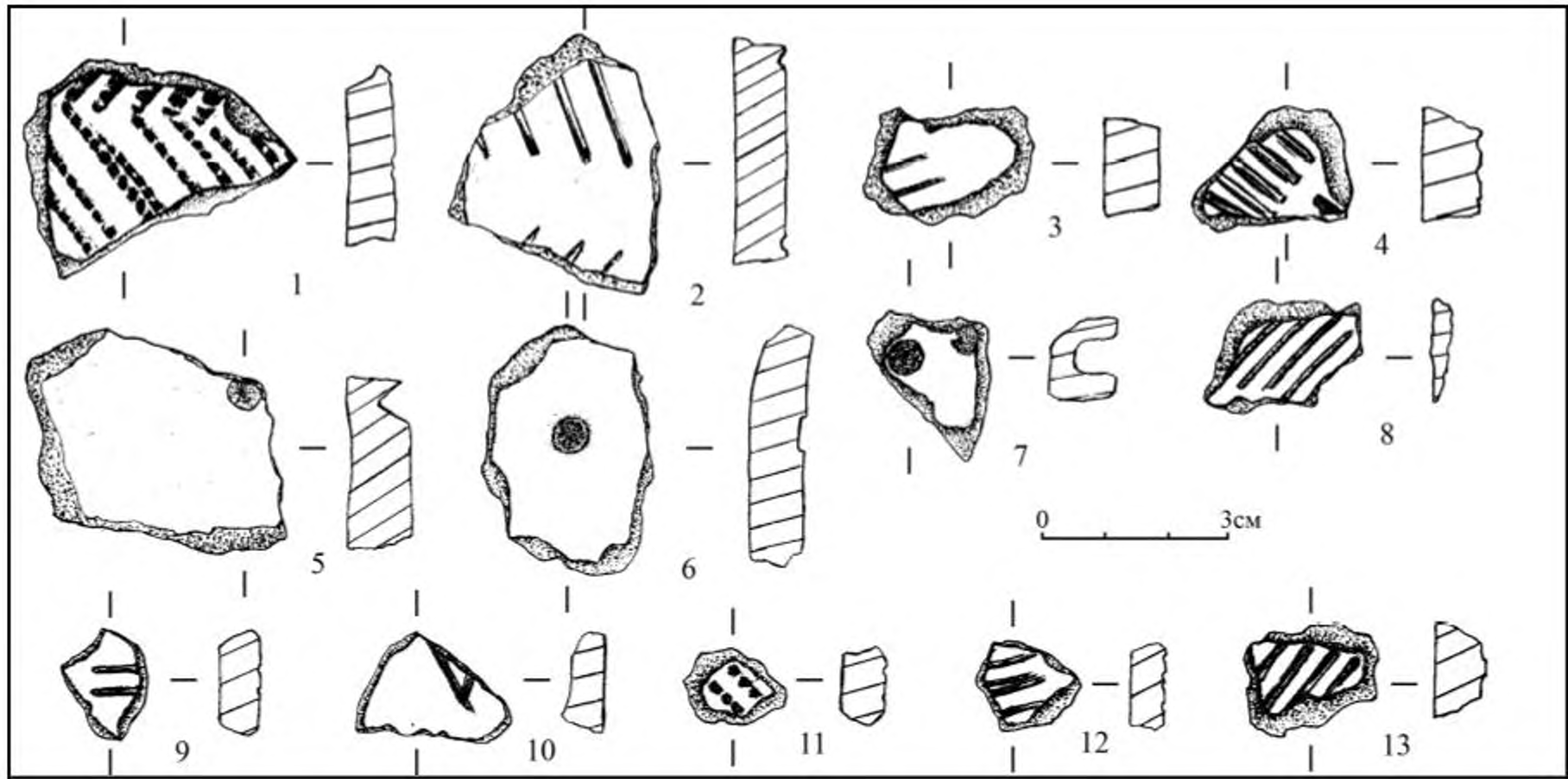

Рис.1 Фрагменты керамики (1 – Манжерокское городище; 2 – Черемшанское городище; 3 – Барангольское городище)

Степанова Н.Ф.
(г. Барнаул, Россия)

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА МОГИЛЬНИКЕ ЕЛО-2 В ГОРНОМ АЛТАЕ*

Исследования могильника Ело-2 начаты в 1977 г. В.А.Посредниковым. Первоначально было выявлено 13 погребальных сооружений разных типов: каменный курган, круглые ограды-стенки из обломочного каменного материала, кольцо из вкопанных на ребро плит. В 1977 г. экспедицией Алтайского государственного университета под руководством В.А.Посредникова было раскопано 2 объекта – ограда афанасьевской культуры и курган, разрушенный кладоискателями (Посредников В.А., 1977; 1980; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997). В 1982 г. Н.Ф.Степановой более тщательно обследована западная часть могильника и выявлено еще несколько надмогильных сооружений, кроме того, составлен новый план памятника для этого участка. Всего в этой части могильника учтено 19 объектов: 12 – к западу от дороги на лесопилку и 7 – на дороге. В 1982 г. Н.Ф.Степановой раскопана одна ограда, в 1984 г. П.И.Шульгой в этой же части памятника раскопан курган скифского времени (Шульга П.И., 1998; 2007).

Могильник Ело-2 находится в 1 км западнее с.Ело Онгудайского района Республики Алтай, на левобережной надпойменной террасе р.Ело, по которой проходит отрезок Усть-Канского тракта. Терраса покрыта типичной горно-степной растительностью и ограничена с СЗ, С и ЮВ сторон склонами горы Башту (отрог южного крыжа Семинского хребта). Сформированный таким образом склонами горы распадок ограничен с южной стороны поймой р.Ело. Терраса в распадке имеет наклонную поверхность с ССВ на ЮЮЗ (от подошвы горы к долине р.Ело, сложена светло-желтой супесью с включениями щебенки и покрыта гумусным слоем толщиной 5-10 см. В глубине распадка в 1970-80-е гг. находились лесопилка и электростанция. Часть курганов разрушена дорогой, проходившей по могильнику к лесопилке и электростанции. Ниже приводится описание каждого объекта (номера в тексте соответствуют номерам на плане – рис. 1 – 1).

Курган 3. Имеет подовальную форму. Его размеры с С на Ю – 7,4 м, с З на В – 8,5 м. Сложен из крупных камней, расположенных кольцами.

Курган 4. Такой же, как и курган 3. По-видимому, ограблен.

Курганы 3 и 4 вплотную примыкают друг к другу и составляют микроцепочку, ориентированную с С на Ю. Один из курганов был раскопан П.И.Шульгой в 1984 г. Датируются скифским временем.

Ограда 5. Квадратной формы размерами 3х3 м, высота насыпи 0,5 м. Ориентирована с ЮЗ на СВ. На юго-западе находится камень.

Ограда 6 сложена из камня. Имеет аморфную форму, возможно, прямоугольную или квадратную. Ориентирована с СВ на ЮЗ. Размеры ее около 3х4 м.

Курган 7 сложен из крупного камня. Имеет подовальную форму. Наибольший его размер с С на Ю – 8,2 м, с З на В – 7 м. Высота насыпи 0,25-0,3 м. С ЮЗ стороны вертикально расположен большой камень.

Курган 8 овальной формы. Наибольший его размер по линии С-Ю – 8,2 м, по линии З-В – 8,9 м, высота насыпи – 0,15-0,2 м. Сложен из крупного камня. Некоторые из них имеют длину около 1 м.

Курган 9 круглой формы диаметром 5,6 м, высота насыпи 0,2 м. Сложен из крупного камня. По краям кургана прослеживается кольцо из вертикально поставленных плит. Отдельные вертикально поставленные плиты прослежены в центре кургана. Размеры плит достигают 1 м, высота 0,28 м. С севера лежит камень размерами 0,6х0,7 м, высотой

* Работы выполнены в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Эпоха бронзы и ранний железный век Саяно-Алтая. Хронология и культурная принадлежность погребальных и поселенческих комплексов».

0,25-0,3 м. В южной части кургана камни маленьких размеров – около 0,25x0,15 (0,25x0,35 м).

Ограды 5 и 6 и курганы 7-9 составляют компактную цепочку, ориентированную с ССВ на ЮЮЗ.

Ограда 10 имеет квадратную форму, размерами 3,5x3,5 м. Ориентирована с С на Ю. Сложена из крупных камней и вертикально поставленных плит размерами 0,7x0,6 и до 1 м. С восточной стороны находится камень. Оградка расположена в стороне от остальных надмогильных сооружений.

Ограды 11 и 12 почти не прослеживаются на поверхности (сильно задернованы). Они вплотную примыкают друг к другу, образуя цепочку, ориентированную почти строго по линии З-В. Ограда 11 диаметром 6 м. Сложена из рваного камня и плит размерами 0,7x0,15 (0,2) м, 0,3x0,2 м. Ограда 12 диаметром 6 м, высотой насыпи 0,15 м. Сложена из мелкого рваного камня.

Курганы 13-19 – предполагаемые. По ним проходит дорога на лесопилку. Их размер от 5 до 8 м, высота 0,1-0,15 м. Сложены из рваного и мелкого камня.

Могильник разновременный, включает ограды афанасьевской культуры (ограда 1), четко выделенные цепочки курганов скифского времени (курганы 3,4 и 7-9), тюркские ограды (№ 5 и 6). Некоторые конструкции, в частности ограды 11 и 12, очень сильно задернованы и могли быть сооружены в эпоху бронзы. Возможно, они относятся к афанасьевской культуре.

Ограда 1

В 1977 г. раскопана В.А.Посредниковым. Располагалась в восточной части могильника. Она представляла собой кольцо из вертикально поставленных и наклонившихся вовнутрь плит (рис. 1 – 4). Диаметр ее 3,6 м. Внутри кольцо было забутовано обломками камня в 2-4 слоя. Могила овальной формы, размерами 0,85x1,45 м, ориентирована длинной осью С-Ю. В ее заполнении встречались обломки камня и фрагменты дерева от перекрытия. На дне на глубине 0,7 м от материка находился скелет женщины 35-45 лет (определения С.С.Тур) скорченно на правом боку, головой на Ю, лицевой частью черепа вниз (рис. 1 – 5). Левая рука согнута в локте и находилась за спиной, правая рука также согнута в локте и располагалась под грудью. Бедренные и берцовые кости расположены под острым углом друг к другу. В районе ступней зафиксирована охра. Все кости, особенно ног, были густо окрашены охрой.

Погребение из ограды 1 отнесено к афанасьевской культуре, но имеет ряд отличий от афанасьевских, например, по ориентации погребенного и положению скелета.

Ограда 2

Раскопана в 1982 г. Н.Ф.Степановой. Находится в 30 м к СВ от ограды 1. Сильно задернована. На поверхности были видны отдельные камни, составляющие круг. В центре камней не прослеживалось.

После снятия дерна, мощность которого 0,8-0,15 м, оградка имела форму кольца, размерами С-Ю – 7,9 м, З-В – 7,65 м. Ширина стенки кольца от 2,2 до 2,7 м. Сложена из мелкого рваного камня размерами 0,1x0,15 м, 0,15x0,2 м, хотя встречались и более крупные камни. Оградку окаймляли крупные плиты, реже камни. Северо-восточную часть ограничивали четыре больших плиты, на востоке находился вертикально стоящий камень. Наиболее крупные плиты достигают размеров 1,2x0,3 м и 1,04x0,44 м. Стенка оградки состояла из 1-2 слоев камней. Второй слой, как правило, составляли мелкие камни размерами 0,1x0,15 м. Камни находились в гумусированной прослойке, под которой находился слой супеси, ниже – материк.

Центральная часть ограды округлой формы без камней. Засыпка неоднородна по составу: щебенка, мелкие куски кварца, мягкая гумусированная земля. Камни находились с глубины 0,16-0,35 м. Наиболее крупные из них размерами 0,25x0,18 м, мелкие – 0,05x0,05 м. В северо-западной части располагались 2 плиты размерами 38x25 см и 30x32 см. Кроме них еще несколько крупных камней поставлены наклонно. Возможно, что они сползли с кольца (стенки).

В центральной части ограды под верхним слоем камней прослежено округлое пятно черной жженой земли. Его размеры на глубине 0,31-0,4 м – 1,6x1,65 м. В нем много костей животных, в основном зубов и фрагментов трубчатых. Пятно располагалось на плотно уложенных камнях, а сверху такими же камнями было перекрыто. В нижней части размеры пятна 0,6x0,9 м. Мощность слоя жженой земли различна. Местами оно разрезается линзами супеси или супеси со щебенкой. Несмотря на то, что найдено много костей животных, всего несколько из них обожжены полностью или частично (верхний слой камней обожжен). Следы обработки прослежены на 2 зубах животного (просверлены) и обработан обломок трубчатой кости (рис. 2 – 6,8,9).

Могильное пятно прослежено в центре ограды под камнями с пережженной землей с глубины 0,6 м. Оно аморфной формы размерами 2,3-2,4 м. В заполнении южной части могилы находилась наклонно стоящая плита. Четкие границы могилы прослежены с 0,85 м. Могила имеет овальную форму, ориентирована с СЗ на ЮВ. Ее размеры 2,1x1,3 м. С 1,2 м прослеживались отдельные фрагменты деревянных плашек. На 1,35-1,85 м располагались плиты размерами 40x60 см. Основная их часть находилась в горизонтальном положении, а некоторые у юго-западной стенки – вертикально, их высота достигала 1,0 м. Свободной от плит оказалась только северо-восточная часть могилы (рис. 2 – 1).

На глубине 2,0-2,04 м плиты лежали горизонтально, плотно примыкая одна к другой (рис. 2 – 2). На этом уровне могила имела размеры 1,9x1,2 м. Под плитами находились остатки узких деревянных плашек, расположенных параллельно стенкам. Здесь найдены 2 кости человека, в т.ч. фаланга. В СВ стенке имелся небольшой подбой. Под верхним слоем плит находилось еще 2 слоя плит, уложенных плотно относительно друг друга (рис. 2 – 4). Остатки плашек встречались по всей могиле в определенном порядке. На нижних плитах найдена еще одна фаланга человека.

На глубине 2,25 м под плитами найдены остатки деревянной прокладки из узких плашек, ширина которых 5-7 см (типа дранки). Вся могила была разделена ими на 4 части. Вдоль СВ стенки расположено бревно диаметром 15 см, длиной 1,9 м. В СЗ, ЮВ и СВ стенках зафиксированы подбои.

Кости человека обнаружены на глубине 2,4-2,5 м. Они находились в беспорядке. Поскольку плиты, лежавшие в 3 слоя, и плашки не потревожены, то захоронение не могло быть ограбленным. По-видимому, погребение было произведено уже после того, ткани разложились, т.е. это вторичное захоронение. По-видимому, предполагалась ориентация погребенного на СЗ (нижняя челюсть и некоторые другие кости находились в северо-западной части могилы). Под костями, в 0,4 м от дерева, у СЗ подбоя найдено изделие из витой проволоки (?) длиной 7 см. Неподалеку от него найден просверленный коготь птицы (рис. 2 – 5,7).

Ограда 2 до раскопок не отличалась от афанасьевских оградок-стенок. Она была также сильно задернована и слабо возвышалась над дневной поверхностью. Однако по погребальному обряду этот объект отличается от афанасьевских. Конструкция надмогильного сооружения отличается тем, что афанасьевские ограды, как правило, сооружались из вертикально поставленных и вкопанных плит, но в данном случае плиты и камни ограничивали ограду, но не были вкопаны. Оградки, сложенные из рваного камня, известны на афанасьевских кладбищах, но они составляют меньшинство среди надмогильных конструкций и не имеют подобного сооружения из крупных камней и плит по окружности.

По остальным признакам погребального обряда также имеются существенные отличия. Например, совершенно необычны для афанасьевских комплексов остатки мощного кострища с фрагментами костей животных. Для афанасьевских захоронений не характерны глубокие могилы, перекрытия в нижней части могильной ямы, ориентация погребенного на СЗ. Не известно случаев использования таких тонких плашек для перекрытия и совмещения их с плитами. Остатки дерева находят обычно на уровне древнего горизонта или просевшими в могилу с уровня древнего горизонта. Редки для афанасьевских погребений подбои, особенно с трех сторон могилы (не исключено, что подбои появились на позднем этапе существования афанасьевской культуры, также как и в погребениях древнеямной КИО) (Степанова Н.Ф., 2005; 2008; 2009).

Отмеченные признаки зафиксированы в отдельных погребениях в Горном Алтае, датировка которых, как правило, предположительна или определена в широких пределах. Перекрытие из плит в нижней части могильной ямы зафиксировано на могильнике Бойтыгем-2, к.5 в погребении с баночным сосудом (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994). Перекрытие из бревенчатого наката в нижней части могильной ямы на заплечиках известно на Карасу-2 и Араголе (Могильников В.А., 1986; Хлобыстина М.Д., 1975). Все эти захоронения могут быть датированы эпохой бронзы и не исключено, что они синхронны с афанасьевскими.

Необычен для афанасьевской культуры и инвентарь. Не ясно назначение изделия из металла. Возможно, это было украшение типа заколки (заковок не найдено в афанасьевских захоронениях). Обломок трубчатой кости, который напоминает игольницу, имеет сходство с изделием из рога из могильника Нижний Тюмечин-1, огр.3 (Посредников В.А., Цыб С.В., 1992). Просверленные зубы или резцы животных найдены в могилах, которые рассматриваются среди афанасьевских – Сальдьяр-1, о.19/2 и Усть-Куюм, м.19 (Ларин О.В., 2005; Берс Е.М., 1974; Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006). В этих захоронениях не было керамики, а сами украшения выглядят инородными среди афанасьевских (Степанова Н.Ф., 1996). Просверленный коготь птицы и просверленные когти медведя найдены в погребениях каракольской культуры – могильника Сальдьяр-1, огр.5 и Озерное (Ларин О.В., 2005, рис. 17 – 3; Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С., 2006, рис. 46). Подвески из когтей полярной совы известны в погребениях эпохи раннего металла на могильнике Сопка-2 на реке Оми (Молодин В.И., 2001, с.102, рис.25 – 32; 71 – 5). Аналогичные изделия были обнаружены в кротовском погребении могильника Сопка-2, принадлежавшем, судя по нестандартному инвентарю, служителю культа (Молодин В.И., 1985, рис.27).

Исследованное погребение на могильнике Ело-2 не имеет аналогий в памятниках скифского времени и более поздних. Для раннескифских комплексов в целом также характерен другой обряд, хотя ориентация на СЗ известна (Абдулганеев М.Т., 1994; Степанова Н.Ф., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997).

О древности погребения свидетельствует и степень задернованности. Афанасьевские ограды задернованы аналогично, как на могильнике Ело-2, так и на могильниках Ело-1, расположенном на противоположном берегу, и Ело-Баши, находящимся приблизительно в 2 км. В тоже время объекты скифского и тюркского времени на могильнике Ело-2 задернованы намного слабее. Учитывая немногочисленные относительные аналогии в погребальном обряде и инвентаре, предварительно погребение из ограды 2 могильника Ело-2 можно датировать эпохой бронзы.

Библиографический список

1. Абдулганеев, М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема / М.Т. Абдулганеев // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. - С. 37-43.
2. Абдулганеев, М.Т. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая / М.Т. Абдулганеев, О.В. Ларин. - Барнаул, 1994. - С.24-36.
3. Абдулганеев, М.Т. Афанасьевские могильники на р.Ело / М.Т. Абдулганеев, В.А. Посредников, Н.Ф. Степанова // Источники по истории Республики Алтай. - Горно-Алтайск, 1997. - С.69-90.
4. Берс, Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куюм / Е.М. Берс // Бронзовый и железный век Сибири. - Новосибирск, 1974. - С.18-31.

-
5. Кирюшин, Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. - Барнаул, 1997. - 231 с.
 6. Кубарев, В.Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Катунь) / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. - Барнаул, 2007. - 281 с.
 7. Ларин, О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1 / О.В. Ларин. - Барнаул, 2005. - 208 с.
 8. Могильников, В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке / В.А. Могильников // Материалы по археологии Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1986. - С.54-56, 60-62.
 9. Молодин, В.И. Бараба в эпоху бронзы / В.И. Молодин. – Новосибирск, 1985. - 200 с.

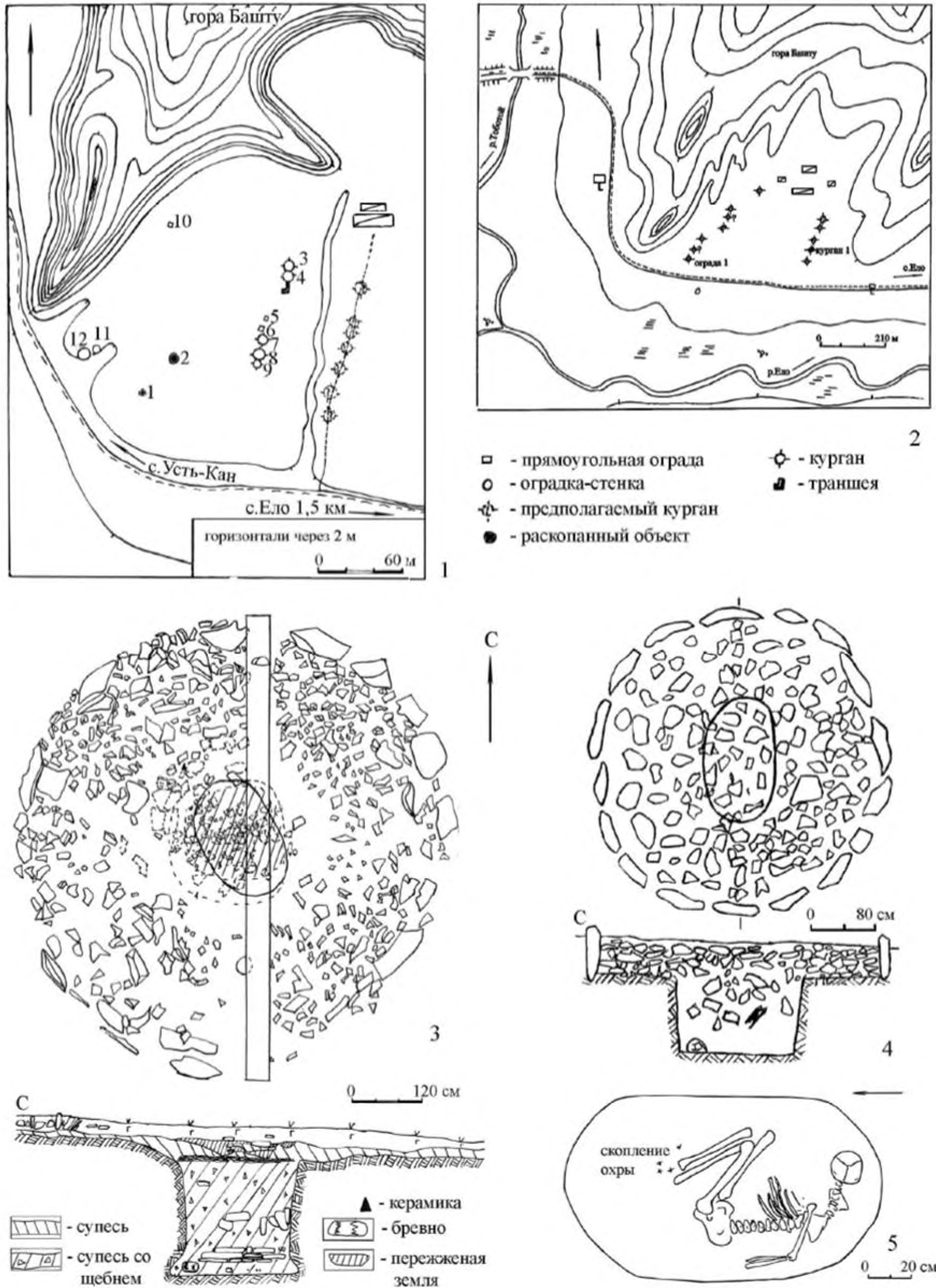

Рис. 1
 Могильник Ело-2 (западная часть памятника), план 1982 г. (1), план 1977 г. (2);
 ограда 2 (3), ограда 1 и погребение из ограды 1 (4,5).

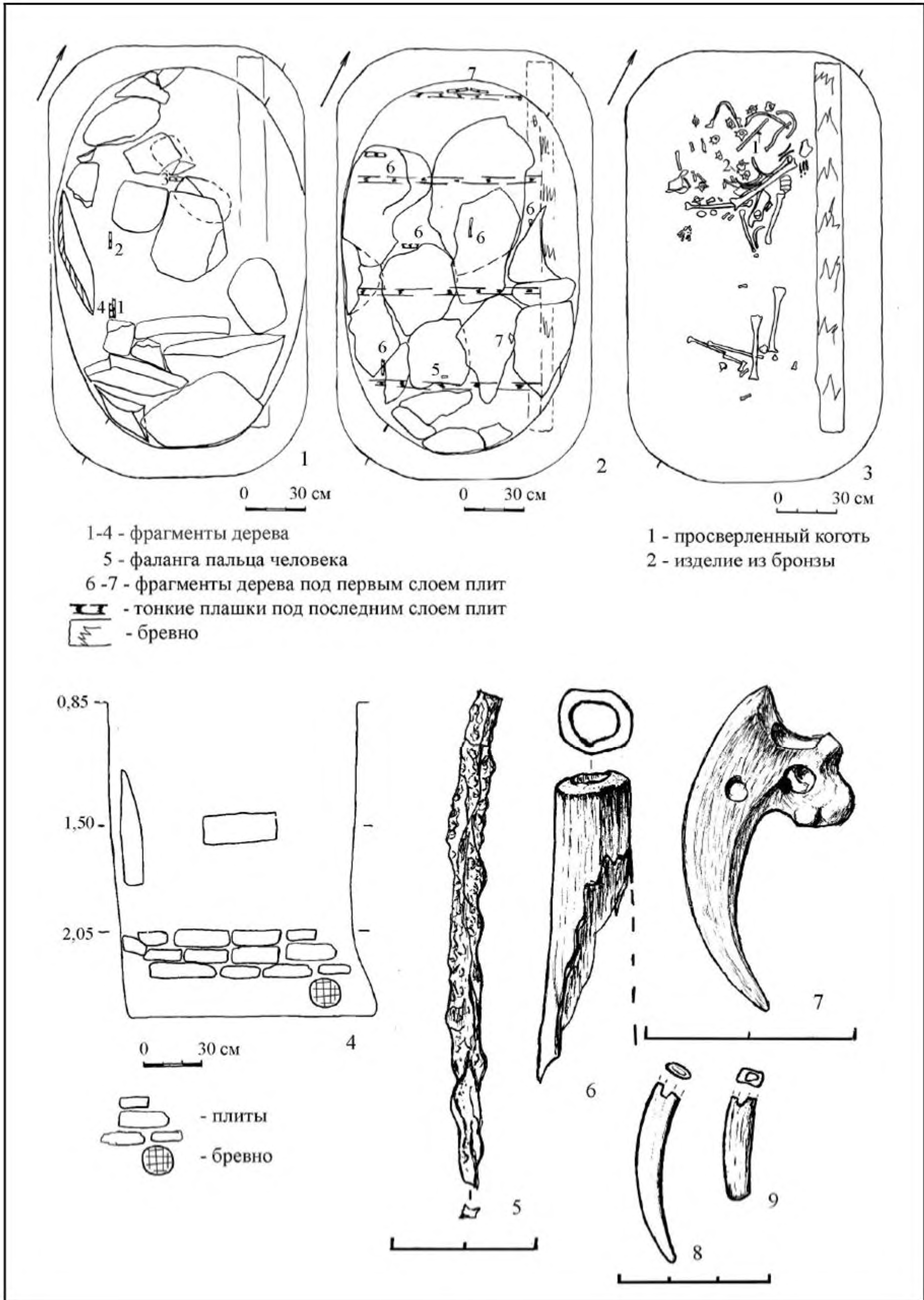

Рис. 2

Могильник Ело-2, ограда 2, могильная яма на разных уровнях и погребение (1-3), разрез могилы (4), находки над могилой (6,8,9) и из погребения (5,7).

10. Молодин, В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми / В.И. Молодин. - Новосибирск, 2001. - Т.1. - 127 с.
11. Погожева, А.П. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая / А.П. Погожева, М.П. Рыкун, Н.Ф. Степанова, С.С. Тур. - Барнаул, 2006. - Ч.1. - 233 с.
12. Посредников, В.А. Отчет о полевых исследованиях Горно-Алтайской археологической экспедиции Алтайского университета в 1977 г. Архив Музея археологии Алтая АлтГУ / В.А. Посредников. - Барнаул, 1977.
13. Посредников, В.А. К археологической карте Алтая / В.А. Посредников // Древняя история Алтая. - Барнаул, 1980. - С.25-37.
14. Посредников, В.А. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин I / В.А. Посредников, С.В. Цыб // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. - Барнаул, 1992. - С.4-10, 156-160.
15. Степанова, Н.Ф. К вопросу об эпохе бронзы Горного Алтая / Н.Ф. Степанова // Актуальные проблемы сибирской археологии. Тезисы докладов к конференции. - Барнаул, 1996. - С.53-54.
16. Степанова, Н.Ф. Погребения в каменных ящиках и их датировка / Н.Ф. Степанова // Погребальный обряд древних племен Алтая. - Барнаул, 1996. - С.54-69.
17. Степанова, Н.Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая / Н.Ф. Степанова // Западная и Южная Сибирь в древности. - Барнаул, 2005. - С.121-125.
18. Степанова, Н.Ф. Афанасьевская культура и древнеямная КИО: сходство и различие / Н.Ф. Степанова // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т.1. - М., 2008. - С.351-354.
19. Степанова, Н.Ф. Афанасьевская культура: особенности погребального обряда памятников Горного Алтая и Среднего Енисея / Н.Ф. Степанова // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. - Барнаул, 2008. - С.89-92.
20. Степанова, Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае / Н.Ф. Степанова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Изд-во ИАЭТ СО РАН. - Новосибирск, 2009. - Т.XV. - С.391-395.
21. Хлобыстина, М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая / М.Д. Хлобыстина // СА. – 1975 - № 1. - С.17-33.
22. Шульга, П.И. Курган каракобинского типа на р.Урсул / П.И. Шульга // Актуальные вопросы истории Сибири. - Барнаул, 1998. - С.272-279.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В.
(г. Донецк, Украина)

ПСАЛИИ, «ЗАБЫТЫЕ» В ОСТАВЛЕННОМ ДОМЕ
(по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы)

Последняя четверть прошлого и первое десятилетие нынешнего столетий были ознаменованы мощным прорывом в изучении псалиев степных и лесостепных племен эпохи бронзы Евразии. Результатом возрастания интереса к данным изделиям стало появление большого числа работ как публикационного, так и аналитического характера (историографию см.: Усачук А.Н., 2008). Их авторы затрагивали самые разнообразные аспекты связанной с псалиями проблематики. В частности, они занимались построением *типологии* данных изделий (например: Чередниченко Н.Н., 1975, с.79-80; Oancea A., 1976, р.59-75; Кузьмина Е.Е., 1980, с.8-16; 1994, с.171-189; Зданович Г.Б., 1985, с.112; Гончарова Ю.В., 1996, с.34-43; 1999, с.336-349; Penner S., 1998; Пеннер С., 2004, с.82-91; Teufer M., 1999, s.84-99), выяснением их *хронологии* (например: Кузьмина Е.Е., 1980, с.15-16; 1994, с.176-181,183; Пыслару И., 2000, с.334-343; Зданович Г.Б., 1985, с.118; Ромашко В.А., 1985, с.94-97; 1995; Гершкович Я.П., 1986, с.34-35; Ситников С.М., 2004а, с.139-140; 2004б, с.28-29; Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2007, с.92), изучением *технологии изготовления* данных изделий (например: Пыслару И., 2000, с.333-334; Ситников С.М., 2004а, с.141-142; 2004б, с.29; Усачук А.М., 2007; Усачук А.Н., 2008, с.221-222), реконструкцией *конской узды* (например: Смирнов К.Ф., 1961, с.50-51,61-66; Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998, с.23-31; Горбов В.Н., Усачук А.Н., 1999, с.78-85; Епимахов А.В., Чечушков И.В., 2004; 2006, с.183-184; Литвиненко Р.А., 2004, с.263-267; Чечушков И.В., 2001а, с.31-32; 2001б, с.225-228; 2007, с.421-428; Brownrigg G., 2004, s.481-490; 2006, р.165-171). Псалии использовались как источник для выяснения *хронологии отдельных памятников, их горизонтов, культур* (например: Шаповалов Т.А., 1976, с.170; Березанская С.С., 1990, с.107; Гершкович Я.П., 1993, с.12; Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1991, с.8-10; Горбов В.Н., 1996, с.67-68), *хронологического соотношения культур* (например: Беседин В.И., 1998, с.13-16; Цимиданов В.В., 2005, с.71-73), изучения *культурогенеза* (например: Гончарова Ю.В., 1999, с.344-346), *культурных связей, влияний* (например: Кузьмина Е.Е., 1980, с.16-18; 1994, с.186; Гершкович Я.П., 1986, с.33-34; Voroffka N., 1998, s.114-116; Кислий О.Є., 2006, с.30-31; Усачук А.М., 2007, с.16-17), *миграций* (например: Пеннер С., 2004, с.89; Матвеев Ю.П., 2005, с.9-11; Кузьмина Е.Е., 2008, с.135-136). На находки псалиев исследователи ссылались, доказывая *использование лошади в качестве транспортного животного* (например: Чередниченко Н.Н., 1975, с.79-80; Зданович Г.Б., 1985, с.117). На их основе изучалось *распространение колесниц* (например: Кузьмина Е.Е., 1980, с.18; 1994, с.171-194; Зданович Г.Б., 1985, с.117; Новоженев В.А., 1994, с.167-180; Чемякин Ю.П., Епимахов А.В., 2004, с.107, 109; 2006, с.173-179; Черленок Е.А., 2001, с.22-29; Отрощенко В.В., 2005, с.240-241; Литвиненко Р.О., 2005). Погребения с псалиями использовались для рассмотрения *социальной структуры древних обществ* (например: Зданович Д.Г., 1997, с.57-60; Гончарова Ю.В., 1999, с.344-346; Дремов И.И., 2003, с.78-80; Ткачев В.В., 2003, с.84-85; Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2007, с.92). *Орнамент псалиев* изредка привлекал внимание не только с точки зрения изучения *культурных влияний*, но и в связи с выяснением его *генезиса* (Беседин В.И., 1996; 1999), *технологии нанесения* (Усачук А.Н., 2000, с.130-132; 2001, с.116), *расшифровки символики* (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 2001, с.56, 58-59).

Вместе с тем, одно из возможных направлений осмысления псалиев привлекало мало внимания. Это – изучение их роли в культовой практике населения бронзового века, реконструкция связанных с ними представлений. Здесь еще относительно «повезло» псалиям из погребений. В работах многих авторов они рассматривались как знак принадлежности умершего к социальной верхушке общества, «воинам-колесничим» и т.п. (например: Пряхин А.Д., 2000, с.85; Ткачев В.В., 2003, с.85), атрибут обрядов перехода из мира живых в мир мертвых (Ткачев В.В., 2003, с.85), символ колесницы (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 2001, с.58-59; Матвеев Ю.П., 2005, с.5), связывались с культом коня и

колесницы (Ткачев В.В., 2003, с.85), солнца (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1999, с.97-98; 2001, с.56, 58; Дремов И.И., 2003, с. 80).

Псалии, выявленные на поселениях, как правило, служили лишь источником для хронологических построений и изучения технологии. Внимание на «текстах», в состав которых они входили, почти никогда не заострялось. Более того, авторы многих публикаций даже не уточняли, в каком контексте найден псалий, считая, что достаточно связать его со слоем той или иной культуры. Вероятно, эти исследователи исходили из до сих пор сохранившейся точки зрения, согласно которой поселенческие артефакты – почти сплошь утерянные или выброшенные за ненадобностью вещи (например: Матвеев А.В., Сидоров Е.А., 1985, с.51; Матвеев А.В., 1993, с.74; Чемякин Ю.П., Епимахов А.В., 2004, с.109).

В предлагаемой работе мы решили попытаться несколько восполнить отмеченный пробел и, что еще более важно, привлечь внимание к данному аспекту изучения псалиев. Хронологические рамки работы – от синташтинского времени до конца бронзового века. Мы абстрагируемся от изделий эпохи энеолита и ранней бронзы, которые некоторые исследователи трактуют как псалии (например: Кожин П.М., 1970, с.189-193; Телегин Д.Я., 1973, с.137; Мунчаев Р.М., 1973; Даниленко В.Н., 1974, с. 96-97; Черняков И.Т., Шмаглей Н.М., 1983, с.45-53; Зайберт В.Ф., 1993, с.196-210), поскольку их принадлежность к деталям конской узды недостаточно аргументирована (Трифонов В.А., 1987, с.22-23, 26; Кузьмина Е.Е., 1997, с.42; Трифонов В.А., Избицер Е.В., 1997, с.26-28; Усачук А.Н., 2008, с.221). Территориальные рамки работы – степь и лесостепь Евразии от Алтая на востоке до Северного Причерноморья на западе.

Как отмечено выше, в имеющихся публикациях материалов поселений не всегда уточняется, в каком контексте найдены псалии. В итоге за рамками предлагаемого исследования оказалось немало рассматриваемых артефактов. Тем не менее, во многих работах интересующая нас информация содержится. Попытаемся ее обобщить. Сначала остановимся на находках с территории **Южного Урала, Центральной Азии и Сибири**.

Пожалуй, самый яркий из известных нам поселенческих комплексов с псалиями был выявлен на поселении **Токсанбай**, Казахстан. Данный памятник датируется *синташтинским временем*, но культурная принадлежность его не вполне ясна. Он представляет собой расположенную на мысу крепость-убежище с постройками, тяготевшими к краям мыса. В юго-восточной части памятника было исследовано жилище с ярко выраженными следами обрядовых действий. Данные следы концентрировались в северной части постройки. Здесь между двумя жертвенниками, включавшими кости животных и другие предметы, размещалось скопление артефактов, ограниченное с севера стенкой постройки, а с юга – рядом из 5 столбовых ямок. Среди найденных в скоплении предметов – сосуд, фрагменты керамики, изделия из кости и кремня, каменный шар, абразив, остатки деревянной чаши (?) с металлической оковкой, кости животных, остатки горелых веток и наконец – 2 лежащих один близ другого псалия со следами сработанности, находившихся в слое горелой органики (кожи?). При этом на самих псалиях следов горения не было (Самашев З.С., Ермолаева А.С., Лошакова Т.Н., 2007, с.88, 90-91). Псалии относятся к щитковым со смешанной системой шипов: на одном экземпляре – монолитные плюс вставные, на другом – только вставные. В целом, токсанбайская пара очень близка тем псалиям, которые В.В. Цимиданов предложил выделить в «утевский тип» (подтреугольная планка и щиток, близкий в плане к эллипсу) (Цимиданов В.В., 1996, с.79), хотя и отличается тем, что щитки их – довольно узкие и сегментовидные. Присутствие токсанбайских псалиев в бесспорном культовом комплексе не оставляет сомнений в том, что они были помещены сюда преднамеренно.

Вероятно, близка по времени к псалию из Токсанбая еще одна находка – псалий с поселения *сапаллинской культуры* **Джаркутан**, Узбекистан, найденный в предбашенном помещении восточной стены храма (Аванесова Н.А., 2005, с.8). Артефакт находился в яме вместе с двумя большими сосудами (Teufer M., 1999, s.69-72). Псалий может быть отнесен к вариантам синташтинского типа подобных изделий (щиток в виде диска, монолитные шипы, небольшая слабо выделенная планка с одним отверстием).

Обстоятельства находки позволяют с большой долей вероятности трактовать комплекс с псалием как культовый.

На поселении **Петровка II**, Казахстан в полуземлянке № 1, относящейся, судя по керамике, ко времени *перехода от петровской культуры к алакульской*, в нижней части заполнения котлована были обнаружены две заготовки псалиев. Оба артефакта лежали недалеко друг от друга («в одном квадрате») (Зданович Г.Б., 1985, с.112, 115). Псалии, которые могли бы получиться из данных заготовок, относились бы к щитковым с монолитными шипами и небольшой подтреугольной планкой. Судя по размерам планки, она имела бы только одно отверстие, что, впрочем, характерно для синташтинского типа псалиев.

Заготовки являлись вполне пригодными для дальнейшего использования, а потому едва ли могли быть выброшены. Вместе с тем, они находились рядом и на одной глубине, что позволяет с достаточной долей вероятности допускать факт их преднамеренного оставления в котловане.

На этом же поселении в зольнике между жилищами № 4 и № 6 *петровской культуры* выявлена еще одна заготовка псалия (Зданович Г.Б., 1985, с.115). Эта заготовка интересна тем, что сочетает в себе черты нескольких типов псалиев. По форме щитка и монолитным шипам заготовка близка паре заготовок псалиев с этого же поселения, о которых говорилось выше. Однако, довольно длинный прямоугольный выступ подразумевает длинную и узкую планку, характерную для псалиев алакульского типа (II типа по К.Ф. Смирнову (1961, с.60-61)). Псалии алакульского типа, как правило, узкие и без шипов, тем более – монолитных. Наиболее близкая аналогия возможному псалию, который мог быть сделан из заготовки, выявленной в зольнике поселения Петровка II – щитковый псалий с длинной узкой планкой и монолитными шипами из единственного погребения кургана 14 могильника Баганаты III в Северном Казахстане (Плешаков А.А., Мартынюк О.И., Баев А.В., 2005, с.17, 41; ф.4 – 6). Однако, от всех псалиев алакульского типа возможный псалий с поселения Петровка II отличается утолщением прямоугольного выступа на высоту шипов, расположенных на щитке заготовки (Зданович Г.Б., 1985, с.111; рис.1 – 6). Скорее всего, мастер собирался сделать еще один шип (пятый) на длинной планке. Этим признаком возможный псалий был бы близок морфологически иному, но тоже с длинной узкой планкой щитковому псалию с поселения Новоникольское I (Зданович Г.Б., 1985, с.113, рис.2 – 8).

Возвращаясь к факту находки заготовки в зольнике между жилищами, заметим, что мы вновь сталкиваемся с предметом, который вряд ли мог быть выброшен за ненадобностью. Кроме того, следует учитывать знаковую нагрузку зольников, на чем мы остановимся ниже.

На укрепленном поселении **Куйсак**, Челябинская обл., Россия в жилище 2, относящемся, согласно авторам публикации, к рубежу *«синташтинско-аркаимского» и «срубно-алакульского» времени*, у северной стены постройки практически на полу обнаружена заготовка псалия (Малютина Т.С., Усачук А.Н., 2004, с.111-114). Псалий может быть отнесен к щитковым синташтинского типа.

Учитывая размещение заготовки на полу и, к тому же, у северной стенки, как и в Токсанбае, мы считаем, что вполне уместно трактовать находку как намеренно уложенную на пол постройки. Стоит обратить внимание на то, что жилище своей северной стенкой примыкало к оборонительной стене, за которой находился ров (Малютина Т.С., Усачук А.Н., 2004, рис.1). Добавим, что на том же участке, где была найдена заготовка псалия, обнаружена и заготовка наконечника стрелы из компакты трубчатой кости крупного копытного (трасологическая обработка обеих заготовок проведена А.Н. Усачуком 3 сентября 1999 г. в археологической лаборатории ЧелГУ).

На поселении *алакульской культуры* **Конезавод 1**, Казахстан в жилище 1 были выявлены два фрагмента, вероятно, одного и того же псалия, причем они располагались у противоположных (северо-восточной и юго-западной стенок) постройки, в ее заполнении (Логвин А.В., 1998, с.30) (любезная информация И.В. Шевниной). Псалий сильно разрушен, но относится, скорее всего, к щитковым безшипным (возможно, II типа, по К.Ф. Смирнову). Интересно, что из котлована, помимо предметов, которые можно было бы трактовать как бытовой мусор (фрагменты керамики, кости животных и т.д.), происходят бронзовые браслет и нож (Шевнина И.В., 2002, с.48). Это позволяет допускать, что после прекращения функционирования жилища в котловане совершались какие-то

неутилитарные действия. В свете отмеченного нельзя исключать того, что и присутствие здесь фрагментов псалиев является результатом ритуальных манипуляций.

На поселении **Мирный IV**, Челябинская обл., Россия, в основании расположенного близ жилища зольника *алакульской культуры* был обнаружен псалий, который имеет незначительные следы эксплуатации (Чемякин Ю.П., Епимахов А.В., 2004, с.106-107). Он относится к щитковым, но настолько своеобразен, что вполне может быть промежуточной формой между щитковыми и желобчатыми, как об этом пишет Е.Е. Кузьмина (1980, с.16).

В данном случае мы видим повторении ситуации, которая имела место на поселении Петровка II: псалий происходит из зольника, находившегося рядом с жилищем. Отсюда, на наш взгляд, правомерно допустить, что рассматриваемый предмет был помещен в зольник целенаправленно. Несмотря на поломку бокового отверстия, столь изящная и трудоемкая по изготовлению вещь едва ли могла быть выброшена.

На дне «ямы-хранилища» в жилище 8, относящемся к т.н. «*нуринскому*» горизонту поселения **Икпень I**, Казахстан был выявлен желобчатый псалий (Ткачев А.А., 2002, с.29).

На эталонном поселении *саргаринско-алексеевской (алексеевской по Е.Е. Кузьминой (2008, с.206-207)) культуры Алексеевское*, Казахстан в землянке 8, в мощном слое золы, выявлены среди других артефактов фрагмент псалия, поврежденный костяной «молоточек», два костяных наконечника стрел, шлак, куски медной руды, бронзовый кельт и бронзовый нож с кольцевым упором (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.86, 87, 93, 108, 124; рис.20 – 1, 2; 22 – 2, 3; 49 – 1, 2). К сожалению, землянка 8 была исследована лишь частично (в раскоп попал только ее южный край (Кривцова-Гракова О.А., 1948, табл.II). Обратим внимание, на то, что О.А. Кривцова-Гракова восприняла фрагмент псалия как обломок пронизи, который «представляет собою примитивно вырезанную конскую голову с чолкой и гривой...» (Кривцова-Гракова О.А., 1948, с.125).

На поселении этой же культуры **Гусиная Ляга-1**, Алтайский край, Россия псалий был обнаружен на дне жилища 1. Интересной особенностью артефакта является то, что в процессе эксплуатации часть изделия отломалась, но псалий был починен: вместо утраченного отверстия был сделан желобок (Ситников С.М., 2004а, с.139; 2004б, с.28). Псалий относится к стержневидным с равными по величине отверстиями в одной плоскости и дополнительными маленькими отверстиями в другой плоскости.

Псалий (также фрагментированный) найден на дне жилища 2 поселения *саргаринско-алексеевской культуры Чекановский Лог-1*, Алтайский край, Россия (Ситников С.М., 2004а, с.139; 2004б, с.28). Он относится к стержневидным с равными по величине отверстиями в одной плоскости.

На поселении **Атасу I**, Казахстан, относящемся к *бегазы-дандыбаевской культуре*, в жилище 4, где, судя по находкам орудий для переработки руды, медных шлаков, слитков, фрагментов тиглей, льячек, и литейных форм, производилась выплавка меди, был обнаружен псалий, относящийся к стержневидным (изогнутая форма стержня отражает, скорее всего, местную специфику изготовления подобных псалиев). Другие находки из постройки – астрагалы, пряслице, каменные «лощила», костяные проколки, тупик, фрагменты керамики, кости животных, большое число галек яйцевидной формы и т.д. (Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М., 1966, табл. XXIV – 7; Маргулан А.Х., 1998, с.235, 236, 241). В доступных нам публикациях, к сожалению, нет информации о том, где в пределах жилища находился упомянутый псалий, а потому вероятность его преднамеренного оставления в постройке является меньшей, чем в случаях, описанных выше. Тем не менее, совсем отбрасывать ее не стоит.

На поселении *ирменской культуры Ирмень 1*, Новосибирская обл., Россия в илистых отложениях т.н. «ложбинки», пересекающей памятник, выявлен стержневидный псалий с обломанным концом. Другие находки из этих отложений: 25 черепов животных (13 коровьих, 10 овечьих, 1 лошадиный, 1 собачий), керамика, бронзовые нож, шило, долото, пластинка, более 60 костяных проколов и шильев, 33 тупика, костяные долотовидные орудия, 4 астрагала со сточенными сторонами, роговая подвеска, два незаконченных костяных наконечника стрел, костяная трубка, костяная булава, обломки двух керамических форм, одна из которых относится к двухстворчатой для отливки ножа, семь керамических кружков и прочее (Матвеев А.В., 1993, с.39-42). По мнению А.В. Матвеева, в «ложбинку» выбрасывались «поломанные или ненужные вещи» (Матвеев

А.В., 1993, с.41). Но, на наш взгляд, учитывая присутствие в отложениях целых черепов животных (в том числе «в двух местах ... по четыре черепа» (Матвеев А.В., 1993, с.41)) и металлоемких изделий, нельзя исключать того, что в данном случае мы сталкиваемся с определенной культовой практикой.

На памятнике *карасукской культуры Торгажак*, республика Хакасия, Россия в четырех жилищах (№№ 3, 4, 5, 7) из семи исследованных найдено пять экземпляров стержневидных трехдырчатых псалиев, различающихся по характеру оформления и расположения отверстий. При этом в жилище 7 их выявлено два экземпляра (Савинов Д.Г., 1996, с.25-26; рис.3 – 1-5). Среди находок из этой же постройки, по мнению автора работы, возможно, присутствует заготовка еще одного псалия (Савинов Д.Г., 1996, с.101; табл.ХIII – 4). В публикации не приведены данные о точном месторасположении псалиев в пределах раскопанных котлованов, но автор указывает, что «абсолютное большинство» предметов (и, надо полагать, псалиев – В.П., А.У., В.Ц.) «найденно внутри жилищ на уровне пола, больше около стенок в угловых частях котлованов» (Савинов Д.Г., 1996, с.23). Поскольку рассматриваемые изделия обнаружены в большинстве исследованных построек, можно допускать, что присутствие там псалиев не является случайным. Стоит обратить внимание и на то, что все торгожакские псалии были, как отметил автор, сломаны или сильно изношены, а экземпляр из жилища 4 демонстрирует следы ремонта (Савинов Д.Г., 1996, с.26; рис.3 – 4). Последний нюанс свидетельствует в пользу довольно бережного отношения к этому предмету конской упряжи.

Опираясь на иллюстративный материал, содержащийся в публикации Д.Г. Савинова, можно определить, с какими предметами встречались псалии в пределах построек. Показательно, что в каждом из котлованов, где найдены псалии, присутствовали вещи, которые едва ли могли быть выброшены (изделия из металла, орнаментированные костяные стрелы) или являлись культовыми. Например, в жилище 3 обнаружены бронзовое шило (табл.ХI – 22), каменная плитка с изображением лошади (с.30; рис.6 – 2), орнаментированные гальки (табл.ХХVI – 1; ХХIX – 3). В жилище 4 выявлены бронзовые пронизь, «накладка» и шило (табл.ХI – 6, 9, 16), каменные «фаллические предметы» (табл.ХVI – 2, 3), орнаментированные гальки (табл.ХХIII – 6, 7 и др.). В постройке 5 найдены бронзовое шило, бляшка, «накладки» (табл.ХI – 3, 5, 10, 11, 20), костяная орнаментированная стрела (рис.2 – 3), каменные «пестикообразные и фаллические предметы» (табл.ХVI – 5, 9, 11), орнаментированные гальки (табл.ХХ – 5, 6 и др.). В жилище 7 обнаружены бронзовые «накладка», лезвие ножа (табл.ХI – 4, 18), 2 костяные орнаментированные стрелы (рис. 2 – 5, 7), каменные «пестикообразные и фаллические предметы» (табл.ХVI – 7, 8, 14), орнаментированные гальки (табл.ХХ – 1-3 и др.). Отмеченное позволяет предполагать, что многие артефакты, происходящие из жилищ, включая псалии, были преднамеренно оставлены в котлованах в процессе неутилитарных действий.

Теперь перейдем к материалам **Восточной Европы**.

К числу наиболее ранних находок интересующих нас изделий относится псалий из наземного помещения 6 поселения **Каменка**, Крым, Украина (Рыбалова В.Д., 1974, с.22). Псалий щитковый с монолитными шипами.

Данный комплекс относится, по мнению С.Н. Братченко, к *каменско-ливенцовской группе* (Братченко С.Н., 1985, с.461-462), т.е. к предсрубному времени. А.Е. Кислый включил поселение в круг приморских памятников *каменской культуры* Восточного Крыма первой половины II тыс. до н.э. (Кислый О.Е., 2006, с.21-34). К сожалению, в имеющихся публикациях недостаточно информации для выяснения локализации рассматриваемого изделия, а потому связь его с культовой практикой остается под вопросом.

Столь же сложно дать оценку и еще одной любопытной находке того же времени – вставному шипу от щиткового псалия, выявленному в жилище I поселения **Ильичевка**, Донецкая обл., Украина. Данная постройка относится к *«многоваликово-абашевскому» горизонту* (Литвиненко Р.О., 2005, с.40). Артефакт находился в золистом слое придонной части заполнения котлована жилища 1 (любезная информация Т.А. Шаповалова). Глубина котлована 1,0-1,3 м (Шаповалов Т.А., 1976, с.153). Шип от псалия найден, судя по шифру, при разборке слоя на глубине 1,0-1,2 м. Артефакт является сильно обгоревший (Усачук А.М., 2005, с.83).

В углу *раннесрубного* жилища I поселения **Аитово**, Башкортостан, Россия были обнаружены две заготовки желобчатых псалиев, лежавших одна на другой (любезная информация Ю.А. Морозова). Расположение артефактов в паре, а также их локализация в углу жилища (ср. Мимоход Р.А., 1996, с.27-33; 2001, с.101) позволяют уверенно рассматривать их попадание в котлован как результат преднамеренного неутилитарного акта.

На поселении **Тюбяк**, Башкортостан, Россия в заполнении *раннесрубной* постройки 8 – на 25-30 см выше дна котлована в его центральной части обнаружен фрагментированный псалий. Авторы публикации отмечают, что постройка была связана с металлургическим производством, о чем свидетельствуют находки плавильных чаш, шлака, шлаковых лепешек и кусочков медной руды (Обыденнов М.Ф., Горбунов В.С., Муравкина Л.И., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н., 2001, с.125, 126). В данном случае нельзя исключать возможности того, что интересующий нас артефакт был попросту выброшен после поломки. Вместе с тем, приуроченность находки к заполнению котлована жилища, что, как мы увидим ниже, имело место и на других поселениях, позволяет допускать неслучайное попадание рассматриваемого изделия в засыпку прекратившей функционировать постройки. Псалий относится к желобчатым.

Несколько более поздними являются два псалия со *срубного* поселения **Казангулово I**, Башкортостан, Россия. Псалии найдены в нижней части зольника, находившегося между двумя постройками. Изделия располагались в 5 см друг от друга (Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., 1975, с.255). Итак, перед нами – знакомый контекст: псалии в зольнике. Их размещение в паре и отсутствие на артефактах следов явных повреждений не оставляет сомнений в том, что перед нами – культовый комплекс. Псалии относятся к щитковым бесшипным с боковыми отверстиями.

На **Комаровском** поселении, Самарская обл., Россия в северной части наземного жилища *срубной культуры*, слева от входа (вероятно, на полу) обнаружена серия артефактов, среди которых – псалий, 2 костяных гарпуна, бронзовые втульчатый крюк, тесло, «косторезный инструмент», обломки человеческих костей, кусочки охры и мергеля (Алихова А.Е., 1958, с.159). Псалий относится к желобчатым.

Сочетание псалия в одном «тексте» с металлоемкими изделиями и, особенно, человеческими костями, позволяет допускать, что в данном случае мы сталкиваемся со следами какой-то неутилитарной деятельности.

Серия псалиев происходит с поселения *срубной культуры* **Капитаново-1**, Луганская обл., Украина. В частности, в заполнении постройки 3, датируемом, как и сама постройка, *раннесрубным временем*, были обнаружены два псалия (один из них – в «хозяйственной яме») (Чередниченко Н.Н., 1968, с.102-103; 1970, с.233; Бровендер Ю.М., 2000, с.173; 2007, табл.1). Здесь следует сделать одно уточнение. Данная постройка частично попала в раскоп Н.Н. Чередниченко 1967 г. В раскопе оказались «хозяйственные ямы», в т.ч. и та, где был один из упомянутых псалиев. Исследователь счел, что ямы находятся за пределами жилища (Чередниченко Н.Н., 1968, с.102-103; 1970, с.233-234). Много позже Ю.М. Бровендер вскрыл постройку полностью и пришел к выводу, что ямы на самом деле были в жилище (Бровендер Ю.М., 2000, рис.1; с.173). Среди других находок из данной постройки – фрагменты керамических литейных форм, костяной наконечник стрелы, бронзовый нож (Чередниченко Н.Н., 1968, с.102-103; 1970, с.233 ; Бровендер Ю.М., 2000, с.173; 2007, табл.1). Оба псалия относятся к желобчатым.

В постройке 2, датируемой *раннесрубным временем*, но более поздней, чем постройка 3, также был выявлен псалий. Здесь же присутствовали слиток меди и фрагмент керамической литейной формы (Бровендер Ю.М., 2007, табл.1). Псалий фрагментирован. Он относится к синкретической форме: по сырью и технике изготовления он желобчатый, а по наличию пусть и узкого, но щитка – щитковый (Горбов В.Н., 1996, с.67; Горбов В.Н., Усачук А.Н., 1999, с.80; Бровендер Ю.М., 2007, с.231).

Еще один фрагментированный псалий был найден в постройке 18/20, по времени близкой постройке 2. Из других находок, выявленных в данной постройке, стоит отметить фрагменты литейных форм (Бровендер Ю.М., 2007, табл.1). Псалий может быть отнесен, как и предыдущий, к синкретической форме: по сырью (одинарная пластина рога оленей)

– псалий явно щитковый (ср. Усачук А.М., 2007, с.8; Усачук А.Н., 2009, с.496), а по форме щитка и приемам изготовления – практически желобчатый.

В *раннесрубной* постройке 2 поселения **Червонэ Озеро-3**, Луганская обл., Украина, были найдены заготовка псалия, 11 литейных форм и другие орудия металлопроизводства (Бровендер Ю.М., 2007, табл.1; 2010, с.214-215). Псалий относится к желобчатым.

На поселении **Усово Озеро**, Донецкая обл., Украина в *раннесрубном* жилище 1 в т.н. «очаге 3» (располагался в северо-западной части котлована близ входа) и рядом с ним была выявлена большая серия артефактов: фрагмент псалия, бронзовый нож, матрица для отливки ножа и тесла и фрагменты еще нескольких матриц, обух каменного проушного топора, каменные отбойники, растиральники, абразивы, кремневый серп, фрагменты керамики, кальцинированные кости, обожженные камни, кусочки шлаков (Березанская С.С., 1990, с.18). Псалий относится к щитковым, но, как и в случае с материалами из Капитаново-1, щиток уже настолько стал узким, что фрагмент псалия стал восприниматься как желобчатый. Недаром С.С. Березанская писала, что «по периодизации К.Ф. Смирнова, псалий относится к первому типу...» (Березанская С.С., 1990, с.106) (к I типу К.Ф. Смирнов как раз и относит известные на начало 60-х гг. прошлого века желобчатые псалии (Смирнов К.Ф., 1961, с.47-50)). Интересно, что на псалии, как и на упоминавшемся уже изделии из постройки 18/20 поселения Капитаново I, имеются следы ремонта (Березанская С.С., 1990, с.51). Этот момент свидетельствует о том, что в рассматриваемую эпоху псалии береглись и порой даже после повреждений не выбрасывались (псалии со следами ремонта встречаются в погребальных и на поселенческих памятниках различных регионов на протяжении всей эпохи бронзы).

Близ котлована постройки *раннесрубного времени*, исследованной на поселении **Безыменное I**, Донецкая обл., Украина был обнаружен фрагмент желобчатого псалия, который, скорее всего, имел довольно узкий щиток (Горбов В.Н., 1996, с.67, 68, рис.1 – 1). В таком случае, сочетанием особенностей щитковых и желобчатых псалиев безыменский экземпляр весьма близок упомянутому выше псалию из постройки 18/20 поселения Капитаново I.

На поселении **Поляны I**, Харьковская обл., Украина бесшипный щитковый псалий со сложной треугольной планкой находился в нижней части *позднесрубного* зольника (Радзієвська В.Є., Шрамко Б.А., 1980, с.107, 108).

На упоминавшемся выше поселении **Ильичевка** в заполнении жилища 5 (по Т.А. Шаповалову) выявлены два псалия, относящиеся к выделяемому автором раскопок // *сабатиновскому горизонту срубной культуры* (Шаповалов Т.А., 1976, с.164-165). Оба предмета находились рядом в северной части котлована на, примерно, 40 см выше дна. На этом же уровне в 1 м к северо-западу было скопление кусков железной руды (Шаповалов Т.А., 1971, рис.4). Псалии фрагментированы (сломались по просверленному отверстию). Они относятся к стержневидным с разновеликими отверстиями в двух плоскостях.

Жилище 5 датируется *раннесрубным* временем (Шаповалов Т.А., 1976, с.154). Присутствие в его заполнении интересующих нас хронологически более поздних изделий связано с тем, что в *позднесрубное* время котлован жилища 5 был почти полностью перекрыт жилищем 11 (Шаповалов Т.А., 1976, рис.1). Ситуация с уровнями дна жилищ 5 и 11 разбиралась в связи с находкой на полу или в заполнении жилища 5 уникального костяного шпателя с изображениями птиц (Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., 2006, с.256). Сопоставляя данные отчетов и учитывая то, что оба псалия найдены на, примерно, 0,4 м выше дна жилища 5, можно с достаточной долей уверенности говорить о том, что псалии находились на уровне пола жилища 11. Они лежали рядом, что позволяет констатировать их преднамеренное оставление в котловане после прекращения функционирования жилища.

Несколько иным являлся контекст, в котором находился фрагментированный роговой стержневидный псалий, обнаруженный на *позднесрубном* поселении **Провалье**, Луганская обл., Украина (Дубовская О.Р., 1978, с.94-96). Судя по архивным данным, хранящимся в своде псалиев одного из авторов (А.Н. Усачука), побывавшее в огне изделие выявлено на глубине 0,35 м в жилище 1, глубина которого – 0,7 м, то есть артефакт, скорее всего, попал в котлован заброшенного жилища в процессе его

заполнения культурными остатками. Среди других находок из жилища 1 отметим абразив, костяные орудия труда, в т.ч. тупик, глиняное пряслице, кремневые отщепы и орнаментированную литейную форму для производства серпов. Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с набором артефактов, находящим аналогии в материалах поселения Капитаново-1, о котором говорилось выше.

В связи с обстоятельствами находки псалия из Провалья уместно вспомнить тождественную ситуацию, зафиксированную на **Шиловском** поселении, Воронежская обл., Россия. Здесь в заполнении котлована абашевской постройки был выявлен фрагмент желобчатого псалия, относящегося к *позднесрубному времени* (Екимов Ю.Г., Пряхин А.А., 1979, с.83). Очевидно, артефакт оказался в котловане вследствие того, что последний каким-то образом использовался носителями срубной культуры.

Серия псалиев выявлена в зольниках культуры *Ноа (Ноуа)*. В частности, в зольнике 1 поселения **Островец**, Ивано-Франковская обл., Украина найден псалий из рога оленя (Балагурі Е.А., 1968, с.144). Он может быть отнесен к типу Борияш (Смирнова Г.И., 1969, с.34). Другие находки из зольника представлены глиняной льячкой, каменными растиральниками со следами меди, слитком и корольками бронзы, кусками ошлакованной глины, костяными «булавками», фрагментами сосудов, костями животных, углями, кусочками металлургических шлаков и т.д. (Балагурі Е.А., 1968, с.135-136,144).

На поселении **Магала**, Черновицкая обл., Украина относящемся к той же культуре, в зольнике 3 был найден расколотый пополам и обломанный с одного конца костяной псалий типа Борияш (Смирнова Г.И., 1970, с.106; 1972, рис.7 – 9; с.21). Помимо этого, хорошо «читаемого» образца, в зольнике 3 обнаружен, возможно, еще один фрагментированный псалий (Смирнова Г.И., 1972, рис. 8 – 21; Крушельницька Л.І., 2006, рис. 49 – 25; с.122-124). Находки из зольника, сопутствовавшие псалию, относятся к горизонту *Магала Іа* (Smirnova G., 1993, s.60). Среди них – глиняные «слепки», маленькие сосудики, стоявшие вверх дном компактной группой, костяные булавки, проколки, наконечники стрел и их заготовки, тупики, «коньки», молотки, заготовки рукоятей и пряслиц (Смирнова Г.И., 1972, с.16, 21). Добавим, что ранее Г.И. Смирновой был опубликован «обломок рогового псалия», найденный в «зольниках Магалы» (Смирнова Г.И., 1969, с.14, 15; рис.7 – 1, 16).

В жилище 2 *срубного* поселения **Богуслав**, Днепропетровская обл., Украина датируемом *позднесабатиновским или раннебелозерским временем*, выявлены, помимо прочих артефактов, псалий, бронзовый кинжал и два фрагмента кремневых наконечников дротиков (Ромашко В.А., 1995, с.64-65; 1997, с.53-54). Интересно, что псалий относится к щитковым с монолитными шипами и по времени не «стыкуется» (как и фрагменты дротиков) с керамикой из котлована и кинжалом (Литвиненко Р.О., 2005, с.41-42). В данном случае мы имеем дело либо со случайностью откладывания разновременных вещей в рамках культурного слоя (Литвиненко Р.О., 2005, с.42), либо – с использованием предмета более раннего времени, а это в срубной культуре, как правило, если и имело место, то – в культовой сфере. О близкой ситуации с псалием позднебронзового времени в раннескифской среде см.: (Вальчак С.Б., Шрамко И.Б., 1996, с.149-150).

На поселении **Игрень**, Днепропетровская обл., Украина, датируемом *белозерским временем*, и относящемся, вероятно, к *срубной культуре*, в воде под размывом берега (т.е., на краю поселения) были обнаружены заготовка псалия и костяной пропеллеровидный предмет (по мнению автора публикации, – псалий), лежавшие на расстоянии 20-30 см один от другого (Ромашко В.А., 1985, с.91, 94). Первый артефакт может быть отнесен к стержневидным псалиям с отверстиями в одной плоскости. Второе изделие псалием едва ли является, но, скорее всего, так же относится к деталям конской упряжи (Вальчак С.Б., 2001, с. 30-32). Расположение находок рядом не оставляет сомнения в том, что они входили в состав одного комплекса, к сожалению, разрушенного. Обратим внимание и на то, что в этом месте не было обнаружено остатков постройки.

На укрепленном поселении *белозерской культуры* **Дикий Сад**, г. Николаев, Украина во рву, отделявшем, по мнению авторов, «citadella» от «предместья» и «посада» (раскоп № 13), было найдено несколько заготовок роговых стержневидных псалиев (в статье приведены рисунки четырех). Наряду с заготовками псалиев и скоплениями керамики, во рву выявлены импортные бронзовые нож и пуговица (Горбенко К.В., 2007, с.140; Горбенко

К.В., Гошко Т.Ю., 2010, с. 99, 105-106). К этому «выбросу» относится, скорее всего, и костяной пропеллеровидный предмет (Горбенко К.В., 2008, с.385, рис.1 – 4), подобный таким же изделиям с поселений Игрень, Фирсово-XVIII, Брилевского могильника (Вальчак С.Б., 2001, с.30-31).

На дне землянки 6 *раннечернолесской культуры Суботовского городища*, Черкасская обл., Украина, в углу между южной и восточной стенками котлована, выявлены два стержневидные псалия. На дне землянки 6 обнаружены также обломки шлифованных проушных топоров, кремневые вкладыши для серпов, обломок узкого бронзового браслета, костяной черешковый наконечник стрелы, астрагалы, костяные шилья (Граков Б.Н., Тереножкин А.И., 1958, с.169; Тереножкин А.И., 1961, с.36, 37; рис.23).

На поселении кизил-кобинской культуры **Бай-Кият**, Крым, Украина датированном *финалом эпохи поздней бронзы* (XII-XI вв. до н.э.) в хозяйственной яме одного из помещений лежали рядом два фрагментированных стержневидных псалия с разновеликими отверстиями (Колотухин В.А., 2000, с.551). Нет сомнения, что пара псалиев была преднамеренно положена в яму.

На поселении той же культуры **Фонтаны**, Крым, Украина в придонной части хозяйственной ямы 5-а, помимо фрагментов керамики, был найден трехдырчатый стержневидный орнаментированный псалий с разновеликими отверстиями в одной плоскости (Колотухин В.А., 1996, с.23, 45). Заметим, что на псалии, вместо утраченного в процессе эксплуатации отверстия, был вырезан желобок (Колотухин В.А., 1996, с.45) – ситуация точно такая же, как с ремонтом близкого фонтанскому псалия с поселения Гусиная Ляга-1, о котором мы говорили выше.

Стоит упомянуть и еще одну находку. На памятнике культуры *Кишинев-Корлатэнь Костешты VII*, Молдова в заполнении жилища и «на полу», помимо серии бронзовых предметов (фрагмент пилочки, обломки иголок, острие однолезвийного ножа), костяной проколки и других артефактов, выявлен роговой трехдырчатый псалий с обломанными концами [Дергачев В.А., 1985, с.79, 81].

В предлагаемой работе мы не ставили задачу анализировать материалы центральноевропейских культур. Но стоит отметить вкратце, что и в них имела место практика ритуальных манипуляций с псалиями. В частности, на поселении культуры *Виттенберг Оарта де Сус*, Румыния было исследовано погребение пары лошадей, на черепе одной из которых размещались два псалия. На памятнике **Коротень**, Румыния, относящемся к культуре Ноуа, в северо-восточном углу помещения, в золистом слое рядом с очагом был обнаружен фрагментированный псалий (Boroffka N., 1998, s.90). На поселении **Никулицы**, Румыния в яме с керамикой культуры *Бабадаг II* выявлены два псалия (Boroffka N., 1998, s.92). Стержневидный изогнутый псалий с разновеликими отверстиями найден в яме с керамикой на памятнике *мадьяровской культуры Велка Мана – «Гедра»*, Словакия (Тошк А., 1959, s.27, 48, tab.II – 2). Менее определенная информация связана с поселением **Кавадинешти**, Румыния. Известно, что слои этого поселения связаны с зольниками (Florescu A.C., 1991, p.44-45). Из слоя, относящегося к этапу *Ноуа II*, происходят три фрагментированных псалия (Boroffka N., 1998, s.89; Florescu A.C., 1991, p.45, 322, 323; fig.150 – 1, 2; 151 – 1). В верхнем горизонте зольника, относящегося к этапу *Ноуа II* на поселении **Трушешти**, Румыния найдена заготовка псалия (Florescu A.C., 1991, p.135, 324; fig.152 – 2). Н. Боровка высказал сомнения по поводу принадлежности заготовки к псалиям (Boroffka N., 1998, s.94), однако В.Б. Панковский, хоть и с некоторыми оговорками, включил эту заготовку в своеобразную группу псалиев Трушешти-Кент, опираясь на выводы В.С. Бочкарева, считающего псалии типа Кента и Мыржика реминисценциями щитковых бесшипных (Панковский В.Б., 2004, с.115-123).

Суммируя приведенную выше информацию, отметим следующее:

1. На огромной территории от Алтая до Балкан и на протяжении длительного времени – от синташтинской эпохи до конца бронзового века в различных культурах имела место практика использования псалиев в ритуалах, совершавшихся на поселениях;

2. В результате данных ритуалов псалии чаще всего оказывались в прекративших свое функционирование постройках. В частности, из 45 учтенных в данной статье случаев обнаружения псалиев на поселениях (в расчет не брались находки из Кавадинешти, контекст которых не ясен) в 32 – псалии выявлены именно в постройках. При этом в, по

меньшей мере, 10 случаях они лежали на полу (к сожалению, относительно большинства построек точных данных о локализации интересующих нас изделий нет). Таким образом, оставление псалиев на полах построек было явлением довольно распространенным, причем, – и во времени, и в пространстве. В этих случаях рассматриваемые артефакты, вероятно, могут быть трактованы как жертвы оставления построек (о данной практике см.: Горбов В.Н., Мимоход Р.А., 1999, с.22-26,27-28; Мимоход Р.А., 2001, с.98-99; Гершкович Я.П., 2003, с.28-30; Ерхова Д.В., 2004, с.166).

3. В некоторых постройках псалии выявлены у стен. Это имело место в, по меньшей мере, 4 случаях. К ним можно предположительно добавить еще 1, где псалий найден у края котлована, но не внутри жилища, а вне его. Кроме того, псалии обнаруживаются на краю поселений, иногда – в оборонительных рвах. Показательно и размещение ямы с псалием у стены храма в Джаркутане. Данные места (и околица поселения, и стена храма, и стена жилища), имели, судя по этнографическим данным по самым разным народам, повышенный семиотический статус в силу своего расположения на границах, отделявших обжитое (или сакральное) пространство от внешнего, враждебного мира, ассоциировавшегося с миром мертвых. Предметы, тяготевшие к этим границам, вероятно, были наделены медиативной функцией маркировки внутреннего и внешнего миров – блокировали или, напротив, соединяли их (Новикова О.И., 2008, с.434). Не лишне в данной связи вспомнить и случаи обнаружения псалиев и блях-распределителей ремней узды на перекрытиях захоронений (Илекшар I, 6/3; Каменный Амбар-5, 2/6; Золотая Нива-I, 2/2; Иловатка, 3/2; Старицкое; Селезни-2, 1/3) или в засыпке могил (Синташта, СI/9; Кривое Озеро, 1/2; Красноселка, одиночный курган, п.1; Николаевский, 1/11; Богоявленское, п.3; Селезни, 1/2) (Ткачев В.В., 2003, с.81; Епимахов А.В., 2005, с.31; Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н., 2004, с.182-183; Смирнов К.Ф., 1957, с.216, 217; рис.4 – 1; Дремов И.И., 1991, с.102, 103; Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998, с.14; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, с.288, 289; рис.161 – 5; Виноградов Н.Б., 2003, с.44; Халяпин М.В., Порохова О.И., 2000, с.109; Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С., 2009, с.21, 57, 139; рис.13 – 5; Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1991, с.265; Моисеев Н.Б., 1998, с.17, 18; рис.7 – 3). Очевидно, здесь мы сталкиваемся все с той же медиативностью конской упряжи;

4. Псалии порой оказывались в ямах. Таких случаев нами учтено 7, причем 4 ямы находились в постройках. Не исключено, что упомянутые ямы, которые исследователи, как правило, именуют «хозяйственными», следует относить к категории т.н. «емкостных жертвенников» (Мимоход Р.А., 2000, с.87-88);

5. Псалии попадали в зольники. Нам известно 9 таких случаев (7 зольников размещались за пределами построек, 2 – в котлованах жилищ). О связи зольников с культовой практикой применительно к самым разным археологическим культурам эпохи бронзы писали многие исследователи (например: Кузьмина Е.Е., 1986, с.54; Тоцев Г.Н., Черняков И.Т., 1986; Шарафутдинова И.Н., 1986, с.92-93; Горбунов В.С., 1989, с.112; Полидович Ю.Б., 1989, с.117; Гершкович Я.П., 1993, с.5; 2004, с.104; Ромашко В.А., 1993, с.81; Изотова М.А., 1997, с.92; Горбов В.Н., Мимоход Р.А., 1999, с.26; Мыськов Е.П., Лапшин А.С., 2007, с.24-27; Корочкова О.Н., 2009, с.32-34; Горбов В.Н., Кабанова Е.В., 2010, с.89). Некоторые авторы полагают, что считать зольники исключительно культовыми объектами не вполне верно (Матвеев А.В., Сидоров Е. А., 1985, с.51-52; Войнаровский В., 2002; Гершкович Я.П., 2003, с.28-30; 2004, с.104-107). Тем не менее, большинство зольников эпохи бронзы как Азии, так и Европы демонстрирует те или иные следы культовой деятельности, а потому вполне правомерно рассматривать зольники как «сакральные свалки» (Горбов В.Н., Кабанова Е.В., 2010, с.89). Отсюда правомерно допущение, что и присутствие здесь псалиев может являться результатом каких-то ритуалов. Поскольку зольники у самых разных народов, как правило, были связаны с почитанием огня (см., например: Березанская С.С., 1982, с.171-174; Тоцев Г.Н., Черняков И.Т., 1986, с.134; Шарафутдинова И.Н., 1986, с.93; Русяева А.С., 2005, с.61), уместно предположить, что псалии тоже каким-то образом ассоциировались с этой стихией. В защиту данного предположения можно привести и некоторые дополнительные аргументы. В частности, в 1 случае 2 псалия находились в слое горелой органики (Токсанбай), в 2 – они выявлены близ очагов (Усово Озеро, Коротень), в 1 случае фрагмент псалия был обожжен (Ильичевка).

С псалиями из зольников связан любопытный нюанс. В 3 из 7 зольников, находившихся за пределами построек, рассматриваемые изделия обнаружены в нижней части золистого слоя (еще в 1 случае псалий находился в верхнем горизонте зольника; по остальным 3 случаям данных о локализации псалиев относительно основания зольника у нас нет). Это позволяет допускать существование ритуала возложения псалиев на начальном этапе формирования некоторых зольников;

6. Псалии на поселениях коррелируются с орудиями, объектами и субстанциями, связанными с металлургическим производством. В частности, это зафиксировано в 9 постройках, 1 зольнике и 1 «ложбинке». Ю.М. Бровендер уже обращал внимание на то, что данная корреляция имела место в ряде построек поселения Капитаново-1. Исследователь объяснил этот факт двумя моментами: 1) колесный транспорт играл важную роль в «функционировании системы производственной деятельности... в пределах Донецкого горно-металлургического центра»; 2) транспортировка продукции «требовала охранных мероприятий» (Бровендер Ю.М., 2007, с.229, 230). Из статьи не совсем ясно, какое отношение к упомянутым «мероприятиям» имели псалии. Возможно, автор считает, что их использовали «воины-колесничие», которые охраняли продукцию металлургии. Стоит упомянуть и предположение, выдвинутое А.Д. Пряхиным. Исследователь отметил, что в могильнике доно-волжской абашевской культуры Селезни-2, Тамбовская обл., Россия имело место сочетание в пределах погребального комплекса псалиев и кузнечных орудий, и сделал из этого вывод, что лица, погребенные с данным набором, были наделены «сакральными производственными функциями, реализуемыми через идею «кузнеца» (Пряхин А.Д., 2000, с. 85). Мы полагаем, что корреляция псалиев и следов металлургии может стать понятной, если мы учтем, что в рассматриваемую эпоху (и более позднее время) колесницы у самых разных народов выступали как неперенные атрибуты различных богов (Евсюков В., Комиссаров С., 1985, с.81-94). Соответственно, псалии, являясь заменой колесницы по принципу *pars pro toto*, могли символизировать упомянутые божества, а потому использоваться в ритуалах, преследовавших цель заручиться помощью кого-то из них в процессе работы с металлом. Но какие божества могли считаться покровителями металлургии и металлообработки у носителей культур эпохи бронзы? Возможных «претендентов», на наш взгляд, два:

а) **Верховное «полифункциональное» небесное божество.** Некоторые исследователи, как отмечено выше, связывали псалии с культом солнца. В пользу этой гипотезы может говорить наличие на ряде псалиев, особенно ранних, изображений явных солярных знаков, в т.ч. свастики (см., например: Пряхин А.Д., 2000, рис.4 – 4; 5 – 9; Синюк А.Т., Березуцкий В.Д., Зацепин А.А., 2004, рис.2 – 20, 22). В то же время, соотносить псалии с Божеством солнца, как нам представляется, едва ли правомерно. В мифологических системах индоевропейцев мы не найдем сведений о связи этого божества с металлургическим производством. Вместе с тем, на Руси покровителем кузнецов считался Сварог, отождествлявшийся с Гефестом, – божество неба, света, огня, родоначальник прочих светлых богов (в т.ч. – богов солнца, молнии, огня, вод). Сварог почитался как верховный повелитель мира вплоть до религиозной реформы Владимира, в результате которой таковым стал Перун (Боровский Я.Е., 1982, с.12-13; Афанасьев А.Н., 1995, с.34, 68; Войтович В., 2007, с.151-158). Довольно близкий аналог Сварогу мы найдем в индоиранской традиции. Население Северного Кафиристана в качестве высшего божества почитало Имру (Мару), многие характеристики которого тождественны тем, которыми наделяется Сварог (см.: Йеттмар К., 1986, с.66-67). В данном случае для нас самое важное заключается в том, что Имре приписывалось создание месторождений железа (Йеттмар К., 1986, с.67). Поразительное сходство функций и характеристик славянского Сварога и индоиранского Имры позволяет считать, что оба эти божества – «кальки» одного и того же мифологического персонажа древних индоевропейцев. И еще один момент заслуживает внимания. Со Сварогом славяне связывали свастику, именовавшуюся у них сваргой (Отрощенко В., Корпусова В., 2004, с.27). Отсюда правомерно допустить, что покровителем мастеров, работавших с металлом, по крайней мере, в части социумов эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии, считалось божество, близкое Имре и Сварогу;

б) **Громовик.** У некоторых индоевропейских народов в древности этот бог ассоциировался с ремеслом кузнеца. В частности, в мифологиях древних греков и римлян

были боги-кузнецы Гефест и Вулкан, причем оба они являлись ипостасями Громовика (Афанасьев А.Н., 1995в, с.5). В эпосе осетин фигурирует небесный кузнец Курдалагон, обладающий явными признаками Громовика. Например, его плеть сравнивается с молнией, а при потрясании ею раздается громовой грохот (Сказания о нартах, 2000). Вдобавок кузнеца Нартиады отличает хромота, как и Гефеста. Так что, возможно, Курдалагон – деформированный образ Громовика, которому поклонялись степные племена Евразии эпохи бронзы. Стоит отметить, что Курдалагону очень близок один из персонажей германской мифологии – Локи. Последний тоже являлся искусным кузнецом, ассоциировался с молнией и огнем и был хромым (Афанасьев А.Н., 1995б, с.5, 7).

Итак, часть псалиев, выявленных в рассматривавшихся культовых комплексах, может быть связана с почитанием одного из двух упомянутых выше божеств. Но сделать выбор между Верховным небесным божеством и Громовиком мы пока затрудняемся. Эта проблема нуждается в дальнейшей разработке;

7. Похоже, псалии на поселениях коррелируются с бронзовыми ножами. Нам известно 6 случаев, когда в постройке, наряду с псалием, присутствовал нож (в т.ч. 1 крупный кинжал, 3 целых ножа и 2 фрагментированных). Учитывая, что бронзовые ножи являлись металлоемкими изделиями, очень редко оставлявшимися в заброшенных постройках, можно допускать, что «встреча» псалия и ножа в упомянутых случаях являлась преднамеренной;

8. В 5 постройках и в 1 зольнике, наряду с псалиями, выявлены костяные стрелы. Возможна, и эта корреляция не является случайной;

9. В культовые комплексы поселений часто попадали сломанные псалии или заготовки. Включение в контекст ритуалов первых может быть объяснено тем, что у многих народов старые, изношенные вещи воплощали идею преемственности, передачи благ и ценностей от одного поколения к другому, а потому широко использовались в обрядах (Байбурин А.К., 1992, с.22; Науменко О.И., 2000а, с.38; 2000б, с.39-40; Мимоход Р.А., 2001, с.100-101). Вещи, не до конца доделанные, так же имели высокий семиотический статус и часто становились атрибутами ритуалов (Мимоход Р.А., 2001, с.101). Это, по одной из гипотез, предопределялось положительным значением всего того, что не имеет конца и, соответственно, относится к области вечного (Иванова С.В., 2001, с.78). Впрочем, возможно и другое (более простое) объяснение использованию в ритуалах заготовок и изношенных псалиев. Как первые, так и вторые являлись «антонимами» технологически завершенных и годных к использованию псалиев. Отсюда они могли ассоциироваться с потусторонним миром, ибо в нем, согласно верованиям многих народов, в т.ч. иранских, – все наоборот (Косарев М.Ф., 1981, с.248-250; Семенов В.А., 1992, с.32; Цимиданов В.В., 2001-2002, с.379). Поскольку отжившее свой век жилище также являлось частью потустороннего мира, попадание в него «загробных» вещей было вполне естественным;

10. В некоторых культовых комплексах выявлено по 2 псалия. Нами учтено 8 таких случаев, причем, по крайней мере, в 7 псалии располагались один рядом с другим (по 1 случаю соответствующих данных нет). Здесь стоит обратить внимание на любопытный момент. Если псалиев было два, то состояние их являлось тождественным. В частности 4 пары были образованы технологически завершенными изделиями без явных повреждений, 3 – фрагментированными псалиями, 1 – заготовками. Таким образом, мы видим здесь проявления какого-то жесткого канона;

11. Контексты, в которые попадали псалии, во многом тождественны в разных культурах и на разных территориях (как в Азии, так и в Европе). Отсюда можно сделать вывод, что существовала целая система ритуальных действий, связанных с псалиями, которая, к тому же, являлась надкультурной.

В заключение отметим, что в нашей статье мы ставили цель не только выявить определенные закономерности локализации псалиев в пределах поселенческих комплексов, но и обратить внимание исследователей на важность введения в научный оборот максимально подробной информации о контекстах, в которых находились рассматриваемые артефакты. Накопление данной информация позволит выявить новые нюансы культового использования деталей конского снаряжения населением Евразии эпохи бронзы и более углубленно рассмотреть вопросы, связанные с семантикой псалиев.

Библиографический список

1. Аванесова, Н.А. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам сапаллинской культуры) // История Узбекистана в археологических и письменных источниках / Н.А. Аванесова. – Ташкент: Фан, 2005. – С.7-25.
2. Алихова, А.Е. Комаровское поселение у Моечного озера // МИА / А.Е. Алихова. – 1958. – №61. – С.157-180.
3. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995а. – Т.1. – 415 с.
4. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995б. – Т.2. – 400 с.
5. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995в. – Т.3. – 416 с.
6. Багаутдинов, Р.С., Васильева, И.Н. Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья / Р.С. Багаутдинов, И.Н. Васильева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – Вып.2. – С.181-211.
7. Байбурин, А.К. Ритуал: между биологическим и социальным // Фольклор и этнографическая действительность / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1992. – С. 18-28.
8. Балагурі, Е.А. Поселення культури ноа біля с. Острівець Івано-Франківської області // Археологія / Е.А. Балагурі. – Археологія. – 1968. – Т.ХХІ. – С.135-146.
9. Березанская, С.С. Северная Украина в эпоху бронзы. – Киев: Наукова думка, 1982. – 212 с.
10. Березанская, С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце / С.С. Березанская. – Киев: Наукова думка, 1990. – 150 с.
11. Беседин, В.И. «Микенские» орнаменты в Восточной Европе // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит и бронзовый век) / В.И. Беседин. – Донецк, 1996. – Ч.первая. – С.84-87.
12. Беседин, В.И. К вопросу об относительной хронологии памятников предсрубного периода в степи и лесостепи Восточной Европы // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (мат-ли 4-го Укр.-Рос. польового археол. семінару) / В.И. Беседин. – Київ – Вороніж, 1998. – С.13-16.
13. Беседин, В.И. «Микенский» орнаментальный стиль эпохи бронзы в Восточной Европе // Археология восточноевропейской лесостепи. Евразийская лесостепь в эпоху металла / В.И. Беседин. – Воронеж, 1999. – Вып.13. – С.45-59.
14. Боровский Я.Е. Мифологический мир древних киевлян. – Киев: Наукова думка, 1982. – 104 с.
15. Братченко, С.Н. Каменско-ливленцовская группа памятников // Археология УССР / С.Н. Братченко. – Киев: Наукова думка, 1985. – Т.1. – С.458-462.
16. Бровендер, Ю.М. Капитаново-1. Поселение покровской срубной культуры в Северскодонецком левобережье // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму / Ю.М. Бровендер. – Запоріжжя, 2000. – Т.VIII. – С.170-186.
17. Бровендер, Ю.М. Находки деталей конской упряжи в контексте Донецкого горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Ю.М. Бровендер. – Луганськ, 2007. – №7. – С.224-234.
18. Бровендер, Ю.М. Поселение Червонэ озеро-3 Донецкого горно-металлургического центра эпохи бронзы // Донецький археологічний збірник. – 2009/2010 / Ю.М. Бровендер. – Донецьк, 2010. – №13/14. – С.203-221.
19. Войнаровський, В. Ще раз про зольники епохи пізньої бронзи – ранньозалізного часу: спроба реінтерпретації // Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Праці Археологічної комісії / В. Войнаровський. – Львів, 2002. – Т. ССXLIV. – С.
20. Вальчак, С.Б. Загадочные пластины позднебронзового века на Днепровском Левобережье // Археологічний літопис Лівобережної України / С.Б. Вальчак. – Полтава, 2001. – №2(10). – С.30-32.

21. Вальчак, С.Б., Шрамко, И.Б. Псалий бронзового века с Западного Бельска // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / С.Б. Вальчак, И.Б. Шрамко. – Полтава, 1996. – С.146-151.
22. Васильев, И.Б., Кузнецов, П.Ф., Семенова, А.П. Памятники потаповского типа лесостепного Поволжья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья / И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов, А.П. Семенова. – Саратов, 1991. – С.8-10.
23. Виноградов, Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. / Н.Б. Виноградов. – Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2003. – 362 с.
24. Войнаровський, В. Ще раз про зольники епохи пізньої бронзи – ранньозалізного часу: спроба реінтерпретації // Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Праці Археологічної комісії / В. Войнаровський. – Львів, 2002. – Т. ССXLIV. – С.179-194.
25. Войтович, В. Генеалогія богів давньої України / В. Войтович. – Рівне: Видавець Валерій Войтович, 2007. – 556 с.
26. Генинг, В.Ф., Зданович, Г.Б., Генинг, В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей / В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг. – Челябинск, 1992. – Ч.1. – 408 с.
27. Гершкович, Я.П. Новые данные о металлических псалях сабатиновской культуры Северного Причерноморья – Приазовья // Охрана и исследования памятников археологии в Донбассе / Гершкович Я.П. – Донецк, 1986. – С.33-35.
28. Гершкович, Я.П. Сабатинівська культура Нижнього Подніпров'я та Північно-Західного Призов'я: автореф. дис. ... канд. іст. наук / Я.П. Гершкович; ІА НАН України. – Київ, 1993. – 16 с.
29. Гершкович, Я.П. Обряд «оставления жилища»: археологические признаки и историко-этнографические параллели // Трипількі поселення-гіганти / Я.П. Гершкович. – Київ, 2003. – С.28-31.
30. Гершкович, Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // РА / Я.П. Гершкович. – 2004. – №4. – С.104-115.
31. Гончарова, Ю.В. К вопросу о классификации дисковидных псалий с шипами эпохи поздней бронзы на территории Восточной Европы // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов / Ю.В. Гончарова. – СПб, 1996. – С.34-43.
32. Гончарова, Ю.В. Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалями в степной и лесостепной зонах Евразии // Stratum plus / Ю.В. Гончарова. – 1999. – №2. – С.336-349.
33. Горбенко, К.В. Исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. / К.В. Горбенко. – Київ, Запоріжжя: Дике поле, 2007. – С.139-144.
34. Горбенко, К.В. Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / К.В. Горбенко. – М.: ИА РАН, 2008. – Т.1. – С.384-387.
35. Горбенко, К.В., Гошко, Т.Ю. Металеві вироби з поселення Дикий Сад // Археологія / К.В. Горбенко, Т.Ю. Гошко. – 2010. – №1. – С.97-111.
36. Горбов, В.Н. Раннесрубные поселенческие комплексы Северо-Восточного Приазовья // Доно-донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи / В.Н. Горбов. – Воронеж, 1996. – С.66-69.
37. Горбов, В.Н., Кабанова, Е.В. Некоторые аспекты культовой практики населения эпохи бронзы Северо-Восточного Приазовья // Археологический альманах / В.Н. Горбов, Е.В. Кабанова. – Донецк, 2010. – №21. – С.86-103.
38. Горбов, В.Н., Мимоход, Р.А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход. – Донецк, 1999. – С.24-69.
39. Горбов, В.Н., Усачук, А.Н. О системе крепления псалиев с выделенной планкой колесничной запряжки бронзового века // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н.Гракова) / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук. – Запорожье, 1999. – С.78-85.

40. Горбунов, В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье / В.С. Горбунов. – Куйбышев, 1989. – 135 с.
41. Горбунов, В.С., Обыденнов, М.Ф. Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии // СА / В.С. Горбунов, М.Ф. Обыденнов. – 1975. – №2. – С.254-257.
42. Граков, Б.Н., Тереножкин, А.И. Субботовское городище (Раскопки 1955 г.) // СА / Б.Н. Граков, А.И. Тереножкин. – 1958. – №2. – С.164-178.
43. Даниленко, В.Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование / В.Н. Даниленко. – Киев: Наукова думка, 1974. – 176 с.
44. Дергачев, В.А. Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976) / В.А. Дергачев. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 140 с.
45. Дремов, И.И. Погребение из кургана у с.Старицкое (Саратовская обл.) // КСИА / И.И. Дремов. – 1991. – №203. – С.101-105.
46. Дремов, И.И. Региональные различия престижных погребений эпохи бронзы (особенности покровской группы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году / И.И. Дремов. – Саратов: Научная книга, 2003. – Вып.5. – С.72-93.
47. Дубовская, О.Р. Поселение эпохи поздней бронзы близ села Провалья // Древние культуры Поволжья и Приуралья / О.Р. Дубовская. – Куйбышев, 1978. – С.94-96.
48. Евсюков, В., Комиссаров, С. Колесницы на земле и в небесах // Атеистические чтения / В. Евсюков, С. Комиссаров. – М.: Политиздат, 1985. – Вып.14. – С.78-94.
49. Екимов, Ю.Г., Пряхин, А.А. Костяные псалии эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья // Древняя история Поволжья / Ю.Г. Екимов, А.А. Пряхин. – Куйбышев, 1979. – С.78-85.
50. Епимахов, А.В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5) / А.В. Епимахов. – Челябинск: ОАО «Челябинский дом печати», 2005. – Кн.1. – 192 с.
51. Епимахов, А.В., Чечушков, И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи эпохи бронзы // Археологический альманах / А.В. Епимахов, И.В. Чечушков. – Донецк, 2004. – №15. – С.39-45.
52. Епимахов, А.В., Чечушков, И.В. Евразийские колесницы: конструктивные особенности и возможности функционирования // Археология Южного урала. Степь / А.В. Епимахов, И.В. Чечушков. – Челябинск, 2006. – С.173-187.
53. Ерхова, Д.В. Жертвенные комплексы поселений позднего бронзового века Южного Зауралья // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). М-лы XLIV Региональной (с междунар. участием) археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых / Д.В. Ерхова. – Кемерово, 2004. – С.165-166.
54. Зайберт, В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья / В.Ф. Зайберт. – Петропавловск: Наука, 1993. – 244 с.
55. Зданович, Г.Б. Щитковые псалии Среднего Приишимья // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / Г.Б. Зданович. – Челябинск, 1985. – С.110-119.
56. Зданович, Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы / Д.Г. Зданович. – Челябинск, 1997. – 94 с.
57. Иванова, С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья / С.В. Иванова. – Одесса: Друк, 2001. – 244 с.
58. Изотова, М.А. Культовые комплексы на поселениях эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей / М.А. Изотова. – Саратов, 1997. – С.91-93.
59. Исмагил, Р., Морозов, Ю.А., Чаплыгин, М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Sterля в Башкортостане / Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин. – Уфа: ДизайнПолиграфСервис, 2009. – 240 с.
60. Йеттмар, К. Религии Гиндукуша / К. Йеттмар. – М.: Наука, 1986. – 526 с.
61. Кислий, О.Є. Основні риси кам'янської культури Східного Криму // Археологія / О.Є. Кислий. – 2006. – №3. – С.21-34.

62. Кожин, П.М. О псалях из афанасьевских могил // СА / П.М. Кожин. – 1970. – №4. – С.189-193.
63. Колотухин, В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века (Этнокультурные процессы) / В.А. Колотухин. – Киев: Изд-во «Южногородские ведомости», 1996. – 159 с.
64. Колотухин, В.А. Поселение эпохи поздней бронзы Бай-Кият в Крыму // Stratum-plus / В.А. Колотухин. – 2000. – №2. – С.526-553.
65. Корочкова, О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА / О.Н. Корочкова. – 2009. – №1. – С.25-35.
66. Косарев, М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири / М.Ф. Косарев. – Москва: Наука, 1981. – 278 с.
67. Кривцова-Гракова, О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник / Труды ГИМ / О.А. Кривцова-Гракова. – М., 1948. – Вып.ХVII. – С.57-164.
68. Крушельницька, Л.І. Культура Ноа на землях України / Л.І. Крушельницька. – Львів, 2006. – 176 с.
69. Кузьмина, Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях Евразийских степей // КСИА / Е.Е. Кузьмина. – 1980. – Вып.161. – С.8-21.
70. Кузьмина, Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня / Е.Е. Кузьмина. – Фрунзе: Илим, 1986. – 135 с.
71. Кузьмина, Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоарийцев / Е.Е. Кузьмина. – М., 1994. – 464 с.
72. Кузьмина, Е.Е. Динамика экономики и социальной стратификации пастушеских племен Азиатских степей // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири / Е.Е. Кузьмина. – Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 1997. – С.41-45.
73. Кузьмина, Е.Е. Арии – путь на юг / Е.Е. Кузьмина. – М., СПб: Летний сад, 2008. – 558 с.
74. Литвиненко, Р.А. «Пряжки» и колесничество: проблема соотношения // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Р.А. Литвиненко. – Луганськ, 2004. – Вип.2. – С.257-290.
75. Литвиненко, Р.О. До проблеми псаліїв, бойових колісниць і воїнів-колісничих у бабинській культурі // Археологія / Р.О. Литвиненко. – 2005. – №4. – С.37-52.
76. Логвин А.В. Раскопки поселения Конезавод 1 // Отчет Тургайской археологической экспедиции. – Костанай, 1998.
77. Малютина, Т.С., Усачук, А.Н. Заготовка псаля из рога лося с укрепленного поселения Куйсак в Южном Зауралье // Археологический альманах / Т.С. Малютина, А.Н. Усачук. – Донецк, 2004. – №15. – С.111-114.
78. Маргулан, А.Х., Акишев, К.А., Кадырбаев, М.К., Оразбаев, А.М. Древняя культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 436 с.
79. Маргулан, А.Х. Сочинения / А.Х. Маргулан. – Алматы: АтамҰра, 1998. – Т.1. – 400 с.
80. Матвеев, А.В., Сидоров, Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье / А.В. Матвеев, Е.А. Сидоров. – Тюмень, 1985. – С.29-54.
81. Матвеев, Ю.П. О векторе распространения «колесничих» культур эпохи бронзы // РА / Ю.П. Матвеев. – 2005. – № 3. – С.5-15.
82. Мимоход, Р.А. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век) / Р.А. Мимоход. – Донецк, 1996. – Ч.вторая. – С.27-33.
83. Мимоход, Р.А. Жертвенники на срубных поселениях: вопросы классификации, происхождения и культовой специфики // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий / Р.А. Мимоход. – Донецк, 2000. – С.86-93.
84. Мимоход, Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т.1: «Археология» / Р.А. Мимоход. – Донецк-Макеевка, 2001. – С.94-105.

85. Моисеев, Н.Б. Курганы Окско-Донской равнины. Памятники Тамбовской области. / Н.Б. Моисеев. – Тамбов: Компьют. центр, 1998. – 64 с.
86. Мунчаев, Р.М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности / Р.М. Мунчаев. – М.: Наука, 1973. – С.71-77.
87. Мыськов, Е.П., Лапшин, А.С. Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники / Е.П. Мыськов, А.С. Лапшин. – Волгоград, 2007. – 100 с.
88. Науменко, О.И. Проблема назначения нефункциональных предметов в погребальных обрядах эпохи бронзы Южного Зауралья // Тезисы научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ЧГПУ за 1999-2000 учебный год / О.И. Науменко. – Челябинск, 2000а. – С.36-38.
89. Науменко, О.И. Нефункциональность предметов в погребальных обрядах бронзового века Южного Зауралья // Урало-Поволжская археология в работах студентов / О.И. Науменко. – Волгоград, 2000б. – С.39-40.
90. Новикова, О.И. Ритуальные комплексы в жилищах эпохи поздней бронзы – переходного времени Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / О.И. Новикова. – М., 2008. – Т.1. – С.433-434.
91. Новоженев, В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы) / В.А. Новоженев. – Алматы: АО Аргументы и Факты Казахстан, 1994. – 267 с.
92. Обыденнов, М.Ф., Горбунов, В.С., Муравкина, Л.И., Обыденнова, Г.Т., Гарустович, Г.Н. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале / М.Ф. Обыденнов, В.С. Горбунов, Л.И. Муравкина, Г.Т. Обыденнова, Г.Н. Гарустович. – Уфа, 2001. – 160 с.
93. Отрощенко, В., Корпусова, В. Нотатки щодо давньої свастики на теренах України // Чумацький шлях / В. Отрощенко, В. Корпусова. – 2004. – №3. – С.27-29.
94. Отрощенко, В.В. Колісниці бабинської культури в графічному та рельєфному відтворенні // Матеріали та дослідження з археології Східної України / В.В. Отрощенко. – Луганськ, 2005. – Вип.4. – С.235-242.
95. Панковский, В.Б. Особый класс псалиев эпохи бронзы? // Археологический альманах / В.Б. Панковский. – Донецк, 2004. – №15. – С.115-127.
96. Пеннер, С. Щитковые псалии из Микен и их северо-восточные аналогии // Археологический альманах / С. Пеннер. – Донецк, 2004. – №15. – С.82-91.
97. Полидович, Ю.Б. Раннесрубный зольник поселения Зливки // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе / Ю.Б. Полидович. – Донецк, 1989. – С.115-117.
98. Плешаков, А.А., Мартынюк, О.И., Баев, А.В. Могильник эпохи бронзы Баганаты III / А.А. Плешаков, О.И. Мартынюк, А.В. Баев. – Петропавловск: СКГУ им.М. Козыбаева, 2005. – 82 с.
99. Пряхин, А.Д. К оценке престижных захоронений волго-донской абашевской культуры кургана Селезни-2 // Археология, этнография и антропология Евразии // А.Д. Пряхин. – 2000. – №1. – С.80-87.
100. Пряхин, А.Д., Беседин, В.И. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской степи и лесостепи // РА / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин. – 1998. – №3. – С.22-34.
101. Пряхин, А.Д., Беседин, В.И. К интерпретации псалиев староюрьевского типа и их орнаментации // Матеріали міжнародної археологічної конференції «Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по раннє середньовіччя)» / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин. – Дніпропетровськ, 1999. – С.97-98.
102. Пряхин, А.Д., Беседин, В.И. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской степи и лесостепи // Пряхин А.Д., Беседин В.И., Захарова Е.Ю., Саврасов А.С., Сафонов И.Е., Свистова Е.Б. Доно-волжская абашевская культура / А.Д. Пряхин, В.И. Беседин. – Воронеж, 2001. – С.33-64.
103. Пряхин, А.Д., Матвеев, Ю.П. Курган у с.Богоявленское // СА / А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев. – 1991. – №1. – С.262-266.

104. Пряхин, А.Д., Моисеев, Н.Б., Беседин, В.И. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры / А.Д. Пряхин, Н.Б. Моисеев, В.И. Беседин. – Воронеж.: ВГУ, 1998. – 44 с.
105. Пыслару, И. Индоевропейцы, конь и узда в эпоху бронзы // *Stratum-plus* / И. Пыслару. – 2000. – №2. – С.322-345.
106. Радзівєвська, В.Є., Шрамко, Б.А. Нові археологічні пам'ятки на Харківщині // *Археологія* / В.Є. Радзівєвська, Б.А. Шрамко. – 1980. – Вип.33. – С.100-108.
107. Ромашко, В.А. Об одном из типов псалиев рубежа II – начала I тысячелетия до н.э. // *Проблемы археологии Поднепровья* / В.А. Ромашко. – Днепропетровск, 1985. – Вып.2. – С.90-97.
108. Ромашко, В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // *Проблемы археологии Поднепровья* / В.А. Ромашко. – Днепропетровск, 1993. – С.79-91.
109. Ромашко, В.А. Новая находка дисковидного псалия в Присамарье // *Регіональне і загальне в історії* / В.А. Ромашко. – Дніпропетровськ: Пороги, 1995. – С.64-65.
110. Ромашко, В.А. К выделению нового типа кинжалов позднего бронзового века // *Древности. 1996* / В.А. Ромашко. – Харьков, 1997. – С.50-55.
111. Русяева, А.С. Давньогрецькі примітивні зольні вівтарі Північного Причорномор'я // *Археологія* / А.С. Русяева. – 2005. – №4. – С.53-63.
112. Рыбалова, В.Д. Поселение Каменка в восточном Крыму // *АСГЭ* / В.Д. Рыбалова. – 1974. – Вып.16. – С.19-49.
113. Савинов, Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак / Д.Г. Савинов. – СПб., 1996, 112 с.
114. Самашев, З.С., Ермолаева, А.С., Лошакова, Т.Н. Костяные псалии с поселения Токсабай. К вопросу о комплексе колесничих населения Устюрта в эпоху бронзы // *Вопросы истории и археологии Западного Казахстана* / З.С. Самашев, А.С. Ермолаева, Т.Н. Лошакова. – 2007. – №1. – С.97-102.
115. Семенов, В.А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифопоэтических представлений коми (зырян) / В.А. Семенов. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1992. – 152 с.
116. Синюк, А.Т., Березуцкий, В.Д., Зацепин, А.А. Плясоватские курганы // *Археологические памятники бассейна Дона* / А.Т. Синюк, В.Д. Березуцкий, А.А. Зацепин. – Воронеж, 2004. – С.162-177.
117. Ситников, С.М. Псалии саргаринско-алексеевской культуры (по материалам лесостепного и степного Алтая) // *Археологический альманах* / С.М. Ситников. – Донецк, 2004а. – №15. – С.139-142.
118. Ситников, С.М. Предметы конской упряжи с территории лесостепного Алтая // *Древности Алтая* / С.М. Ситников. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004б. – №12. – С.27-32.
119. Сказания о нартах // *Дарьял* / Сказания о нартах [Электронный ресурс]. – 2000. – №3. – (http://www.darial-online.ru/2000_3/nart1.shtml).
120. Смирнов, К.Ф. О погребениях с конями и трупосожжениях эпохи бронзы в Нижнем Поволжье // *СА* / К.Ф. Смирнов. – 1957. – Т.ХХVII. – С.209-221.
121. Смирнов, К.Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // *СА* / К.Ф. Смирнов. – 1961. – №1. – С.46-72.
122. Смирнова, Г.И. Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье (вторая половина VIII – середина VII в. до н.э.) // *Древние фракийцы в Северном Причерноморье* / Г.И. Смирнова. – М.: Наука, 1969. – С.7-34.
123. Смирнова, Г.И. Псалии типа Борьяш в культуре Ноа // *КСИА* / Г.И. Смирнова. – 1970. – Вып.123. – С.106-110.
124. Смирнова, Г.И. Новые исследования поселения Магала // *АСГЭ* / Г.И. Смирнова. – 1972. – Вып.14. – С.12-31.
125. Телегін, Д.Я. Середньостогівська культура епохи міді / Д.Я. Телегін. – Київ: Наукова думка, 1973. – 172 с.
126. Тереножкин, А.И. Предскифский период на днепровском Правобережье / А.И. Тереножкин. – Киев: Изд-во АН УССР, 1961. – 248 с.
127. Ткачев, А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы / А.А. Ткачев. – Тюмень, 2002. – Ч.1. – 289 с.

128. Ткачев, В.В. Погребение архаического лидера эпохи поздней бронзы из могильника Илекшар I в Западном Казахстане // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана / В.В. Ткачев. – Уральск, 2003. – Вып.2. – С.80-88.
129. Тощев, Г.Н., Черняков, И.Т. Культовые зольники сабатиновской культуры // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья / Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков. – Киев: Наукова думка, 1986. – С.115-138.
130. Трифонов, В.А. Некоторые вопросы переднеазиатских связей майкопской культуры // КСИА / В.А. Трифонов. – 1987. – Вып.192. – С.18-26.
131. Трифонов, В.А, Избицер, Е.В. Существовали ли энеолитические псалии? // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей / В.А. Трифонов, Е.В. Избицер. – Саратов, 1997. – С.26-28.
132. Усачук, А.М. Трасологічний аналіз найдавніших псаліїв Північного Причорномор'я // Археологія / А.М. Усачук. – 2005. – №4. – С.78-85.
133. Усачук, А.М. Найдавніші псалії доби бронзи лісостепу і степу Євразії (технологічні і функціональні аспекти): автореф. дис. ... канд. іст. наук / А.М. Усачук; ІА НАН України. – Київ, 2007. – 24 с.
134. Усачук, А.Н. К вопросу об орнаментации щитковых псалиев // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. М-лы междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И.В.Синицына / А.Н. Усачук. – Саратов, 2000. – С.130-132.
135. Усачук, А.Н. О соотношении приемов изготовления и орнаментации щитковых и желобчатых псалиев // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. научн. конф. / А.Н. Усачук. – Оренбург, 2001. – С.116.
136. Усачук, А.Н. История изучения древнейших псалиев эпохи бронзы степи-лесостепи Евразии // Из истории отечественной археологии / А.Н. Усачук. – Воронеж: Издат.-полиграф.центр Ворон. гос. ун-та, 2008. – Вып.1. – С.205-246.
137. Усачук, А.Н. Древнейшие псалии Среднего Поволжья и региональные особенности технологии изготовления подобных изделий // Stratum-plus / А.Н. Усачук. – 2009. – №2. – С.483-506.
138. Усачук, А.Н., Бровендер, Ю.М. Трасологический анализ некоторых костяных изделий поселения Капитаново-I // Донецкий археологический сборник / А.Н. Усачук, Ю.М. Бровендер. – Донецк, 2004. – Вып.11. – С.96-104.
139. Усачук, А.Н., Полидович, Ю.Б. Уникальные изображения животных на орудиях гончарного производства эпохи поздней бронзы // Структурно-семиотические исследования в археологии / А.Н. Усачук, Ю.Б. Полидович. – Донецк: ДонНУ, 2006. – Т.3. – С.249-268.
140. Халяпин, М.В., Порохова, О.И. Погребальные комплексы эпохи бронзы у с.Красноселки в Самарском Поволжье // Археологические памятники Оренбуржья / М.В. Халяпин, О.И. Порохова. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000. – Вып.IV. – С.109-126.
141. Цимиданов, В.В. Военские погребения эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века / В.В. Цимиданов. – Волгоград: Перемена, 1996. – С.78-82.
142. Цимиданов, В.В. Погребения со стелами в ямной культуре Северо-Западного Причерноморья // Stratum-plus / В.В. Цимиданов. – 2001-2002. – №2. – С.370-385.
143. Цимиданов, В.В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / В.В. Цимиданов. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С.66-81.
144. Чемякин, Ю.П., Епимахов, А.В. Материалы по конской упряжи периода поздней бронзы Зауралья Археологический альманах / Ю.П. Чемякин, А.В. Епимахов. – Донецк, 2004. – №15. – С.139-142.
145. Чередниченко, Н.Н. Археологические исследования на Луганщине // Археологические исследования на Украине в 1967 г. / Н.Н. Чередниченко. – Киев: Наукова думка, 1968. – Вып.II. – С.102-104.
146. Чередниченко, Н.Н. Поселение срубной культуры на Луганщине // СА / Н.Н. Чередниченко. – 1970. – №1. – С.233-238.

147. Чередниченко, Н.Н. Основные этапы развития конской узды Евразии в сер. II – нач. I тыс. до н.э. // Новейшие открытия советской археологии / Н.Н. Чередниченко. – Киев, 1975. – Ч.1. – С.79-80.
148. Черленок, Е.А. Колесничная запряжка в погребальном обряде (начало эпохи поздней бронзы евразийских степей) // Вестник молодых ученых. Серия: историч. науки / Е.А. Черленок. – СПб., 2001. – №1. – С.22-29.
149. Черняков, І.Т., Смаглий, Н.М. Дерев'яні псалії ямної культури // Археологія / І.Т. Черняков, Н.М. Смаглий. – 1983. – Вип.2. – С.45-53.
150. Чечушков, И.В. Реконструкция конской упряжи бронзового века (постановка проблемы) // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции / И.В. Чечушков. – Ижевск, 2001а. – С.31-32.
151. Чечушков, И.В. Экспериментальные работы по реконструкции конской упряжи бронзового века // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий (Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции) / И.В. Чечушков. – Барнаул, 2001б. – С.225-228.
152. Чечушков, И.В. Оголовье колесничной лошади эпохи бронзы: экспериментальное исследование // Проблемы истории, филологии, культуры / И.В. Чечушков. – М., Магнитогорск, Новосибирск, 2007. – Вып.XVII. – С.421-428.
153. Шаповалов, Т.А. Исследование раскопками поселения эпохи поздней бронзы (XV-XI вв. до н.э.) у села Ильичевка на Северском Донце (приложение I к отчету 1971 г.) // Архив Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея / Т.А. Шаповалов. – Донецк, 1971. – 57 рис.
154. Шаповалов, Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины / Т.А. Шаповалов. – Киев: Наукова думка, 1976. – С.150-172.
155. Шарафутдинова, И.Н. Сабатиновская культура // Березанская, С.С., Отрощенко, В.В., Чередниченко, Н.Н., Шарафутдинова, И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины / И.Н. Шарафутдинова. – Киев: Наукова думка, 1986. – С.83-116.
156. Шевнина, И.В. Материалы эпохи развитой бронзы с поселения Конезавод I // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конф. «Маргулановские чтения-14» / И.В. Шевнина. – Шымкент, Алматы, 2002. – С.48-56.
157. Boroffka, N. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud, Teil II // Eurasia antiqua. Zeitschrift für archäologie Eurasiens / N. Boroffka. – 1998. – №4. – S.81-135.
158. Brownrigg G. Schirring und Zäumung des Streinwagenpferdes: Function und Rekonstruktion // Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation Wagen im Vorderen Oritnt und Europa / G. Brownrigg – Main am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – S.481-490.
159. Brownrigg, G. Horse Control and the Bit // Horses and Humans: The Evolution of Human-Equine Relationships / G. Brownrigg. – BAR Int. Ser. 1560. – 2006. – P.165-171.
160. Florescu, A.C. Repertoriul culturii Noua – Coslogeni din România. Așezări și necropole // Cultura și civilizație la Dunărea de Jos / A.C. Florescu. – Călărași, 1991. – V.IX. – 414 p.
161. Oancea, A. Branches de mors au corps en forme de disque // Thraco-Dacica. Recueil d'étudies à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie / A. Oancea. – București, 1976. – P.59-75.
162. Penner, S. Schliemanns Schachtgrübberrung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft der frühmykenischen Streitwagenausstattung. Saabrücker Beiträge zur Altertumskunde / S. Penner. – Bonn, 1998. – B.60. – 240 s.
163. Smirnova, G. Die Siedlung Mahala IIA und IIB – ein denkmal der Noua I- und II- Kultur // Culture et civilization av Bas Danube / G. Smirnova. – Călărași, 1993. – V.X. – S.57-73.
164. Teufer, M. Ein Scheibenknebel aus Džarkutan (Süduzbekistan) // Archäologische Mittelungen aus Iran und Turan / M Taufer. – Berlin, 1999. – Bd.31. – S.69-142.
165. Točik, A. Parohová a kostená industriá maďarovskej kultúry na juhozápadnom Slovensku // Študijné Zvesti Archeologický Ústav Slovenkej Akadémie Vied v Nitre / A. Točik. – Nitra, 1959. – 3. – S.23-53.

Маточкин Е.П.
(г. Новосибирск, Россия)

ПЕТРОГЛИФЫ ТАРХАТИНСКОГО МЕГАЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Впервые наличие древних рисунков на гигантских камнях в Чуйской степи по дороге из Кош-Агача в урочище Чембаши (Тархаты) зафиксировал В.Д. Кубарев (Кубарев В.Д., 1980, с. 73). В 2000 году вышла статья В.И. Соёнова, А.В. Шитова, Д.В. Черемисина, А.В. Эбеля «Тархатинский мегалитический комплекс», которой авторы привлекли внимание исследователей к этому замечательному памятнику древности (2000). Позднее о нём неоднократно писал Л.С. Марсадолов (2004, 2005, 2007). Мы вместе с астрономом Е.Г. Гиенко изучали его в 2010 году. Результаты исследований предполагается опубликовать позднее; здесь же представлено дополнение к описаниям петроглифов Тархатинского мегалитического комплекса (ТМК), которые были даны предыдущими исследователями.

ТМК находится в Кош-Агачском районе Республики Алтай на 26-м километре дороги от районного центра до Джазатора. Здесь, на южной оконечности Чуйской степи, неподалёку от ледниковых моренных валов выделяются высокие мегалиты, а также и не очень крупные камни и выкладки. Объекты комплекса расположены по кругу с диаметром примерно равным 60 м. От южной точки дуги идёт линия выкладок в сторону лежащего камня с петроглифами. Мегалиты находятся в основном на северо-западной дуге окружности. На юго-восточной – более мелкие камни и выкладки. Объекты отсчитываются нами по часовой стрелке от крайнего западного мегалита.

Описание петроглифов

Крайний западный мегалит с продольной и двумя поперечными трещинами. Его координаты по GPS приёмнику: N – 49°47'54,4"; E – 088°29'43,9", Н – 2005 м. На мегалите, особенно на северной его грани много различных надписей и рисунков, более всего козлов, выполненных сравнительно недавно, некоторые из них появились в наши дни.

На северной плоскости мегалита, в левой части камня выбита антропоморфная фигура, изображённая в фас.

В правой части на северной плоскости мегалита особенно заметна фигура марала, обращённого вправо, с рогами, расходящимися веером.

На следующем, самом крупном мегалите петроглифов не обнаружено.

Лежащая плита размером 1x1м с выбитыми и гравированными рисунками. Плита расколота и состоит из двух частей: северной и южной. На северной половине выявлено три участка, на южной – два.

Участок № 1. Расположен в северной части плиты (рис.1). Петроглифы на нём оказались забитыми четырёхстрочной надписью в июне 1966 года. В силу этого фиксация рисунков представляет большие трудности. Если три крупные центральные фигуры выявляются достаточно отчётливо, то остальные более мелкие фигуры воспроизводятся с некоторой долей неуверенности в правильности их прочтения. Выбивка мелкоточечная, аккуратная, произведена по силуэту. Шесть фигур – это аргали (алтайский архар) с закрученными рогами, один козёл в редкой иконографии с двумя рогами и, вероятно, собака с поднятым хвостом. Все животные обращены вправо. Можно предположить, что группа из трёх наиболее крупных фигур аргали была задумана как единая композиция; она не лишена динамики и декоративизма в преувеличенных дугах рогов.

Участок № 2. Расположен в южной части. Выбивка производилась с обратной стороны (рис.1). Представлены два аргали спинами друг к другу и какое-то фантастическое животное, некий дракон, наследующий черты лошади и змеи. Подобный симбиоз с головой лошади для змеи-дракона подмечал в петроглифах Монголии В.Д. Кубарев (2002, с.65). Все животные на этом участке обращены вправо.

Участок № 3. Расположен в восточной части. Выбивка не завершена. Лунки от ударов грубые, округлые и удлинённые (рис.2).

Участок № 4. Расположен в восточной части южной половины плиты. Здесь находятся выбитые и гравированные изображения, масса резных линий, а также недавно процарапанные буквы кириллической надписи (рис.3). В центре выбито изображение фантастического животного, ориентированного влево. У него короткий хвост, прямоугольное туловище и необычайно длинные тонкие ноги. Особенно чётко моделирована передняя нога; она оканчивается человеческой ступнёй. Художник тщательно выбил берцовую, пяточную кость и фаланги. Задняя нога изображена в шаге, однако она проработана недостаточно. Из головы животного исходят четыре отростка; два из них продолжают в виде кольцеобразных завивающихся линий из мелкоточечных лунок. Над спиной они концентрируются в виде неясного образования. Две прямых полосы, свисающие с живота в виде стремян, выбиты также мелкими точечными ударами. Возможно, что рисунки в этой технике появились раньше, а силуэт животного из более крупных лунок – позднее.

Возле задней ноги с трудом просматриваются фрагменты граффити. В переднюю ногу упирается голова небольшого животного; его силуэт образован мелкими неглубокими лунками; длинный с отростками хвост закинут за спину. Выше редкими грубыми ударами выбит аморфный силуэт зверя с длинными, толстыми и когтистыми лапами. Создаётся впечатление, что здесь изображён хищник в прыжке, впившийся в шею шагающего животного с человеческими ногами.

Левее и повыше этой сцены выбито драконообразное существо с длинным изогнутым туловищем, подобное тому, которое присутствует на участке № 2. Ориентация правая.

Участок № 5. Расположен в западной части плиты. Это конгломерат изображений, с которыми трудно разобраться, поскольку они выбивались с разных сторон в разное время, подчас на одном месте, накладываясь друг на друга и образуя сложный палимпсест (рис.4). Приводимый нами рисунок – это в какой-то мере реконструкция, попытка увидеть изображения животных среди нагромождения выбивки, сколов, трещин, аморфных пятен.

По-видимому, самое раннее изображение здесь – это контурный рисунок животного в северной части участка. Он выбивался тонкой ниточкой мелких лунок и полностью не просматривается. Поверх этого контурного рисунка выбит вверх ногами по силуэту алтайский архар – аргали с большим хвостом (?). Рядом, ближе к кромке – маленькая фигурка такого же животного, ориентированного на этот раз налево. На противоположной стороне – профильное изображение козла с фасовой проекцией рогов. Между его ногами продолговатыми лунками выбита узкая и длинная полоса. Выше просматривается небольшая фигурка козла. Ориентация правая. На боковых краях участка выбито ещё несколько неподдающихся идентификации изображений. Их выбивка различная: крупными лунками и отдельными мелкими точками. Нельзя не отметить наличие извивающихся тонких, еле видимых полосок из мелких точек в разных местах участка.

Лежащий камень. Находится в 7 метрах внутрь на юго-запад от северной дуги ТМК. На торце камня – козёл, обращённый вправо. Выбивка свежая.

Мегалит на восточной стороне, окружённый с севера шестью небольшими камнями. С восточной стороны лежит отколовшаяся плита. На северной грани изображены 3 козла, смотрящие вправо. Выбивка свежая.

Мегалит, названный в энциклопедии «Республика Алтай» «Колыбель Сартакпая» (2010, с.310). Петроглифы находятся на обеих сторонах спинки «колыбели». На лицевой стороне представлено несколько козлов (рис.5). Одни из них однолинейные, другие силуэтные или выбиты широким контуром с узким зазором. Большая их часть просматривается плохо, поскольку поверхность камня во многих местах заросла лишайником. В целом эта спинка «колыбели» с дугообразным ритмом рогов и круглыми пятнами лишайников смотрится неким природно-рукотворным гобеленом, не лишённым своеобразной красоты.

На оборотной стороне зафиксировано около 30 изображений (рис.6). В основном это зооморфные образы. Некоторые из них, появившиеся недавно, просматриваются с трудом. Центральное место среди петроглифов принадлежит крупной контурной фигуре быка, обращённой на восток. На его шее и туловище проведены поперечные полосы. Крупные рога развёрнуты в фас, ноги валенкообразные. Перед ним выбита зооантропоморфная фигура в виде черепашки с длинными руками и более короткими ногами. И передние, и задние конечности раскинуты в стороны.

Ниже выбито по контуру необычное изображение с прямоугольными и остроугольными очертаниями. На этом же уровне в восточной части выбита фигура женщины с раскинутыми руками. В самом низу выделяется аккуратно выбитая фигура лошади с четырьмя ногами и длинным хвостом. Слева над ней выбит верблюд, справа – кабан.

Крайний мегалит. Большой камень, расположенный в юго-восточной части ТМК. К ранее опубликованным петроглифам в статье В.И. Соёнова и др. (2000) добавилось антропоморфное изображение и фигура козла (рис.7).

Лежащий камень. Расположен в юго-восточной части ТМК. Представлена фигура козла. Выбивка сравнительно свежая.

Лежащий камень с петроглифами. Расположен примерно в 70 м на юг от ТМК. Помимо рисунков, которые ранее привлекли внимание исследователей, нами на ровной и гладкой поверхностной корочке в средней части камня обнаружены граффити (рис.8). Здесь довольно много резных изображений и линий, которые просматриваются с трудом. Самые чёткие рисунки находятся в правой части участка. Это четвёрка антропоморфных персонажей. Они выполнены несколькими длинными линиями, спускающимися с треугольной головы. Их узкие и длинные фигуры показаны без ног, но с палками-руками, оканчивающимися метёлкой длинных пальцев. В двух случаях кисти держат такие же, даже ещё более длинные, руки-метёлки. Некоторые линии здесь не прорезные, а скоблёные. Слева от этой композиции просматривается резная фигура козла, частично перекрытая выбитым силуэтным изображением.

Хронология петроглифов

По ранее опубликованным петроглифам исследователи датировали сооружение ТМК временем эпохи бронзы, по крайней мере, не позже периода поздней бронзы (Соёнов В.И. и др., 2000, с.8). Л.С. Марсадолов относит начало сооружения объектов в Тархате к концу III – началу II тыс. до н.э. (Марсадолов Л.С., 2005, с.96). Приводимые нами наскальные рисунки позволяют в какой-то мере конкретизировать хронологические заключения.

Бык – характерный персонаж эпохи бронзы. На спинке «Колыбели Сартакпая» он предстаёт в иконографии, близкой к изображению красочного турочакского быка (Маточкин Е.П., 1986), который отнесён к каракольской культуре (Молодин В.И., Маточкин Е.П., 1992). Выбитая рядом с быком зооантропоморфная фигура во многом аналогична стилизованным изображениям женщин Калбак-Таша (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, №№ 188–196), которые В.Д. Кубарев датирует эпохой энеолита-бронзы (III–I тыс. до н.э.) (2003, с.17). Правда, в канонической иконографии они наделены «юбочкой» из параллельных линий, которой нет у тархатинской фигуры. Однако и среди калбак-ташских образов встречаются подобные отклонения от распространённого извода (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, №№ 203, 348, 366).

Следует также выяснить, не удревяют ли граффити хронологию петроглифов лежащего камня? Палимпсест в левой части участка свидетельствует, что резное изображение козла было выполнено ранее выбитой фигуры животного. Стилистика же этого гравированного изображения с его строгим геометризованным построением свидетельствует о близости к каракольско-окунёвскому искусству, в частности, к граффити Поперечной Красноярки (Маточкин Е.П., 2009). И здесь, и там в гравированных петроглифах встречаются скоблёные линии. Надо полагать, что четвёрка странных антропоморфных персонажей с той же патинизацией линий синхронна зооморфному образу. Возможно, что по своей образной сути композиция в Чуйской степи близка четвёрке маскированных персонажей на плите из святилища «Зелёное Озеро» каракольской культуры (Маточкин Е.П., 2006).

Немалый интерес вызывают вопросы датировки петроглифов лежащей плиты. Имеющиеся палимпсесты на участках № 4 и № 5 говорят в пользу того, что выбитые рисунки в аккуратной мелкоточечной технике были созданы ранее других, выбитых по силуэту более крупными лунками в эпоху поздней бронзы (традиции скифо-сибирского звериного стиля в них не присутствуют). Не совсем ясные фрагменты ранней выбивки на участке № 4 не дают основания для каких-либо заключений. Контурное же изображение на участке № 5 заметно

отличается от остальных петроглифов по своей стилистике и тяготеет к гравировкам Поперечной Красноярки и даже к изящным и масштабным образам ранней бронзы.

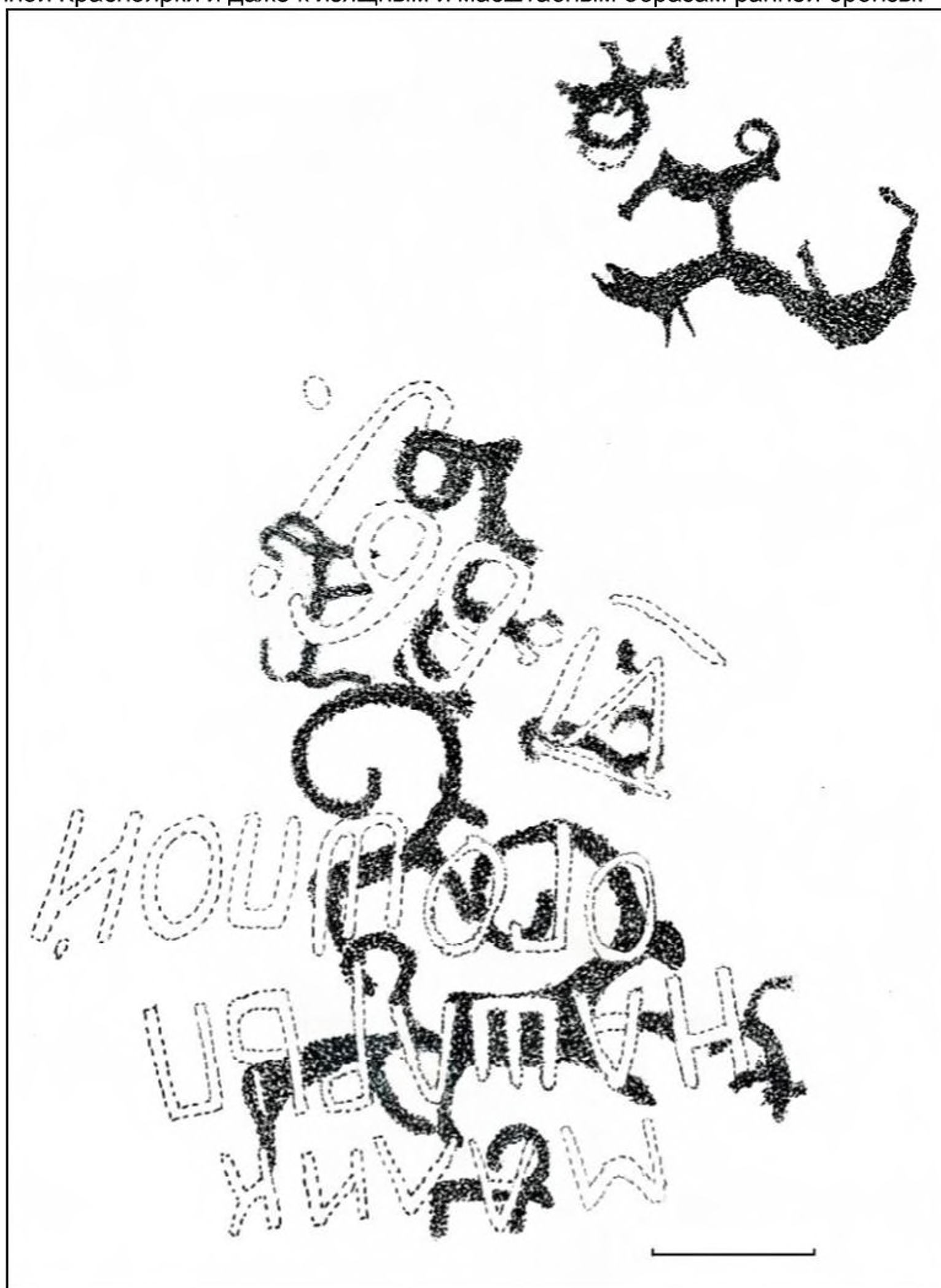

Рис.1 Тархатинский мегалитический комплекс (ТМК).
Петроглифы лежащей плиты. Участки №1 и №2. Шкала 10 см.

Рис.2
ТМК. Петроглифы лежащей плиты.
Участок №3.
Шкала 10 см.

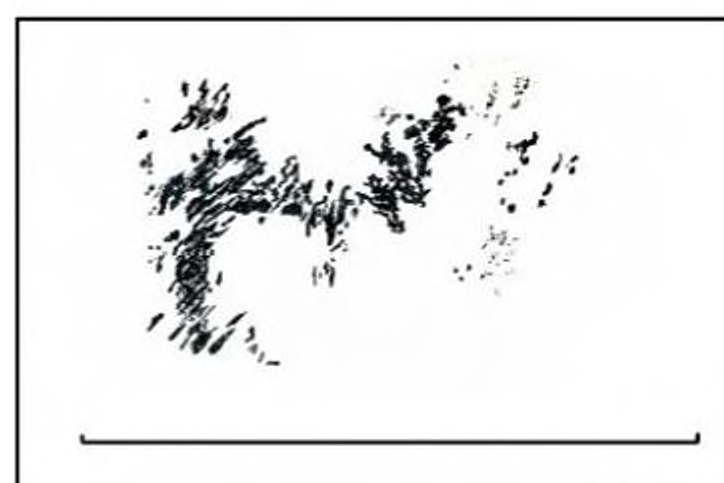

Рис.3
ТМК. Петроглифы лежащей плиты.
Участок №4. Шкала 10 см.

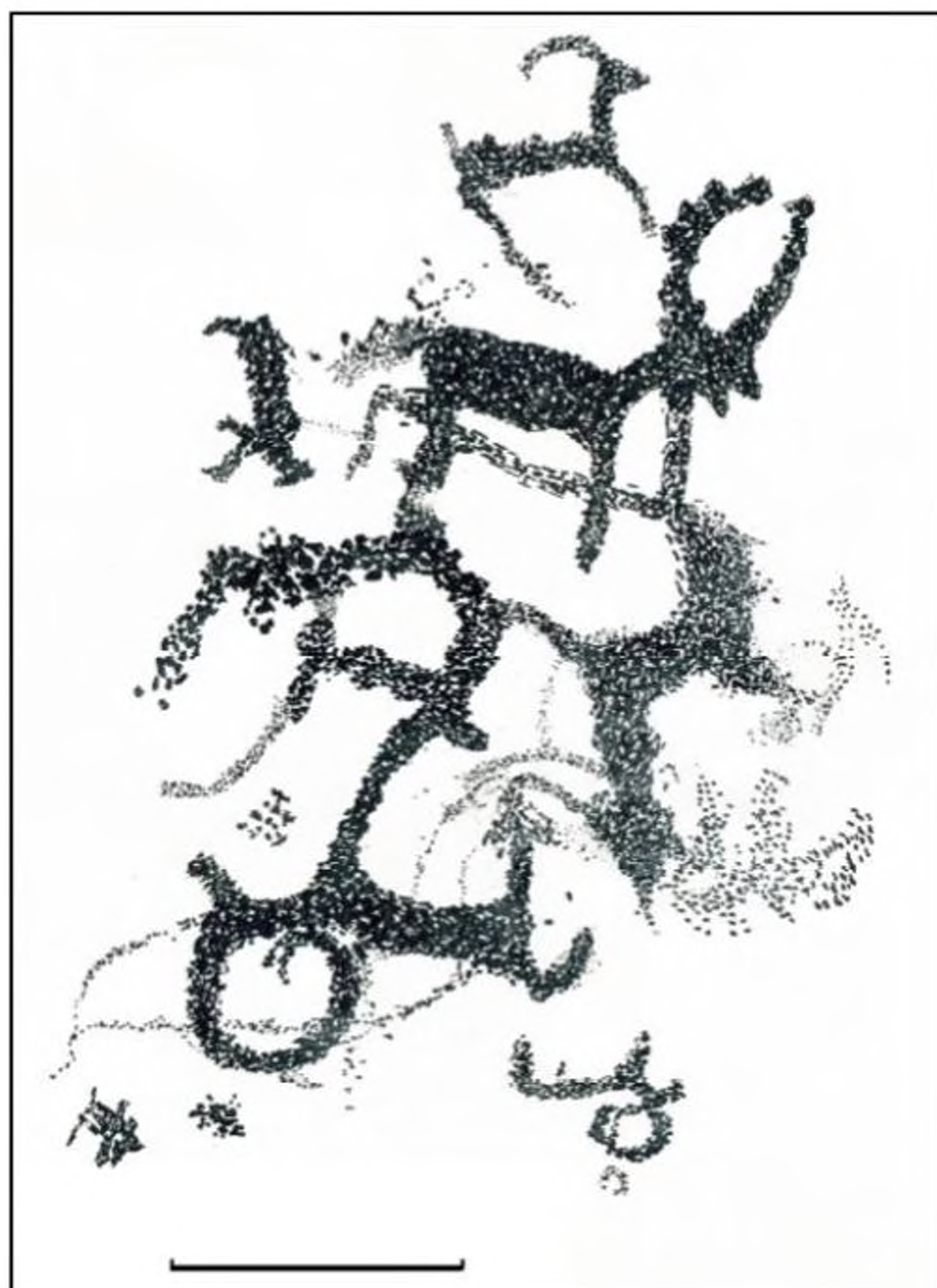

Рис.4
ТМК. Петроглифы лежащей плиты.
Участок №5. Шкала 10 см.

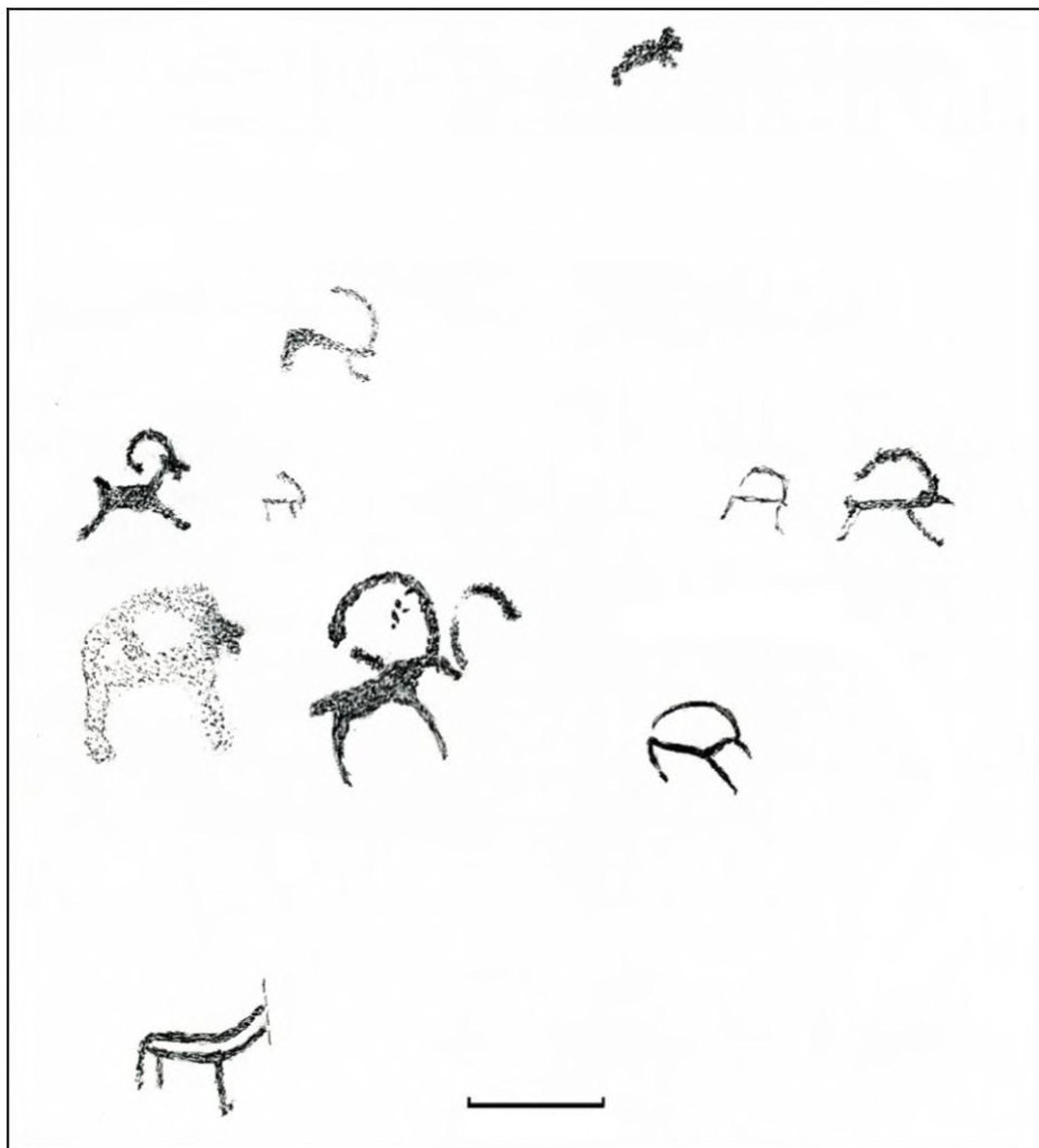

Рис.5
ТМК. Петроглифы «Колыбели Сартакпая».
Лицевая сторона. Шкала 10 см.

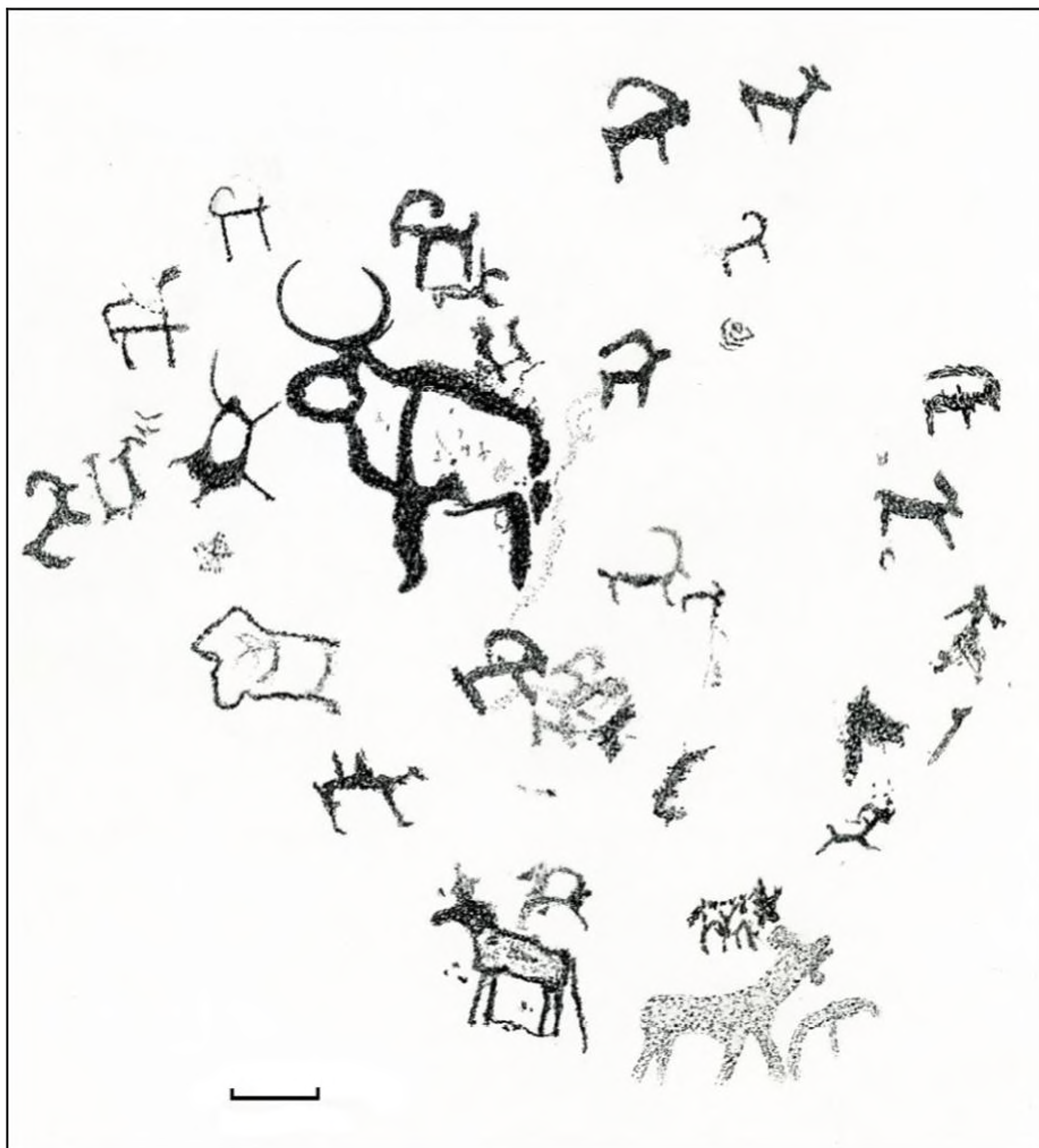

Рис.6
ТМК. Петроглифы «Колыбели Сартакпая».
Оборотная сторона. Шкала 10 см.

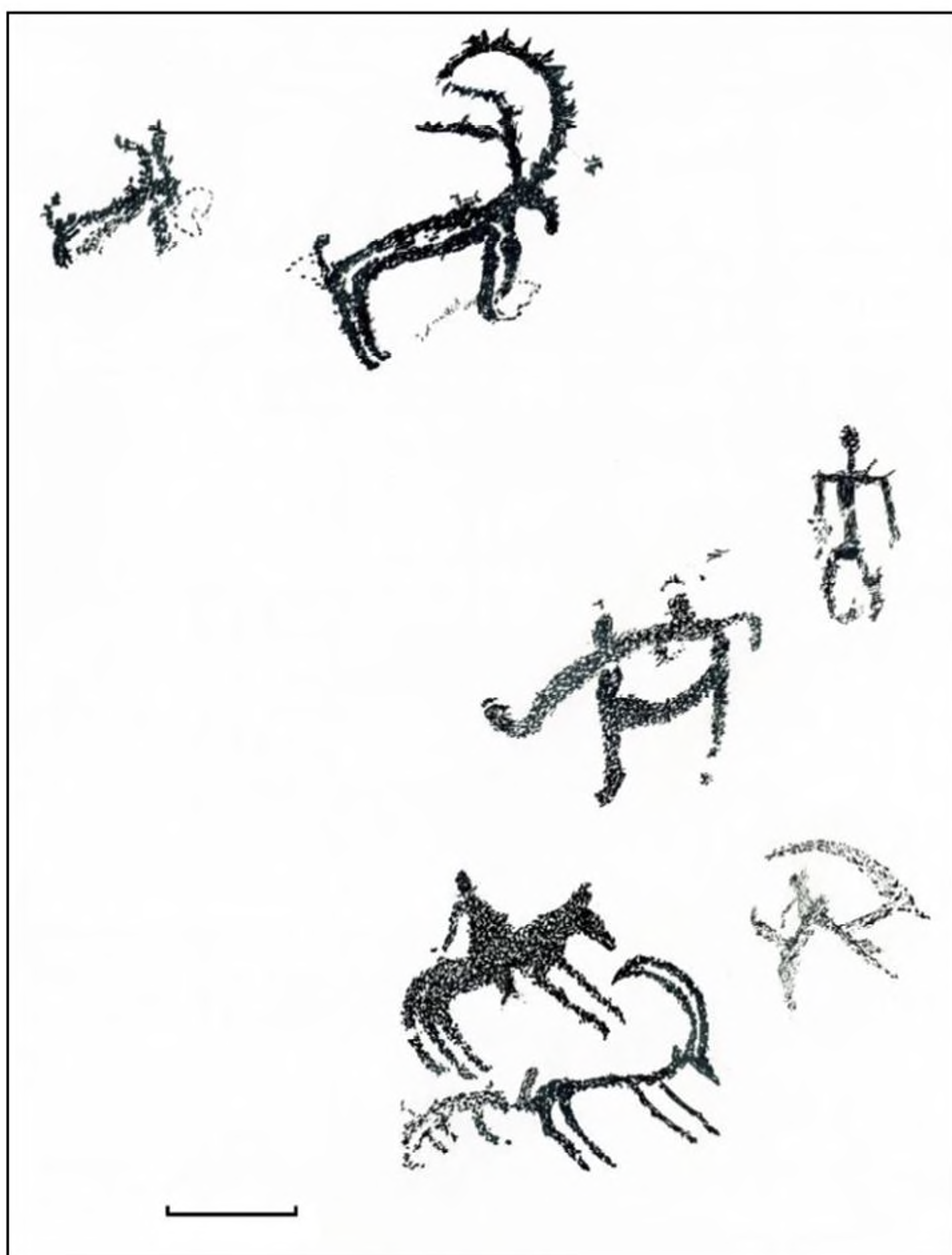

Рис.7
ТМК. Петроглифы крайнего
юго-восточного мегалита.
Шкала 10 см.

Рис.8
ТМК. Петроглифы
лежащего камня.
Шкала 5 см.

В целом можно сделать вывод, что петроглифы на ТМК начали создаваться в конце III – начале II тыс. до н.э. и наиболее интенсивно в каракольскую культуру. Поверхность мегалитов ТМК не очень гладкая и удобная, тем не менее, стоящие в Чуйской степи каменные глыбы продолжают привлекать внимание человека, и наскальные рисунки появляются на них и в наши дни.

Библиографический список

1. Кубарев, В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района / В.Д. Кубарев // Археологический поиск. – Новосибирск: Наука, 1980, – С.69-91.
2. Кубарев, В.Д. Змеи-рыбы-драконы в петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Древности Алтая. Межвузовский сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – №9 – С.62-67.
3. Кубарев, В.Д. Наскальное искусство Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск – Горно-Алтайск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 95 с.
4. Марсадолов, Л.С. Работы Саяно-Алтайской экспедиции в 2003 г. / Л.С. Марсадолов // Археологические экспедиции за 2003 г. – СПб.: ГЭ, 2004. – С. 48-59.
5. Марсадолов, Л.С. Тархата – алтайский «Стоунхендж» / Л.С. Марсадолов // Труды Государственного астрономического института им. П.К. Штернберга. – Т.78. Тезисы докладов Восьмого съезда Астрономического Общества и Международного симпозиума «Астрономия – 2005: Состояние и перспективы развития». – М.: ГАИШ МГУ, 2005. – С.96.
6. Марсадолов, Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая / Л.С. Марсадолов // Теория и практика археологических исследований. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. – Барнаул: АГУ, 2005. – Вып. 1. – С.34-42.
7. Марсадолов, Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах / Л.С. Марсадолов // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. – СПб.: ГЭ, 2007. – Вып. 5. – С.259-265.
8. Марсадолов, Л.С. Древнее святилище в Тархате на Алтае / Л.С. Марсадолов // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. – Томск: ТГУ, 2007. – С. 206–213.
9. Маточкин, Е.П. Новые петроглифы Бии / Е.П. Маточкин // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1986. – С.20-23.
10. Маточкин, Е.П. Петроглифы Зелёного озера – памятник эпохи бронзы Горного Алтая / Е.П. Маточкин // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – №2. – С.104-114.
11. Маточкин, Е.П. Петроглифы Поперечной Красноярки / Е.П. Маточкин // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. – №4. – С. 83-91.
12. Молодин, В.И. Вторая Турачакская писаница Горного Алтая / В.И. Молодин, Е.П. Маточкин // Природа. – М.: РАН, 1992. – №8. – С. 80-83.
13. Республика Алтай. Краткая энциклопедия. – Новосибирск: Арта, 2010. – 363 с.
14. Соёнов, В.И. Тархатинский мегалитический комплекс / В.И. Соёнов, А.В. Шитов, Д.В. Черемисин, А.В. Эбель // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. – №5. – С.7-15.
15. Kubarev, V.D. Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule №3: Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai) / V.D. Kubarev, E. Jacobson. – Paris: De Boccard, 1996. – 68 p., 662 taf., 15 photogr.

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск, Россия)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СВАТИЛИЩА КАЛБАК-ТАШ* (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)

«Наскальные изображения – это памятники художественной деятельности древнего человека, представляющие столь же большую, как и загадочную область первобытной культуры. Совершенство, с которым они подчас исполнены, их таинственный смысл могут смутить даже самое дерзкое воображение»
А.П. Окладников

Алтай известен своими уникальными археологическими памятниками, но особое место в их реестре занимают многочисленные рисунки на скалах – петроглифы. Расположение их вдоль древних троп кочевников и у высокогорных перевалов через заснеженные хребты Алтая, концентрация их в определенных и часто живописных местах, еще раз подтверждают гипотезу о существовании в глубокой древности горных «храмов» под открытым небом. Характерная особенность подобных памятников – расположение на возвышенных местах, нанесение рисунков на вертикальных плоскостях отдельных скал, выделяющихся формой и хорошо заметных с большого расстояния. У их основания имеются вымощенные камнем площадки, круглой и квадратной формы выкладки из валунов или поставленных на ребро сланцевых плит, – «каменных ящиков». Эти сооружения, несомненно, служили для жертвоприношений и проведения обрядов перед священными, может быть, тотемными изображениями животных.

Древняя история народов Центральной Азии еще во многом остается для нас загадочной и таинственной. Но проникнуть вглубь тысячелетий помогают листы «каменных книг» – рисунки на скалах. Они занимают в древностях особое место, являясь бесценным источником по духовной и материальной культуре древних алтайцев. Нередко это живописные повествовательные рассказы наших предков о своей жизни, обрядах и зарождающейся мифологии. Некоторые каменные полотна являются настоящими произведениями первобытного искусства. Одним из труднейших вопросов при изучении петроглифов остается определение даты их создания, и самое главное «расшифровка», – то есть, прочтение их содержания. Археологам и историкам давно известно, что многочисленные рисунки древних запечатлели не только различные бытовые сцены жизни: перекочевка, охота, война, но они также являлись наскальными иллюстрациями древнейших мифов и сказаний. Различить их и определить дату помогает тщательный анализ техники выбивки, художественных приемов и стиля, в котором выполнены древние рисунки. Но, даже, несмотря на такой комплексный метод исследований, многие из них остаются непонятными до сегодняшнего дня. Очевидно, это объясняется тем, что мировосприятие древнего человека разительно отличалось от нашего современного мышления. Но случаются и удивительные совпадения, когда дошедшие сквозь века описания мифов и легенд совпадают с некоторыми сюжетами алтайских петроглифов.

Один из таких выдающихся комплексов древнего наскального искусства, получивший название Калбак-Таш I находится на правом берегу р. Чуи, приблизительно в 12 км выше от её слияния с Катунью и в 18 км от с. Иня (Онгудайский район, Республика Алтай).

Скальное возвышение расположено на высоте 770 м. над уровнем моря. Координаты комплекса Калбак-Таш: 50° 24' 11" северной широты и 086° 49' 08" восточной долготы. Скалы, сложенные сланцевыми породами зеленовато-коричневого цвета, причудливыми уступами обрываются в Чую. Прямо у основания скал вьется асфальтированная лента знаменитого Чуйского тракта, соединяющего Алтай, да и всю

* Доклад в сокращенном виде был озвучен автором на международном симпозиуме: «Проблемы интерпретации тюркских рунических текстов и алтайский корпус» (Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, 20 мая 2009 г.).

Западную Сибирь с Монголией. Древнее святилище Калбак-Таш I находится на 721 км от г. Новосибирска (рис. 1). Многие годы оно не привлекало внимания исследователей первобытного искусства. Поэтому история Калбак-Таша, в настоящее время широко известного в России археологического памятника*, достаточно интересна, но необычайно коротка.

На самом деле название памятника известно под именем Ялбак-Таш. Но, за ним утвердилось новое, хотя и не точное название Калбак-Таш. Первой ошиблась Е.А. Окладникова (1981), затем В.М. Наделяев (1981). Не избежал ошибки также и автор этой статьи (Кубарев В.Д., 1986а). Это стало возможным потому, что реально существующий бом Калбак-Таш находится всего в 10 км от Ялбак-Таша вниз по р. Чуе, а не вверх по реке, как это утверждает И.Л. Кызласов (2002, сноски 13, на с. 58). Кстати, на нем также открыты петроглифы (Кубарев В.Д., 1992б, 1992в), которые практически граничат с рисунками в Ялбак-Таше. В соответствии с алтайской и монгольской этимологией Ялбак-Таш и Калбак-Таш дословно переводятся на русский язык с одинаковым значением «*как широкий, ровный камень или скала*» (Молчанова О.Т., 1979, с. 176, 199). Поэтому, очевидно, не следует переименовывать это, уже утвердившееся в археологической и научно-популярной литературе название, оставив за ним наименование Калбак-Таш.

Бом Калбак-Таш в 1865 г. впервые упоминается В.В. Радловым (1989, с. 34). Но он, очевидно, не видел наскальных рисунков, так как древняя торная тропа, сохранившаяся до нашего времени, пролегла по небольшой седловине, расположенной гораздо выше скал Калбак-Таш, обрывающихся в р. Чую. В.В. Радлова, несомненно, заинтересовали бы калбакташские петроглифы, знай, он о них. Потому что, заночевав где-то в устье р. Чуи, на следующее утро он вернулся к только что пройденному бому Бичикту-Кая, где были «... монгольские и китайские надписи, которые теперь уже едва ли можно различить, так как низ скалы почернел от дыма» (Радлов В.В., 1989, с. 33).

В трудах Г.Н. Потанина, также можно найти очень краткое сообщение о двух местонахождениях наскальных изображений в устье р. Чуи, известных сегодня под названием Калбак-Таш I и Калбак-Таш II (Чуй-Оозы). Анализируя технику нанесения рисунков, он очень верно подметил, что древний художник сначала делал эскиз фигуры острым предметом, а потом уже заполнял её силуэтной выбивкой (Потанин Г.Н., 1881, с. 46). Однако, судя по первой небольшой статье П.П. Хороших, памятник Калбак-Таш все-таки был открыт в 1912 году (1949, с. 132). Первооткрывателями выдающихся петроглифических комплексов: Калбак-Таш – Ялбак-Таш – Идро, наверное, следует считать художников Д.И. Кузнецова и Г.И. Гуркина. Они сделали первые зарисовки, тем самым, положив начало изучению древних изобразительных памятников Алтая. Хотя надо заметить, что сам П.П. Хороших на Калбак-Таше, очевидно, не бывал, иначе бы он не поместил его выше по течению р. Чуи, между селами Идро и Чибитом (1949, с. 132). Петроглифы были очень точно зарисованы Д.И. Кузнецовым рядом с тропой, проходившей вдоль южной части скального массива Калбак-Таша, условно названной нами скалой № I. Они хорошо сохранились до наших дней и были нами скопированы на полиэтиленовую пленку.

В 1979 г. петроглифы Калбак-Таша были вновь открыты археологами Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск). Его местонахождение сотрудникам института Е.А. Окладниковой и П.П. Лабцекому указал известный алтайский сказитель А.Г. Калкин. В 1980 г., а затем и в следующем 1981, петроглифы Калбак-Таша были полностью (как это представлялось исследователям) скопированы. В печати появилась лаконичная заметка об открытии памятника и проводившихся на нем работах (Окладникова Е.А., 1981, с. 63). Анализ и интерпретация отдельных сюжетов Калбак-Таша, изложены ею также в монографии, посвященной петроглифам Средней Катунь (Окладникова Е.А., 1984). Нужно признать и то, что попытки публикаций отдельных памятников оказались неудачными. В качестве примера, обосновывающего наши замечания, обратимся опять к петроглифам Калбак-Таша, которые, по мнению Е.А.

* В интернете древним памятникам Калбак-Таш и Ялбак-Таш посвящено более 4000 веб-страниц, но нет, ни одной научной публикации, за исключением небольших статей автора и его алтайских коллег.

Окладниковой, почти полностью опубликованы в ее небольшой статье (1987а, с. 98–110). Во-первых, эта работа помещена в региональном, малоизвестном сборнике, посвященном новым памятникам Среднего Амура (?); во-вторых, все рисунки, скопированные Е.А. Окладниковой (более 200 композиций) размещены всего на шести таблицах. К тому же отсутствие нумерации, масштабов, а также сильное уменьшение изображений практически делает публикацию неполноценной и незаметной для специалистов. Такими же погрешностями страдают и другие работы Е.А. Окладниковой, особенно научно-популярная книга, изданная общим тиражом 30 тыс. экз. (1990). В нее «перекочевали» иллюстрации неточных копий рисунков из Калбак-Таша и плохого качества фотографии. Иногда, подписи под отдельными рисунками не соответствуют названию памятника. Большая часть текста книги посвящена обоснованию интерпретации, так называемых «решеток», которая ранее подверглась критике специалистов по первобытному искусству.

Многие рисунки, покрытые мхом, заваленные землей и обломками камня, оказались незамеченными исследователями. Можно с уверенностью сказать, что ими была обработано менее половины всех петроглифов Калбак-Таша. Необходимо признать, что и этот исследователь, довольно поверхностно и быстротечно попытался суммировать данные об исследованном памятнике. Вклад Е.А. Окладниковой в изучение петроглифов Алтая неоспорим, но вместе с тем слабая источниковедческая база, невнимательное отношение к топонимам Алтая привело к уверенности, что многие петроглифические памятники открыты автором впервые. Главным недостатком является низкое качество копий опубликованных в ее статьях, сделанных с микалентных эстампажей (несомненно, без дальнейшей коррекции), явное невнимание исследователя к фрагментарным рисункам и изображениям, покрытых лишайником, – все это практически обесценило результаты работ Е.А. Окладниковой.

Открытая Е.А. Окладниковой одна древнетюркская надпись оказалась первой из 12 рун, обнаруженных В.М. Надеяевым при обследовании Калбак-Таша в 1980 г. (1981, с. 65–81). Этот исследователь – лингвист и тюрколог внес значительный вклад в изучение древнетюркской эпиграфики Алтая и, в частности в изучение надписей Калбак-Таша. В.М. Надеяев всегда работал в тесном контакте с археологами и при первой возможности выезжал на открытый памятник и проверял наши копии. Ведь не секрет, что открытие и изучение рунической письменности неразрывно связано с исследованием наскальных рисунков и других археологических объектов. Поэтому его перевод надписей Калбак-Таша далеко не исчерпал всех возможностей этого уникального памятника. В 1987 г. при сплошных съемках наскальных рисунков здесь найдено еще 8 строк древнетюркской письменности (Кубарев В.Д., 1990). Уже в те годы было ясно, что алтайский регион выдвинулся на одно из первых мест среди областей распространения древнетюркской эпиграфики (Кубарев В.Д., 1992г, с. 68–73), что собственно не вызывает удивления, так как Алтай считается прародиной многих тюркских народов.

В 1994, 2001 и в 2003 гг. изучением рунических текстов Калбак-Таша занимался И.Л. Кызласов (2002). Он весьма скрупулезно и критически рассмотрел копии надписей, снятые и опубликованные В.М. Надеяевым, В.Д. Кубаревым и Э.Якобсон, вводя, по его мнению «...некоторые неизбежные поправки» (Там же, с. 58). Перевод и прочтение надписей В.М. Надеяевым и И.Л. Кызласовым также существенно различаются. Разночтения понятны, когда исследователи интерпретируют плохо сохранившиеся руны. Но, например, в учебном пособии, изданном И.Л. Кызласовым в Горно-Алтайске, на рис. 32 даны два воспроизведения одной надписи. Один вариант он скопировал в 1994, второй в 2001. Из 9 знаков надписи – 3 буквы различаются? (2002, с. 135). Если даже ученый-тюрколог сомневается в подлинности знаков, что может сделать, малосведущий в рунологии, исследователь? Поэтому некоторые надписи Калбак-Таша остаются до сих пор непрочитанными и требуют кропотливой работы над ними. Другой случай: когда ученые приводят вполне ясные и четкие руны, но читают их по-разному. Не сомневаясь в высоком профессионализме И.Л. Кызласова, большого знатока рунических текстов Евразии, мне хотелось бы услышать ответ известных тюркологов, на давно заданный вопрос, по поводу «открытия им новой письменности на Алтае» и совершенно нового прочтения древне-алтайских надписей, которые уже были переведены его предшественниками.

Тем не менее, мы согласны с заключением И.Л. Кызласова, что Калбак-Таш является самым крупным местонахождением рунических надписей, не только на Алтае, но и в России (Там же, с. 57). Всего же по подсчетам И.Л. Кызласова и В.А. Кочеева (2006, с. 15) на этом памятнике зафиксировано 29 надписей (по нашим данным – 31 строка).

Автор статьи проводил исследования на Калбак-Таше в течение шести полевых сезонов: 1984–1988 и 1991 гг. Результатам этих работ были посвящены сообщения в ежегоднике «Археологические открытия» (Кубарев В.Д., 1986а; 1986б) и в периодической печати (Он же, 1988б; 1992г; 1992д; 1992е). Отдельные его статьи, в которых рассматривались вопросы хронологии и семантического осмысления калбакташских изображений опубликованы в профильных журналах и тематических сборниках (Он же, 1987; 1989; 1990; 1992а; 1992б; 1992в; 1993; 1999; 2004а; и т.д.). Некоторые сюжеты из петроглифов Калбак-Таша были также размещены в трех научно-популярных книгах, одна из которых была издана за рубежом (Он же, 2003а, 2004в, 2004б).

Поводом для всестороннего изучения изобразительных материалов Калбак-Таша послужило открытие красочных росписей на плитах гробниц в с. Каракол (Кубарев В.Д., 1988а) и явные погрешности, допущенные нашими предшественниками при копировании и дальнейшей публикации рисунков. В первом случае было любопытно сравнить отдельные персонажи из росписей Каракола с некоторыми рисунками Калбак-Таша, что, несомненно, было необходимой процедурой для уточнения хронологии и культурной принадлежности сравниваемых памятников. Во втором случае наше решение заново обработать петроглифы Калбак-Таша, оправдалось находкой еще более уникальных композиций, а также своевременной и оперативной фиксацией быстро разрушающихся шедевров наскального искусства Алтая.

Местонахождение петроглифов Калбак-Таш I, разделено нами на 15 участков, условно названных «скалами», которым присвоены номера, обозначенные римскими цифрами. Копирование петроглифов производилась с юго-запада на северо-восток сплошной нумерацией. Номера присваивались как отдельным рисункам, так и композициям (включавших от 2–3 изображений до нескольких десятков). Общее число рисунков Калбак-Таш I в настоящее время составляет 3723, но на памятнике осталось несколько необработанных плоскостей с тонкими, слабо различимыми граффити. Они оставлены до тех времен, когда у исследователей появится новые технические возможности для более точного копирования рисунков.

Наибольшее скопление рисунков наблюдается в южной и центральной части древнего комплекса Калбак-Таш, ближе к правому берегу р. Чуи. В меньшем числе они нанесены на скалах, расположенных на севере и западе урочища. Визуальное обследование скальных плоскостей с рисунками показало, что петроглифы Калбак-Таша интенсивно разрушаются как природными (выветривание, выщелачивание) так и антропогенными факторами. Особенно пострадали или даже полностью были уничтожены рисунки на южных скальных выходах, попавшие в зону реконструкции Чуйского тракта. При расширении полотна дороги взрывами была отделена часть скальных блоков с рисунками и отодвинута в отвал насыпи. Однако нельзя согласиться с выводом Е.А. Окладниковой, что здесь была уничтожена большая часть калбакташских петроглифов (1987а, с. 98). При тщательном осмотре каменных блоков, оторванных взрывами, нами были выявлены всего один целый рисунок и небольшой фрагмент второго. Чудом не пострадала юго-восточная часть скальных выходов, где были сосредоточены наиболее интересные композиции? древнетюркские тамги и рунические надписи. Тем не менее, значительная часть скал верхнего яруса, ориентированная плоскостями с рисунками на юг и юго-запад, оказалась полуразрушенной в результате подвижек и многочисленных трещин, появившихся в результате производства взрывных работ. Многие рисунки разрушались уже на наших глазах. Поэтому первоочередной задачей мы считали спасение их путем эстампирования, фотографирования и применением других, доступных нам способов копирования.

Многие петроглифы оказались покрыты лишайником, слоем земли или битого камня. Плоскости с рисунками очищались от лишайника, деревянными скребками, отмывались водой и только затем снимались на специальную миколентную бумагу. Фотографирование и видеосъемка рисунков производилось до эстампирования и непосредственно сразу же

после высыхания миколентой бумаги и нанесения краски. Здесь же на копиях проставлялись номера, и велось дневниковое описание рисунков (размеры, ориентация, местонахождение в комплексе, техника исполнения, степень сохранности и патинизации, что изображено? стилистические особенности, и другие данные). Нечеткие копии корректировались мягким грифелем по оригиналу, сразу же в полевых условиях.

Работы по копированию петроглифов Калбак-Таша производились по методике, разработанной и описанной в археологической литературе (Шер Я.А., 1980, с. 67; Пяткин Б.Н., Мартынов А.И., 1985, с. 9; Капелько В.Ф., 1986, с. 105; и др.). Применение микалентной бумаги позволило повысить качество копий, а главное ускорить процесс съемки наскальных рисунков. Если раньше копирование рисунков производилось на кальку и зачастую страдало неточностями, то в настоящее время внимание археологов акцентируется на полной достоверности и четкости копий. Тогда как в издании петроглифов Елангаша (Кош-Агачский район) достаточно много неточных, очевидно, не сверенных с оригиналами копий. Еще М.П. Грязнов отмечал явные различия между фотографиями и прорисовками изображений, помещенных в одном из альбомов о петроглифах Елангаша. Однако владение новейшими средствами копирования само по себе не обеспечивает высокого качества исследований. Если обратиться к результатам изучения петроглифов, т.е. публикациям, то нетрудно заметить, как иногда сильно различаются копии одних и тех же рисунков, снятых разными исследователями. К примеру, в одном из сборников, посвященных первобытному искусству, опубликованы статьи Е.А. Окладниковой (1987б) и В.Д. Кубарева (1987). Иллюстрации в них (копии рисунков с одного и того же петроглифического памятника Калбак-Таш) существенно различаются. Так же неодинаковы одни и те же прорисовки (петроглифы Куюса и Карбана на Катунь) в двух монографиях указанных авторов (ср. Окладникова Е.А., 1984, с. 74, табл. 10, 4; с. 90, табл. 26, 3–5; и Кубарев В.Д., 1988а, с. 159, табл. VIII, 1, с. 163, табл. XII, 6). Много различий можно найти в скопированных, а затем опубликованных В.Н. Елиным (1983) и Е.А. Окладниковой (1984) рисунков одного и того же местонахождения Томыш-Кан (Тогусхан) на р. Катунь.

Е.А. Миклашевич опубликовала три варианта одного фрагмента наскальной композиции из петроглифов Калбак-Таша, скопированные в разные годы Е.А. Окладниковой и В.Д. Кубаревым. Копии существенно различаются (Миклашевич Е.А., 2006, рис. XXV). Но есть ещё и четвертый вариант этого фрагмента, опубликованный Е.А. Окладниковой (1990, с. 91). Копия также отличается от трех предыдущих. Список неточных прорисовок можно продолжить, но техника копирования все время совершенствуется и не вина исследователей, что они применяли доступные им методы копирования. Конечно, надо признать – петроглифы сложный археологический источник, требующий от археолога значительных усилий, большого опыта, а самое главное, объективности в выводах и осторожности в интерпретации полученных материалов. Известно, что еще на первой стадии в процессе копирования рисунков у каждого исследователя формируется определенное мнение насчет того, что изображено. Взяв за основу эти предварительные определения, исследователь часто подгоняет рисунок под свою, явно субъективную версию. Отсюда и ошибочная интерпретация изображений и спорные выводы. Особенно много разночтений возникает при обработке насыщенных рисунками композиций, палимпсестов и плохо сохранившихся рисунков. Здесь многое зависит от добросовестности и в немалой степени от фантазии исследователя. При изучении таких памятников неизменно возникают разные, иногда даже противоположные точки зрения на изучаемый объект, а отсюда появляются и совершенно новые варианты одних и тех же изображений. В таком непросто положении оказались исследователи грота Куйлю на р. Кучерле (Усть-Коксинский район). Причем, в таких случаях любые выводы имеют право на существование, поскольку они находятся в равном положении, их трудно аргументировать, но также трудно опровергнуть окончательно. Чтобы избежать такого рода ошибок и бесполезных дискуссий, необходимо помещать в публикациях не только прорисовки петроглифов, но фотографии оригинала и копий, снятых на миколентную бумагу.

Следует напомнить, что отдельные рунические надписи и петроглифы памятника Калбак-Таш I были опубликованы во Франции (Kubarev V.D., Jacobson J., 1996), в рамках

международного издательского проекта «Корпус петроглифов Центральной Азии». Однако книга издана малым тиражом, на английском языке и в настоящее время практически недоступна не только российским читателям, но и ученым. Поэтому подготовленную мною рукопись российской версии книги можно считать актуальной и своевременной. Тем более что по структуре работа отличается от книги, опубликованной в Париже, и рассчитана на российского читателя. В ней добавлено краткое описание рисунков, унифицированы таблицы с прорисовками петроглифов, составлены типологические таблицы по видовому составу изображений животных, встречающихся в петроглифах Калбак-Таш I. Отдельным приложением включены все известные древнетюркские рунические надписи. В книге также даны цветные фотографии, дающие представление о геоморфологии памятника и наиболее характерных сюжетах наскальных изображений. Автором заново написан текст книги, в которой также приведены рисунки каменных орудий, найденных у основания скал с петроглифами, расширен библиографический список опубликованных работ. Требуются только денежные средства для реализации издательского проекта.

Необходимо упомянуть и о результатах, полученных нами при исследовании двух небольших раскопов в Калбак-Таш, заложенных непосредственно у основания скал с петроглифами. И хотя здесь культурный слой как таковой отсутствовал, мощность накопленных отложений в раскопе № 1 (3 x 3 м, заложенном в западной части святилища, скала № II), иногда достигала 90–100 см. Они включали, в основном, обломочный песчаниковый материал и мелкий галечник, перемешанный с желтым суглинком. Изредка в них фиксировались гумусные пятна и натеки глины. Это заполнение лежало на стерильно чистом слое ярко-желтой глины (толщиной 15–20 см) под которым оказались площадки скального цоколя. В заполнении отложений найдены очень крупные каменные плиты с рисунками (отдельные из них, размерами 1,0 x 0,5 м), а также расчищены новые изображения на горизонтальных плоскостях. На разных глубинах найдены: курант (?) от зернотерки, обломки шлифовальных камней, кости животных, древесные угли и маловыразительные фрагменты тонкостенной керамики.

Идентичное по структуре заполнение раскопа № 2 (7 x 4 м), исследованного у большого скопления рисунков с известным изображением калбакташской «химеры» или дракона? (рис. II), содержало: мелкие обломки плиток с рисунками, отколовшиеся от вертикальных плоскостей; заготовки каменных орудий, «чашечный» камень (рис. III – 3) со следами растирания темно-красной охры. Последняя находка любопытна, так как позволяет предположить, что выбитые рисунки, вероятно, еще и раскрашивались в древности красной краской. Следы красной охры обнаружены на отдельных энеолитических рисунках и стелах р. Чулуут, в Монголии. Около них найдены «чашеобразные» камни, в которых растиралась краска (Новгородова Э.А., 1989, с. 115). Следы охры сохранились и на стелах-изваяниях окуневской культуры Хакасии (Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.Б., 1980, с. 59). Рисунки на плитах из погребений каракольской культуры Алтая выполнены сочетанием гравировки, красной и черной краски, и нередко нанесены поверх граффити (Кубарев В.Д., 1988а, с. 30, рис. 29). Раскраска петроглифов в Калбак-Таше, и в Чулууте, окрашивание отдельных деталей окуневских изваяний Хакасии и комбинированные рисунки Каракола, свидетельствуют об общих изобразительных принципах в древнем искусстве народов Центральной Азии.

В разных частях калбакташского святилища собран, так называемый «подъемный материал», представляющий собой: заготовки каменных орудий и разной величины галечные отбойники (рис. III – 1,2,4), возможно, использованные в качестве ударных орудий для нанесения рисунков.

В пределах юго-восточной части святилища Калбак-Таш (вторая надпойменная терраса Чуи) раскопано погребение позднего бронзового века. Оно находилось в полуразрушенном каменном ящике, слегка заглубленном в материковый грунт и ориентированном длинной осью З–В. Погребенный человек лежал на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, черепом на запад. Инвентарь отсутствовал, только при расчистке было найдено большое число колотых, иногда обожженных костей животных.

Могильник пазырыкской культуры Алтая находился между селами Июдро и Иня, на 721 км Чуйского тракта (от г. Новосибирска), и в 0,3 км на юг от скал с древними изображениями. Насчитывал три каменных насыпи, устроенных в ряд по линии СЗ–ЮВ на второй

надпойменной террасе правого берега Чуи. Насыпи курганов, возможно, были разрушены при строительстве Чуйского тракта или при сооружении ЛЭП. Курганы исследованы Восточно-Алтайским отрядом Института археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) в 1991 году. Находки из курганов опубликованы (Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007, с. 169).

Обилие древних изобразительных материалов, известных в устье Чуи, также не позволяет издать другой памятник Калбак-Таш II. Материалы подготовлены к печати, но причина одна – отсутствие финансирования. Наскальный комплекс петроглифов Калбак-Таш II находится на правом берегу р. Чуи, в 1-1,5 км от ее слияния с Катунью и в 10 км от местонахождения наскальных рисунков Калбак-Таш I. Координаты Калбак-Таш II: 50°40'50" с.ш. – 86°69'88" в.д., высота около 788 м над уровнем моря. Петроглифы сосредоточены, в основном, в двух близлежащих пунктах:

1 – на скальных останцах, протянувшихся каменной грядой поперек долины р. Чуи. Рисунки (общим числом более 150 разносюжетных композиций) встречаются в северном направлении, прямо от полотна Чуйского тракта (717 км от г. Новосибирска). Местность имеет название Чуй-Оозы;

2 – у подножия и по склонам большой горы, в 0,3 км к западу от Чуй-Оозы. Общее число разносюжетных композиций не превышает 30.

Образы и сюжеты основного местонахождения Калбак-Таш I очень хорошо коррелируются с петроглифами второго памятника Калбак-Таш II. Здесь известны крупные изображения лосей, оленей, лошадей, козлов, хищников и других видов животных, датируемых эпохой ранней бронзы. Именно на данном местонахождении впервые открыты петроглифы каракольской культуры (рис. IV), до сих пор известные только по красочным росписям, выбитым рисункам и граффити на плитах погребальных сооружений Каракола (Кубарев В.Д., 1988). Значение подобных открытий трудно переоценить. Они, наконец, позволяют выделить каракольский пласт петроглифов на исследованных рисунках, уточнить дату уже опубликованных сюжетов и наметить детальную периодизацию наскального искусства Алтая.

Объясняя назначение каракольских «ритуальных объектов», Д.Г. Савинов, предполагает, что многие из них были выполнены из дерева (2000, с. 203). В качестве примера, он приводит антропоморфную фигуру из Калбак-Таша II (рис. IV – 2). Но в контексте с фигурой животного маска-личина исключает подобную интерпретацию, потому что пока не удалось установить достоверно, является ли основание маски-личины «ручкой» для нее или рогами животного? Очень сходная изобразительная традиция существовала и у древних скотоводов Монгольского Алтая. На рисунке крупного быка рога лировидной формы стилизованы под анфасную фигурку женщины (Кубарев В.Д., 2006, рис. 17). Да и в Монголии и в сибирских петроглифах как, и в Калбак-Таше и Караколе стилизованных изображений женщин, рожениц (рис. V), размещенных рядом с фигурами оленей и лосей, вполне достаточно, чтобы принять авторскую интерпретацию каракольских персонажей (Кубарев В.Д., 1988а, с. 128–130). В подтверждение сказанному приведем данные о новых исследованиях на р. Томи ранее неизвестных петроглифов Тутальской «писаницы». Они открыты И.Д. Русаковой в 2005 году. На небольшой плоскости выбиты две антропоморфные фигуры с «клиновидными» туловищами. Одна из них («солнцеголовый» персонаж) примыкает нижней частью к «рогам»? лося, вторая, находится рядом, на спине этого же животного. Как считают исследователи, очень похожие композиционные сочетания («солнцеголовый» + антропоморф + образ лося) зафиксированы на Томской и Второй Новоромановской «писаницах» (Ковтун И.В., Русакова И.Д., 2005, с. 354).

К эпохе бронзы также следует отнести рисунок фантастического зверя из Калбак-Таш II, недавно найденный, в естественно образованном самой природой, жертвеннике. Каменные стенки и «дно» его покрыты выбитыми рисунками и глубокими резами. У калбакташского зверя главными и значимыми признаками служат открытая пасть и язык, а также два хвоста: один заброшен, другой достигает земли (рис. VI – 1). Рисунок подобного существа встречается в долине р. Инд, в разных пунктах: Чилас IV, переправа Тальпан, и др. (рис. VI – 2-6). Этот хорошо узнаваемый образ синкретического облика образует целый ряд близких, по стилю изображений. Немецкие исследователи склонны датировать

его скифо-сакским временем (Martin Vemmann, 2005), тогда как рисунок из петроглифов в устье Чуи выглядит более архаично. Возможно, он входит в круг, редких для Алтая, фантастических хищников окуневско-каракольского искусства, известного всего по нескольким его рисункам в Калбак-Таше I и одному в Бешозеке. Его образ также встречается в окуневском искусстве II тыс. до н. э. в Хакасии.

Сюжеты и отдельные рисунки из этого местонахождения очень часто использовались автором в качестве аналогий для обоснования датировок предметов мелкой пластики и культурной принадлежности некоторых археологических объектов Алтая (Кубарев В.Д., 1992а; 1993; 1999; 2006). Оригинальные рисунки устья реки Чуи (изображения руки, зебуобразные быки с длинными лировидными рогами и др. животные) вновь находят прямые параллели и точные аналогии в наскальных рисунках долины Инда в современном Пакистане (Кубарев В.Д., 1992в; 2007а; Йеттмар К., 1999). Достаточно подробные данные о наскальных изображениях Калбак-Таш II, а также ряд неизвестных ранее рисунков эпохи ранней бронзы из этого же комплекса, даны в сводной работе о петроглифах Алтая (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, рис. 32, 34–36). Особенно часто в научных статьях и научно-популярных изданиях фигурировали образы скифской эпохи и древнетюркского наскального искусства. В средневековых сценах комплекса Калбак-Таш II, выполненных в технике граффити, преимущественно, запечатлена удачная охота (Кубарев В.Д., 2003а; Кубарев В.Д., Якобсон Э., Цэвээндорж Д., 2000; и др.).

В изучении петроглифов этих первоклассных памятников древнего изобразительного искусства Алтая принимали участие: дгм А.М. Малолетко, дин Е.И. Деревянко. В те годы еще школьники и студенты: Д.В. Черемисин, Г.В. Кубарев, И.Ю. Слюсаренко, К.В. Чугунов, О.А. Деревянко, переводчица О.В. Павлова, старший лаборант Т.А. Кубарева и др., водитель Н.И. Портнов. В разные годы на Калбак-Таше также работали М.Д. Бриллиант и руководитель археологического кружка Ленинградского Дома детского творчества Н.А. Алексеева. В течение нескольких полевых сезонов проводили исследования профессор Я.А. Шер, французский исследователь доктор А.-П. Франкфор, американский профессор искусствоведения Э.Якобсон, профессиональный фотограф Г. Тепфер, польский ученый А. Розвадовски, японские и корейские археологи Т. Масумото, К. Оцука, Т. Осава, Кан Ин Ук, Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Со Гилсу, Со Джинсу и мн. другие иностранные ученые. Всем им автор признателен за действенную материальную помощь и ценные консультации.

В результате многолетнего научного содружества ученых разных стран мы обязаны появлению опубликованных работ не только в России (Шер Я.А., Франкфор А.-П., Кубарев В.Д., 1995; Кубарев В.Д., Со Гилсу, Со Джинсу, 2003; они же, 2004; Кубарев В.Д., Им Сегвон, Сонг Хвасоб и др., 2005), но и в зарубежной печати (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996; Kubarev V.D., 1989; 1993; 1998; 1996; 2001; 2005; 2006 и т.д.).

Первооткрыватели Калбак-Таша по достоинству не оценили значение памятника как полноценного источника по периодизации и реконструкции мифологических представлений, своеобразного культурно-хронологического «репера», к которому могут быть «привязаны» многие алтайские петроглифы. Горные святилища Калбак-Таш I и Калбак-Таш II, пожалуй, единственные на Алтае памятники, где на небольшом, но очень насыщенном рисунками участке сосредоточены наскальные композиции. Временной диапазон их широк: от эпохи неолита до древнетюркского периода. Интерес к Калбак-Ташу, значительно уступающему по площади и числу рисунков десяткам других алтайских местонахождений петроглифов, был обусловлен его ключевой ролью в периодизации петроглифических памятников Алтая и наскальных изображений соседних регионов Центральной Азии. Большое число палимпсестов в Калбак-Таше дает возможность проследить последовательность нанесения рисунков и эволюцию наскального искусства в пределах одного памятника. Многие сюжеты Калбак-Таша послужили поводом для дискуссий по проблемам интерпретации и уточнения хронологии азиатских петроглифов (Кубарев В.Д., 1997; 2004в; 2007а; 2007б; Черемисин Д.В., 2005; Советова О.С., 2007; Франкфор А.-П., Якобсон Е., 2004 и др.).

К сожалению, почти все петроглифы находятся в сфере интенсивной деятельности современного человека. Это и оживленная международная автомагистраль и, включение изобразительных памятников в туристический бизнес, неумелое обустройство и доступность плоскостей с рисунками и т.д. (Соёнов В.И., 2005). Уже сейчас им грозит

полное уничтожение, как и монгольским (китайским?) надписям на скале Бичикту-Кая, находящейся рядом в нескольких километрах от пос. Иня. В свое время их исследовали первые российские путешественники и ученые: Н.М. Ядринцев (1883 г.), В.В. Радлов (1889 г.), В.В. Сапожников (1911 г.), В.А. Верещагин (1927 г.) и мн. другие. Нам уже не суждено даже осмотреть этот памятник, так как в настоящее время, при расширении и поднятии Чуйского тракта над Катунью, надписи и пещера у бома Бичикту-Кая полностью засыпаны многометровым слоем грунта. А петроглифам Калбак-Таша грозит новая беда! Святилище с бесценными рисунками может быть полностью уничтожено в самое ближайшее время, потому, что оно расположено на пути строительства газопровода из Сибири в Китай.

В заключение этой публикацией я хотел привлечь внимание коллег, и, прежде всего, широкой общественности Республики Алтай к шедеврам древнего искусства Калбак-Таш – как к уникальному историческому источнику по древним культурам Центральной Азии. Необходимо объединенными усилиями продолжить и увеличить объем работ по комплексному изучению наскальных рисунков Алтая, потому что петроглифы буквально находятся «под открытым небом» и интенсивно разрушаются, и могут в самое ближайшее время, безвозвратно утрачены для науки и будущих поколений.

Библиографический список

1. Вадецкая, Э.Б. Памятники окуневской культуры / Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.Б. Максименков. – Л.: Наука, 1980. – 148 с.
2. Елин, В.Н. Петроглифы долины Томыш-Кан / Елин В.Н. // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 109–116.
3. Йеттмар, К. Новая область распространения скифского звериного стиля в Гиндукуше / Йеттмар К. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 64–65.
4. Ковтун, И.В. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы / И.В. Ковтун, И.Д. Русакова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 352–354.
5. Кочеев, В.А. Свод древнетюркских рунических памятников Горного Алтая / В.А. Кочеев. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2006. – 52 с.
6. Капелько, В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) / В.Ф. Капелько // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: 1986, ИИФиф СО АН СССР. – С. 105–111.
7. Кубарев, В.Д. Работы Восточно-Алтайского отряда / В.Д. Кубарев // АО 1984 года. – 1986а. – С. 182–183.
8. Кубарев, В.Д. Пятнадцатый год работы Восточно-Алтайского отряда / В.Д. Кубарев // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФиф СО АН СССР, 1986б. – С. 50–52.
9. Кубарев, В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор / В.Д. Кубарев // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 150–169.
10. Кубарев, В.Д. Древние росписи Каракола / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Наука, 1988а. – 173 с.
11. Кубарев, В.Д. Заповедная зона: Калбак-Таш / В.Д. Кубарев // Наука в Сибири. – Новосибирск, 1988б. – 14 апр.
12. Кубарев, В.Д. Памятник наскального искусства Алтая / В.Д. Кубарев // Природа. – 1989. – № 11. – С. 38–47.
13. Кубарев, В.Д. Периодизация петроглифов Калбак-Таша (Горный Алтай) / В.Д. Кубарев // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР. – 1990. – С. 154–157.
14. Кубарев, В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша / В.Д. Кубарев // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1992а. – С. 94.

Рис. I
Карта местонахождения
петроглифов Калбак-Таш I.

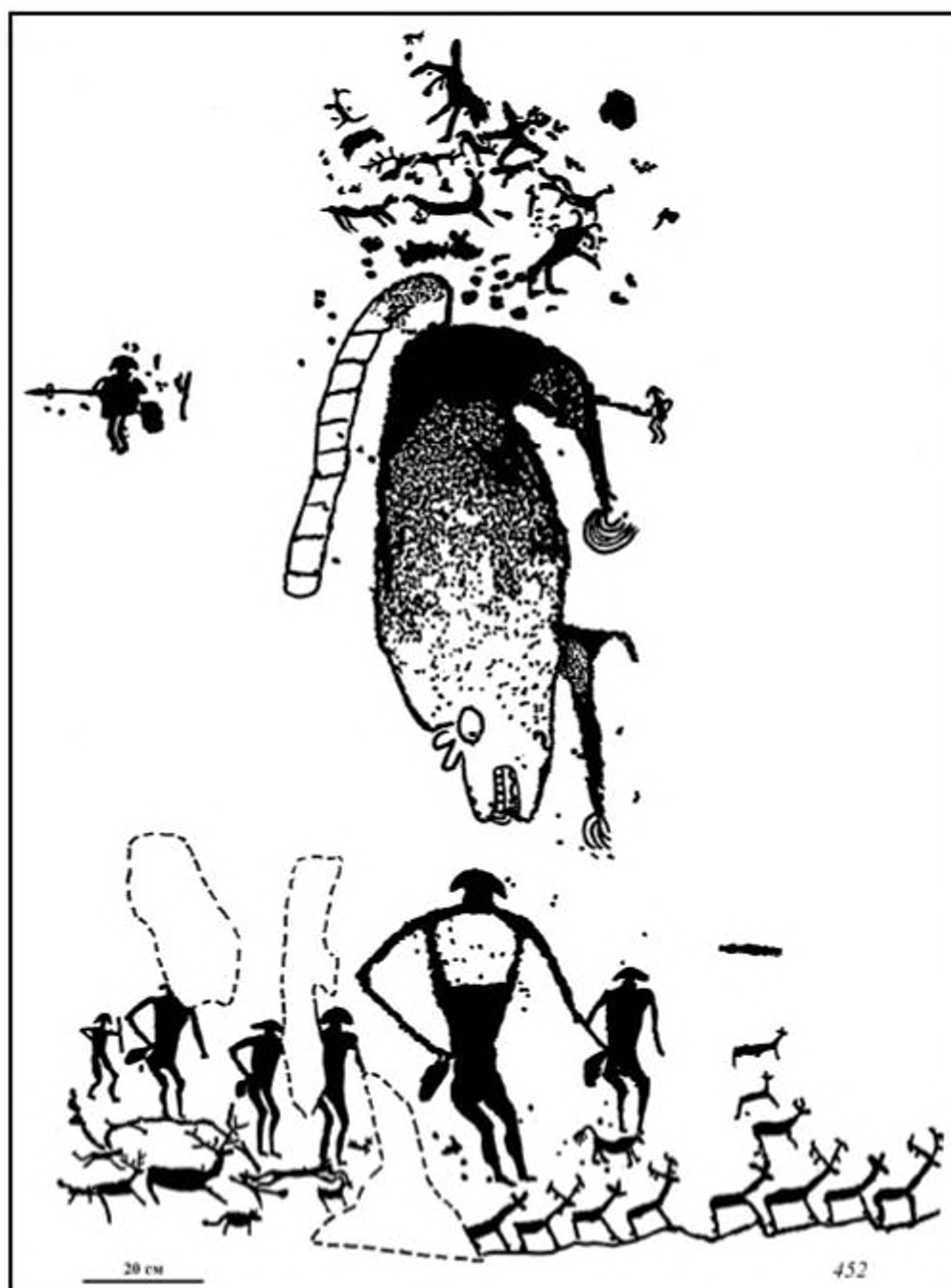
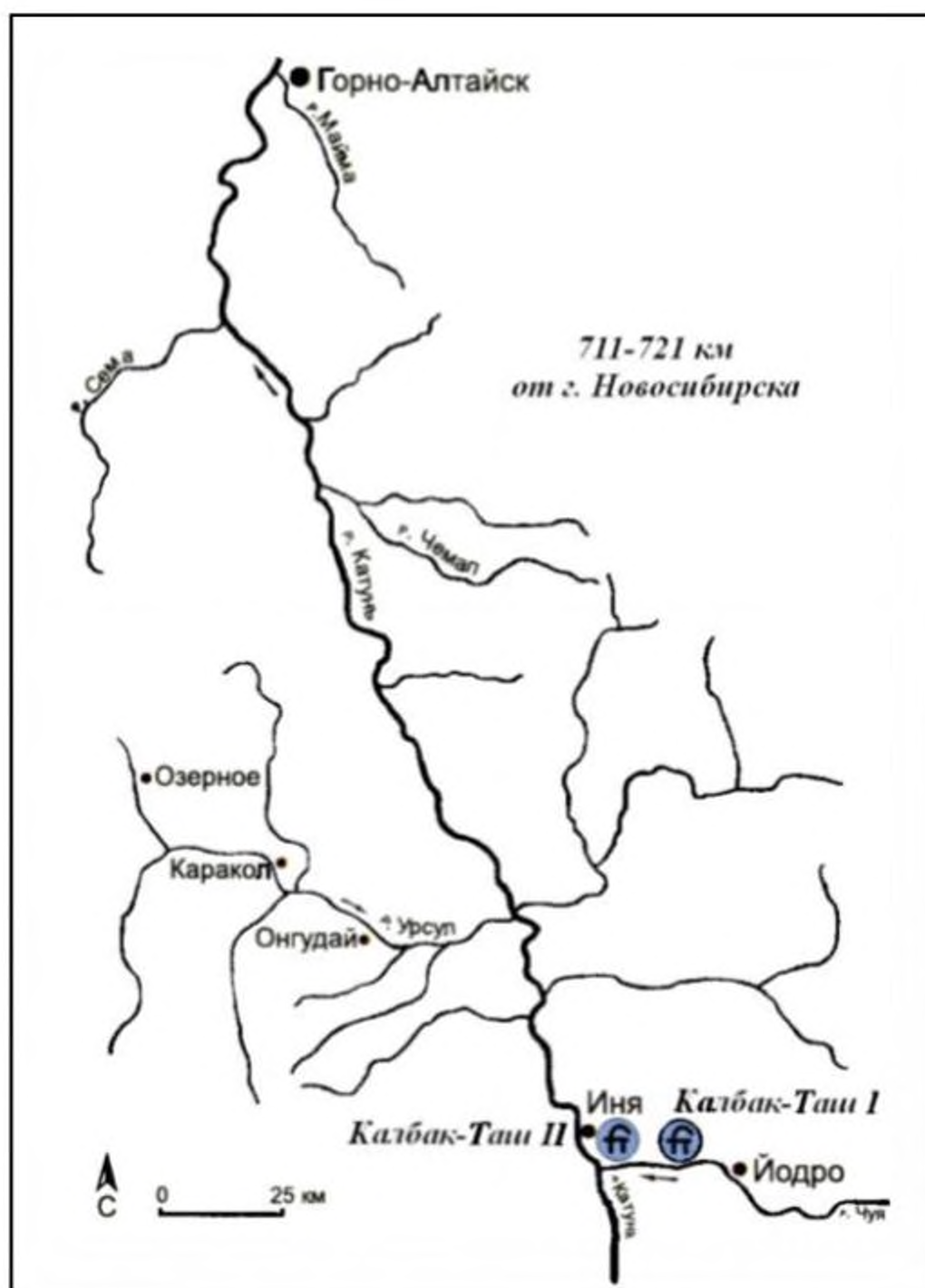

Рис. II
Одна из центральных композиций.
Калбак-Таш I. «Химера-дракон».

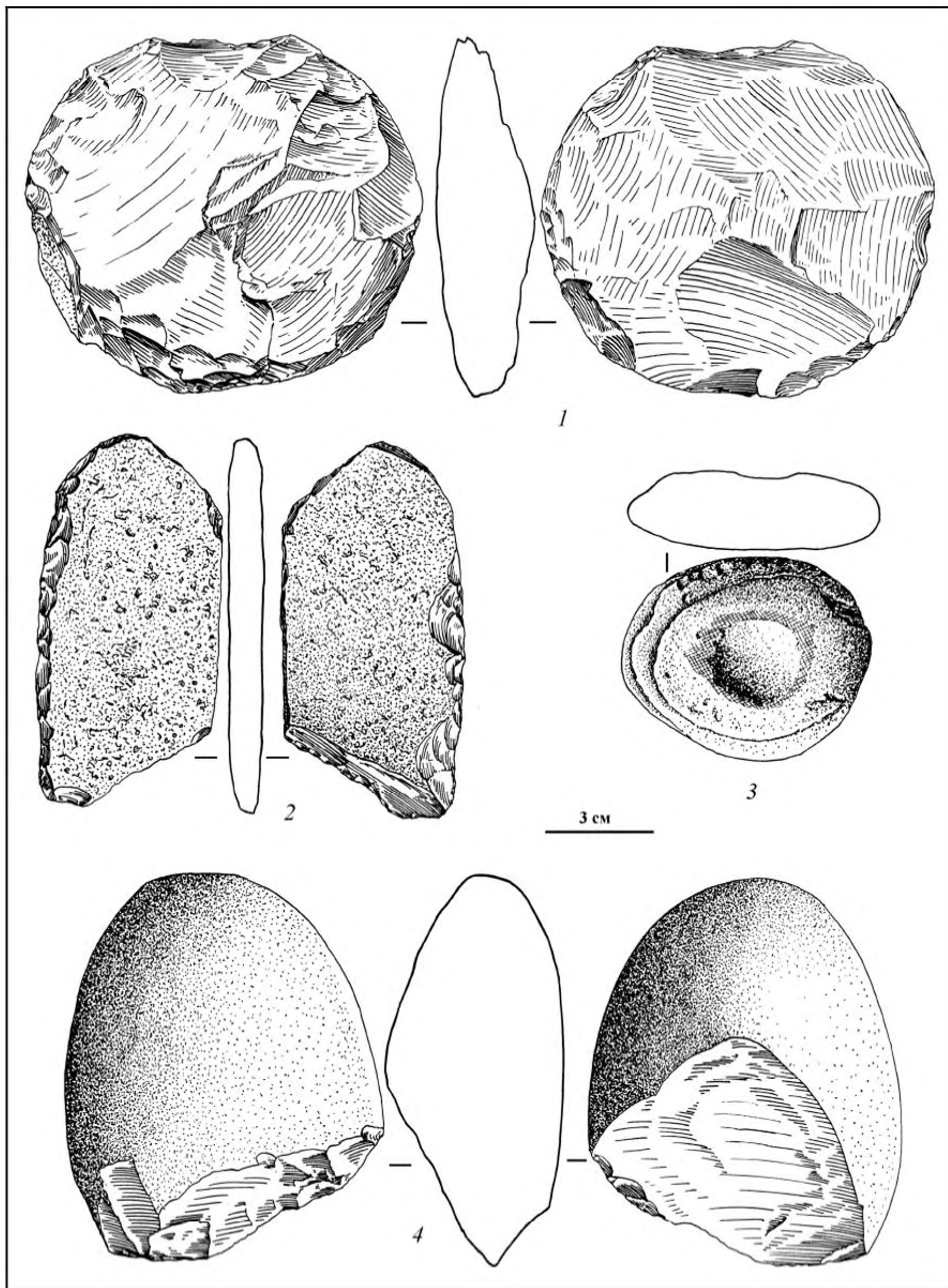

Рис. III

Каменные орудия (1, 2, 4) и каменная чашечка со следами красной охры (3), найденные в раскопе № 2 у скалы № VIII. Калбак-Таш I.

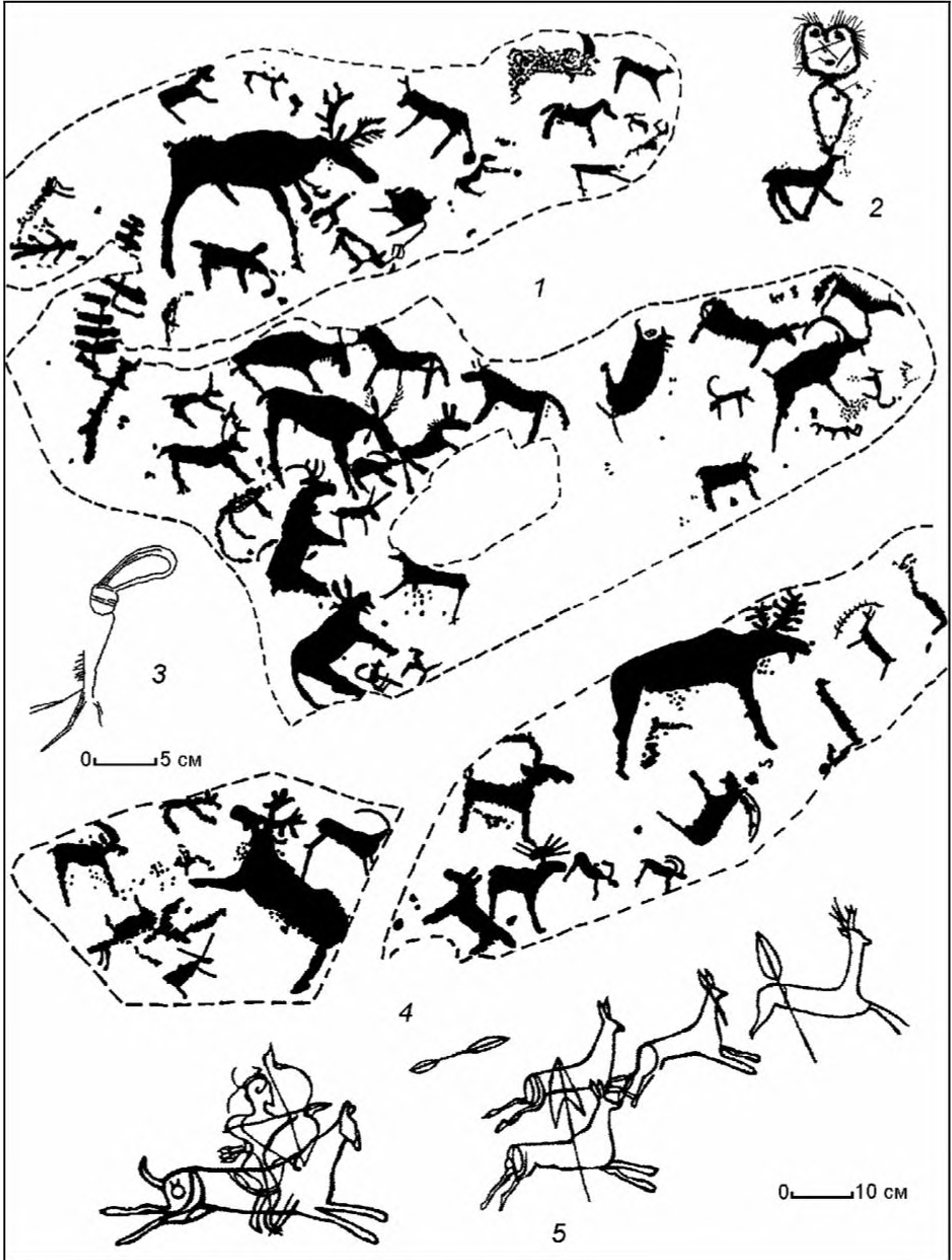

Рис. IV
Петроглифы Калбак-Таш II.

Рис. V

Стилизованные изображения женщин:
 левая часть – Калбак-Таш I, правая часть – Средний Енисей и Монголия.

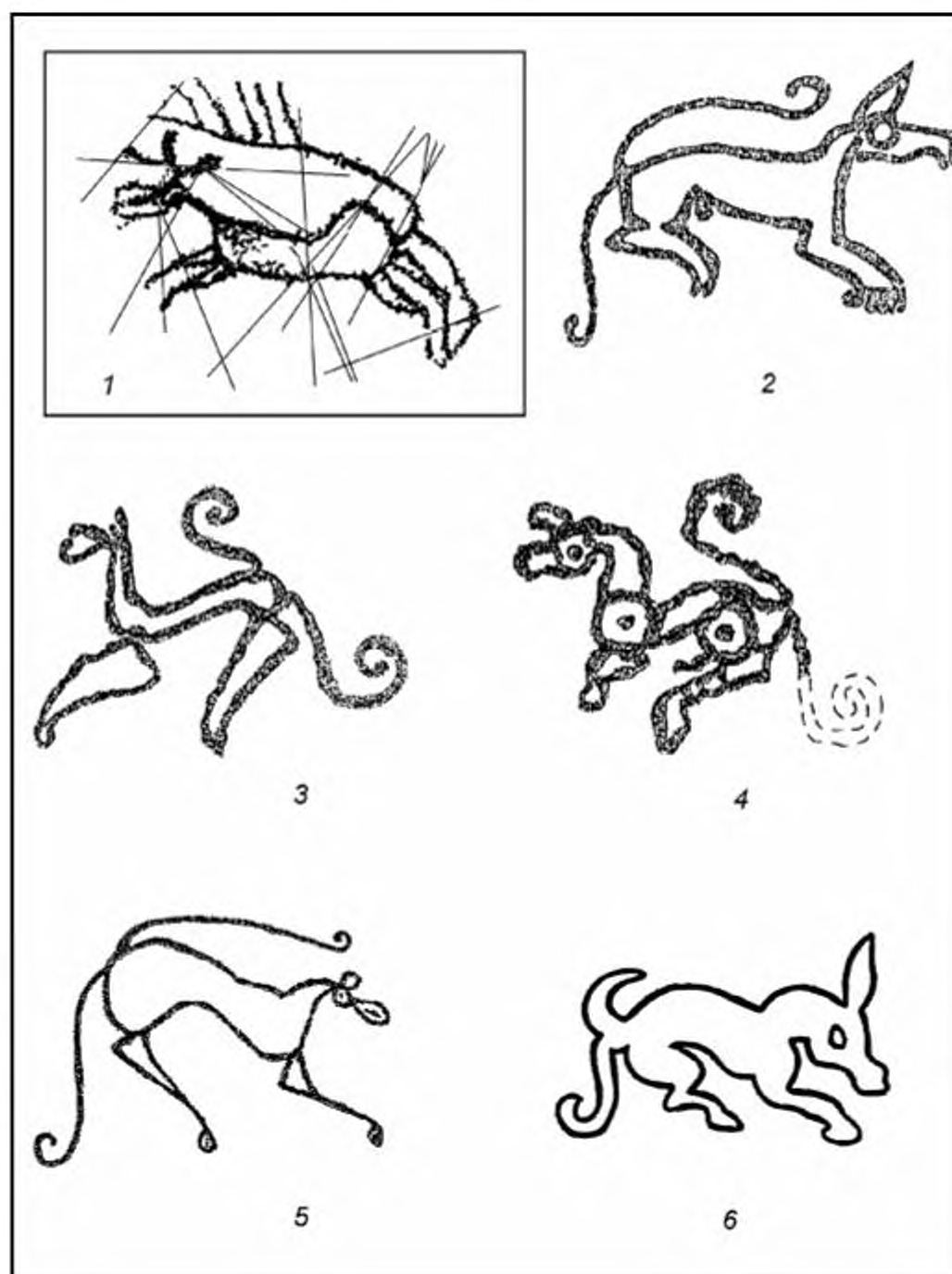

Рис. VI
Изображения
фантастического зверя:
1 – петроглиф из Калбак-Таш II;
2 – 6 – долина р. Инд. Пакистан.

15. Кубарев, В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992б. – С. 47–48.
16. Кубарев, В.Д. О некоторых параллелях в петроглифах Алтая и Гиндукуша / В.Д. Кубарев // Тез. к конф.: Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992в. – С. 48–49.
17. Кубарев, В.Д. К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая / В.Д. Кубарев // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1992г. – С. 68–73.
18. Кубарев, В.Д. Древние руны Алтая / В.Д. Кубарев // Наука в Сибири. – Новосибирск. 1992д. – № 17. Май.
19. Кубарев, В.Д. Наскальные рисунки Алтая / В.Д. Кубарев // Наука в Сибири. – Новосибирск. 1992е. – № 18. Май.
20. Кубарев, В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных памятников / В.Д. Кубарев. – Кемерово: Кем. Гос. Ун-т. – 1993. – С. 102–112.
21. Кубарев, В.Д. О петроглифах Калгуты // Наскальное искусство Азии / В.Д. Кубарев. – Кемерово: Кем. ГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 88–97.
22. Кубарев, В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 84–92.
23. Кубарев, В.Д. Наскальное искусство Алтая / В.Д. Кубарев. – Новосибирск–Горно-Алтайск, 2003а. – 124 с., в том числе 94 илл.
24. Кубарев, В.Д. Наскальная живопись Алтая (Алтаие амгак есульт) / В.Д. Кубарев. – Сеул: Хак ен, 2003б. – 133 с., в том числе 108 илл. (на корейск яз.).
25. Кубарев, В.Д. Вооружение древних кочевников по петроглифам Алтая / В.Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004а. – № 3. – С. 65–81.

26. Кубарев, В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: Из полевого дневника археолога / В.Д. Кубарев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004б. – 134 с.
27. Кубарев, В.Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации / В.Д. Кубарев // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А.Формозова): Сб. статей. – М.: ИА РАН, 2004в. – С. 228–242.
28. Кубарев, В.Д. Мифы и ритуалы, запечатленные в петроглифах Алтая / В.Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3. – С. 41–54.
29. Кубарев, В.Д. Калбак-Таш II: Памятник наскального искусства Алтая / В.Д. Кубарев // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007а. – Т. XIII. – Ч. I. – С. 282–287.
30. Кубарев, В.Д. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии / В.Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007б. – № 1. – С. 111–126.
31. Кубарев, В.Д. Каракол – Калбак-Таш: проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Алтая / В.Д. Кубарев // VII Рериховские Чтения: «Ступени восхождения». Мат-лы конф. 4–5 ноября. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2008. – С. 188–204.
32. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
33. Кубарев, В.Д. Алтай – Заповедная Зона / В.Д. Кубарев, Э. Якобсон, Д. Цэвээндорж // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кемер. Гос.Ун-т, 2000. – Том II. – С. 64–77.
34. Кубарев, В.Д. Обследование петроглифов Алтая / В.Д. Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 377–380.
35. Кубарев, В.Д. Обследование петроглифов Алтая в 2004 г. / В.Д. Кубарев, Со Гилсу, Со Джинсу // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – С. 306–308.
36. Кубарев, В.Д. Исследования Российско-Корейской экспедиции на Алтае / В.Д. Кубарев, Им Се Гвон, Сонг Хва Соб, Чанг Мёнг Су, Пак Гын Гунн, Ри Ха Ву, Г.В. Кубарев, О.Н. Хохлова, Ким Хо Сук, Банг Кук Чжин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 364–367.
37. Кубарев, В.Д. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алт. ГУ. – 2007. – 282 с.
38. Кызласов, И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая. Часть I. Памятники енисейского письма / И.Л. Кызласов. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – 162 с.
39. Миклашевич, Е.А. Памятники древнего искусства у села Озерного (Горный Алтай) / Е.А. Миклашевич // Археология Южной Сибири. – Вып. 24. – Кемерово: Изд-во «Летопись», 2006. – С. 102–127.
40. Надеяев, В.М. Древнетюркские надписи Горного Алтая / В.М. Надеяев // Изв. СО АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 65–81.
41. Окладникова, Е.А. Петроглифы Калбак-Таша / Е.А. Окладникова // Изв. СО АН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 61–64.
42. Окладникова, Е.А. Петроглифы Средней Катуни / Е.А. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1984. – 110 с.
43. Окладникова, Е.А. Хронология наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) / Е.А. Окладникова // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР. – 1987а. – С. 98–110.
44. Окладникова, Е.А. Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая / Е.А. Окладникова // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 170–180.
45. Окладникова, Е.А. Тропою Когольдея / Е.А. Окладникова. – Л.: Лениздат, 1990. – 189 с.
46. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии / Г.Н. Потанин. – СПб., 1881, Вып. II. – 90 с.

47. Пяткин, Б.Н. Шалаболинские петроглифы / Б.Н. Пяткин, А.И. Мартынов. – Красноярск: КГУ, 1985. – 188 с.
48. Радлов, В.В. Из Сибири / В.В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – 750 с.
49. Савинов, Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) / Д.Г. Савинов // Международная конференция по первобытному искусству. – Труды. – Кемерово: Кем. ГУ, 2000. – Том II. – С. 197–206.
50. Советова, О.С. К вопросу об «искусствоведческом и «археологическом» подходах к интерпретации изобразительных памятников / О.С. Советова // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31). – С. 103–114.
51. Соёнов, В.И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени / В.И. Соёнов // Древности Алтая.– Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003.– № 10. – С. 100–107.
52. Соёнов, В.И. Современное состояние памятников наскального искусства Алтая / В.И. Соёнов // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. – М.: Институт археологии РАН, 2005. – С. 242–244.
53. Франкфор, А.-П. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии / А.-П. Франкфор, Э. Якобсон // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2. – С. 53–79.
54. Хороших, П.П. Изображения на скале Ялбак-Таш / П.П. Хороших // КСИИМК. – М.-Л.: 1949. – Вып. XXV. – С. 132–133.
55. Черемисин, Д.В. К дискуссионным вопросам изучения наскальных изображений колесниц / Д.В. Черемисин // Мир наскального искусства. Сборник докладов международной конференции. – М.: Институт археологии РАН. – С. 267–270.
56. Шер, Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я.А. Шер. – М.: Наука, 1980. – 328 с.
57. Шер, Я.А. Обследование петроглифов Алтая / Я.А. Шер, А.-П. Франкфорт, В.Д. Кубарев // АО 1994 года. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 315.
58. Bemmann, M. Die Felsbildstation Dadam Das / M. Bemmann // Materialien zur Archäologie der Nordgebiete Pakistans. Band 5. – Verlag Philipp von Zabern. Mainz am Rhein, 2005. – 185 S. Taf. 67.
59. Kubarev, G.V. Recent rock art research in the Altai mountains (Russia) / G.V. Kubarev, A. Rozwadowski, V.D. Kubarev // International newsletter on rock art. – Paris, 2004. – P. 6–12.
60. Kubarev, V.D. Treasures of the Scythian Tombs / V.D. Kubarev // TERRA. – Vol. 27. – No. 4. March/April. – Los-Angeles, 1989. – P. 13–19.
61. Kubarev, V.D. Mysteries of the Asian Pearl / V.D. Kubarev // Korean Ancient Historical Society. Hanguk Sangosa Nakho. – Seoul: 1993. – No. 14. – P. 329–355.
62. Kubarev, V.D. Rock art of Altai mountains / V.D. Kubarev // Korean Ancient Historical Society. Hanguk Sangosa Nakho. – Seoul: 1998. – No. 29. – P. 203–239.
63. Kubarev, V.D. L'art antique des montagnes d'or / V.D. Kubarev // Tombes geleees de Siberie. Dossiers d'arceologie. № 212. – Paris, 1996. – P. 42–51.
64. Kubarev, V. Der Altai als Verkehrsweg "der großen Wanderer" / V. Kubarev // Antike Welt. – 2001. – № 2. – P. 121–137.
65. Kubarev, V.D. Traces of shamanic motives in the petroglups and burial paintings of the Gorno-Altai / V.D. Kubarev // Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. – Poznan: Instytut Wschodni UAM. – 2002. – S. 99–119.
66. Kubarev, V.D. Алутай: Найрику Азия ивага-гейдзуцу но сэйнару тюсин (Алтай: Сакральный центр наскального искусства Центральной Азии) / V.D. Kubarev // The World of Cultural Heritade. – 2005. – Vol. 18. – P. 12–15.
67. Kubarev, V.D. Kriegsthema und Waffenkult in Felsenzeichnungen des Altaigebirges (Тема войны и культ оружия в наскальных изображениях Алтая) / V.D. Kubarev // Arms and Armour as indicators of cultural transfer. The steppes and the ancient world from Hellenistic times to the early Middle Ages. Nomaden und Sesshafte. Band 4. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2006. – S. 3–18.
68. Kubarev, V.D. Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale / V.D. Kubarev, E. Jacobson. – Paris: Diffussion De Boccard, 1996. – T.V.5. – № 3. – 45 p. – 622 fig.

Маточкин Е.П.
(г. Новосибирск, Россия)

ДВА КОМПЛЕКСА ПЕТРОГЛИФОВ ИЗ БУЛАН-КОБЫ

Исследуемые петроглифы Булан-Кобы (Республика Алтай, Онгудайский район) расположены сравнительно недалеко от известного курганного могильника Булан-Кобы IV (Мамадаков Ю.Т., 1983–1985; Мамадаков Ю.Т., Тарасенко В.Н., 1986; Мамадаков Ю.Т., 1987; Мамадаков Ю.Т., 1994). Могильник находится на террасовом плато левого берега Катуня, в 5,5 км к югу от с. Иня. От южного края могильника вглубь по оврагу идёт машинная дорога, которая через 2 км приводит к зимнику, стоящему среди урочища. Хозяин этого зимника Н.М. Казатов показал находящиеся здесь наскальные рисунки. Ранее нами были опубликованы петроглифы из северо-западной части урочища (Маточкин Е.П., 2004). Настоящая статья посвящена двум другим комплексам петроглифов. Один из них расположен на возвышающейся к западу от зимника скале, другой – на огромном монолите, лежащем на склоне, спускающемся к речной террасе. Мы изучали эти петроглифы Булан-Кобы в октябре 2009 и в марте 2010 года.

Координаты первого памятника: $50^{\circ}25'04,2''$ с. ш.; $086^{\circ}36'04,6''$ в. д. Высота 931 м над ур. м. (по балтийской системе высот). Изобразительная плоскость составляет прямоугольник с высотой 1,5 м и шириной 1 м. Поверхность её неровная со сколом камня с северной стороны. Корочка загара, по которой производилась выбивка, ноздреватая и шероховатая, коричневого цвета. Лунки близко прилегают друг к другу, однако они неглубокие и лишь слегка обнажают более светлую породу камня, так что петроглифы под слоем патины выглядят как слабо различимые изображения. К тому же верхние рисунки просматриваются лишь частично из-за покрывающих их лишайников.

Комплекс петроглифов здесь подразделяется на две части: верхнюю с крупными изображениями и нижнюю – с более мелкими (рис.1). Все зооморфные персонажи этого памятника обращены вправо. В верхней части на высоте человеческого роста доминирует схематичный образ козла с большими дугообразными рогами. Туловище его прямоугольное по очертаниям и обрисовано в виде четырёх параллельных линий. Голова маленькая, ноги короткие. Аналогичные прямоугольно-линейчатые изображения встречаются среди петроглифов Цаган-Салаа (Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D., 2001, №58 и №114), Калбак-Таша (Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, №149); все они относятся к эпохе палеометалла.

Ниже, справа от козла просматривается фрагментарное, ещё более геометризованное, подобно прямоугольнику, изображение животного. Голова его скрыта лишайником, а ноги – сколом. Аналоги ему можно обнаружить среди петроглифов Арал-Толгоя (Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э., 2005, №18 и №117) эпохи бронзы. Между этими двумя изображениями явно позднее была выбита небольшая фигура собачки.

Под верхним рисунком выбит ещё один козёл. Он изображён совсем в иной стилистической манере. У него большие дугообразные рога, маленькая голова, очерченное контуром туловище с более редкой выбивкой по силуэту.

Статичность изображений, прямоугольность очертаний, некоторый схематизм, умозрительный характер образов – черты, присущие двум верхним изображениям, характерны для искусства бронзы. Изображение козла в силуэтной выбивке демонстрирует совсем иное понимание линии, стремление оживить её, придать ей некоторый декоративный оттенок. Всё это свидетельствует о предскифском времени.

Петроглифы нижней части значительно меньше по своим размерам. В стилистическом отношении они неоднородны. У двух верхних изображений животных (лошадей?) длинные тонкие ноги, дугообразно изогнутая спина и шея, поднятый задний круп и удлинённая морда. Эти петроглифы можно отнести к искусству скифо-сибирского звериного стиля, для которого характерно изображение животных в определённой декоративной манере и нередко в позе «остановленного бега».

Рис.1
Петроглифы Булан-Кобы.
Наскальные рисунки
вблизи зимника.
Шкала 10 см.

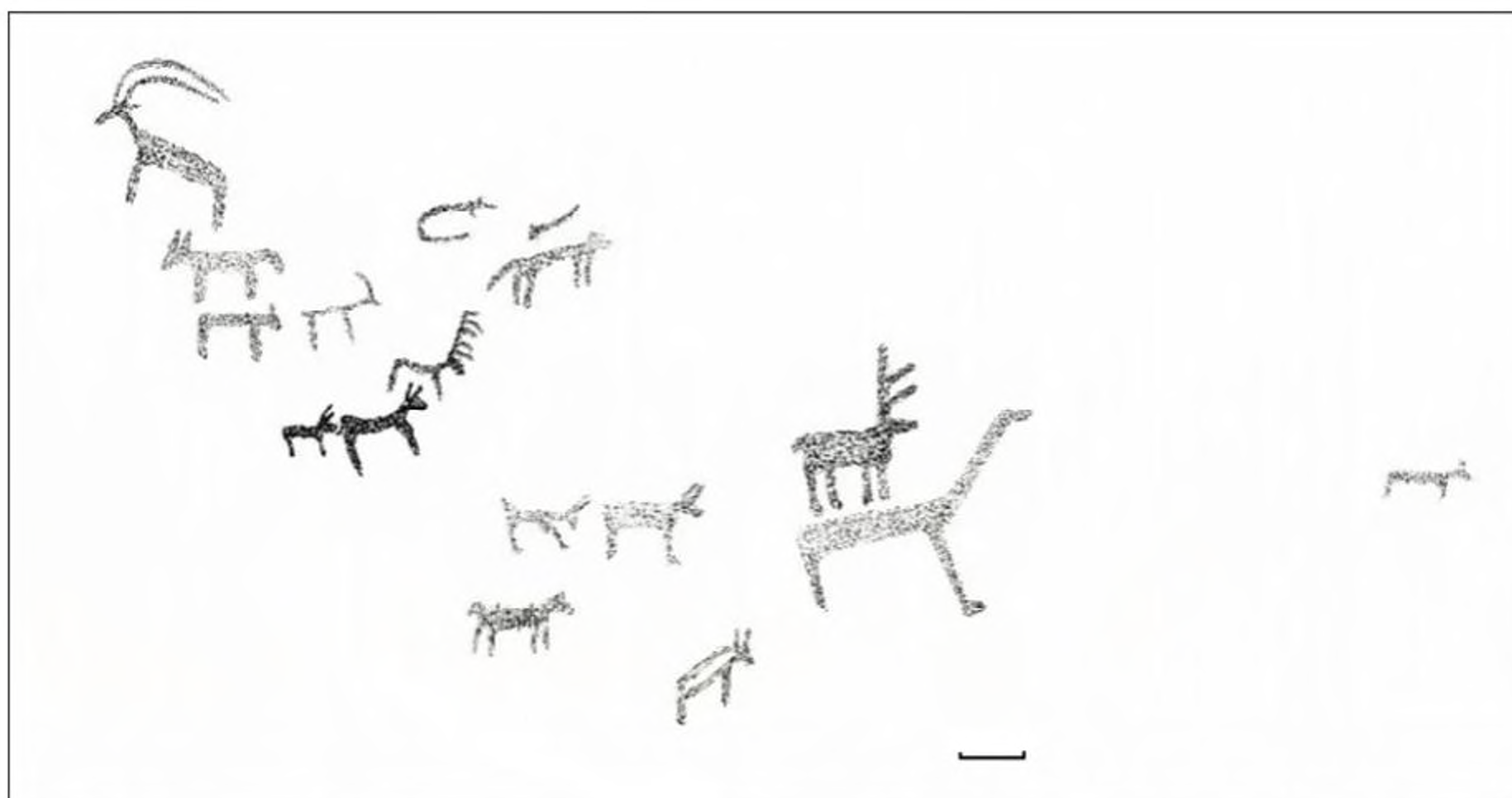

Рис.2 Петроглифы Булан-Кобы. Наскальные рисунки на монолите. Шкала 10 см.

Серия фигурок ниже – это наследие более позднего времени. И хотя их рисунок в какой-то мере повторяет очертания зверей эпохи ранних кочевников, однако всё же он заметно иной: туловище укорочено, ноги более толстые, на голове хохолок – то ли небольшой рог, то ли торчащие уши. Возможно, эти петроглифы относятся к гунно-сарматскому времени и связаны с булан-кобинской культурой и близко расположенными памятниками, которые раскапывал Ю.Т. Мамадаков.

Два еле видимых изображения слева, выбитых совсем слабо, – это, вероятно, ещё более поздние рисунки, хотя в чём-то и следующие ранним образцам.

Координаты второго памятника: $50^{\circ}24'52,6''$ с. ш.; $086^{\circ}37'05,1''$ в. д. Высота 828 м над ур. м. (по балтийской системе высот). Вертикальная восточная грань монолита, на которой нанесены рисунки, неровная, шероховатая и обрамлена лишайниками. Рисунки начинаются у земли и оканчиваются на высоте около 1 м. Ширина изобразительной плоскости 2 м. Выбивка неглубокая, мелкоточечная, лишь слегка отличающаяся светлым тоном от поверхностной корочки загара; некоторые изображения процарапаны. Из 17 зафиксированных здесь изображений только два просматриваются достаточно отчётливо, остальные – с трудом и подчас только угадываются (рис.2). За исключением двух верхних рисунков в левой части камня все остальные зооморфные персонажи обращены вправо. В стилистическом отношении петроглифы разнородны; некоторые из них представляют слабые реплики более ранних изображений; другие, почти однолинейные, характерные для рисунков алтайцев на бытовых предметах этнографического времени.

Петроглифы булан-кобинского монолита абсолютно статичны, за исключением фигуры верхнего козла. Он выбит по силуэту как бы поднимающимся в гору. По-видимому, это здесь наиболее раннее изображение. Точное время исполнения петроглифов определить сложно; вероятно, они возникли несколько столетий назад. Два нижних рисунка местный чабан процарапал два года назад.

В целом оба комплекса петроглифов Булан-Кобы демонстрируют непрерывность традиции нанесения наскальных изображений от эпохи бронзы до наших дней.

Библиографический список

1. Мамадаков, Ю.Т. Работы Онгудайского отряда / Ю.Т. Мамадаков // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С.212.
2. Мамадаков, Ю.Т. Работы в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // АО 1982 года. – М.: Наука, 1984. – С.216-217.
3. Мамадаков, Ю.Т. Раскопки памятников Горного Алтая / Ю.Т. Мамадаков // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С.223-224.
4. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: АГУ, 1985. – С.173-189.
5. Мамадаков, Ю.Т. Раскопки в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков, В.Н. Тарасенко // АО 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С.189-190.
6. Мамадаков, Ю.Т. Исследования в Горном Алтае / Ю.Т. Мамадаков // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С.259.
7. Мамадаков, Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры / Ю.Т. Мамадаков // Археология Горного Алтая. – Барнаул: АГУ, 1994. – С.58-63.
8. Маточкин, Е.П. Петроглифы Булан-Кобы / Е.П. Маточкин // Комплексные исследования древних и традиционных сообществ Евразии: сборник научных трудов. – Барнаул: АГУ, 2004. – С.399-402.
9. Цэвээндорж, Д. Петроглифы Арал Толгой (Монголия) / Д. Цэвээндорж, В.Д. Кубарев В.Д., Э. Якобсон. – Улаанбаатар: Институт археологии АН МНР, 2005. – 204с.
10. Jacobson, E. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale / E. Jacobson, V Kubarev, D. Tseveendorj. – Paris: De Boccard, 2001. – Т. 5, 6. – 132p., 346 taf., 399 photogr.
11. Kubarev, V.D. Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule №3: Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai) / V.D. Kubarev, E. Jacobson. – Paris: De Boccard, 1996. – 68p., 662 taf., 15 photogr.

Шульга П.И.
(г. Барнаул, Россия)

ИЗОБРАЖЕНИЯ КОПЫТНЫХ ГРИФОНОВ ИЗ ДУНХЭЙГОУ (СИНЬЦЗЯН)

Комплекс разнородных памятников в местности Дунхэйгоу расположен на юге деревни Шиженьцзы уезда Баликунь в восточной части Синьцзяна, у северного подножия гор Восточный Тянь-Шань (горы Баликуньшань). Памятник обследован в 2005 г. Научно-исследовательским центром культурного наследия и археологии Северо-западного университета при содействии Районного управления культуры Хами и Управления культуры уезда Баликунь. Обнаружены остатки трёх башен и сооруженных из камня 140 жилищ с каменными оградами, а также 1666 захоронений и 2485 камней с рисунками. Объекты, в основном, размещаются у горных склонов в двух узких и длинных горных долинах Дунхэйгоу и Чжигоу. Большая часть объектов относится китайскими исследователями к I тыс. до н. э. Интересующее нас захоронение M012 из Дунхэйгоу было исследовано 2006 г. (Раскопки 2006 г ..., 2007).

Описание погребения M012 и инвентаря. На поверхности объект M012 представлял собой кольцевидную насыпь высотой до 0,8 м, диаметром около 9,7 м. По верху насыпи в один-два слоя были уложены камни. В границах кольца по центру насыпи имелась обширная западина диаметром около 6,5 м. В верхней части могильная яма в плане имела вид широтно ориентированного овала размерами 4,55x4,85 м. Глубина её около 4,4 м. В заполнении могилы фиксировалось 4 слоя камней (рис. 1 – 1). Под первым слоем камней на северной стороне обнаружены кости человека и разрозненные кости животных. Под вторым слоем находился цельный костяк жертвенной лошади и отдельные имеющие повреждения кости человека. Тело лошади изначально укладывалась в широтном направлении грудью на запад. Голова была откинута и обращена к северу (рис. 1 – 2). Там же найдены кости барана и других животных. Под третьим слоем обнаружены кости человека, а также не опубликованные фрагменты керамики, изделия из железа, изделия из золота и другие предметы.

У дна могила сужалась широкими уступами. В 30 см ниже уступов располагалось основное погребение, находившееся в деревянной конструкции длиной 2,6 м типа подтрапцевидного сруба. Ориентация могилы и сруба с ЮЗ на СВ (рис. 1 – 3). На деревянном полу находились остатки костей человека, уложенного головой на СВ (судя по плану), по-видимому, вытянуто, на спине. Череп располагался примерно в 15 см от стенки «сруба», что указывает на отсутствие на голове умершего высокого головного убора. На деревянном полу среди следов гниения обнаружено довольно много фрагментов лака и кожи с рисунками черного цвета.

Погребальный инвентарь в основном концентрировался у черепа и таза умершего. Помимо украшений из золота и серебра обнаружена керамика, а также изделия из железа. Последние не опубликованы, но указано, что, несмотря на плохую сохранность, можно выделить железные «лепешки» кольцеобразной формы и железные крючки для пояса. Керамика представлена кувшинчиком высотой 12 см и миской диаметром по венчику 13,8 см (рис. 1 – 5, 6). На плане они отмечены в районе левого плеча умершего. Обнаружено значительное количество изделий из золотой фольги без каких-либо изображений: полусферическая бляшка диаметром 1,3 см (рис. 1 – 8), спиралевидная пластинка (рис. 1 – 9), четырёхлепестковые пластинки (рис. 1 – 10) и полоски (17 экз.) размерами около 7,3x1,4 см (рис. 1 – 7). На спиралевидной пластинке в кончиках углов и в центральной части имеются 4 группы сдвоенных отверстий для пришивания. Больше всего обнаружено одинаковых четырёхлепестковых пластинок (40 экз.), размерами около 3x3 см, толщиной 0,2 мм. Расположены они в разных частях могилы. Часть из них найдена у черепа. Месторасположение других предметов достоверно не указано. На плане погребения лишь отмечено несколько пластинок и изделий из фольги в районе центральной части могилы (рис. 1 – 3).

Особый интерес представляют пластины и бляшки из золотой и серебряной фольги с изображениями грифонов. Их количество указывает на симметричное расположение на

поясе и одежде: три золотых пластины и три серебряных; парные малые и большие серебряные сферические бляшки; две малые нашивные пластинки. Изображения могут быть подразделены на четыре группы.

Сцены терзания. Имеются на трёх больших золотых и на трёх больших серебряных нашивных пластинах.

Больших подпрямоугольных *пластин из золотой фольги* размерами 6,5x3 см насчитывается три экземпляра. Края пластин повреждены, но на всех из них по краям видны небольшие отверстия для пришивания. Рисунок на пластинах одинаковый (рис. 1 – 11). Хорошо просматривается упавшее на колени копытное существо с откинутым на спину большим «олениным» рогом, на отростках которого в ряд помещены три головки ушастых орлиных грифонов. Ниже, между ухом и лопаткой обозначен ещё один короткий закручивающийся кверху рог без головки. На одной пластине виден одиночный передний загибающийся кверху рог, также без грифоновой головки. Аналогичные передние рога видны и на идентичных серебряных пластинах (рис. 1 – 12). Существо имеет голову орлиного грифона с большим круглым глазом, сильно загнутым клювом и приострѐнным ухом. Клюв касается подогнутой левой передней ноги с хорошо видимым копытом. Другие части тела грифона закрыты терзающим его хищником. Судя по длинному характерно загнутому хвосту, изображался кошачий хищник, хотя голова его с узкой мордой и большими ушами больше напоминает волка. Следует указать, что авторы статьи, видимо, впервые столкнулись с такого рода изображениями. Поэтому они пишут не о сцене терзания или борьбы, а об отдельных элементах: трёх птичьих головках с орлиными клювами на рогах; голове тигра в левом углу пластин (голова копытного грифона), и о леопарде (терзающий хищник)*.

Серебряные пластины. Всего найдено три экземпляра. Две пластины размерами 6,8x3,2 см (рис. 1 – 12) по изображениям аналогичны золотым пластинкам. Такой же, видимо, изначально была и третья пластинка размерами 3,1x2,8 см. По мнению китайских исследователей, после её повреждения в древности, пластинку использовали вновь, пробив по углам четыре отверстия для пришивания.

Одиночные изображения копытных грифонов. Отштампованы на двух малых серебряных полусферических бляшках диаметром 2,5 см с плоской каёмочкой по краю (рис. 1 – 13). На обороте имеются прямые перемычки. Вверху слева отмечено одно небольшое отверстие. Подобные довольно массивные бронзовые бляшки с прочными перемычками в Китае обычно называют пуговицами (застѐжками). У изделий из Дунхэйгоу перемычки тонкие, а потому они, очевидно, являлись нашивными украшениями одежды. По мнению авторов публикации, «в орнаменте имеется изображение грифона, птичьей головы, олениного рога, лошадиные копыта». Не вполне ясно, что конкретно подразумевалось в этих определениях, но очевидно, что на бляшке изображен один копытный грифон с рогами, клювом, ухом и копытами. Левая передняя нога существа также подогнута, как и на описанных выше больших пластинах. На рисунке, как будто, видна и задняя нога, соприкасающаяся с передней. В этом случае можно было бы сказать, что грифон изображѐн с подобранными ногами, а не в позе поверженного существа с вывернутым задом. На второй, не опубликованной бляшке, по-видимому, имеется аналогичное изображение.

Однорогие грифоны. Отштампованы на двух подпрямоугольных пластинках из золотой фольги размерами 2,6x1,5 см (рис. 1 – 15, 16). По углам пластинок имеются отверстия для пришивания. На пластинах изображены повернутые в разные стороны головы похожих между собой фантастических существ. Авторы публикации называют их абстрактными изображениями драконовых голов. Судя по фото, эти изображения сильно деформированы и не имеют столь чѐтких очертаний, как это дано на рисунке. С достаточной уверенностью можно говорить о наличии у данных существ одного переднего загнутого вверх украшенного валиками рога, а также клюва и воротничка. По этим чертам

* Вместе с тем, в итоговой части статьи приводятся аналогии и ссылки на грифонов из Ордоса с головами птиц, рогами оленя и телом лошади (с. 60).

их можно предварительно определить как грифонов. Каковы глаза и уши по фото судить трудно. На рисунке левой пластинки, как будто, прочерчены контуры шеи.

Головы хищных птиц. Насчитывается две одинаковые крупные полусферические серебряные бляхи со штампованным изображением. Диаметр опубликованного экземпляра около 4,5 см (рис. 1 – 14). На оборотной стороне имеется чуть изогнутая перемычка. На лицевой стороне вокруг центрального круга расположены три головы хищной птицы. Каждая голова состоит из маленького кружка-глаза и большого кружка, обозначающего и ухо и собственно голову. Клювы птиц (грифонов) имеют своеобразную секировидную форму. В публикации же эти головы описываются как три группы рисунков: «Каждая группа состоит из двух окружностей – большой и маленькой – («узоры в виде капель») и узора в виде перевернутой буквы «е» (с. 55).

Хронология. По мнению китайских исследователей, «из раскопанных девяти захоронений четыре (M001, M011, M012, M015) принадлежат к могилам среднего типа, для которых характерны одиночные захоронения в положении на спине, вытянуто. Все найденные в захоронениях и внутри каменных окружностей вместе с людьми и домашними животными керамические изделия и другие предметы по форме и орнаменту близки обнаруженным при раскопках могильников Яньбулакэ, Ханьцигоу и Айсыкэсяэр из района Хами, датируемых первым тысячелетием до нашей эры. Вероятно, все они относятся к одной непрерывно существовавшей здесь культуре коренных жителей*». В целом, указанные погребения датированы начальным периодом Западной Хань, и определяются «как памятник культуры сюнну начального периода Западной Хань» (Раскопки 2006 г ..., 2007, с. 59).

Время существования Западной Хань – с 206 г. до н. э. по 8 г. н. э. Соответственно, все указанные погребения датируются авторами публикации примерно в рамках II в. до н. э. В действительности, эти погребения разновременны, и относятся к разным эпохам. Так, захоронение M015 с представительным комплексом вещей достоверно датируется завершающим этапом раннескифской культуры (вторая половина VII – начало VI вв. до н. э.) и не может быть позже середины VI в. до н. э. Найденные там бронзовые кольчатый нож, поясная пряжка и зеркало имеют много аналогий в раннескифских погребениях как на Саяно-Алтае, так и в Синьцзяне (рис. 2 – 3, 5, 6). Не выходят за рамки VII-VI вв. до н. э. и роговые черешковые наконечники с шипом (рис. 2 – 10). Предварительно V в. до н. э. может датироваться могила M011 по золотым серьгам с разомкнутыми кольцами и припаянными внизу конусами. Среди опубликованных вещей из могилы с грифонами M012 узко датирующих вещей нет. По изображениям грифонов её можно отнести к IV-III вв. до н. э., поскольку в достоверных комплексах VI-V и II-I вв. до н. э. на Саяно-Алтае они пока не обнаружены**. Могила M001 с железным черешковым ножом, возможно, относится ко II в. до н. э. В целом, по аналогиям из Саяно-Алтая, Казахстана и Синьцзяна, захоронения в могилах M011, M012 и M015 совершались с конца VII (или первой половины VI) по III вв. до н. э.

Несмотря на значительный хронологический разрыв (курганы M015 и M012 разделяет около 300 лет), между курганами M015, M012 и M011 много общего. При этом курган M012 занимает как бы промежуточное положение. По одним параметрам он ближе раннескифскому M015, по другим – M011. У всех объектов отмечены кольцевидные насыпи высотой до 50-80 см (диаметр, соответственно, 15 м, 8 м и 10 м) с камнями в один-два слоя. По центру фиксировалась обширная западина, под которой находилась глубокая могила (соответственно, 4,8 м, 2,2 м и 4,5 м). В курганах M012 и M015 округлые в плане могилы диаметром, соответственно, 4,5 и 6 м. В могилах поздних курганов M011 и M012 имелось по основному погребению на дне и один (M011) или три «поминальника» в заполнении. В каждом из этих курганов в поминальниках подхоронено по одной лошади, уложенной грудью на ЗСЗ. Сбруйные детали не зафиксированы. На дне курганов M015 и M012 находились подтрапециевидные срубы (?) длиной 2,5-2,6 см.

* В силу ряда объективных и субъективных причин, погребения, найденные в Северном Китае или Синьцзяне на одном могильнике и схожие между собой, как правило, относятся китайскими археологами к одной непрерывно существовавшей культуре.

** По мнению ряда исследователей, в Северном Китае они встречаются и во II-I вв. до н. э.

Умершие в основных могилах во всех курганах укладывались на спине, вытянуто. Судя по чертежам, ориентация умерших разная: в М015 предположительно на ЮЗ; в М011 – на СЗ; в М012 – на СВ*.

В раннескифском кургане М015 в заполнении могилы подхоронений (поминальников) нет, но они имеются в насыпи. Согласно описанию, располагаются они двумя слоями в насыпи. Если это так, то в кургане М015 представлен один из вариантов идеи ярусных подхоронений, широко распространённой в восточной части Синьцзяна. Таким образом, зафиксированный в кургане М015 погребальный обряд имеет сходные черты с курганами М011 и М012, но явно отличается по инвентарю и форме керамических сосудов, что, очевидно, объясняется разницей во времени.

Образ копытного грифона.

Копытные грифоны относятся к наиболее редким и загадочным мифическим существам восточной части скифского мира. Их изображения известны на Алтае (Пазырык, Катанда, Укок), в Туве (Грач А.Д., 1980, рис. 113 – 1, с. 79), и в Северном Китае (Бронзы ордосского стиля ..., 1986, на с. 356 рис. 4 – 1, 3; Bunker E.C., 1992, p. 104, fig. 9, 17 – 1,3; Ковалёв А.А., 1999, с. 80, рис. 2 – 1-3; Богданов Е.С., 2006, табл. XL – 3, 5, LIV – 1, 3, 4, и др.). Очевидно, были они и в Монголии. На это указывает как географическое положение, так и информация о нахождении верхнеудинской бляхи не в Бурятии, а в Монголии (Завитухина М.П., 1998, с. 143).

На Саяно-Алтае копытные грифоны наиболее хорошо представлены в памятниках пазырыкской культуры IV-III вв. до н. э. Они обнаружены в Пазырыке-2 (на татуировках мужчины и женщины), Ак-Алахе-3, Верх-Кальджине-2, Кутургунтасе и Катанде (Руденко С.И., 1953, рис. 80-83; 1960, рис. 151, к; Полосьмак Н.В., 1994, рис. 107; 2000, с. 117; 2001, рис. 151; Баркова Л.Л., Панкова С.В., 2005). На Алтае почти все рассматриваемые существа найдены на четырёх мумиях. Помимо этого известно только два деревянных изображения из Кутургунтаса (Полосьмак Н.В., 1994, рис. 107) и Катанды (рис. 3 – 6; Руденко, 1960, рис. 151, к). В Горном Алтае эти изображения обладали особой сакральностью, и почти не помещались на пояса, оружие, одежду, украшения и на сбрую. На Алтае в IV в. до н. э. эти существа «жили», преимущественно, в особом мире, на коже человека. Возможно, они изображались на татуировках и до этого – в VI-V вв. до н. э., но на Саяно-Алтае, в северной части Синьцзяна и в Северном Китае мумии пока не найдены. В связи с этим определённый интерес представляет бросающееся в глаза сходство рогатых копытных грифонов и рогатых хищников, на что уже обращалось внимание (Bunker E.C., 1992, p. 104; Черемисин Д.В., 2008, с. 101). На Саяно-Алтае два изображения рогатых хищников были нанесены на золотые пластинки, по-видимому, использовавшиеся в качестве украшения женского головного убора (Могильников В.А., 1983, рис. 3 – 2; Бородавский А.П., 2004, рис. 2 – 1, 3). Материалы из Кызыл-Джара-4, где было найдено одно из этих изображений и рогатый хищник из Тувы (Грач, 1980, рис. 53) можно датировать IV в. до н. э., как и копытных грифонов. Рогатые хищники из Туэкты-1, Нового Шарапа-1 и Алтайки (Руденко С.И., 1960, рис. 87; Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., 1994, табл. XVIII – 1; Фролов Я.В., 2006, рис. 1 – 35) датируются не позже второй половины V в. до н. э., на что также указывает наличие перед мордами хищников из Нового Шарапа-1 и Алтайки голов копытных животных (в Алтайке голова была обломана). Если образы рогатых копытных грифонов и рогатых хищников сосуществовали, то можно допустить традицию нанесения татуировок в виде копытных грифонов уже в V в. до н. э. не только на Алтае, но и в северной части современного Китая. Важно подчеркнуть, что в Горном Алтае нет металлических изображений копытных грифонов и не будь там мерзлоты, центром их распространения, несомненно, считался бы Северный Китай. К группе рассматриваемых грифонов можно предварительно отнести лишь одно изображение из могильника Локоть-4а в предгорьях Алтая (рис. 3 – 4). Оно было вырезано из золотой фольги и наклеивалось как аппликация на головной убор «золотого человека» (Шульга П.И., 2003, рис. 58 – 4, 5). Не

* В описаниях могил ориентация умерших не указана, и заключение делается по рисункам. В итоговой же части отмечено, что у всех (?) умерших ориентация головой на СЗ (с. 60).

смотря на предельную стилизацию, в правой стороне аппликации угадывается вытянутая вперёд нога с копытом, в центральной вырезаны две головки ушастых грифонов с крупными ушами, а в левой – три отростка оленьих рогов.

На территории Северного Китая, Монголии и Забайкалья копытные грифоны известны только в металле и по большей части относятся к украшениям пояса. В целом они подобны алтайским, но большинство из них изображено стоящими (рис. 3 – 8-11). Представлены как одиночные изображения (рис. 3 – 10, 11), так и в паре с нападающим хищником небольшого размера (рис. 3 – 8, 9). Встречаются существа с вывернутым крупом (рис. 3 – 7; Ковалёв А.А., 1999, рис. 2 – 18; Богданов Е.С., 2006, табл. XL, 5), лежащие с «правильно» подогнутыми ногами (рис. 3 – 12; Bunker E.C., 1992, fig. 17 – 3), а также геральдически противопоставленные на поясной пряжке (рис. Ковалёв А.А., 1999, рис. 2 – 4)*. На Алтае стоящим изображён только один копытный грифон с деревянной бляхи из Катанды (рис. 3 – 6). Поза фрагментарно сохранившегося изображения грифона из Кутургунтаса не ясна. Все остальные копытные грифоны с Алтая изображены с вывернутым крупом (рис. 3 – 1-3, 5).

Глубокого исследования образа копытного грифона не проводилось, и даже в специальных работах по искусству звериного стиля он лишь упоминается (Переводчикова Е.В., 1994, с. 124; Черемисин Д.В., 2008, с. 60), или рассматривается попутно как участник сцен терзания (борьбы) (Богданов Е.С., 2006, с. 65-66). Помимо этого имеется лишь две небольших статьи, в одной из которых рассматриваются верхнеудинская бляха, датированная примерно V-IV вв. до н. э. (Завитухина М.П., 1998, с. 147), а в другой – семантика «клювоголового оленя ...» (Черемисин Д.В., 2008).

Тело рассматриваемого существа на Алтае и в Туве обычно похоже на тело оленя (марала) или коня. Почти всегда изображаются копыта, длинный хвост кошачьего хищника, круто загнутый на конце морды клюв и ветвистые оленьи рога, как правило, заканчивающиеся головками грифонов. На конце хвоста и гривы также могла помещаться одна головка грифона. По мнению А.Д. Грача на зеркале в Мажалык-Хавузу-1 из отростков рогов «выползают змеи» (1980, с. 79), но это сходство, скорее всего, результат нечёткости и условности изображения по краю зеркала. У многих существ ниже основных ветвистых рогов оленя намечены или реалистично изображены рога горного козла. Очевидно, что в этом образе сочетались черты нескольких существ. Так, в отношении существа из Мажалык-Ховузу-1 (Тува) А.Д. Грач писал: «Фигура совмещает черты пяти животных – голова грифа, тело копытного (круп вывернут вверх), хвост кошачьего хищника, один рог горного козла, другой маралий ... Эта фигура имеет ближайшие аналогии среди мотивов татуировки вождя из Второго Пазырыкского кургана ...» (1980, с. 79).

Э.С. Банкер описывает «мифологическое копытное животное» из Ордоса следующим образом: «Основное копытное животное из Налиньгаоту – олень с круглыми глазами и гипертрофированным клювом хищника, головкой хищной птицы на конце хвоста, раздвоенными копытами, и большими изогнутыми рогами с ушастыми головками хищных птиц на концах отростков. То же самое существо, изображаемое в неестественной позе с вывернутым на 180 градусов крупом имеется среди татуированных мифических животных на теле человека, найденного в Пазырыке-2 IV в. до н. э.» (Bunker E.C., 1992, p. 103).

Устоявшегося наименования для этого «фантастического зверя» нет. Используемые иногда названия «таранда» («тарандр») (Руденко С.И., 1960, с. 302; Завитухина М.П., 1998, с. 146; Богданов Е.С., 2006, с. 65), «конь-грифон» (Полосьмак Н.В., 1994, с. 9) или «конегрифон» (Ковалёв А.А., 1999, с. 80) не «приживаются» в научных работах, поскольку указывают лишь на отдельные черты этого чрезвычайно сложного образа. Вполне естественно, что этот образ чаще просто описывают по признакам, или применяют сразу несколько наименований**. При этом обычно используются слова «копытный» и «грифон». Думается, словосочетание

* Здесь не учитываются похожие, но не имеющие клюва, существа с рогами заканчивающимися головками грифонов.

** Показательна позиция Д.В. Черемисина, вынесшего в заголовок название «клювоголовый олень», но по тексту использовавшего иные определения, в том числе «клювоголовый конь» и «грифон-конь» (2008, с. 104).

«копытный грифон» вполне может быть использовано для обозначения рассматриваемого существа. Впрочем, данный вопрос не имеет принципиального значения.

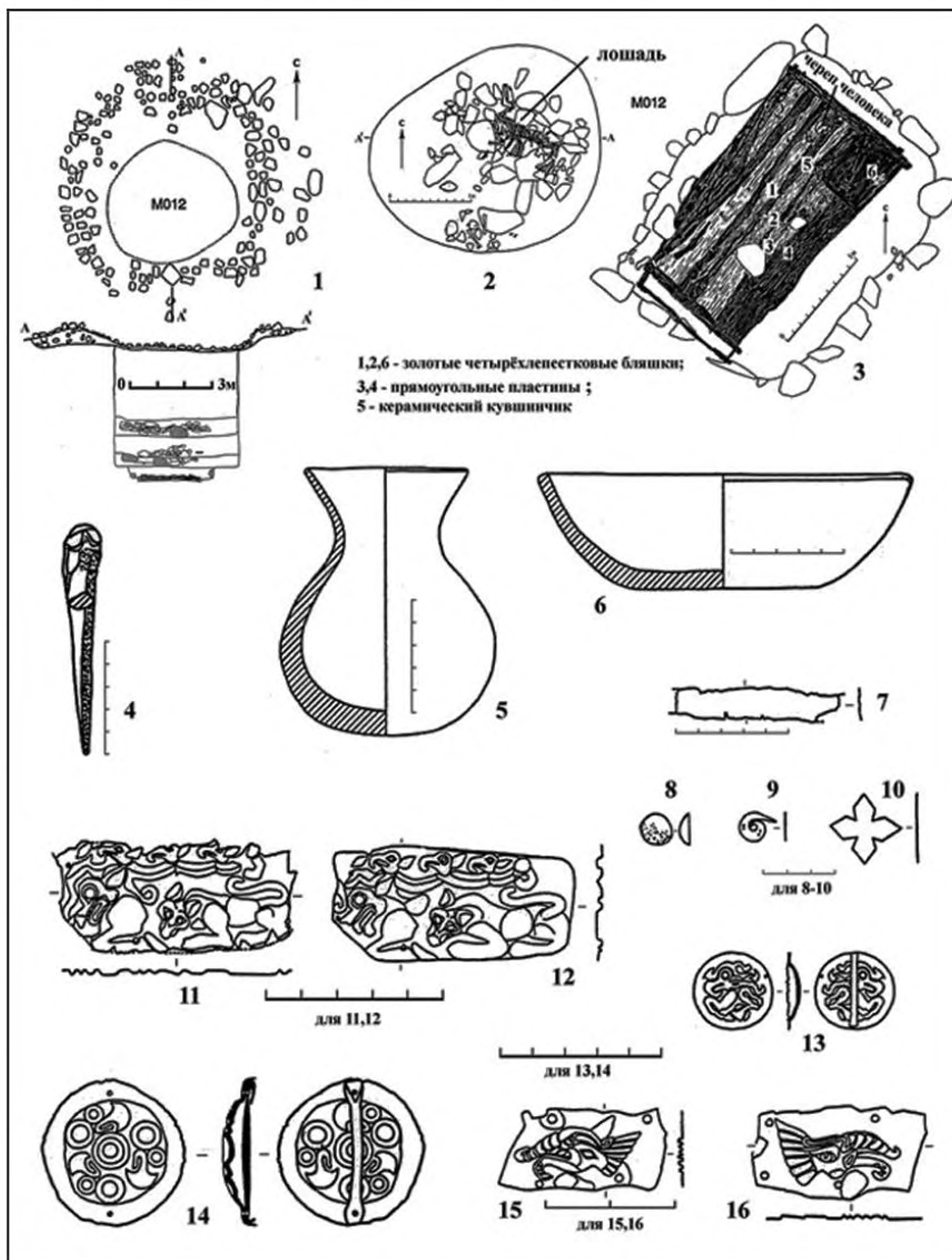

Рис. 1

Дунхэйгоу, курган M012. 1 – план и разрез кургана; 2 – план захоронения лошади в слое №2; 3 – план погребения человека на дне могилы (слой №4); 4 – костяная «проколка»; 5, 6 – кувшин и миска; 7 – полоска; 8-10 – сферическая, спиралевидная и четырёхлепестковая бляшки; 11, 12 – большие нашивные пластины со сценой терзания; 13, 14 – малая и большая сферические бляшки; 15, 16 – малые нашивные пластинки с «драконом». Золото – 8-11, 15, 16; серебро – 12-14; керамика – 5, 6.

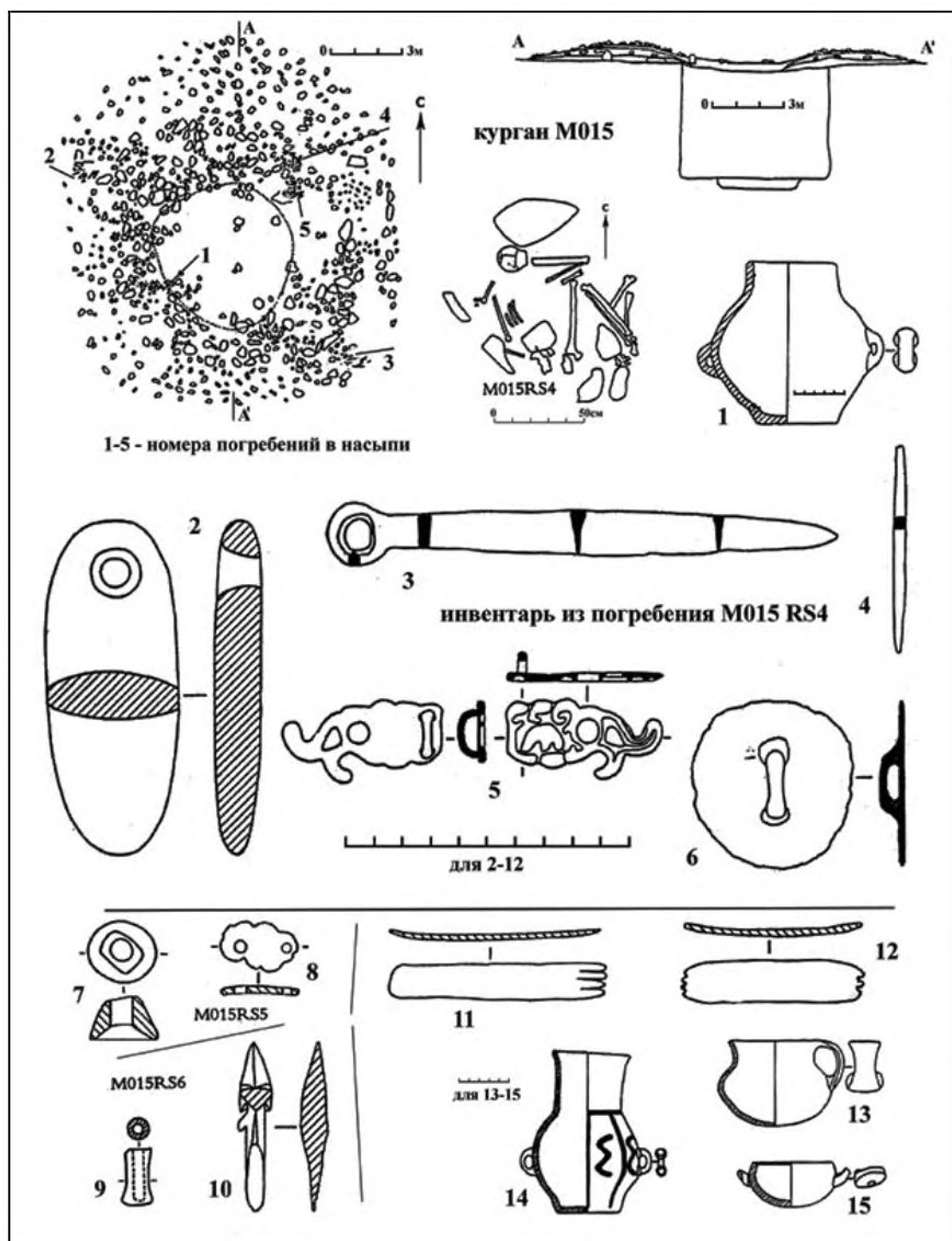

Рис. 2

Дунхэйгоу, курган M015. План и разрез кургана, план погребения M015RS4. Инвентарь из погребения M015RS4: 1 – «чайник» с ручками на тулове; 2 – оселок; 3, 4 – нож и шило; 5, 6 – поясная пряжка и зеркало. Инвентарь из других погребений под насыпью: 7 – ворворка, 8 – зооморфная бляшка; 11, 12 – орнаменты (?); 13-15 – сосуды. Инвентарь из погребения на дне могилы M015RS6: 9 – навершие; 10 – наконечник стрелы. Бронза – 3-6; рог (кость) – 7-12; керамика – 1, 13 – 15; камень – 2.

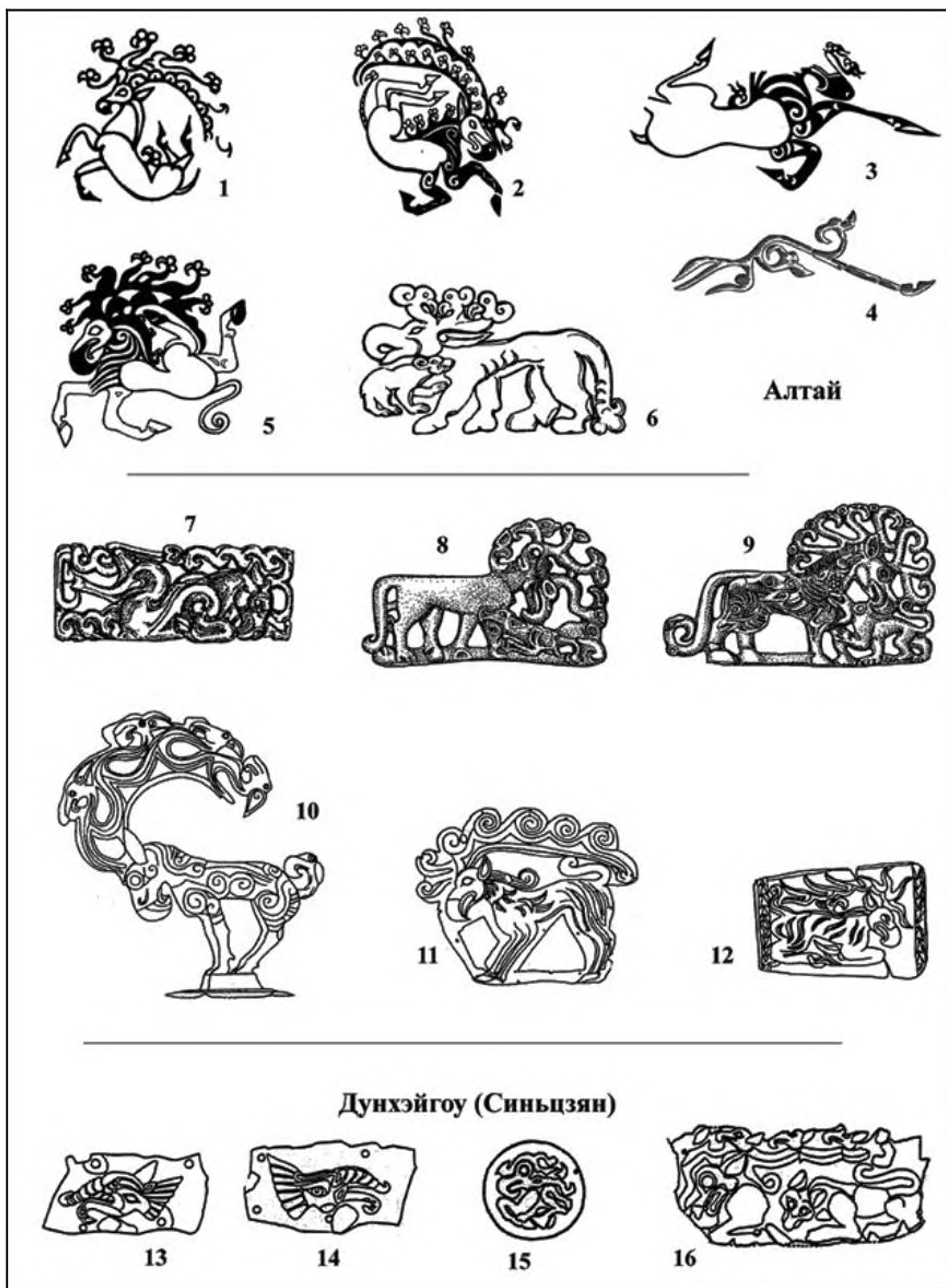

Рис. 3

Копытные грифоны. 1 – Ак-Алаха-3; 2, 5 – Пазырык-2; 3 – Верх-Кальджин-2; 4 – Локоть-4а; 6 – Катанда; 7 – Монголия, случ. находка; 8 – Северный Китай, случ. находка; 9 – Забайкалье (Монголия ?), случ. находка; 10-12 – Северный Китай (Налиньгаоту, Сигоупань). 1, 3 – по: Полосьмак Н.В., 2001, рис.151; 2, 5 – по: Руденко С.И., 1953, рис.82, 83; 4 – по: Шульга П.И., 2003, рис.36; 6 – по: Руденко С.И., 1960, рис.151, к; 7-

9 – по: Богданов Е.С., 2006, табл. XL – 5; LIV – 1,4; 10-12 – по: Ковалёв А.А., 1999, рис. 2 – 1-3.

Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу совершенно иные. Так, на прямоугольных серебряных и золотых поясных (?) пластинах грифон упал на колени передней левой ноги (положение остальных ног не видно), а хищник довольно крупных размеров терзает его сзади (рис. 1 – 11, 12). Эта первая сцена, где копытный грифон фактически находится в положении терзаемого травоядного животного. Ранее это можно было лишь предполагать по изображениям грифонов с вывернутым крупом (рис. 3), а также по сценам терзания похожих рогатых существ без клюва (Руденко С.И., 1960, рис. 150, б; Богданов Е.С., 2006, табл. LXII, 1). Не имеют аналогий и найденные в Дунхэйгоу вписанные в круг копытные грифоны с малых выпуклых бляшек (рис. 1 – 13). Судя по рисунку, их задние и передние ноги сведены вместе примерно также, как у лежащего грифона из Северного Китая (рис. 3 – 12). Третий тип грифонов («драконов») с воротничком, тонким клювом и одним направленным вперёд рогом (рис. 1 – 15, 16) среди различных грифонов скифского мира аналогий не имеет, вне зависимости от точности опубликованного рисунка.

Время существования и территория распространения.

По мнению специалиста по Северному Китаю Э.С. Банкер, изображения копытного грифона первоначально появляются там в IV в. до н. э. на юго-востоке Ганьсу (к западу от Ордоса), а затем в Ордосе, преимущественно в памятниках III в. до н. э. (Bunker E.C., 1992; 1997, p. 74). Это связывалось с проникновением воинственных отрядов с запада и северо-запада (возможно, Южной Сибири), маршрут которых проходил по коридору Ганьсу и затем на север по Хуанхэ к области Ордос. Исследовательница отмечала, что это предположение «помогло бы объяснять различия и сходство в иконографии и художественных стилях, появившееся среди кочевых племен на северо-западных границах древнего Китая в IV-III вв. до н. э. (Bunker E.C., 1992, p. 104). А.А. Ковалёв предполагал, что образ «конегрифона» «явно пазырыкского происхождения» появляется на севере Ордоса также с IV в. до н. э., но наиболее распространяется в «западноханьское время» (II-I вв. до н. э.). Объяснялось это «влиянием с северо-запада», воспринятом в среде кочевой элиты на севере Ордоса (1999, с. 81).

Необычность и своеобразие грифонов из Дунхэйгоу позволяют по-иному взглянуть на уже упомянутое предположение о миграциях между Алтаем и Ордосом через Ганьсуйский коридор (см. Bunker, 1992, p. 104). Если таковые имели бы место, то в восточной части Синьцзяна (Дунхэйгоу), расположенной на пути следования населения из Южной Сибири (Алтая), должны были бы встречаться копытные грифоны алтайского типа. В свою очередь копытные грифоны типа найденных в Дунхэйгоу могли распространиться на связанных предполагаемыми миграциями Алтае и Северном Китае. Грифоны же из Дунхэйгоу уникальны, что говорит о существовании в северо-восточной части Синьцзяна особой изобразительной традиции, независимой от Алтая и Ордоса. По этой же причине не подтверждается мнение китайских исследователей о привнесении в Дунхэйгоу образов копытного грифона племенами ранних сюнну с востока (Ордоса). Эти примеры ещё раз подтверждают непродуктивность многочисленных миграционных теорий в попытке объяснить близость в искусстве, вооружении и конском снаряжении удалённых друг от друга культур на Саяно-Алтае и в Китае. Очевидно, что образ копытного грифона (как и изображения тигра, терзающего копытное, и многие другие) распространяется примерно в одно время на территории Саяно-Алтая, Северной части Синьцзяна, Забайкалья, Монголии и Северного Китая. В Горном Алтае изображения копытного грифона, видимо, воспроизводились до финала пазырыкской культуры в III в. до н. э. (Катанда). На территории Северного Китая, по мнению некоторых исследователей, он фиксируется во II в. до н. э. и даже в I в. до н. э. (см. выше), но эти датировки, на наш взгляд, требуют дополнительного анализа.

Библиографический список

1. Баркова, Л.Л. Татуировки на мумиях из Больших пазырыкских курганов (новые материалы) / Л.Л. Баркова, С.В. Панкова // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005. – №2(22). – С. 48-59.
2. Богданов, Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция) / Е.С. Богданов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 240 с.
3. Бороодовский, А.П. Изображение фантастического рогатого хищника на золотых пластинах Горного Алтая / А.П. Бороодовский // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. 1. – С. 200-204.
4. Грач, А.Д. Древние кочевники в центре Азии / А.Д. Грач. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
5. Завитухина, М.П. Золотая пластина из Забайкалья с Сибирской коллекции Петра I / М.П. Завитухина // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: РИЦ «Культ-информ-пресс», 1998. – С. 143-148.
6. Ковалёв, А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V-III веках до н. э. / А.А. Ковалёв // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С.75-82.
7. Переводчикова, Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи / Е.В. Переводчикова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 206 с., ил.
8. Полосьмак, Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы) / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск: ВО «Наука». Издательская фирма, 1994. – 125 с.
9. Полосьмак, Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ / Н.В. Полосьмак // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 57-85.
10. Полосьмак, Н.В. Всадники Укока / Н.В. Полосьмак. – Новосибирск: Изд-во «ИНФОЛИО-пресс», 2001. – 336 с.: ил.
11. Руденко, С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., ил.
12. Руденко, С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время / С.И. Руденко. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с., ил.
13. Фролов, Я.В. Материалы скифского времени из Новоалтайского могильника / Я.В. Фролов // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 63-66.
14. Черемисин, Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры: Семантика звериных образов в контексте погребального обряда / Д.В. Черемисин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 136.
15. Черемисин, Д.В. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве / Д.В. Черемисин // Тропой тысячелетий: К юбилею М.А. Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 99-105.
16. Шульга, П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а / П.И. Шульга. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с., ил.
17. Раскопки 2006 г памятника Дунхэйгоу в уезде Баликунь. Памятники культуры Синьцзяна (Синьцзян Вэнью). – 2007. – №2. – С. 32-62. (на кит. языке).
18. Bunker, E.C. Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. / E.C. Bunker // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – Vol. 6. – 1992. – P. 99-115.
19. Bunker, E.C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes / E.C. Bunker. – New York, 1997.
20. Бронзы ордосского стиля (ордосы ши цинтунци). – Пекин, 1986. – 402 с. (на кит. яз.).

Кызласов И.Л.
(г. Москва, Россия)

РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ АЛТАЙСКОГО УРОЧИЩА ТЕКЕ-ТУРУ

В 1992 г. Е.П. Маточкиным на правом берегу р. Карагем была обнаружена новая наскальная надпись. Карагем – правый приток Аргута, падающего в Катунь в верхнем ее течении, в юго-западной части Кош-Агачского района Республики Алтай. Через два года Евгений Палладиевич издал описание и прорисовку памятника (рис. 1 – 1), прочтение и перевод которого выполнил С.Г. Кляшторный (Кляшторный С.Г., Маточкин Е.П., 1994). Через 10 лет была издана еще одна прорисовка надписи, сделанная на месте (рис. 1 – 2), и краткое описание скальной поверхности (Черемисин Д.В., 2004, с. 41, рис. 2). Судя по контексту публикации, надпись изучалась в 2000 г. В 2006 г. данные о памятнике были включены в сводный перечень рунических памятников Горного Алтая (Кочеев В.А., 2006, с. 29).

Надпись находится в северо-восточной оконечности приречной долины и вырезана на отвесной сланцевой скале близ алтайской стоянки Теке-Туру. Текст нанесен на высоте 1,5 м от подножия двумя вертикальными строками. Иных условий размещения надписи в публикациях не содержится. Правее текста легкими штрихами нанесены поздние рисунки, принадлежащие к этнографической культуре алтайцев. Множество подобных линий проходит и через буквы раннесредневекового текста (рис. 1 – 1, 2).

Мне не привелось видеть подлинник. Однако хорошее знакомство со многими руническими надписями Алтая, позволяет ныне предложить новое понимание этого письменного памятника. Впечатление о плохой его сохранности, высказанное в публикациях, обманчиво и, можно думать, порождено привлечением к левой строке надписи не относящихся к ней резов, отмеченных на прорисовке Д.В. Черемисина выше текста и в иных местах поверхности камня. Их «так и не удалось разобрать», поскольку они не являются буквами. Не способствовали прочтению и другие лишние борозды, переданные на прорисовках левой строки надписи.

По этим причинам С.Г. Кляшторный не смог предложить уверенное прочтение левой строки (оправданно воспринятой как первая): $b\ddot{o}rt(e)k \sim b\ddot{u}rt (t)(e)k$ «Бёртек (имя собственное)» или «Подобный Бюрту», оговаривая, что «Бюрт в енисейских надписях дух смерти, может быть, "ночной кошмар"». При этом, судя по предложенной здесь же транслитерации, тюрколог сомневался в возможности понимания последнего знака слова как k (и дополнительно предлагал загадочный для меня набор знаков греческого алфавита, тем же сопровождая и транслитерацию правой строки). Левая строка читалась уверенней: $b(i)t(i)d(i)m$. Однако, поскольку резы правой части строки воспринимались как несохранившиеся буквы, перевод ее исходил из утраты имени писавшего: «Я, (такой-то) написал (это)» (исправляю здесь опечатки цитируемого издания – И.К.). Тем самым, заключаем, что наскальный двухстрочный текст понимался предшественником как две самостоятельных надписи.

Предлагая новое прочтение, я исхожу из того, что обе строки нанесены одной рукой и составляют связное выражение. Подтвердить это палеографическими особенностями памятника по прорискам, конечно, невозможно в полной мере: нет данных о сходстве или различии следов примененного инструмента и манере вырезания борозд рунических знаков. Можно лишь до некоторой степени опереться на сходство характерных начальных рун ψb^2 обеих строк (рис. 1 – 1-3). Существенной и весьма редкой особенностью обеих строк надписи, подкрепляющей мое предположение, является их начертание (и, соответственно, прочтение) не снизу вверх, как обычно для Алтая, а сверху вниз. В единстве текста убеждает и его грамматическое и орфографическое оформление.

Обе строки начинаются на одной высоте, состоят из 5 букв и имеют равную протяженность (рис. 1 – 3). Судя по данным, указанным в публикации Е.П. Маточкина и С.Г. Кляшторного для левой строки, длина обеих начертаний составляет по 9 см, а высота

букв (измеряемых мною по рисунку В.Д. Черемисина) – 3-4 см для первой и 2,5-3,5 см – для второй строки. В последнем случае размер знаков уменьшается к концу надписи.

Текст: I. ⇐↓⇒☉↓

II. ←↗↘↓↓

Транскрипция: (I) bört(i)p (II) b(i)t(i)d(i)m {ä}

Перевод: (I) (Осознав и) ощутив (II) я написал (это).

Разбор.

I. 1-5. Последний знак слова не может быть ↓k, как предполагал С.Г. Кляшторный, поскольку эта буква писалась не с опущенными, а с поднятыми левыми отводками. Перед нами рунический знак ⇐p, на прорисях снабженный лишней чертой слева (см. усиливающий эту мысль рисунок Д.В. Черемисина). Подобные графические излишества мы встречаем здесь на прорисях и при фиксации руны ⇒r² (третьей в строке).

Следовательно, составляющее строку слово является деепричастием времени сопровождения или предшествования основного деяния, оговоренного здесь же в стк. II. Глагольной основой здесь служит слово bört- «ощущать, осязать; касаться» примененное не в прямом, а в религиозном значении, зафиксированном раннесредневековыми буддийскими текстами уйгурского письма. В них производное от этого глагола существительное börtmäk / böritmäk передает «ощущение», возникающее как результат философско-религиозного осознания соприкосновения человеческих органов чувств с внешним миром (Древнетюркский словарь, 1969, с. 118). Эта особенность лексемы отражена в предлагаемом мною переводе дополняющим смысл словом «осознав».

Записанная рунами основа глагола, согласно звуковому синкретизму руны ☉, могла иметь и форму бүрт-. Такой фонетический вариант засвидетельствован другими письменными памятниками раннего средневековья (Древнетюркский словарь, 1969, с. 132).

II. 1-5. Четырьмя рунами здесь записан глагол bit- «писать», стоящий в первом лице прошедшего времени. Опознав его, С.Г. Кляшторный не смог лишь угадать (хотя к этому располагала прорисовка Е.П. Маточкина) применение здесь пятой руны ←a/ä, столь обычной в надписях Алтая, в значении знака окончания надписи. Знак был распознан Д.В. Черемисиним (не сумевшем, в отличие от предшественника, рассмотреть первые две буквы слова).

При первой публикации надписи ее палеографическое определение было дано неверно. Для названного в статье классического енисейского письма совершенно несвойственно использование орхонского по природе своего начертания знака ↓b², начинающего обе строки нашего камнеписного текста. Применение этой сохраненной от предшествующей письменной традиции руны – весьма распространенный палеографический признак, позволяющий отличать особый алтайский вариант енисейской письменности. Ему соответствует и настолько же обычная и самобытная для алтайского письма орфографическая особенность анализируемой надписи – применение руны ←a/ä в качестве непроизносимого при чтении знака окончания надписи.

В общем собрании осмысленных наукой наскальных рунических надписей Горного Алтая, ныне уже многочисленном, находит свое вполне определенное место и надпись Теке-Туру. Это очередной манихейский философско-богослужебный текст, лаконично засвидетельствовавший определенный уровень достигнутого верующим религиозного состояния и совершенного им в знак этого у скалы обряда. Буддийские понятия и термины, применяемые в таком случае, довольно обычны для рунических надписей Южной Сибири в целом и Горного Алтая в частности (наибольшие серии таких письменных памятников ныне представлены в работах: Кызласов И.Л., 2001; 2002; 2003).

Каждая подобная надпись не просто пополняет наши знания о сибирском манихействе, исповедовавшемся тюркоязычным населением раннего средневековья. Без источников, предоставляемых рунологией, этого весьма значимого культурного явления нашей истории попросту невозможно понять.

Алтайские древности, сопрягаемые с археологическими источниками всей Южной Сибири, кардинально меняют наши всё еще глубинно-примитивные представления о духовной культуре, на деле свойственной раннесредневековому местному обществу.

Библиографический список

1. Древнетюркский словарь. Редакторы: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. – Л., 1969. – XXXVIII + 676 с.
2. Кляшторный, С.Г. Памятники древности из Теке-Туру / С.Г. Кляшторный, Е.П. Маточкин // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1994. – № 1. – С. 74-75.
3. Кызласов, И.Л. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) / И.Л. Кызласов // Древние цивилизации Евразии. История и культура. – М., 2001. – С. 243-270.
4. Кызласов, И.Л. Памятники рунической письменности Горного Алтая / И.Л. Кызласов. – Горно-Алтайск, 2002. – 162 с.
5. Кызласов, И.Л. Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай) / И.Л. Кызласов. – М., 2003. – 109 с.
6. Черемисин, Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая / Д.В. Черемисин // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. – № 1. – С. 39-50.

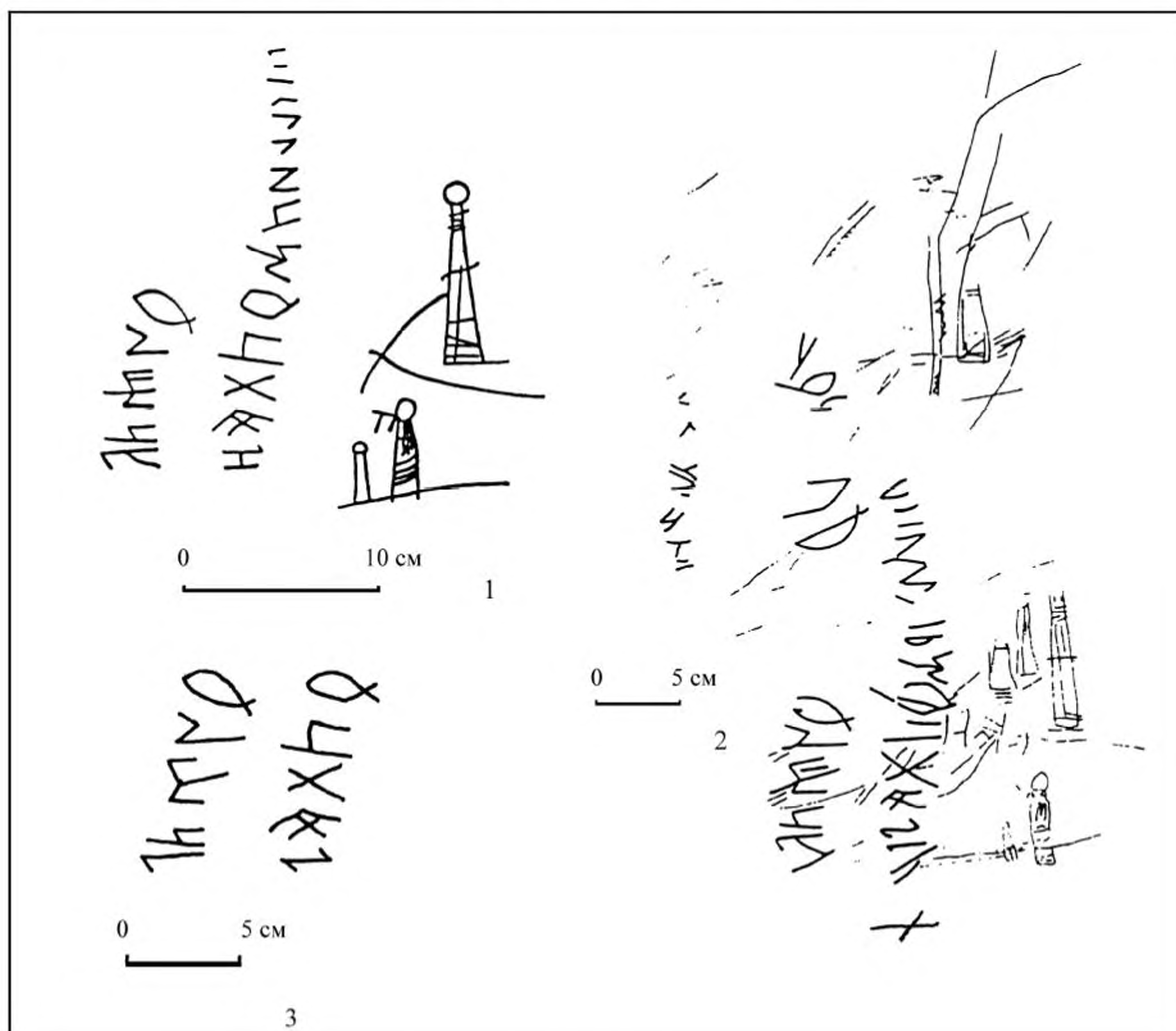

Рис. 1

Прорисовки надписи в урочище Теке-Туру:
1 – Е.П. Маточкина, 2 – Д.В. Черемисина. 3 – реконструкция надписи автором.

Азбелев П.П.
(г. Санкт-Петербург, Россия)

К ИСТОРИИ СЕДЕЛЬНОГО ДЕКОРА

1. Новые копёнские находки

Через посредников ко мне попали фотографии вещей из частного собрания в Абакане – бронзовой бляшки от декоративного седельного набора, исполненной в виде скачущего всадника, и фигурных решм (рис.1; рис.2 – 6). По переданным мне словам коллекционера, бляшка в виде всадника найдена близ с.Копёны (Богградский район Хакасии). Обстоятельства находок (как и нынешнее местонахождение вещей) неизвестны. Все предметы до мелочей близки известным копёнским находкам; скорее всего, они и происходят с Копёнского чаатаса (Евтюхова Л.А., Киселёв С.В., 1940) – памятника, знаменитого с XVIII века, ставшего в советское время одним из символов сибирской археологии, а в последние годы, по рассказам местных жителей, облюбованного новыми бугровщиками, не встречающими сопротивления со стороны лиц, чьей обязанностью как раз и является сбережение культурного наследия на местах. Есть сведения о существовании ещё одной фигурной решмы, бляшки в виде облака и комплекта S-образных псалиев «капчальского» типа с дополнительными подвижными кольцами (аналогия: Левашова Л.А., 1952, с.123, рис.1 – 38); скорее всего, эти вещи, тоже попавшие в какие-то частные коллекции, происходят, как и публикуемые здесь, из разграбленных копёнских могил.

Публикуя эти находки, я должен прежде всего выразить глубокую озабоченность судьбой древностей Минусинской котловины. Дело охраны археологических памятников поставлено у нас, к сожалению, скверно. Размах расхищения историко-культурного наследия ныне таков, что едва ли не превышает объём законных научных раскопок. Нельзя сказать, что правоохранительные органы бездействуют: то и дело из разных городов приходят новости об изъятии незаконно добытых древностей; но в поле охранять памятники некому, и разграбление нашего национального достояния не прекращается, «к великому ущербу исторического знания» (Г.Ф. Миллер).

Порой коллекционеры готовы в той или иной форме предоставлять оказавшиеся у них материалы для изучения – часто, как и в данном случае, анонимно и в виде фотографий; не все коллеги считают возможным использовать в академических исследованиях вещи сомнительного происхождения, но учитывать нужно, с моей точки зрения, все доступные находки, не забывая об особенностях их происхождения. Поддерживая атмосферу нетерпимости к разорению памятников, научное сообщество обязано по мере сил и цивилизовать стремление людей к коллекционированию редкостей; без тех или иных форм сотрудничества с частными собирателями это невозможно.

Скорее всего, публикуемые вещи происходят из т.н. «тайников». Это слово очень неточно, поскольку им обозначают совершенно разные объекты:

1) Жертвенники – ямки с сосудами. В таком контексте были найдены знаменитые копёнские блюда и кубки (Киселёв С.В., 1949, с.337, табл.LV – 5). Жертвенники по своему месту в ритуале близки ямкам с сосудами, встречающимся около поминальных оградок; в такой же ямке («съеденной» почвообразовательными процессами), всего вероятнее, первоначально находилась и знаменитая «Сверкающая чаша» с могильника Над Поляной. Седельных и сбруйных бляшек в жертвенниках не бывает.

2) Обособленные от погребения кучки инвентаря на площади оград, свойственные более поздним кыргызским памятникам аскизской культуры. Публикуемые вещи старше аскизских, так что речь должна идти об объектах иного рода.

3) Неглубокие ямки-«ячейки» на площади оград чаатасов, содержавшие погребения по обряду трупосожжения на стороне вместе со всадническим инвентарём (как раз из-за малой глубины эти могилы, уцелевшие от бугровщиков XVIII в., и становятся ныне лёгкой добычей преступников, орудующих металлоискателями). Именно в таких ямках на Копёнском чаатасе были сделаны предыдущие находки и трёхчастных решм, и фигурок

всадников («рельефов», как называли их Л.А. Евтюхова и С.В. Киселёв). Всего вероятнее, из такой могилы, одной или нескольких, и происходят публикуемые вещи.

Историко-культурный контекст сбруйных решм и седельных украшений, публикуемых в этом сообщении, восстанавливается с привлечением редких и разрозненных находок, а потому любые суждения неизбежно предварительны. Однако уже сама повторяемость форм и композиций, о которой идёт речь ниже, указывает на существование неких тенденций развития, воплощавшихся в культурных фактах, и в древности-то не массовых, а ныне и вовсе единичных, но оттого не менее значимых для исследователя.

2. Об азиатских пельтовидных формах и их культурном контексте

Копёнские фигурные решмы с трёхчастным завершением я уже комментировал в связи с известной увгунтской находкой (Азбелев П.П., 2007а), и здесь лишь суммирую и дополню ранее сказанное о них. Они имитируют (видимо, через ляское посредство) уйгурские пельтовидные подвески (заимствованные, в свою очередь, с запада) и представляют собой локальный типологический феномен – решмы с листовидной основой, оформленные под трёхчастные «пельты» путём добавления к основе боковых зооморфных лопастей; использовались они как сбруйные или уздечные украшения. Их трактовка может уточняться по мере углубления представлений о ранней (до середины IX в.) уйгурской культуре, о её влиянии на киданей и о позднейших кидане-кыргызских контактах X в.

Обсуждая азиатские пельтовидные подвески, нужно указать и юстыдскую находку из раскопок В.Д. Кубарева на Алтае, найденную с уздечкой и потому интерпретируемую как налобное украшение (Кубарев Г.В., 2005, с.370; с.213, табл.31 – 4; с.347, фото 21, внизу). Она особенно интересна в сопоставлении с более крупными увгунтской и копёнскими находками (рис.2). Вместо композиции из противопоставленных животных здесь – лишь симметричный узор из рельефных растительных завитков, перекликающийся с рисунком, вырезанным на седельной луке из той же могилы (там же, с.214, табл.32 – 4-5); нет ни подвесок-бубенцов, ни колец для них (это и понятно, учитывая назначение); скоба для подвешивания – почти как в Увгунте, но контур верхнего края подвески оформлен уже «под решму» (рис.2 – 5-7). Вещь найдена в комплексе с поясным набором из серебряных подквадратных блях без прорезей или скоб для подвесок, с декором из X-образно состыкованных завитков; бляшки располагались не встык, но равномерно по ремню (Кубарев Г.В., 2005, с.370; с.218, табл.36 – 11; с.346, фото 18). Эта схема – не кочевническая, во всяком случае, не тюркская; видимо, пояс то ли китайский, то ли сделан по китайскому образцу в те поры, когда мода на имитации катандинских поясов в Китае уже ушла, но выносные скобы для подвесок ещё не появились, т.е. во вторую половину танской эпохи. В той же могиле, среди прочего, – удила с большими кольчатými псалями.

Публикатор (Кубарев Г.В. 2005, с.51) указал юстыдскому набору как аналогию пояс с ромбическими бляшками, изображённый на хараямском изваянии (Кубарев В.Д., 1995, с.161, табл.I – 1), но там, как ясно в сравнении с афрасиабским живописным изображением пояса, аналогичного хараямскому (Яценко С.А., 2009, с.336, рис.23 – 23), бляшки не квадратные, а квадрифолиальные, близкие кудыргинским находкам (Гаврилова А.А., 1965, табл.ХХIV – 5 и т.п.); это ранний сложносоставной тип, чаще сопутствующий круглобляшечным наборам, но изредка выступающий и отдельно. Это совсем не то, что бляшки в виде простого орнаментированного квадрата, и размещались они на ремне иначе. Поэтому юстыдский пояс с хараямским сравнивать нельзя. Точнее и интереснее классификационное объединение юстыдского пояса с набором из кург. Ташанта III, 10 (Кубарев Г.В., 2005, с.367; с.195, табл.13 – 10). Сверх замеченного публикатором, нужно отметить, что планиграфическое соотношение курганов Ташанта III, 10 и Юстыд XII, 29 с могильниками, в составе которых они находились, одинаково – в северной части, примерно в полусотне метров к востоку от основной цепочки (ср. там же: с.190, табл.8 vs с.202, табл.20); далее, в обоих этих курганах найдены большие кольчатые псалии, т.е. практически уже трензеля (там же: с.192, табл.10 – 1 vs с.213, табл.31 – 8) – при некоторых технологических различиях удила выглядели эти уздечки одинаково. Очевидны отклонения обеих этих могил от тюркского стандарта, а их сближение между собой одновременно по планиграфии, по композиции поясов и по внешнему виду уздечек явно

не случайно. Оно важно, предполагаю, прежде всего для выяснения облика государственной культуры уйгуров, но подробный разбор связанного круга вопросов увёл бы слишком далеко от основной темы этой работы.

По совокупности фактов и с учётом того, что известно об азиатских пельтовидных лунницах, курган Юстыд XII, 29 следует отнести к уйгурскому периоду, т.е. ко второй половине VIII – первой половине IX вв., а то и позже. Это моложе, чем вышло по результатам радиоуглеродного анализа (663-744 гг. – Кубарев Г.В., 2005, с.139). Но пояс из этой могилы, как уже сказано, китайского облика, тогда как предложенный публикатором интервал – это время Второго каганата, когда китайские пояса следовали тюркским стандартам, а не наоборот. Большие кольчатые псалии – заведомо поздний тип; публикатор пытается снять это противоречие ссылкой на кокэльская находки (там же, с.122), но аналогии в памятниках древнетюркского круга явно предпочтительны. Таким образом, радиоуглеродная дата идёт вразрез с хронологией поясов и узды. Надо заметить, что системные типологические даты раннесредневековых азиатских памятников вообще надёжнее разрозненных и часто плохо публикуемых радиоуглеродных датировок. Дата обсуждаемого комплекса приведена одной строкой в таблице, из которой нельзя понять, откуда именно взяты и насколько качественны были использованные образцы, не описана «кухня» анализа – а значит, невозможно оценить, достоверны ли выводы. Это общая проблема безоглядного привлечения естественнонаучных методов в археологической медиэвистике. К счастью, положение постепенно меняется – ср., например, образцовое по обстоятельности исследование оглахтинских материалов (Панкова С.В. и др., 2010).

Юстыдская находка подчёркивает отличия исходных пельтовидных форм от их позднейшего копёнского «эха» и подтверждает, что между уйгурскими (VIII-IX вв.) и кыргызскими (второй половины X в.) формами следует искать промежуточные, скорее всего киданьские. Показательно соотношение трёхчастных подвесок и листовидных решм по комплексному признаку «форма ушка + оформление верхнего края» (рис.2 – 4а-5а-6а-7а): кыргызская форма ближе к листовидным решмам, чем к пельтовидным подвескам. По сути, копёнская вещь показывает, как инородный тип, в уйгурское время ещё чужой для культур древнетюркского круга, со временем был ассимилирован азиатским типологическим контекстом и породил гибридную форму, причём совершенно локальную.

Что же до предполагаемого киданьского посредства и шире – кидане-кыргызских связей, то здесь главный вопрос состоит в вещеведческом подтверждении исторически очевидного направления влияний от киданей к кыргызам (а не наоборот). Систематизация и типологическое изучение ляоских вещей, по примеру разработки позднекыргызского материала (Длужневская Г.В., 1994), ещё впереди; приведу лишь одно сопоставление (рис.3). В позднекыргызском декоре нередки рельефные изображения животных на предметах фурнитуры. Среди прочего, встречается необычный для Южной Сибири образ свернувшегося (как бы спящего) хищника. Ничто в более раннем местном материале не ведёт к появлению этого образа, зато в ляоских находках есть замечательные по исполнению каменные подвески, одна из которых изображает медведя в точно такой же позе (Schätze der Liao, 2007, S.286-287, Kat.78). Даже без глубоких дополнительных сопоставлений видно, что тип, представляемый ляоской бляшкой – наиболее вероятный источник соответствующей инновации в кыргызском материале. Это нельзя считать строгим доказательством направления кидане-кыргызских аналогий (нефритовую подвеску публикатор относит к XI в.), но такие сопоставления подсказывают, где искать дальше; в данном случае это межкатегориальные сопоставления в области декора.

Предложенное С.В. Киселёвым (1949, с.349) сравнение волчьих морд с боковых лопастей копёнских подвесок «с аналогичными изображениями на минусинских бронзах тагарского времени» вряд ли имеет такое «большое значение для выяснения основ звериной орнаментации в кыргызском искусстве», как это казалось автору. Столько же оснований сравнить их, скажем, с пазырыкскими войлочными седельными подвесками (Руденко С.И., 1960, с.82, рис.48), но при всех таких сравнениях нужно говорить, скорее, не о стилистическом единстве (в деталях кыргызские изображения как раз отличны от «аналогий» скифского времени), а лишь о том, что изображён один и тот же зверь.

Указать копёнским пельтовидным решмам *непосредственные* прототипы – как морфологические, так и иконографические – пока нельзя по недостатку материала.

Но важнее всего другое: в общей массе сбруйных украшений позднеюртурского и предмонгольского времени сложнофигурные копёнские решмы так и остались уникальным явлением – без какого-либо типологического наследия.

3. Ранние этапы истории седельного декора

О копёнских «всадниках» написано куда больше, чем о трёхчастных решмах; есть разные варианты реконструкций сцены, составленной из фигурных бляшек на передней луке парадного седла (рис.5; Евтюхова Л.А., 1948, с.50, рис.87-88; Грязнов М.П., 1961, с.20, рис.7), но все они едины в общей трактовке сюжета – это конная охота. Копёнские «рельефы» уникальны, но по разным признакам – сюжетным, композиционным, стилистическим, технологическим – они включены в обширную систему как синхронных, так и диахронных историко-культурных связей (рис.4), некоторые из которых я и прокомментирую ниже. Речь пойдёт об истории сюжета и композиции седельного декора; технологический аспект (источники «монтажа» сюжета из отдельных бляшек) здесь не рассматривается, это особая тема.

Ранние сёдла, известные по пазырыкским находкам, были украшены: по бокам – симметричными аппликациями, изображающими обычно «сцены терзания», и с торцов – парами симметричных деревянных блях с фигуративной резьбой (либо орнаментальными кожаными «бляшками», тоже симметричными). Дальнейшее изменение декора происходило в тесной связи с усовершенствованиями конструкции седла, которые, в свою очередь, были вызваны обстоятельствами технологической истории.

В гунно-сарматскую эпоху благодаря развитию металлургии железа широко распространился цельнометаллический доспех, железный панцирь; это требовало новой конструкции седла, добавления к традиционной сдвоенной подушке деревянного каркаса – ленчика из продольных полок, спереди и сзади скреплённых арочными луками (рис.4 – 1а-2а) Жёсткие луки обеспечивали устойчивость посадки всадника-катафрактария с чуть ли не удвоенной массой и, значит, инерцией, а полки седла распределяли нагрузку, оберегая конский хребет. Для истории декора наиболее важно, что из-за этих усовершенствований изменились очертания и структура декорируемой поверхности: вместо пары отдельных симметричных блях теперь можно было (а значит, и следовало) украшать сплошную арочную луку. Соответственно, стали неизбежны перемены и в декоре.

Основой композиции оставалась симметрия центральных элементов, но теперь из всего разнообразия персонажей, известного по пазырыкским находкам, луки украшали только хищники или фантастические существа: кудыргинские тигры, перещепинские львы, шиловские драконы (трактовка шиловского фрагмента с драконами как центрального, конечно, предположительна и основана в том числе на обсуждаемой здесь системной интерпретации). Новый декоративный канон предусматривал лишь общую идею и схему декора, но не предопределял его в мелочах, зависевших, видимо, от малоизученного конструктивного разнообразия сёдел этого времени.

Новое изобразительное поле на луке заполняли либо сплошь орнаментальными элементами, либо добавляя к традиционным симметричным композициям батальные и охотничьи сцены. Батальные ярче всего представлены фрагментированной шиловской находкой, охотничьи – знаменитой кудыргинской накладкой с резными миниатюрами, экспонируемой ныне в 32-м зале Эрмитажа. Эти вещи не раз комментировались; здесь важен вопрос о том, почему на луки попадали сюжеты именно этих групп.

4. Ранние батально-охотничьи сцены у кочевников

На первый взгляд, вполне естественно, что всаднические принадлежности украшались теми сюжетами, которые отражали главнейшие занятия хозяев – а именно война и конная охота были основными и близко связанными областями самореализации всадников. Но логика развития декора была не столь прямолинейна.

В скифскую эпоху батально-охотничьи сюжеты, ещё редкие у кочевников, никак не ассоциируются с седлом. Их место (когда его можно выяснить из материала) – на поясе,

причём они, как и другие сцены с участием человека, не входили в число «классических» сюжетов звериного стиля, и пришли только по мере развития сношений кочевников с осёдлыми народами. Сюжеты многофигурных композиций, украшавших поясные бляхи этой эпохи, с лёгкой руки М.П. Грязнова (1961) принято связывать с ранними формами героического эпоса; не углубляясь в интерпретирование, подчеркну лишь эпизодическое присутствие здесь, среди прочего, и батально-охотничьих сцен. Это верно и для ажурных блях из золота, и для их дешёвых (по материалу, но не по уровню художественного мастерства) соответствий из рога или кости; вершиной развития этих тенденций нужно считать даже не золото, а знаменитые Орлатские миниатюры – уже позднесарматского времени, один из позднейших и лучших памятников этой традиции (рис.4 – 5).

Замечу, отступив от основной темы, что моя позиция по дате Орлатских миниатюр, высказанная в начале 90-х гг. в кратких тезисах (Азбелев П.П., 1992а; Азбелев П.П., 1992б, с.49), к сожалению, оказалась искажена в изложении некоторых коллег: мне приписали «позднюю» (III-V вв.) дату рисунков и синхронизацию по неточным аналогиям орлатских и тепсейских миниатюр (например, Ilyasov J.Ya., Rusanov D.V., 1997/98, pp.129-130). Но применительно к орлатским рисункам я говорил лишь о *позднесарматском времени без уточнения веков*. Это близко к позиции Б.А. Литвинского, датировавшего изображения III веком н.э. (Литвинский Б.А., 2002). К III-IV или III-V векам, как я и отмечал, нужно отнести не сами миниатюры, а в целом могильник, но главное – *культурные связи*, отразившиеся в сходстве тепсейских и орлатских «рыцарей». Такая хронология следует из соотношения дат Орлатского комплекса (позднесарматского времени) и таштыкских склепов Тепсея, где были найдены планки с резными рисунками (не ранее второй половины V, скорее VI-VII вв.). Орлатские и тепсейские миниатюры представляют разнокультурный и разновременный взгляд на носителей одной и той же традиции, бытовавшей несколько веков, и потому, естественно, сильно отличаются в деталях: «таштыкцы», обладая собственным своеобразным художественным стилем, и не могли изображать катафрактарию точно так же, как сами «орлатцы», да и хронологический разрыв не мог не сказаться на облике реалий. Всё это имеет отношение уже не к дате самого Орлатского могильника, а к судьбе носителей представляемой им культуры, время существования которой, конечно, шире, чем дата одного памятника и тем более миниатюр, история которых до археологизации нам неизвестна – как и то, следовал ли резчик палеоэтнографической реальности или более раннему изобразительному образцу.

Батально-охотничьи сюжеты, воспринятые кочевниками от осёдлых торгово-земледельческих культур, несли идею поединка, борьбы и победы. Вряд ли можно сомневаться, что она обретала у степняков черты развитой идеологии подвига, боевого на войне и охотничьего в мирное время. Знаковая роль и традиционная морфология поясных принадлежностей, как видно по тем же Орлатским пластинам, были идеальной средой воплощения этой конкретизированной идеологии. Но в последующий период (именуемый в азиатской археологии предтюркским временем) не только охотничьи и батальные сюжеты – почти весь фигуративный декор уходит с поясов, уступая место орнаменту. Тому были вполне определённые причины.

5. Феномен кудыргинской накладки

Одним из важнейших изобретений последних веков до н.э. была, как известно, язычковая пряжка. Её появление стало возможно, как и в случае с панцирем, благодаря развитию металлургии железа: возмужавшее качество металла позволяло делать из него мелкие и тонкие, но прочные вещи, в том числе и состоящие из подвижных трущихся деталей – таковы и язычковые пряжки. Не уходя в разбор их истории, отмечу лишь одну тенденцию, вызванную этим новшеством: сужение поясных ремней (сравнивая среднюю ширину поясов скифской и древнетюркской эпох – примерно вдвое). Следом «мельчает», становится тоньше и декор, но вот для красивых, подробно разработанных многофигурных композиций на узких раннесредневековых поясах уже просто физически не оставалось места. В древнетюркскую эпоху лишь изредка на самых роскошных поясных принадлежностях бывают отдельные фигурки конных лучников или зверей, сцепившихся в схватке либо просто изображённых отдельно или попарно (Левашова В.П., 1952, с.122, рис.1 – 2; Савинов Д.Г., 1982, с.110, рис.7; особенно хороши вещи из Внутренней Монголии:

Findley C.V., 2005: p.46, foto 1-3. Поясной набор, приведённый К. Финдли, состоит из накладок и щитков с рельефными изображениями, не только стилистически, но и, похоже, технологически «родственными» копёнским «рельефам»; к сожалению, по недоступности вещей проверить это я не могу). Сложных многофигурных композиций на поясах уже не размещали, а основой декора массовой ременной фурнитуры стали растительные мотивы, проникшие в кочевую среду с продукцией среднеазиатских, восточнотуркестанских и, видимо, китайских торевтов. Так что раннесредневековый «степной орнаментализм», заменивший собою фигуративный декор предшествующих эпох, в некоторой степени был предопределён и технологически.

Вместе с тем, как показывают находки, заказчики и мастера не всегда были готовы отказаться от идеи украсить парадное снаряжение многофигурной «картиной». Решение, как видно из памятников, было найдено простое и чисто всадническое: поясной декор сместили туда, где декорируемое пространство не сокращалось, а увеличивалось – на конскую сбрую. «Поясные» по происхождению многофигурные композиции оказались на луке седла. Учитывая пространственное соотношение передней луки и пояса у всадника, сидящего верхом, это не было столь уж радикальным изменением: область размещения декора в целом оставалась на уровне пояса. Образовывалась композиция, объединяющая доминантную пару статичных фигур и динамичную, полную движения многофигурную картину охоты или баталии.

О поясных традициях предшествующих эпох напоминает и отбор персонажей для центральной симметричной композиции – на поясах скифо-сарматской традиции обычны симметричные изображения хищников или их голов (рис.4 – 4). Очевидно, именно поэтому на кудыргинском седле оказались симметричные фигуры тигров, а на перещепинском – львов (рис.4 – 2, 7). При таком взгляде становится понятно, откуда на шиловских пластинах появились симметрично противопоставленные драконы (рис.4 – 6) – этот персонаж азиатского бестиария, начиная с хуннской эпохи, стал часто появляться на поясных пластинах и у кочевников, и в Китае, и в Корее, наряду с *хайма* и другими фантастическими тварями. Вряд ли следует искать в разнообразии «седельного бестиария» прямое отражение мифологизированной социальной иерархии (см., напр.: Комар А.В., 2001, С.26-28). Учитывая разброс находок, лучше считать это следствием сложного компонентного состава древнетюркских культур (см. об этом: Савинов Д.Г., 1998; исходя из выводов этой важнейшей работы, тигры и львы раннесредневековых сёдел – скорее наследие скифского субстрата, драконы – хуннского).

Перенос поясного декора на седло в раннетюркское (кудыргинское) время сопровождается на Алтае ещё одним процессом «межкатегориального смещения», по сути своей аналогичным и даже усугубляющим замеченную тенденцию: если в целом в зоне влияния ранних тюрков во второй половине VI – VII вв. геральдический стиль расцветает на поясной фурнитуре, то кудыргинская «геральдика» – сплошь уздечная.

Сравнивая древнейший седельный декор с раннесредневековым кудыргинским и шиловским, нужно обратить внимание на то, что, во-первых, речь идёт не о локальном, а о более широком процессе «межкатегориального смещения», проявлявшемся в разных культурах и на конструктивно разных вещах, то есть седельный декор развивался хотя и в зависимости от конструктивного развития седла, но не вполне синхронно с ним.

А во-вторых, нельзя не заметить, что батально-охотничья тематика, в сущности, заняла место «сцен терзания», ранее украшавших по бокам пазырыкские сёдла и поясные пластины-пряжки Сибирской коллекции Петра I. Вряд ли это было обусловлено лишь указанными технологическими обстоятельствами: здесь проявляется закономерность, общая для всей степной изобразительности. Изменения в структуре «сюжетного пространства» декоративно-прикладного искусства кочевников как раз и сводятся к тому, что борьба зверей, в скифскую эпоху едва ли не главный сюжет, в течение гунно-сарматского времени была если не замещена, то изрядно потеснена сценами с участием человека. Батально-охотничьи сюжеты новыми средствами, освоенными в ходе взаимодействия кочевых и торгово-земледельческих культур, выражали те же идеи, что когда-то – «сцены терзания», но уже не символически, а конкретизированно, не языком звериных мифологем, а предметно-реалистически.

Лишь таким образом может быть объяснён композиционный феномен кудыргинской миниатюры. Её появление было подготовлено развитием как технологий, так и декора, и маркировало становление новых форм кочевнического мировоззрения, обусловленных широкими связями кочевых и осёдлых народов.

Широта этих связей лучше всего видна в системе иконографических аналогий кудыргинским гравировкам. Уже не раз указывались иранские параллели изображениям тигров; можно добавить, что некоторые черты, точнее – изображения реалий – имеют и китайские истоки. Речь об обычной для древнетюркской эпохи палеоэтнографической детали – стрижке конской гривы. Чаще всего это три низких и довольно широких треугольных выступа, но на ранних памятниках – кудыргинской накладке и знаменитом утраченном валуне из того же могильника – эти зубцы тонкие, и сильно наклонены вперёд.

Сама по себе идея украсить конскую гриву особой стрижкой и фиксирующими её нагривниками обычна для кочевников, но гривы древнетюркской эпохи отличаются и от более древних пазырыкских, и от приаральских, известных по орлатским миниатюрам и петроглифам, и от всех остальных тем, что «зубцов» всегда три. Это – очень устойчивая черта, и источник её, кажется, может быть выяснен. Относительно ранние среди тюркских кудыргинские изображения поразительно сходны с распространёнными в предшествующую эпоху в Китае фигурками фантастических существ вроде быка с тремя шиповидными рогами на загривке, всегда склонёнными вперёд. Это, видимо, особая мифическая разновидность носорога *su/xi* (в китайском понимании размещение рога именно на носу не акцентируется, зато в составе соответствующего иероглифа есть ключ «бык»; благодарю за синологическую консультацию А.Б. Старостину); глиняные фигурки таких зверей встречаются в гробницах эпохи Троецарствия – Шести династий; их называют «стражами гробниц». Такие фигурки хранятся в ряде китайских музеев и частных коллекций, у нас – в Эрмитаже (ГЭ ОВ ЛК-1); в Британском музее есть такая фигурка (№ ОА-1936.10-12.24) с остатками нарисованного краской седла – эта деталь подтверждает правильность предложенного сопоставления (осмотреть эрмитажный экземпляр и фотографию лондонской статуэтки я мог благодаря любезности Т.Б. Араповой, которой приношу свою сердечную благодарность).

Есть указания на то, что ассоциация лошади с мифическим «носорогом», с его иной разновидностью, отличающейся размещением рогов не на загривке, а на хребте, проявлялась в рисунках южносибирских племён и раньше. Речь об известном оглахтинском петроглифическом изображении коня с тремя вертикальными штрихами на спине (Советова О.С., 2005, с.19, рис.3). О.С. Советова уже сравнивала эти «зубцы» с конскими гривами (1987, с.141); позже она вслед за К.В. Вяткиной решила, что так обозначены «рудиментарные крылья» (Вяткина К.В., 1961, с.191; Советова О.С., 2005, с.44), но крылья не изображали по три, так что сопоставление трёх оглахтинских отростков на конском хребте с тремя рогами-шипами на спине у фантастического китайского «носорога», полагаю, более основательно. Вместе взятые, китайско-оглахтинские и китайско-кудыргинские параллели дают основание считать, что в каждую эпоху эта ассоциация актуализировалась – и материализовалась в древнетюркском «стандарте» стрижки конских грив.

Возвращаясь к седельному декору, нужно заметить, что кудыргинская композиция – сложная, механически объединяющая совершенно разные сюжеты, эклектичная и, несомненно, семантически многослойная – не могла стать устойчивой нормой. Изделий, украшенных таким образом, не могло быть много, и археологическая практика подтверждает это: в нашем распоряжении лишь единичные общеизвестные находки. Тем выше исследовательская «нагрузка» на них. Кудыргинская миниатюра, на которой сошлись пути развития нескольких категорий кочевой культуры, одновременно служит и точкой разделения дальнейшей истории фронтального декора седел на два направления. Именно в этом разделении – ключ к пониманию копёвских седельных наборов.

6. «Магистральная» и «маргинальная» линии развития седельного декора

Основное, «магистральное» направление развития седельного декора (рис.4 – 1-3, 6, 7) представленное большинством известных находок, продолжает древнюю традицию разнообразных, но всегда симметрично противопоставленных доминантных фигур. Она просуществовала очень долго – её проявление мы видим, среди многих примеров, в

известных цельнометаллических накладках на луки седла из разрушенной могилы у с.Терпение, где противопоставляются, однако, уже не хищники, а лошади и зайцы (рис.4 – 3). Последнее особенно интересно: появление зайцев среди персонажей седельного декора – несомненное следствие переноса на сёдла охотничьих сцен, в которых особая роль издревле отводилась именно зайцу – причём, как показал Б.А. Литвинский, не объекту охоты, а лишь независимо присутствующему здесь персонажу. Примеры, собранные Б.А. Литвинским (2002, с.202-206), не имеют отношения к седлу; но к его перечню нужно добавить и кудыргинскую накладку (где заяц – рис.4 – 2б – композиционно приурочен к одному из симметрично противопоставленных тигров), и шиловские миниатюры (где зайцы размещены непосредственно рядом с драконами, рис.4 – 6); в обоих случаях особое положение зайцев очевидно; и наконец, на луке из с.Терпение зайцы стали и вовсе основными фигурами. Таким образом, хотя и пунктиром, по немногим вещам, но прослеживается превращение одного из специфических персонажей сцен охоты в элемент центральной композиции седельного декора, симметризированной в продолжение древнейшей кочевнической традиции.

Ещё более поздние её проявления собраны Д.Г. Савиновым в специальной сводке (2005). К его наблюдениям следует добавить, что все поздние примеры объединяются нарастающей орнаментальностью, статичностью изображений. Магистральная линия развития в композиционной основе прямо продолжает древнейшую традицию, но воплощает её уже в иных персонажах, заимствованных: а) с симметричных поясных пластин, и б) из батально-охотничьих сцен; эти персонажи, вырванные из первоначального сюжетно-типологического контекста, неизбежно орнаментализировались, что накладывало свой отпечаток и на чисто стилистические, казалось бы, обстоятельства.

Симметрия подавляет сюжет; и действительно, чаще всего седельный декор в эпоху раннего средневековья уже чисто орнаментален, нарочито статичен и симметризирован, оказывается в зависимости от местных вкусов и традиций. Например, на луках древнетюркских сёдел встречаются орнаментальные композиции из завитков и прочих фигур, восходящих к растительным мотивам, а седло из катакомбной могилы в с.Даргавс в Осетии (Габуев Т.А., 2005, с.56-57, кат.124) украшено схематичными, как на диадемах эпохи переселения народов, изображениями деревьев. Даже когда седельный декор предмонгольского и монгольского времени образуют фигуры в движении – например, фениксы и воробьи, порхающие среди цветов на позолоченных накладках лук из ляоского погребения «принцессы Чен» (Schätze der Liao, pp.122-123) – эти фигуры связаны не сюжетом, но лишь строгой симметрией. Объединяет все эти сёдла то, что в отсутствие «сюжетной поддержки» движущаяся фауна в декоре уступает место неподвижным флористическим и орнаментальным мотивам.

Копёнские находки не укладываются в этот ряд. Они образуют небольшую особую группу, совершенно иную ветвь развития. Для понимания их места в истории седельного декора важно не только то, что в них есть, но и то, чего в них нет. Они нарочито сюжетны, напрочь лишены орнаментальности, статичности: все персонажи – и охотники, и звери – предьявлены в стремительном и взаимосвязанном движении; уже С.В. Киселёв акцентировал эту их особенность (1949, с.352-356). Вне зависимости от того, как реконструировать первоначальное размещение бляшек, – они, в отличие от «доминантных пар», не растворяются среди бессюжетных орнаментальных элементов. Енисейский мастер отказался от продолжения повсеместно господствующей древней традиции противопоставления центральных персонажей – ни в одном варианте реконструкции копёнского седельного декора (рис.5) нет места чему-либо вроде шествующих кудыргинских тигров, сидящих перещепинских львов, замерших в противостоянии шиловских драконов, лошадей и зайцев из с.Терпение, «пасущихся» среди россыпи декоративных элементов. В отличие от кочевнического «мейнстрима», в «маргинальной» копёнской ветви древняя идея симметризированной доминанты полностью вытеснена сценой конной охоты, симметрия которой весьма условна и приближительна (рис.4 – 8; рис.5).

Итак, появление копёнских седельных бляшек в виде скачущего стрелка-лучника стало возможным в результате долгого и сложного развития. Перед нами не линейная, как

в сводке Д.Г. Савинова, а чётко разветвлённая, структурированная картина, и место, принадлежащее в ней копёнским седельным наборам, отражает глубокую специфику культуры енисейских кыргызов, всегда уходивших от прямого следования кочевническим стандартам и вырабатывавших собственные, ни на что не похожие культурные нормы. Впрочем, особенность – известное свойство всех минусинских культур, при всём богатстве своих внешних связей развивавшихся в некотором отстоянии от окружающего мира.

7. Заключение

Какие же историко-культурные процессы стоят за прослеженным выше развитием декора? Его «межкатегориальное смещение» фиксируется для памятников VII в. в разных областях периферии древнетюркского мира. Кудыргинский могильник, – скорее всего, реликтовый памятник культуры тюрков Первого / Восточного каганатов, оставленный во второй трети VII в. одним из племён беглой орды Чеби-хана (Азбелев П.П., 2000; Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 2005, с.204); шиловские миниатюры появились в среде отороченных племён далёкой от орхонского центра западной периферии; первый импульс древнетюркского влияния проник сюда ещё в конце VI в. Естественно считать, что соответствующие тенденции зародились в культуре Первого каганата, мало представленной известными памятниками и изучаемой главным образом по её «отражениям» – следам влияния на традиции соседей и второстепенных союзников.

Грандиозный военный успех тюрков Первого каганата, сумевших на протяжении жизни одного поколения создать державу, по протяжённости с востока на запад сопоставимую с современной Россией, был во многом обусловлен развитием конской сбруи – прежде всего массовым внедрением жёсткого седла со стременами – и связанными переменами в военном деле, а именно ставкой на лёгкую конницу, куда благодаря стременам можно было теперь набирать практически кого угодно. В жёстком седле, опираясь на стремена, всадники даже без многолетней подготовки могли освоить важнейшие манёвры современного им конного боя – масса конных лучников, стремительно приближаясь к врагу и столь же быстро отступая на безопасное расстояние, непрерывно стреляла из луков и с минимальным риском для себя наносила противнику губительный ущерб. Недаром одним из центральных образов древнетюркской эпохи становится лёгкий конный лучник. Тяжёлая панцирная конница, столь значительная в предшествующие времена, впечатляющая, но неповоротливая, теперь играла второстепенную роль уже хотя бы в силу несопоставимой «себестоимости» (показательно, насколько редки комплексные находки элементов доспеха, тогда как стремена, накладки лука и наконечники стрел встречаются массово).

Искусство конного стрелкового боя было доведено тюрками до совершенства; это ярко описано в известном «Послании...» ал-Джахиза: «Если тысяча тюркских всадников натянут тетиву и выстрелят одним разом – тысяча всадников будут сражены, и после такого натиска от войска ничего не останется. Ни хариджиты, ни бедуины не могут так стрелять на скаку, тюрк же одинаково метко стреляет и зверя, и птицу, и мишени во время соревнований, и людей, и неподвижные чучела, установленные изображения, и хищных птиц. Стреляя, он заставляет лошадь скакать вперёд и назад, вправо и влево, вверх и вниз. Он успеваает пустить десять стрел прежде, чем хариджит успеет пустить одну. Его конь взлетает на склоны гор и опускается на дно ущелий с лёгкостью, недоступной хариджиту даже на ровной местности. У тюрка четыре глаза: два спереди и два на затылке. ... Тюрк ... умеет поражать своими стрелами как отступая, так и наступая» (Асадов Ф.М., 1993, с.78).

Конечно, значение новшеств было очевидно не только самим тюркам, но и их соседям; стремена и жёсткое седло были вскоре освоены всеми окрестными народами, осёдлыми и кочевыми, так что после развала Первого каганата глобальный успех ашина уже не мог быть повторён никем из их преемников вплоть до следующего рывка в технологии войны – изобретения и широкого внедрения сабли с её выверенной эргономикой удара, под знаком которой прошла эпоха новых степных «рекордов» по части масштаба и динамики завоеваний – монгольская. А древнетюркская эпоха – это время стремян, точнее, жёсткого седла со стременами, когда эта составная категория материальной культуры зародилась, развилась, «взорвала», как когда-то колесо, историю Евразии, распространилась среди всех её народов, и после нескольких веков поиска обрела свой современный облик. И не странно, что декор её унаследовал

семантически важнейшие элементы поясного декора предшествующей поры, что и фиксируется вышеописанным межкатегориальным смещением признаков.

Второй обнаруживаемый процесс – разделение развития седельного декора на две линии, «магистральную» (симметризованно-декоративную) и «маргинальную» (сюжетную), соответствует географически предопределённому обособлению культуры енисейских кыргызов в саянских долинах, поиском своей, как теперь говорят, «идентичности» кыргызами – уже не племенем, но ещё не народом, а сложным полиэтничным и мультикультурным социумом, вовлечённым в бурную центральноазиатскую политику в положении победителя, оказавшегося не в силах реализовать потенциал своей удачи. Всё это было обусловлено суммой историко-культурных процессов конца I тыс.; здесь нужно выделить лишь некоторые из них.

Как было показано, и сложнофигурные подвески, и седельные накладки оказываются при ближайшем рассмотрении отделёнными от «магистральных» линий развития сбруйной фурнитуры. Они представляют субкультуру одной из социальных групп енисейских кыргызов рубежа тысячелетий; к ней же относится и особый обряд погребения праха в ямках-«ячейках», приуроченных к центральным могилам больших чаатасов и планиграфически занимающих второстепенное положение. По составу инвентаря эти могилки надо признать всадническими, по его качеству и по планиграфии могил – аристократическими. В реконструируемой иерархии кыргызских памятников эти могилы занимают вторую позицию после погребений высшей знати, к которым они обычно приурочены (как это было на Копённом чаатасе). На ранних чаатасах таким образом хоронили детей, откуда, видимо, и происходит данный способ проецировать иерархию реального мира в мир потусторонний. Вслед за А.А. Гавриловой (1965, с.105-106) правомерно называть подобные захоронения «дружинными». «Топологически» эти могилки близки сходно расположенным впускным всадническим ингумациям (на чаатасах или более древних памятниках), и вместе с ними образуют специфический тип погребений конца I – начала II тыс. н.э. (Азбелев П.П., 1992в). Их появление на среднеенисейских памятниках было вызвано усложнением этнического состава населения в первой половине IX в., когда после резни, устроенной здесь уйгурами в 795 г. и, видимо, приведшей к пресечению таштыкских погребальных традиций (Азбелев П.П., 2007б), образовавшийся «демографический вакуум» заполняли мигранты из соседних западных областей – с Алтая и, быть может, Казахстана, Западной Сибири и даже Приуралья и Поволжья (Азбелев П.П. 2007в). Вероятно, кыргызская знать, уцелевшая после уйгурских набегов, собирала силы для продолжения войн с центральноазиатскими гегемонами. Это привело к формированию новой этносоциальной структуры населения среднеенисейских долин и отразилось как на системе похоронных обрядов, так и на типогенетических процессах.

После случайного военного успеха 840 г., когда кыргызы, неосмотрительно вовлечённые уйгурами во внутренние дела каганата, вышли из-под контроля и разрушили Орду-Балык (Азбелев П.П., 2007в), образовались минусинская и тувинская «области» енисейских кыргызов – Кыргыз и Кем-Кемджиут. Копённые материалы в сопоставлении с тувинскими памятниками кыргызов показывают, что если на минусинских чаатасах новый «дружинный» обряд существовал, в общем, в рамках традиционной системы погребальных норм, то в походных условиях второстепенные погребения оказывались в положении основных, благодаря чему сложился ещё один специфический тип кыргызских погребальных памятников IX-X вв., лучше всего изученный на примере обильных тувинских материалов (Длужневская Г.В., 1994 и др. работы этого автора). Впрочем, типобразовательные механизмы здесь ещё не прослежены из-за неясного соотношения разных видов южносибирских памятников этого времени. Но бросается в глаза, что особенность рассмотренных минусинских находок словно бы перекликается с совершенно иным, но опять же своеобразием тувинского кыргызского инвентаря: новое кыргызское всадничество, сложившееся в уникальных условиях начала IX в., всюду, где оказывалось – и в среднеенисейской «метрополии», и в тувинских «колониях», – сохраняло эту свою обособленность, ставшую, надо полагать, немаловажным фактором общественного самосознания. Возможно, в том же ключе нужно рассматривать и другие культурные

феномены – скажем, появление особого «кыргызского» типа кубков (Савинов Д.Г., 1984, с.124-126).

История кыргызской дружинной субкультуры в том виде, в каком мы знаем её по копёнским материалам, была недолгой. Судя по всему, «области» Кыргыз и Кем-Кемджиут, хотя и составляли, по словам Рашид-ад-дина, «одно владение», в реальности существовали независимо одно от другого, а во второй половине X в., возможно, и воевали (Азбелев П.П., 1994, с.133-134). Развитие культуры, известное по данным археологии, показывает, что победили (в прямом или переносном смысле) южане – потомки ветеранов кыргызо-уйгурских войн, оккупировавших когда-то Туву и осевших там на полтора столетия. Культура, представленная Копёнским чаатасом, после X в. уже не воспроизводилась, и наметившаяся «маргинальная» линия развития седельного декора не получила продолжения. Она уступила место веяниям предмонгольской эпохи – «симметризированному орнаментализму», прямому наследнику древнейших традиций центральноазиатского кочевничества.

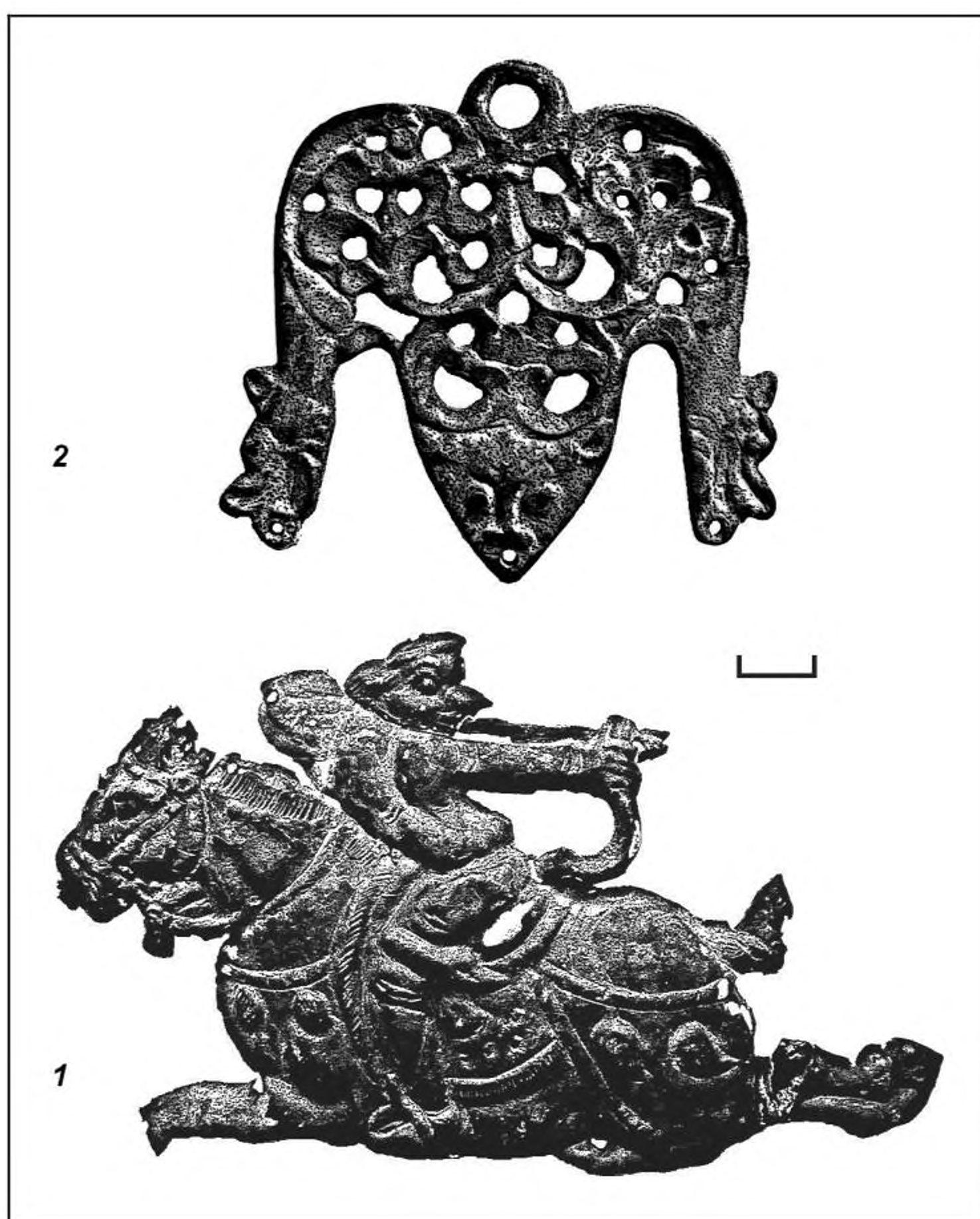

Рис. 1

1, 2 – Копёнский чаатас (?), Хакасия. Рис. по фотографиям.

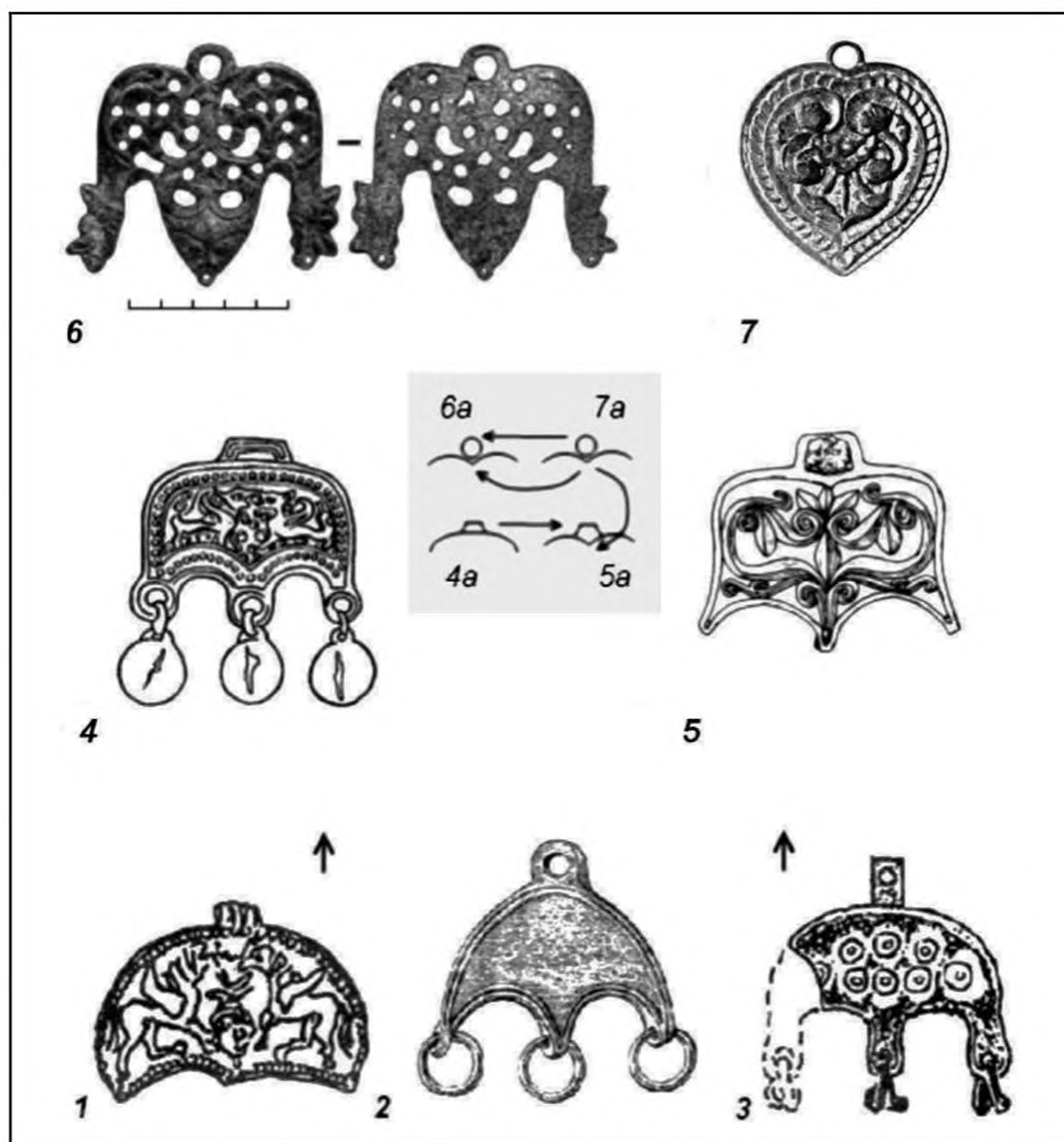

Рис. 2

Пельтовидные подвески и фигурные решмы.

1 – Сквиря, Украина; 2 – Лудза, Латвия; 3 – Данчены, Молдавия; 4 – Увгунт, Монголия,
5 – Юстыд, Алтай, 6 – Копёнский чаатас (?), Хакасия (с фотографии),
7 – Бейский р-н, Хакасия. Масштаб только для 6.

Литерами обозначены типологические схемы к соответствующим номерам.

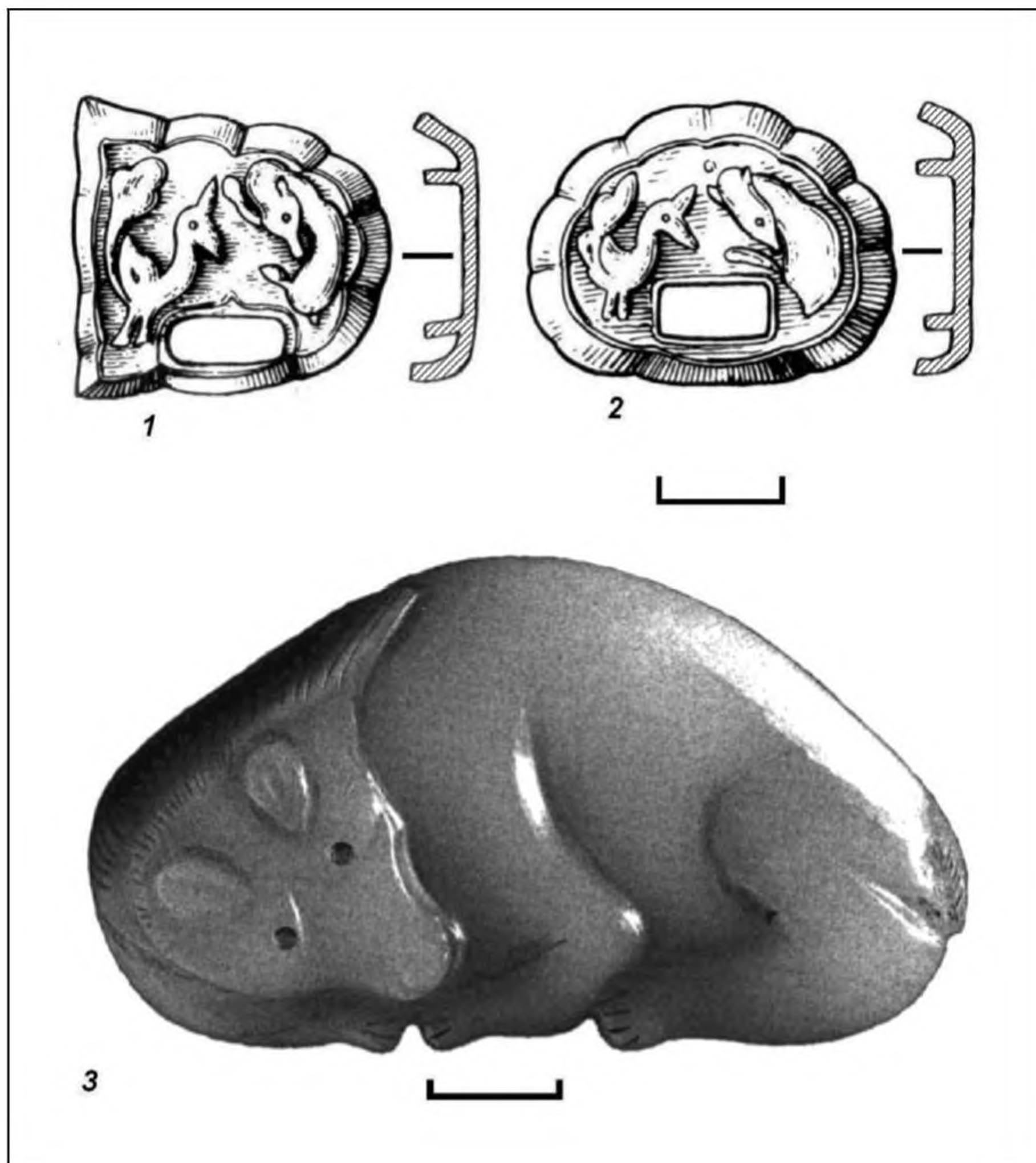

Рис. 3

Ляоский мотив в кыргызской торевтике.

1, 2 – Хемчик-Бом II, Тува (енисейские кыргызы; по Г.Г. Король);
3 – Чифэн, Внутренняя Монголия (кидани; по Schätze der Liao, 2007).

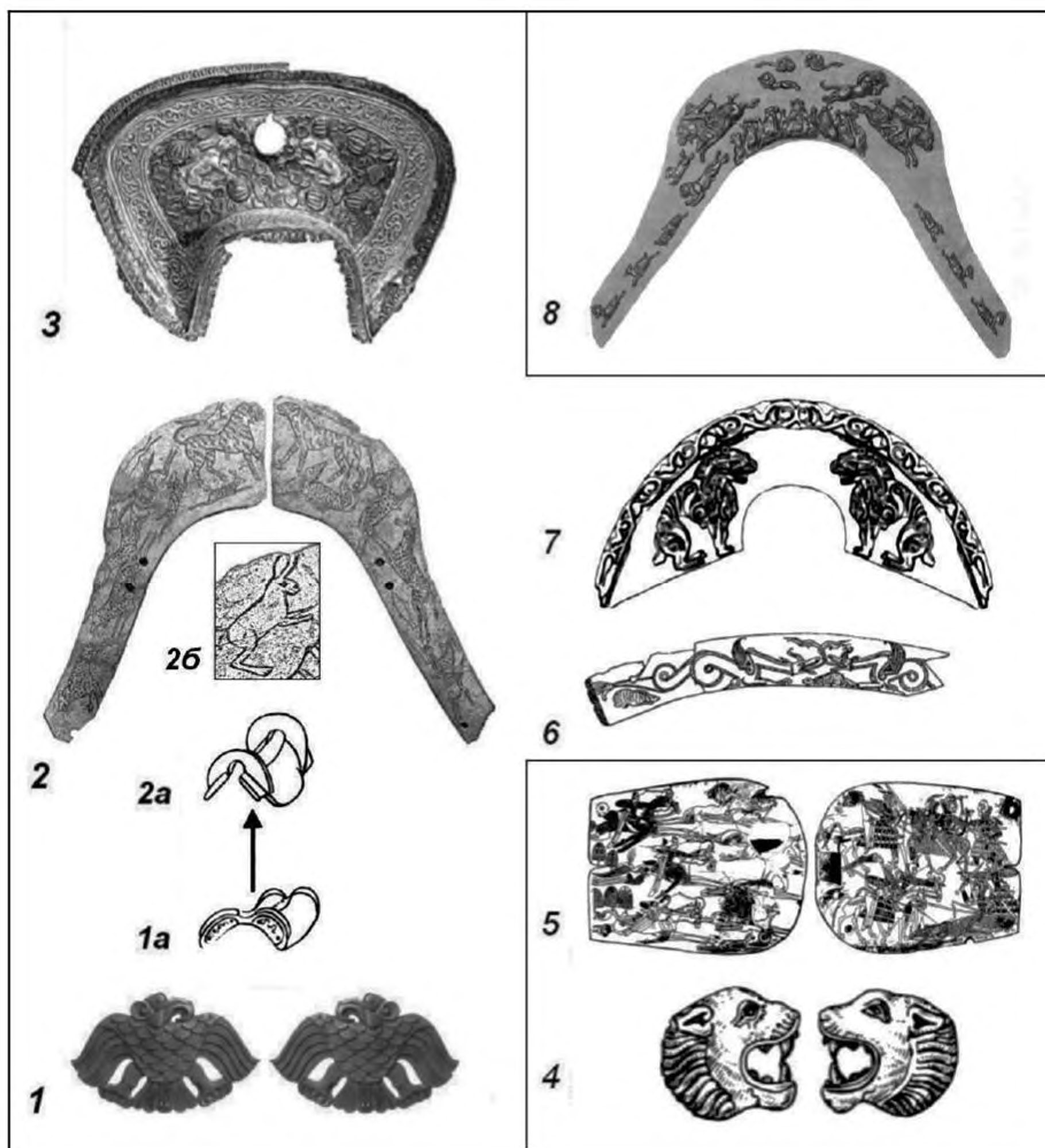

Рис. 4

Схема развития седельного декора.

1, 2, 6, 7, 3 – «магистральная» линия, 8 – «маргинальное» копённое ответвление;
 4, 5 – хищники и батально-охотничьи сюжеты на поясных наборах.
 Схемы 1а и 2а – по А.К. Амброзу.

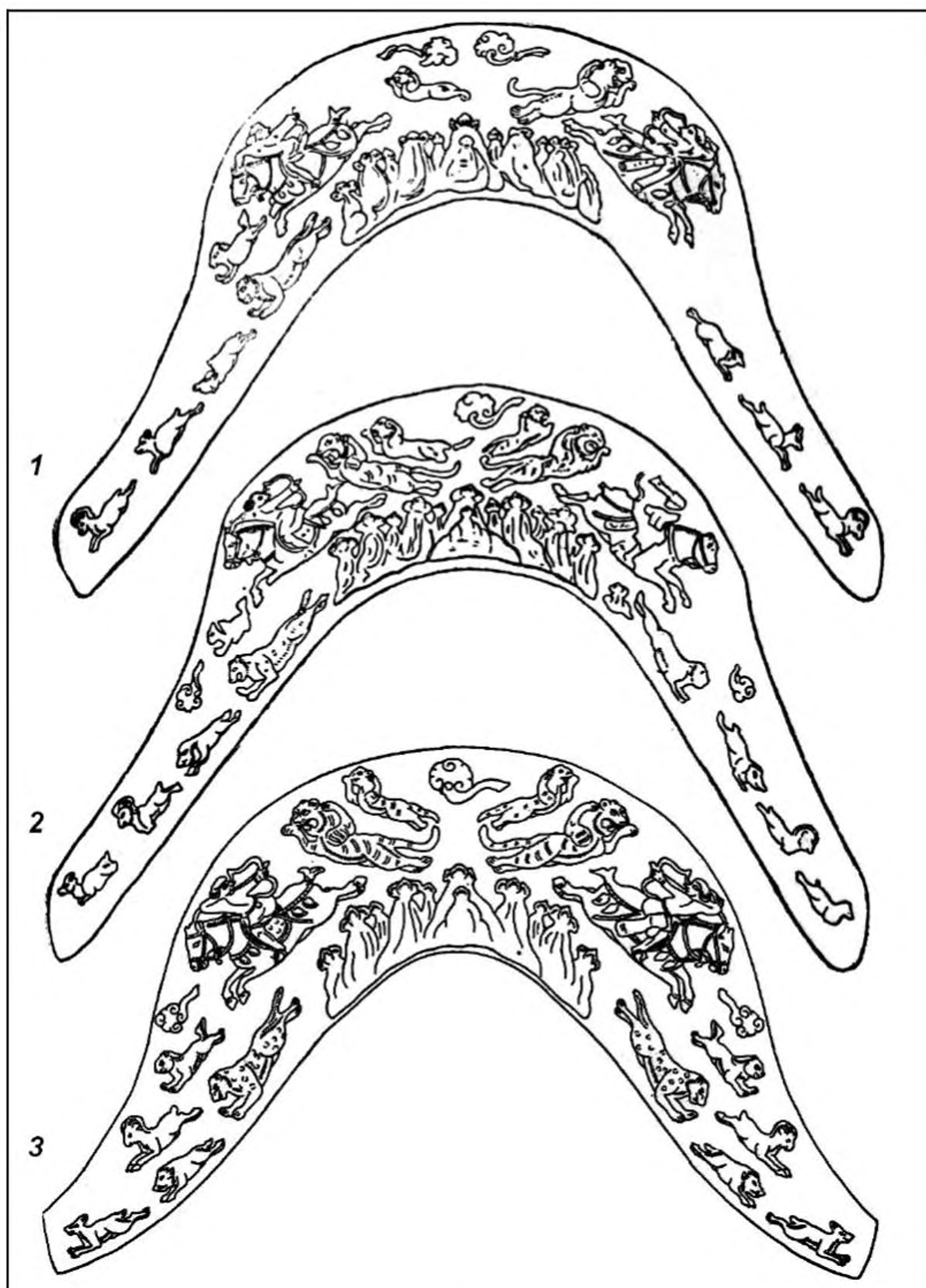

Рис. 5

Варианты реконструкции копёвских седельных наборов.
1, 2 – по Л.А. Евтюховой и С.В. Киселёву; 3 – по М.П. Грязнову.

Библиографический список

1. Азбелев, П.П. К вопросу о миграциях кочевников предтюркского времени в Средней и Центральной Азии / П.П. Азбелев // Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений. 1990-1991. – СПб, 1992а. – С.29-31.
2. Азбелев, П.П. Культурные связи степных народов предтюркского времени (по материалам тепсейских и орлатских миниатюр) / П.П. Азбелев // Северная Евразия от древности до средневековья. ТК к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. – СПб, 1992б. – С.211-214.
3. Азбелев, П.П. К реконструкции социальной структуры кыргызского общества / П.П. Азбелев // [Вторые] Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Часть первая. – Омск, 1992в. – С.88-90.
4. Азбелев, П.П. Погребальные памятники типа минусинских чаатасов на Иртыше / П.П. Азбелев // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово, 1994. – С.129-138.
5. Азбелев, П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае / П.П. Азбелев // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. ТД Всеросс. науч. конф. (Омск: 19-20 октября 2000 г.). – Омск: ОмГУ, 2000. – С.4-6.
6. Азбелев, П.П. Вещь, отражающая эпоху (об историко-культурном контексте увгунтского комплекса) / П.П. Азбелев // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск, 2007а. – С.126-129.
7. Азбелев, П.П. О верхней дате традиции таштыкских склепов / П.П. Азбелев // Алтае-Саянская горная страна и история освоения её кочевниками. – Барнаул, 2007б. – С.33-36.
8. Азбелев, П.П. Об инновациях IX в. в южносибирских культурах / П.П. Азбелев // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Выпуск 6. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007в. – С.106-115.
9. Асадов, Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье / Ф.М. Асадов – Баку, 1993. – 204 с.
10. Вяткина, К.В. Наскальные изображения Минусинской котловины / К.В. Вяткина // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1961. – Т. XX. – С.188-237.
11. Габуев, Т.А. Аланский всадник. Сокровища князей I-XII веков. Каталог выставки / Т.А. Габуев. – М.: Государственный музей искусства народов Востока, 2005. – 74 с.
12. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён / А.А. Гаврилова. – М.-Л., 1965. – 145 с.
13. Грязнов, М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири / М.П. Грязнов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып.3. – Л., 1961. – С.7-31.
14. Длужневская, Г.В. Типология снаряжения всадника и коня степей Центральной Азии (IX-XII вв. н.э.) / Г.В. Длужневская // Fasciculi Archaeologiae Historicae. Fasc. VI. – Lodz, 1994. – С.21-43.
15. Евтюхова, Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов) / Л.А. Евтюхова – Абакан, 1948. – 109 с.
16. Евтюхова, Л.А., Чаа-тас у села Копёны / Л.А. Евтюхова, С.В. Киселёв // Труды Государственного исторического музея. – Вып. XI. – М., 1940. – С.21-54.
17. Киселёв, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселёв. – Материалы и исследования по археологии СССР. – № 9. – М., Л., 1949. – 364 с.
18. Кляшторный, С.Г. Степные империи древней Евразии / С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. – СПб, 2005. – 346 с.
19. Комар, А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов / А.В. Комар // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.2. Хазарское время. – Донецк, 2001. – С.11-44.
20. Кубарев, В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма / В.Д. Кубарев // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С.158-162.

21. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск, 2005. – 400 с.
22. Левашова, В.П. Два могильника кыргыз-хакасов / В.П. Левашова // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – № 24. – М.-Л., 1952. – С.121-136.
23. Литвинский, Б.А. Бактрийцы на охоте / Б.А. Литвинский // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия*. – Т.1 (XXVI). – СПб, 2002. – С.181-213.
24. Панкова, С.В. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» / С.В. Панкова, С.С. Васильев, В.А. Дергачёв, Г.И. Зайцева // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2010. – № 2 (42). – С.46-56.
25. Руденко, С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. / С.И. Руденко – М.-Л., 1960. – 360 с.
26. Савинов, Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) / Д.Г. Савинов // *Археология Северной Азии*. – Новосибирск, 1982. – С.102-122.
27. Савинов, Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов. – Л., ЛГУ, 1984. – 174 с.
28. Савинов, Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса / Д.Г. Савинов // *Вопросы археологии Казахстана*. – Вып.2. – Алматы-М., 1998. – С.130-141.
29. Савинов, Д.Г. Парадные седла с геральдическими изображениями животных / Д.Г. Савинов // *Археология Южной Сибири*. – Вып.23. – Кемерово, 2005. – С.19-24.
30. Советова, О.С. О своеобразных изображениях коней со скал Оглахты (бассейн Среднего Енисея) / О.С. Советова // *Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология*. – Новосибирск, 1987. – С.139-143.
31. Советова, О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (Сюжеты и образы) / О.С. Советова – Новосибирск, 2005. – 140 с.
32. Яценко, С.А. Мужской костюм ранних тюрков в китайском искусстве 6-7 вв.: образы «Иных» / С.А. Яценко // *Степи Европы в эпоху средневековья*. – Т.7. Хазарское время. – Донецк, 2009. – С.315-342.
33. Findley, C.V. *The Turks in World History* / Carter V. Findley. – N.Y.: Oxford University Press, 2005. – 300 p.
34. Ilyasov, J.Ya. A Study on the Bone Plates from Orlat. / J.Ya. Ilyasov, D.V. Rusanov // *Silk Road Art and Archaeology*. – №5 (1997/98). – Pp.107-159.
35. *Schätze der Liao. Chinas vergessene Nomadendynastie (907-1125)*. Herausgegeben von Hsueh-man Shen. – Zürich: Verlag Museum Rietberg, 2007. – 391 S.

Худяков Ю.С.
(г. Новосибирск, Россия)

ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ БОЖЕСТВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПАНТЕОНА НА ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА НОМАДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Изучение религиозных представлений и культов, распространенных среди древних тюрков и других тюркоязычных кочевых народов, населявших Центрально-Азиатский регион в эпоху раннего средневековья, представляет значительный научный интерес. Сведения о божествах, почитаемых древними тюрками, содержатся в памятниках древнетюркской рунической письменности и китайских источниках.

Наблюдения китайцев, современников о религии и культах древних тюрков в период образования Первого Тюркского каганата довольно отрывочны. В извлечении из летописи Синь Таншу в переводе Н.Я. Бичурина говорится: «Хан всегда живет у гор Дугинь. Вход в его ставку с востока, из благоговения к стране солнечного восхождения. Ежегодно он со своими вельможами приносит жертву в пещере предков; а в средней декаде пятой луны собирает прочих, и при реке приносит жертву духу неба. В 500 ли от Дугинь на западе есть высокая гора, на вершине которой нет ни деревьев, ни растений; называется она Бодынли, что в переводе на китайском языке значит: дух покровитель страны» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230-231). О древних тюрках в этом источнике указано, что они «поклоняются духам, веруют в волхвов» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 231). По мнению Л.Н. Гумилева, проанализировавшего эти сведения, под «духом неба» китайцы понимали именно верховное божество Кок-Тенгри (Гумилев Л.Н., 2002, с. 89).

Благодаря изысканиям тюркологов, установлено, что в памятниках орхонской рунической письменности упоминается несколько божеств древнетюркского пантеона. В реконструированной на основе исследования этих источников картине мира древних тюрков видимый мир делился на три сферы: верхнюю – небесную, среднюю – земную и нижнюю – подземную. «Владыкой Верхнего мира и верховным божеством древнетюркского пантеона» было божество «Тенгри (Небо)», которое распоряжалось не только небесными, но и земными делами, в том числе судьбами людей, живущих на земле. По мнению Л.П. Потапова, почитание этого божества «уходит корнями в хуннскую эпоху». В честь верховного божества древние тюрки «устраивали специальное моление» (Потапов Л.П., 1973, с. 265). Верховное божество Тенгри, или Кок-Тенгри было демиургом, создателем всего сущего в мире: «Вначале было вверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие», но Кок-Тенгри (Голубое небо) – это не материальное, а противопоставленное обычному, видимому небу, божественная сущность (Гумилев Л.Н., 2002, с. 89).

Согласно реконструкции, предложенной И.В. Стеблевой, верховное божество тенгри – «небо» и «бог» относится к высшему уровню иерархии древнетюркского божественного пантеона, для которого были характерны созидательная, покровительственная, распорядительная и карающая функции (Стеблева И.В., 1972, с. 213-214).

Вторым, особо почитаемым древними тюрками божеством Верхнего мира, была богиня плодородия Умай. По представлениям древних тюрков и других тюркских кочевых народов она обеспечивала воспроизводство населения, успешное деторождение, благополучное появление на свет «сынов человеческих» и была покровительницей женщин. По мнению И.В. Стеблевой, это божество относится ко второму уровню иерархии божественного пантеона. Она «олицетворяет родящее, женское начало» и соотносится со средним миром – землей. Однако, судя по некоторым сведениям, Умай была присуща и карающая функция (Стеблева И.В., 1972, с. 215).

Еще одним персонажем древнетюркского пантеона, которое исследователи считают повелителем Среднего мира, было божество Йер-Суб, или Ыдук Йер-Суб – «священная Земля-Вода», или «Родина». В древнетюркских источниках это божество всегда упоминалось вместе с Тенгри, или в сочетании с Тенгри и Умай. По оценке И.В. Стеблевой, это божество соотносится с третьим уровнем божественной иерархии. Ему

присущи «благодательная» и карающая функции. В надписи в честь Тоньюкука говорится: «Небо, Умай, священная земля-вода покарают нас...» (Стеблева И.В., 1972, с. 214). Средой обитания для этого божества по представлениям древних тюрков является средний мир – земля (Стеблева И.В., 1972, с. 215-216). Удаляясь после смерти в Нижний мир, умерший человек навсегда терял возможность наслаждаться лицезрением солнца и луны на голубом небе и земли-воды, олицетворяющих Верхний и Средний миры. У тюркоязычных хазар, в период господства язычества, были обряды почитания и принесения жертвоприношения земле и воде, с распеванием «гимнов земле» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 134).

Вероятно, составной частью культа этому божеству являлось почитание тюркскими номадами некоторых, особо примечательных горных вершин, одна из которых именовалась «богом земли» и «родовой пещеры предков», о которых упоминается в китайском источнике (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230-231). Культ священных мест, в том числе горных вершин и пещер, у древних тюрков был составной частью почитания священной Земли-Воды (Кляшторный С.Г., 1981, с. 134).

Владельцем Нижнего мира у древних тюрков и других тюркоязычных кочевых народов в эпоху раннего средневековья считался Эрклиг, который олицетворял злые силы и посылал людям «вестников смерти» и «разлучал» их с жизнью. Более того, именно Эрклиг в конечном счете определял судьбу каждого человека, обрывал жизнь и забирал душу (Кляшторный С.Г., 1981, с. 131; Кляшторный С.Г., Султанов Т. И., 2000, с. 158-159). В тексте надписи на кыргызской поминальной стеле из окрестностей оз. Алтын-Кель говорится: «Эрклиг разлучил нас» (Кляшторный С.Г., 1976, с. 261). В «Книге гаданий», в одной из притч, согласно переводу С.Г. Кляшторного, Эрклиг назван «небесным богом», что считалось греховным. В другой притче говорится, что «сын героя-воина» по воле Эрклига стал его посланцем на поле боя (Кляшторный С.Г., 1981, с. 128). По представлениям составителей этой книги, участь людей, «всех и каждого [в руках] Эрклига» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 129).

По представлениям древних тюрков, помимо четырех основных божеств, в состав древнетюркского пантеона входили менее значимые божества и их помощники. К числу таких божеств относился «бог судеб», или «бог путей на пегом коне», одаривающий счастьем, или же «бог черного пути», либо «бог на вороном коне», которому присуща медицинская функция. Бога судеб называли Ала-Йол-Тенгри, бога черного пути – Кара-Йол-Тенгри (Стеблева И.В., 1972, с. 217-218; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 158-159). С.Г. Кляшторный считает эти эпитеты присущими одному божеству (Кляшторный С.Г., 1981, с. 134-135). И.В. Стеблева сравнивает Кара-Йол-тенгри с владыкой потустороннего мира Эрклигом (Стеблева И.В., 1972, с. 218).

Почитание некоторых из этих божеств, в том числе Тенгри, Умай и Жер-Суу, сохранились в шаманистской религиозной традиции у тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Средней Азии вплоть до этнографической современности (Абрамзон С.М., 1990, с. 292-297; Потапов Л.П., 1973, с. 270-278).

Хотя «сферы ответственности» главных персонажей древнетюркского божественного пантеона были, в известной мере, разграничены, счастливому стечению жизненных обстоятельств люди могли быть обязаны и должны были благодарить всех основных богов Верхнего и Среднего мира. В тексте, начертанном на поминальной стеле, установленной в честь выдающегося деятеля Второго Восточного тюркского каганата Тоньюкука, говорится «Небо, (богиня) Умай, священная родина (земля-вода) – вот они, надо думать, даровали (нам) победу» (Малов С.Е., 1951, с. 68). Как справедливо отметил по поводу данной сентенции Л.П. Потапов, совершенно очевидно, что, по представлениям восточных тюрков, все три, упомянутых в надписи древнетюркских божества оказали «божественное покровительство» древнетюркским воинам, участвовавшим в этом походе и тем самым обеспечили им победу (Потапов Л.П., 1973, с. 269).

Вопрос о том, в каком образе древние тюрки и другие тюркоязычные кочевые народы Южной Сибири и Центральной Азии представляли эти божества, достаточно сложен. Судя по содержанию некоторых рунических надписей, главное божество Верхнего мира «Тэнгри» (Небо), или «Кок-Тэнгри» (Голубое Небо), они представляли себе в безличной форме, в виде безграничной небесной сферы, обладающей всевидящим знанием о

происходящих событиях и всемогуществом для того, чтобы изменять сложившийся ход вещей. В надписи на памятнике в честь Кюль-тегина верховное божество Тэнгри (Небо) упоминается неоднократно: «Вверху Небо тюрков и священная Земля и Вода тюрков так сказали: да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет»; в другом контексте сказано: «Так как Небо даровало силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам»; в еще одном случае заявлено: «Небо, которое чтобы не пропало имя и слава тюркского народа, возвысило моего отца-кагана и мою мать-катун. Небо, дарующее (ханам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа» (Малов С.Е., 1951, с. 37-39). «Вверху Небо (так) соизволило...» утверждается в тексте третьего памятника с р. Уйбат, обнаруженного в Минусинской котловине, который возможно был установлен в честь древнетюркского воина, принимавшего участие в походе древнетюркского войска против енисейских кыргызов в начале VIII в. (Малов С.Е., 1952, с. 62). Древние тюрки воспринимали Тэнгри (небо) как могучее божество, распоряжающееся судьбами народов и их правителей. Его воле они приписывали свои военные победы и поражения, а правители властвовали от его имени (Потапов Л.П., 1978б, с. 53). От воли неба зависела жизнь и благополучие самого тюркского народа и его властителей. Земные правители были лишь исполнителями воли верховного божества: «Небо, руководя со свих (небесных) высот отцом моим Илтеришем-каганом и матерью моей Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом)» утверждается в надписи на мемориальном памятнике Кюль-тегина (Малов С.Е., 1951, с. 37). Каганы могли прийти к власти только по воле верховного божества и являлись исполнителями его воли на земле: «Небоподобный, неборожденный (из неба возникший) тюркский каган я нынче сел на царство» провозглашается в том же памятнике (Малов С.Е., 1951, с. 33). В надписях в честь Кюль-тегина и Тоньюкука говорится: «Время распределяет небо, сыны человеческие родились, чтобы все умереть»; или «Небо оказало [нам] милость – мы рассеяли [их] (т.е. врагов)»; «...небо [тебя] (т.е. тюркский народ погубило)» (Стеблева И.В., 1972, с. 214). Обращения к «Небу», «вечному Небу», «всемогущему Небу» нередки в древнетюркских и кыргызских эпитафиях и надписях на скалах в Саяно-Алтае (Васильев Д.Д., 1978, с. 96, 99; Васильев Д.Д., Чадамба З.Б., 1981, с. 67, 69).

Среди ученых, обращавшихся к изучению религии древних тюрков, понимание сущности и облика божества Неба существенно различается. По мнению Л.Н. Гумилева, важным атрибутом древнетюркского верховного божества Неба является солнечный свет (Гумилев Л.Н., 2002, с. 89). Вероятно, основанием для такого утверждения явилось указание китайского источника на «благоговение» древних тюрков перед востоком «стороной солнечного восхождения» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 230). Известно, что в рунических надписях понятие «восток» обозначалось словом «вперед», т.е. ориентация в сакральном пространстве была в сторону восхода солнца. «С моим дядею-каганом мы ходили вперед (т.е. на восток), вплоть до Шантунской равнины...» (Малов С.Е., 1951, с. 38). Л.Н. Гумилев был склонен отождествлять «сторону солнечного восхождения» у древних тюрков с культом солнца (Гумилев Л.Н., 2002, с. 87). Еще шире трактовал сущность этого божества С.М. Абрамзон. По его мнению, «содержание самого понятия «tanrı» у древних тюрков было значительно шире, чем только божество неба. Это верховное божество выступало как бы в виде синтеза всех астральных представлений, оно адекватно понятию «Вселенная». В значении божества tanrı прилагалось не только к небу. Но и к солнцу (кун tanrı), и к луне (aj tanrı), и к земле (tanrı jar), свидетельствуя о нераздельности божеств неба и земли» (Абрамзон С.М., 1990, с. 308). Исследователь ссылается на представления и культы божестве Неба у тюркских этносов и этнических групп Южной Сибири и Средней Азии, тянь-шаньских кыргызов и бельтыров (Абрамзон С.М., 1990, с. 308-309). И.В. Стеблева подчеркивала, что «высшее божество – небо в древнетюркских текстах характеризуется как невидимое и не участвующее в повседневной жизни человека», при отсутствии указаний на его антропоморфный облик (Стеблева И.В., 1972, с. 214).

В тоже время некоторые исследователи представляют Тенгри в качестве антропоморфного божества. По мнению С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова: «Тенгри неявно

антропоморфизирован – он наделен некоторыми человеческими чувствами; выражает волю словесно, но свои решения осуществляет не прямым воздействием, а через природных или человеческих агентов. Так же как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай («моя мать царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете – Тенгри и Умай, земной ипостасью которой и является царская чета в мире людей» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 132; Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 158). Судя по результатам исследований С.Г. Кляшторного, среди тюркских народов тенденция к антропоморфизации верховного божества приобрела наибольшее выражение у хазар, которые представляли своего главного бога в виде «чудовищного громадного героя», или «дикого исполина» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 132). По мнению И.Л. Кызласова, образ главного бога древнетюркского пантеона Тенгри вместе с Умай в виде двух антропоморфных существ в «трехрогих» головных уборах процарапан на Сулекской писанице среди фигур баранов и других копытных животных (Кызласов И.Л., 1998, с. 40).

Ведущая роль и значение божества Тенгри среди других богов древнетюркского пантеона привела некоторых ученых к мысли, что религия древних тюрков близка к развитым монотеистическим религиозным системам и ее можно именовать термином «тенгриизм» или «тенгранство» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 124).

Для поклонения верховному божеству Тенгри («Духу неба» в китайском источнике) у древних тюрков был особый урочный день («средняя декада пятой луны») и особое место («при реке»), когда правящий каган собирал не только представителей знати, но и «всех прочих» рядовых тюркских кочевников чтобы «принести жертву» (Бичурин Н.Я., 1950, с. 231). По оценке С.Г. Кляшторного: «ежегодно весной на реке Тамир в центре Монголии тюркские каганы совершали жертвоприношение (заклание лошадей и овец) божеству Небу» (Кляшторный С.Г., 1981, с. 132). Можно предполагать, что основные компоненты этого ритуала сохранилась в виде обряда Тигир Тайы «жертвоприношения Небу» у тюркоязычных этнических групп Южной Сибири до этнографической современности (Гумилев Л.Н., 2002, с. 89).

Умай воспринималось тюрками как «женское божество», «богиня-покровительница», «госпожа», или «наставница». В надписи в честь кок-тюркского принца Кюль-тегина говорится: «Для (т.е. на радость) ее Величества моей матери-кутун, подобной Умай, мой младший брат Кюль-тегин, стал зваться мужем» (Радлов В.В., Мелиоранский П.М., 1897, с. 24; Малов С.Е., 1951, с. 40; Потапов Л.П., 1973, с. 269). Если катун, мать Кюль-тегина, жена вождя восставших кок-тюрков и первого кагана, основателя Второго Восточного Тюркского каганата Эльтереса, «подобна Умай», то сама богиня должна быть «царицей небесного пантеона». Поэтому главных древнетюркских богов Тэнгри и Умай ряд исследователей интерпретирует как «божественную пару». «Так же, как каган подобен (по своему образу) Тенгри, его супруга-царица подобна Умай («моя мать-царица, подобная Умай»). Здесь содержится явное указание на миф о божественной супружеской чете – Тенгри и Умай, земной ипостасью которой является царская чета в мире людей» (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 158). Правда, этой логике противоречит то, что в некоторых рунических текстах имя Умай носит мужчина. В свое время на «мужское имя Умай» обратил внимание при первых переводах древнетюркских текстов еще В.В. Радлов (Потапов Л.П., 1973, с. 268). В тексте надписи первого памятника с Алтын-Келя, в одном из вариантов перевода говорится: «Это наше имя – Умай-бег, мы – наследственный муж герой» (Малов С.Е., 1952, с. 53). Несколько иначе перевел эту фразу С.Г. Кляшторный: «Наше звание..., наш бег – Умай (вар.: наше звание таково – мы умай-беги)...» (Кляшторный С.Г., 1976, с. 261). В данном случае это слово можно трактовать как титул. По мнению ученого эта стела была установлена в честь кыргызского кагана Барс-бега (Кляшторный С.Г., 1976, с. 265). Правда, И.В. Кормушин перевел этот же фрагмент совершенно иначе: «Наша покровительница, госпожа наша Умай, ты не сотворила нас, сородичей – отважных мужей с шестью (конечностями)...» (Кормушин И.В., 1997, с. 81). К «Умай-тайши» как своей наставнице могли обращаться не только древнетюркские женщины, но и воины (Васильев Д.Д., Чадамба З.Б., 1981, с. 70).

В пользу женской ипостаси древнетюркского божества Умай свидетельствует сохранение подобного культа Умай, или Ымай у тюркоязычных народов Саяно-Алтая и

Средней Азии до этнографической современности (Потапов Л.П., 1973, с. 269-285; Потапов Л.П., 1978а, с. 35). В памятниках древнетюркской рунической письменности каких-либо описаний, или упоминаний о том, как древние тюрки представляли себе облик этого божества не содержится.

Ряд исследователей склонен видеть изображение богини Умай в некоторых женских образах, представленных на памятниках изобразительного и декоративно-прикладного искусства древних тюрков и других тюркоязычных кочевых этносов Центральной Азии.

Одним из атрибутов, присущих богине Умай, они считают «трехрогий» головной убор, показанный на голове у крупной, сидящей женской фигуры, изображенной в «сцене коленопреклонения» на изваянии-валуне из могильника Кудыргэ в Горном Алтае. По этому поводу одним из первых высказывал свои соображения Л.Р. Кызласов. В его трактовке сцена с кудыргинского валуна передает шаманский обряд погребения ребенка, мужская личина передает образ божества Йер-Су, а изображение женщины в «трехрогой» тиаре соответствует богине плодородия и покровительнице домашнего очага Умай. По его мнению, «подобные головные уборы известны только на изображениях богов и жрецов». Он утверждал, что «с трехрогим головным убором связаны только ритуальные изображения; большей частью в подобном уборе изображались божества, особенно женские» (Кызласов Л.Р., 1949, с. 49-52). По иному интерпретировал это изображение С.М. Ахинжанов. Он оценил этот рисунок женщины на Кудыргинском валуне как изображение шаманки. Женщина и ребенок сидят в «величественных позах» и принимают поклонение от трех, спустившихся с коней, коленопреклоненных людей. Они «одеты в роскошные узорчатые халаты, длинные до пят. В ушах у них серьги с каплевидными подвесками. На голове у женщины головной убор с тремя конусовидными отростками» (Ахинжанов С.М., 1978, с. 69). Исследователь сопоставил кудыргинский рисунок с каменными изваяниями в «трехрогих» головных уборах из Семиречья, подобными рисунками личин на петроглифах Тувы и Восточной Сибири, изображениями на согдийской коропластике из Средней Азии, на бронзовых бляхах и серебряных сосудах из таежной зоны Восточной Европы и Западной Сибири. Впрочем, на головах у изображенных персонажей может быть разное количество «рогов», от одного до восьми (Ахинжанов С.М., 1978, с. 71; рис. 3, 6,7,9). Среди этих изображений есть рисунки обнаженных мужчин в «трехрогих» головных уборах, танцующих с саблями в обеих руках (Ахинжанов С.М., 1978, с. 72; рис. 3, 8, 10, 11; 4, 1). Автор считает «трехрогий» головной убор – «рогатой» шаманской шапкой, которая являлась «необходимым атрибутом шаманского костюма», а личины и фигуры людей в таких шапках – шаманами. Каменные изваяния женщин в «трехрогих» головных уборах он относит к культуре кимаков и считает, что они изображают «предков по женской линии» и шаманок (Ахинжанов С.М., 1978, с. 73-75, 79). Мнение о том, что фигура в «трехрогом» головном уборе из Кудыргэ может передавать образ богини Умай, поддержала Г.В. Длужневская. Она обратила внимание на то, что мифологический персонаж из легенды, зафиксированной этнографом Н.П. Дыренковой у рода Меркит алтайских телеутов, «старуха Уч Мусту Бай Оны» – «трехрогая священная мать», тождественный образу богини Умай, имеет эпитет «Уч Мусту» – «трехрогая». В соответствии с этим эпитетом она трактует сцену с Кудыргинского валуна в качестве шаманского камлания, обращенного к богине Умай: «...на валуне-«изваянии» запечатлен момент, когда человек в маске, по-видимому шаман, камляет в честь богато одетой женщины в тиаре – Уч Мусту [Умай], верховного женского божества и божества, олицетворяющего плодородие, что в этнографии телеутов, кумандинцев, шорцев соответствует образу коча-кан. Центральная фигура отождествима с Умай по одежде, серьгам, месту в сцене». Правда, исследовательница признает, что этому утверждению не соответствует изображение одной из «коленипреклоненных» фигур в таком же «трехрогом» головном уборе (Длужневская Г.В., 1978, с. 231-233). Схожую трактовку предложил С.Г. Кляшторный: «Возможным иконографическим воплощением этого мифа является сцена, изображенная на Кудыргинском валуне, где тюркские воины поклоняются чудовищно громадной и грозной личине (Тенгри-хан), женщине в трехрогом головном уборе и богатом наряде (Умай) и их отпрыску (Кляшторный С.Г., 1981, с. 133). Однако в источниках по древнетюркской религии нет никаких данных о возможном «отпрыске» у предполагаемой «божественной четы». Оригинальное объяснение присутствию второй

сидящей фигуры на Кудыргинском валуне предложил В.Р. Янборисов. Согласно его трактовке обе сидящие фигуры передают «образ женского божества одновременно в двух ипостасях – женщины и девушки». По его мнению, в этих двух ипостасях одновременно выступала «древнетюркская Умай» (Янборисов В.Р., 1984, с. 108). Правда, никаких свидетельств о такой двойственности в источниках не содержится.

Пожалуй, наиболее «радикальную» трактовку женского образа в трехрогом головном уборе, как антропоморфного божества предложил И.Л. Кызласов, по мнению которого это изображение может передавать как образ богини Умай, так и образ верховного бога Тенгри. Парное изображение женских фигур в трехрогих головных уборах с Сулекской писаницы он трактовал в качестве своеобразной «иконы», на которой в шатре показаны две фигуры: одна из них сидит на «тахте», а вторая находится за ней (Кызласов И.Л., 1998, с. 40-44). В свете приведенных выше сведений о представлениях древних тюрков о своих божествах, совершенно очевидно, что для такой трактовки изображений двух практически тождественных антропоморфных фигур в трехрогих головных уборах, выгравированных среди большого количества зооморфных и орнитоморфных рисунков на Сулекской писанице нет никаких оснований. К числу изображений Умай он отнес и фигуру женщины в халате и «трехрогом» головном уборе, изображенную в обществе усатого длинноволосого мужчины на одной из орнаментированных роговых пластин из женского погребения с бараном на памятнике Суттуу-Булак на Тянь-Шане (Кызласов И.Л., 1998, с. 46).

Более взвешенное объяснение образу женщины в трехрогом головном уборе на одной из костяных пластин, обнаруженной в древнетюркском женском погребении с бараном на памятнике Суттуу-Булак предложил К.Ш. Табалдиев. По его мнению, в данной композиции представлена «не простая, обыденная передача женского образа», а «трехрогое» изображение выступает как бы в роли духовного покровителя воинов при сражении с врагами» (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 69-70).

Ряд исследователей высказывал мнение о том, что образ богини Умай запечатлен не предметах торевтики. С.Г. Скобелев интерпретировал в качестве изображения этой богини, входившие в состав золотых серег полые статуэтки, изображающие женщин с нимбом над головой, крыльями за спиной, обнаженной грудью и держащие в обеих ладонях чашу «с освященным молоком, в котором хранятся зародыши душ людей и животных». К числу воспроизведений богини Умай он отнес и барельефное изображение сидящей антропоморфной фигуры со сложенными на груди руками в многолучевом головном уборе на бронзовом зажиме для кистей, или как он считает игольнике, хранящимся в фондах Минусинского музея (Скобелев С.Г., 1999, с. 162-164).

Другие исследователи, обращавшиеся к анализу древнетюркских изображений антропоморфных фигур в «трехрогих» головных уборах на петроглифах, каменных изваяниях и предметах торевтики, интерпретировали эти рисунки и скульптуры в качестве изображений древнетюркских женщин. Многие из них, вслед за С.М. Ахинжановым, считали, что эти рисунки передают образы служительниц шаманских культов.

О связи изображений антропоморфных существ в «трехрогих» головных уборах с шаманскими культами писали и другие исследователи, анализировавшие подобные атрибуты на древнетюркских каменных изваяниях и предметах торевтики эпохи раннего средневековья. К.М. Байпаков и Г.А. Терновая высказали предположение о том, что «в трезубых головных уборах могли изображаться люди, наделенные магическими свойствами или выполняющие магические функции» (Байпаков К.М., Терновая Г.А., 2005, с. 135).

А.М. Досымбаева предположила, что «в бытовавшей в традиционной тюркской среде строго ранжированной иерархии служителей культа, лица, носившие «трехрогие» головные убора, обладали статусом жрецов высшей категории – своеобразных медиаторов, основной функцией которых являлась посредническая миссия между миром богов и людей». По ее мнению, на таких рисунках «прослеживается связь с образом дракона/змеи», чему соответствует «чешуйчатость» костюмов персонажей, показанных на валуне из могильника Кудыргэ» (Досымбаева А.М., 2006, с. 48). При этом, сославшись на работу В.Ю. Зуева, она утверждает, что «в традиционной структуре социума средневековых тюрков жреческие функции осуществляли представители материнской

фратрии, племени судей аштаков/ашидэ» (Зуев В.Ю., 2004, с. 20; Досымбаева А.М., 2006, с. 49].

Среди исследователей, обращавшихся к анализу древнетюркских женских изображений а «трехрогих» головных уборах, в том числе фигуры сидящей женщины в «сцене коленопреклонения» на валуне из могильника Кудыргэ в Горном Алтае, было немало тех, кто считал, что такие рисунки и скульптуры передают «знатных особ» или обычных тюркских женщин, удостоившихся совершения обряда поминания.

С.В. Киселев считал, что кудыргинский рисунок изображает «ребенка и женщину (последняя по видимому сидит) в роскошных одеждах. Рисунок хорошо передает узоры плотной китайской парчи. На женщине надет, кроме того, трехрогий головной убор. У обоих в ушах серьги. Рядом с ребенком изображен колчан и футляр от лука». У второй из коленопреклоненных фигур «на голове убор, похожий на убор знатной женщины. Может быть это тоже женщина. Не исключена, однако, возможность видеть в головном уборе второй фигуры трехрогий шлем, подобный изображенному на одном сассанидском блюде». Вся это сцена, по мнению автора, «отражает не только имущественную, но и социальную разницу в положении отдельных лиц. Настало время, когда на Алтае перед знатыми и богатыми стали преклонять колена» (Киселев С.В., 1949, с. 279).

А.С. Суразаков склонен видеть в сидящей женщине в трехрогом головном уборе, изображенной на Кудыргинском валуне не просто представительницу древнетюркской знати, а «безутешную вдову», персонажа, личина которого воспроизведена на противоположной стороне каменного монолита. Ребенка, изображенного рядом с «вдовой», он считает девочкой (Суразаков А.С., 1994, с. 51-54). По мнению Л.П. Потапова, на кудыргинской сцене отражено подчинение одного племени другому (Потапов Л.П., 1953, с. 92). В книге А.А. Гавриловой отмечено, что изображение мужской личины и «сцены коленопреклонения» на Кудыргинском валуне композиционно никак не связаны. «Женщина и ребенок изображены в узорчатых одеждах, оба с серьгами с каплевидными подвесками в ушах. На женщине трехрогий головной убор». На одной из коленопреклоненных фигур «такой же трехрогий головной убор, как на женщине». По мнению исследовательницы, судя по реалиям сидящих и коленопреклоненных персонажей, на этой сцене изображено подчинение одного из племен тюрками после их выхода на историческую арену (Гаврилова А.А., 1965, с. 19-21). В свое время автором настоящей статьи было отмечено, что подобные изображения антропоморфных фигур в трехрогих головных уборах присутствуют в наскальном искусстве енисейских кыргызов, в частности, на Сулекской писанице (Худяков Ю.С., 1987, с. 69). Впервые эти изображения были скопированы учеными из Финляндии в конце XIX в. и введены в научный оборот в 1931 г. (Appelgren-Kivalo H., 1931, s.4; abb.77).

Женский образ в «трехрогой» шапке в сцене, изображенной на пластине из могильника Суттуу-Булак на Тянь-Шане, в работах автора настоящей статьи и соавторов трактовался в качестве бытовой сцены, если учитывать ее в контексте с батальным сюжетом, воспроизведенном на другой такой же костяной пластине, относящейся к одному и тому же предмету (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 1997, с. 145-146; рис. 2, 2).

Обращение к истории вопроса со всей очевидностью свидетельствует, что каких-либо прямых свидетельств того, что древние тюрки, а также енисейские кыргызы и другие тюркоязычные этносы представляли своих богов Тенгри и Умай в антропоморфном обличье, не существует. Их «неявный антропоморфизм» реконструирован, исходя из косвенных свидетельств источников, в которых говорится о том, что земные властители, каган и хатун, «неборожденные» и вознесенные к вершинам власти Небом, «подобны» своим небесным покровителям Тенгри и Умай (Кляшторный С.Г., Султанов Т.И., 2000, с. 158). Однако, это подобие совсем не обязательно должно сводиться к схожести внешнего вида. Каган и его супруга подобны богам, прежде всего, силой своей неограниченной власти, благодаря которой могут вершить судьбами подданных и призваны стремиться распространить свою власть не только на «тюркский народ», но и все другие народы известного им мира.

Другим аргументом в пользу антропоморфного облика Умай, реже и Тенгри, для сторонников этой идеи служат иконографические материалы, а именно, «сцена

коленипреклонения» и особенности головного убора и костюма изображенных персонажей на кудыргинском валуне. Что касается неоднократно упомянутой в данной статье «сцены коленипреклонения», то принять сидящую женскую фигуру в «узорчатой одежде» и «трехрогом» головном уборе за богиню Умай не позволяет сам контекст рисунка. В источниках нет никаких упоминаний о том, что у богини Умай могли быть «отпрыски», «мальчики», или «девочки», либо «вторая испостась в виде девушки». Все эти трактовки противоречат сведениям источников. Если не считать «узорчатых» одежд, то наибольшее внимание исследователей, склонявшихся к тому, что на петроглифах, каменных изваяниях, мелкой пластике и торевтике некоторые изображения воспроизводят богиню Умай, реже Умай вместе с Тенгри, либо служительниц культа – шаманок, в качестве главного, а чаще всего, единственного аргумента приводится форма «трехрогого», «трехзубого» или «трехлучевого» головного убора, который как было показано выше, условно реконструирован исследователями в виде «тиары», «короны», или «шаманской шапки».

Необходимо отметить, что изображения этого головного убора на каменных изваяниях и рисунках на скалах и костяных предметах, обнаруженных в Саяно-Алтае, на Тянь-Шане и в Семиречье, со всей очевидностью свидетельствуют, что подобные женские головные уборы были достаточно широко распространены у тюркоязычных народов Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Судя по изображениям на каменных изваяниях и наскальным рисункам, такие головные уборы носили не только древнетюркские женщины в период существования Первого Тюркского каганата, но также представительницы прекрасного пола у западных тюрков, тюркешей, енисейских кыргызов. В пользу того, что их носили не служительницы культа, но знатные и обычные женщины-кочевницы, неоспоримо свидетельствуют изображения таких головных уборов на каменных изваяниях, установленных у поминальных оградок, исследованных на Тянь-Шане. Оградки с такими изваяниями нередко находились в одном ряду с соседними оградками с мужскими, а в редких случаях и с детскими изваяниями (Табалдиев К.Ш., 1996, с. 72-73; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, с. 64).

В деле определения формы этого «трехрогого» головного убора важное значение имеют наиболее реалистичные его изображения с воспроизведением основных деталей и пропорций (Досымбаева А.М., 2006, с. 45; Ермоленко Л.Н., 2004, с. 28, 81; Мокрынин В.П., 1975, с. 113-116; Москалев М.И., Солтобаев О.А., 2008, рис. 1, 3; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 69; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, рис. 15, 4; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 2000, рис. 1, 4; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 1997, с. 145; Чариков А.А., 1979, с. 179-189; Шер Я.А., 1966, с. 66-72). На суттуу-булакской костяной пластине и на каменных изваяниях с памятников Ак-Тал, Беш-Таш-Короо III, Калмак-Таш на Тянь-Шане и из музея г. Балхаш в Центральном Казахстане на головах у женских фигур изображен головной убор с куполом и двумя, загнутыми кверху боковыми клапанами (Ермоленко Л.Н., 2004, рис. 6, 17; Москалев М.И., Солтобаев О.А., 2008, рис. 1, 3; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, рис. 15, 4; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 2000, рис. 1, 4; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 1997, рис. 2, 2).

Судя по этим изображениям, данный женский головной убор имел две основные разновидности, отличающиеся формой купола. Первая из них имела высокий, конический купол, заметно возвышающийся над теменной частью и сужающийся к коническому верху. У таких шапок боковые клапана, которые вероятнее всего были наушами, которые можно было отогнуть кверху. Наиболее отчетливо такой высокий островерхий купол с небольшими, круто загнутыми наушами изображен у головного убора женского изваяния с памятника Калмак-Таш (Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 2000, рис. 1, 4) (Рис. 1, 1). На изображениях женских головных уборов на пластине из Суттуу-Булака и изваянии, обнаруженном на древнетюркской поминальной оградке Беш-Таш-Короо III, островерхий конический купол показан равновеликим с большими полукруглыми наушами (Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, рис. 15,4; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А., 1997, рис. 2, 2) (Рис. 1, 2). Еще более упрощенный и схематичный вариант изображения этого головного убора в виде трех равновеликих треугольников представлен на большей части каменных изваяний Тянь-Шаня и Семиречья, на миниатюрном изваянии из Тюменского музея, на Кудыргинском валуне и Сулекской писанице (Ахинжанов С.М., 1978, рис.1; 4, 2, 3; 5, 1-4; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 32, 2; Табалдиев К.Ш., Шаменова А.А., б.г., рис. 37-41;

Гаврилова А.А., 1965, табл. VI, 2; Appelgren-Kivalo H., 1931, abb. 77). Вероятно, прототипом для подобных изображений послужил войлочный, или кожаный островерхий головной убор, напоминающий башлык с боковыми наушами и задником. Подобные головные уборы в древности носили женщины-кочевницы скифских и сакских племен степного пояса Евразии (Акишев К.А., Акишев А.К., 1980, рис. 3, 1). В эпоху развитого средневековья схожие высокие островерхие головные уборы были у кыпчакских женщин. Вероятно, к традиции ношения подобных высоких конических головных уборов можно отнести монгольские бокки, или бокто и казахские саукеле (Акишев К.А., Акишев А.К., 1980, рис. 1, 4; Баяр Д., 1985, рис. 8, 2; Викторова Л.Л., 1980, с. 36; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 132-133). Надо полагать, что у древних и средневековых кочевников этот головной убор выполнял функцию праздничного наголовья, надевавшихся по торжественным случаям. Он мог входить в состав свадебного, или траурного погребального древнетюркского женского костюма. Может быть поэтому он часто изображался на каменных изваяниях, изображавших умерших женщин, в память о которых совершались поминки.

Другой вариант женского головной убора зафиксирован на каменных изваяниях из высокогорных долин Тянь-Шаня и степей Центрального Казахстана. Для него был характерен округлый сферический купол и боковые на уши, которые изображены загнутыми кверху. Такие шапки показаны на каменном изваянии с памятника Ак-Тал из Ат-Башинской долины Тянь-Шаня и скульптуре из музея г. Балхаш в Центральном Казахстане (Ермоленко Л.Н., 2004, с. 81, рис. 6, 17; Москалев М.И., Солтобаев О.А., 2008, с. 32; рис. 1, 3) (Рис. 1, 3-4). По сравнению с первой разновидностью «трехрогий» головной убора, данный вариант выглядит более функциональным и повседневным.

Судя по имеющимся материалам, головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами были унаследованы древнетюркскими кочевниками после переселения на «южные склоны Алтайских гор» в середине I тыс. н. э. от древних кочевников Саяно-Алтая и Центральной Азии. Они определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата. Вероятно, под влиянием древних тюрков эти шапки были заимствованы енисейскими кыргызами, входившими в сферу влияния крупнейшей кочевой империи эпохи раннего средневековья. После раздела единого тюркского государства эти головные уборы получили широкое более распространение в западном ареале распространения древнетюркской культуры, среди западных тюрков и тюркешей. Видимо, именно в этой среде появились разные, функционально различные варианты головных уборов. В эпоху развитого средневековья характерные для древнетюркской культуры женские головные уборы в несколько измененной форме сохранили свое значение в культуре кыпчаков.

Ни одно из известных к настоящему времени изображений древнетюркских, западных тюркских, тюркешских и енисейских кыргызских женщин в «трехрогий» головных уборах не может быть с должным основанием интерпретировано в качестве воспроизведения образов верховного бога Тенгри, женского божества Умай или других персонажей божественного пантеона средневековых тюркских кочевников.

Библиографический список

1. Абрамзон, С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С.М. Абрамзон. - Фрунзе: Кыргызстан, 1990. - 480 с.
2. Акишев, К.А. Происхождение и семантика иссыкского головной убора / К.А. Акишев, А.К. Акишев // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. - Алма-Ата: Изд-во Наука Каз ССР, 1980. - С. 14-31.
3. Ахинжанов, С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в «трехрогий» головных уборах из Семиречья / С.М. Ахинжанов // Археологические памятники Казахстана. - Алма-Ата: «Наука» Каз. ССР, 1978. - С. 65-79.
4. Байпаков, К.М. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрыктобе) / К.М. Байпаков, Г.А. Терновская. - Алматы, 2005. - 235 с.
5. Баяр, Д. Каменные изваяния из Сухэ-Баторского аймака (Восточная Монголия) / Д. Баяр // Древние культуры Монголии. - Новосибирск: Наука, 1985. - С. 148-159.

6. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н.Я. Бичурин. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. - Ч. 1. - 381 с.
7. Васильев, Д.Д. Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири / Д.Д. Васильев // Тюркологический сборник 1975. - М.: Наука, 1978. - С. 92-101.
8. Васильев, Д.Д. Древнетюркские эпиграфические памятники из долины р. Уюк / Д.Д. Васильев, З.Б. Чадамба // Тюркологический сборник 1977. - М.: Наука, 1981. - С. 63-75.
9. Викторова, Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры / Л.Л. Викторова. - М.: Наука, 1980. - 224 с.
10. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. - М.; Л.: Наука, 1965. - 143 с.
11. Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. - М.: Рольф, 2002. - 560 с.
12. Длужневская, Г.В. еще раз о «кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) / Г.В. Длужневская // Тюркологический сборник 1974. - М.: Наука, 1978. - С. 230-237.
13. Досымбаева, А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи / А. Досымбаева. - Алматы: Тюркское наследие, 2006. - 168 с.
14. Ермоленко, Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения) / Л.Н. Ермоленко. - Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. - 132 с.
15. Зуев, В.Ю. Каганат се-яньто и кимеки (к тюркской этногеографии Центральной Азии в середине VII в. / В.Ю. Зуев // SHYGYS. Журнал Института востоковедения Казахстана. - Алматы, 2004. - № 1. - С. 11-21.
16. Киселев, С.В. Древняя история Южной Сибири / С.В. Киселев // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. - № 9. - 364 с.
17. Кляшторный, С.Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников) / С.Г. Кляшторный // Turcologica. К семидесятилетию академика А.Н. Кононова. - Л.: Наука, 1976. - С. 258-267.
18. Кляшторный, С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках / С.Г. Кляшторный // Тюркологический сборник 1977. - М.: Наука, 1981. - С. 117-138.
19. Кляшторный, С.Г. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье / С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. - 320 с.
20. Кормушин, И.В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И.В. Кормушин. - М.: Наука, 1997. - 303 с.
21. Кызласов, И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице / И.Л. Кызласов // Этнографическое обозрение. - 1998. - № 4. - С. 39-53.
22. Кызласов, Л.Р. К истории шаманских верований на Алтае / Л.Р. Кызласов // КСИИМК АН СССР. - 1949. - Вып. XXIX. - С. 49-52.
23. Малов, С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С.Е. Малов. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - 452 с.
24. Малов, С.Е. Енисейская письменность тюрков / С.Е. Малов. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. - 116 с.
25. Мокрынин, В.П. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности / В.П. Мокрынин // Археологические памятники прииссыкулья. - Фрунзе: Илим, 1975. - С. 113-119.
26. Москалев, М.И. Каменные изваяния Кошой-Коргонского музея / М.И. Москалев, О.А. Солтобаев // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. - Бишкек: Илим, 2008. - Вып. 3. - С. 31-33.
27. Потапов, Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. - 446 с.
28. Потапов, Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных / Л.П. Потапов // Тюркологический сборник 1972. - М.: Наука, 1973. - С. 265-286.
29. Потапов, Л.П. К вопросу о древнетюркской основе алтайского шаманства / Л.П. Потапов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978а. - С. 3-36.
30. Потапов, Л.П. Древнетюркские черты почитания неба у саяно-алтайских народов / Л.П. Потапов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978б. - С. 50-64.

31. Радлов, В.В. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме / В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский // сборник трудов Орхонской экспедиции. - СПб., 1897. - Вып. IV. - 45 с.
32. Скобелев, С.Г. Иконография богини Умай в древнетюркскую эпоху / С.Г. Скобелев // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. - Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1999. - Вып. 2. - С. 162-167.
33. Стеблева, И.В. К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы / И.В. Стеблева // Тюркологический сборник 1971. - М.: Наука, 1972. - С. 213-226.
34. Суразаков, А.С. К семантике изображений на Кудыргинском валуне / А.С. Суразаков // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I – II тысячелетии н. э. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. - С. 45-55.
35. Табалдиев, К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня / К.Ш. Табалдиев. - Бишкек: Айбек, 1996. - 256 с.
36. Табалдиев, К.Ш. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо / К.Ш. Табалдиев, Ю.С. Худяков // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1999. - С. 55-81.
37. Табалдиев, К.Ш. Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) / К.Ш. Табалдиев, Ю.С. Худяков // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. - Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. - С. 65-85.
38. Табалдиев, К.Ш. Каменные изваяния Бураны / К.Ш. Табалдиев, А.А. Шаменова. - Бишкек, б.г. - 16 с.
39. Худяков, Ю.С. Шаманизм и мировые религии у кыргызов в эпоху средневековья / Ю.С. Худяков // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX – начало XX в. - Новосибирск: Наука, 1987. - С. 65-75.
40. Худяков, Ю.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане / Ю.С. Худяков, К.Ш. Табалдиев, О.А. Солтобаев // Российская археология. - 1997. - № 3. - С. 142-147.
41. Чариков, А.А. О локальных особенностях каменных изваяний Прииртышья / А.А. Чариков // Советская археология. - 1979. - № 2. - С. 179-189.
42. Шер, Я.А. Каменные изваяния Семиречья / Я.А. Шер. - М.; Л.: Наука, 1966. - 138 с.
43. Янборисов, В.Р. О семантике антропоморфных изображений на валуне из могильника Кудыргэ / В.Р. Янборисов // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. - Омск: Изд. ОмГУ, 1984. - С. 106-109.
44. Appelgren-kivalo, H. Alt-Altäische Kunstdenkmaler. Briefe und Bildermaterial J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und Mongolei 1887-1889 / H. Appelgren-kivalo. - Helsingfors, 1931. - 72 s.

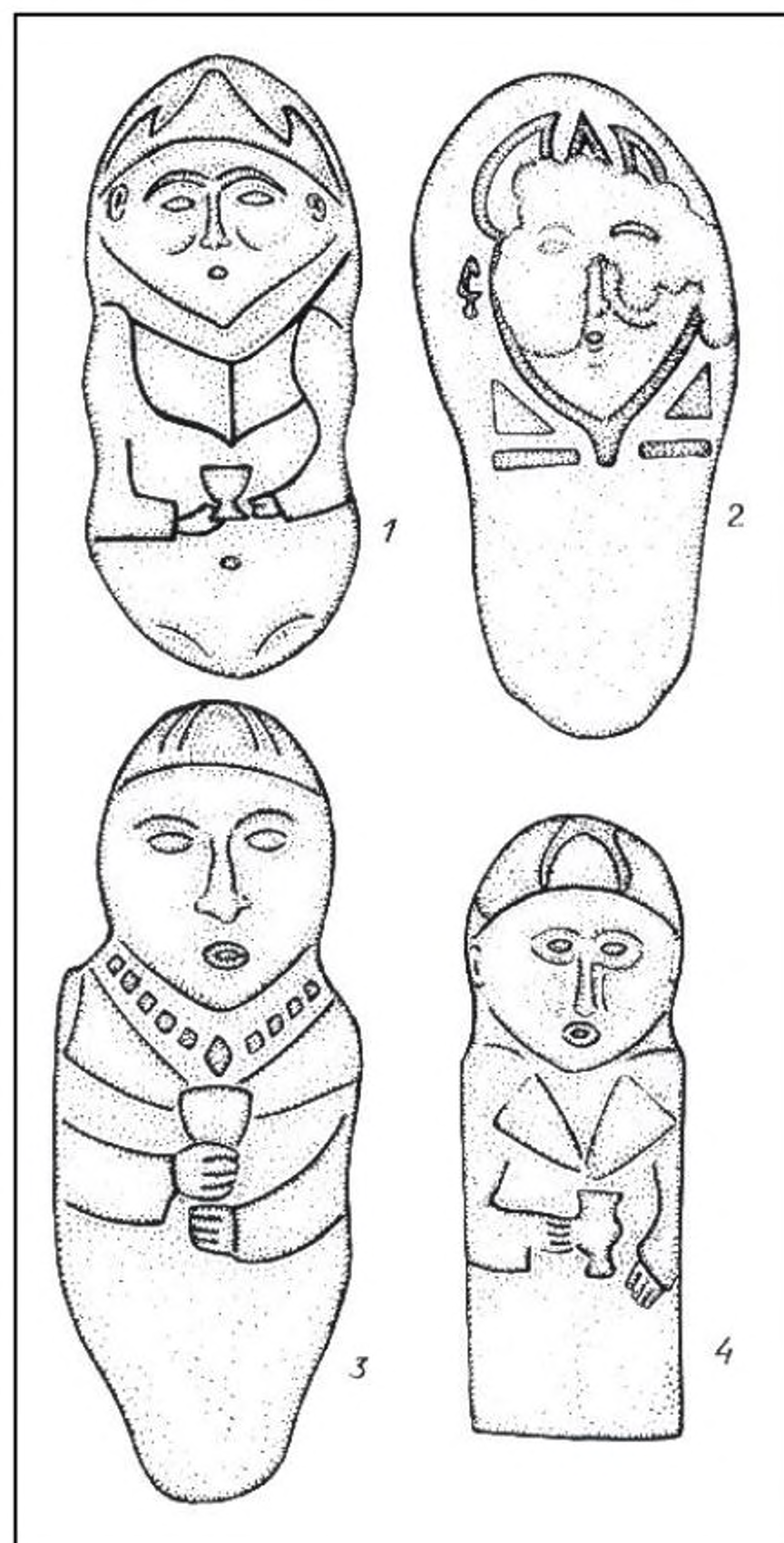

Рис. I
Изображения
в «трехрогих» головных уборах
на каменных изваяниях:
1 – Калмак-Таш, 2 – Беш-Таш-Короо III,
3 – Ак-Тал, 4 – Балхаш.

Васютин А.С., Онищенко С.С.
(г. Кемерово, Россия)

**КОЧЕВНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ
(VII-X вв. н. э.)**

Введение

Известно, что сосуществование южных кочевых и северных оседлых народов в течение всего первого тысячелетия нашей эры является историческим феноменом евразийского масштаба. На юге Западной Сибири это прослеживается в совместном проживании населения пришлых (тюркских) и местных оседлых (угров и самодийцев) культур (Васютин С.А., Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 190). Их взаимодействие, вероятно, являлось одним из факторов культурогенеза целого ряда археологических культур (АК), в том числе и тех, которые функционировали в раннем средневековье на северо-западной и северной периферии Алтае-Саянской горной страны (верхнеобская и сросткинская АК). В археологических материалах этот процесс неоднократно фиксировался в смешанных погребальных комплексах Верхней Оби, Барабы, Северного Алтая, Томского и Новосибирского Приобья. В связи с этим цель настоящей работы заключалась в выявлении кочевых элементов в структуре материальной культуры оседлого населения «верхнеобцев» Кузнецкой котловины Кемеровской области в VII-X вв.

При анализе кузнецких материала этой АК в качестве диагностирующих признаков влияние культур кочевников рассматривались предметы оружия, конской упряжи и торевтики, серийно представленные в ключевых погребальных памятниках сопредельных территорий (Кудыргэ, Сростки и др.). В качестве дополнительного критерия наличия кочевого компонента в ритуальных традициях «верхнеобцев» можно рассматривать находки остатков животных, как обязательного компонента. В настоящей работе были использованы оригинальные и опубликованные материалы из курганных погребально-поминальных памятников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины (Ваганово-I, Зимник, Калтышино-II, Лебединский клад, Озерки-I, Озерки-5, Саратовка, Сапогово, Сапогово-II, Юрты II).

Анализ материала

Оружие ближнего боя. *Палаши.* Однолезвийные палаши представлены одним типом с напускным пластинчатым перекрестием и характерным для сабель признаком, наклоном рукояти в сторону лезвия (рис. 1 – 1-3). *Детали оформления ножен.* Р-образные пластинчатые скобы для крепления и обкладка наконечника ножен с тисненым растительным орнаментом (рис. 1 – 1а, 2, 3а; 3 – 50). Особенно показательным для времени их существования являются сросткинские аналогии VIII-X вв. (Неверов С.В., 1988, с. 72-75; Горбунов В.В., 2006, рис. 50, 5; 52, 1). *Втульчатые наконечники копий.* Пирамидальные и пиковидные с широкой втулкой, длинной шейкой и ромбической или пирамидальной боевой головкой (рис. 1 – 4-9). По ряду типологических признаков, связанных с дальнейшим усовершенствованием проникающих свойств пера, данные наконечники относятся к концу IX-X вв. (Неверов С.В., 1988, с. 78-79; Голдина, 1985, табл. XXVII, 8; Худяков Ю.С., 1986, с. 157; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 43; Горбунов В.В., 2006, рис. 42; 43). *Топоры.* Проушные топоры и топоры (рис. 1 – 10-15) имеют массовые аналогии в тюркской и сросткинской культурах (Горбунов В.В., 2006, с. 83-86, рис. 69 – 1-5,8). *Кистень* (рис. 1 – 16). Представлен единственным экземпляром из Сапогово (Илюшин А.М. и др., 1992, с. 22-23, рис. 23 – 18) и имеет явные прототипы и параллели в тюркской культурной среде Саяно-Алтая и сросткинской культуре алтайских лесостепей (Горбунов В.В., 2006, с. 87, рис. 69 – 6).

Оружие дистанционного боя. *Железные наконечники стрел.* *Трехлопастные* (рис. 1 – 24-32). Они представлены шестиугольными широкими наконечниками с прорезными лопастями, вытянутопятиугольными с кольцевыми упорами и без них, пятиугольными широкими, вытянутошестиугольными и ромбическими различных пропорций. *Уплотненные.* Шестиугольные. Представлены двумя типами, долотовидными длинными и

короткими, все с упорами (рис. 1 – 17-19, 21-23). *Плоские*. Линзовидные (рис. 1 – 38, 39, 41, 42, 46, 47). Представлены 3 типами: треугольными, вытянутолистовидными, вытянуторомбическими. Эти типы железных трехлопастных наконечников стрел в Южной Сибири ранее VIII в. неизвестны, а основной период их бытования охватывает VIII-IX вв. Из типологических признаков, имеющих хронологическое значение, следует выделить следующие: удлиненные пропорции, наличие кольцевых упоров и круглые прорезы в нижней части лопастей, а также наличие шейки и боевой головки (Худяков Ю.С., 1986, с. 145; Неверов С.В., 1988, с. 52-55; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 37; Горбунов В.В., 2006, рис. 28-31). Уплощенные долотовидные и плоские наконечники стрел до IX в. крайне редки, их основной период бытования распространяется на последние два столетия I тыс. н. э. (Неверов С.В., 1988, с. 57-59; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 37-38). Плоские томары трапецевидной и вильчатой форм (рис. 1 – 45, 48) массово представлены в сросткинских и кыргызских материалах (Горбунов В.В., 2006, рис. 32-33). *Накладки на лук*. Типовые наборы костяных накладок на лук. *Без концевых боковых накладок*. Срединная боковая и боковой вкладыш с арочным вырезом для тетивы в сочетании с фронтальной концевой накладкой с арочным вырезом (рис. 1 – 50, 51, 53). С центральными двумя боковыми, одной узкой фронтальной и прямоугольным боковым вкладышем (рис. 1 – 49абв). Хазарские луки с концевой фронтальной накладкой известны в материалах Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры. Хазарские концевые накладки овальные в плане, фронтально изогнуты и треугольные в плане, а прорезь для тетивы, также как и у кузнецкой накладки, сделана на острой наружной грани (Плетнева С.А., 1989, с. 69, рис. 32). *Отдельные типы костяных накладок на лук*. Срединная боковая и фронтальная накладки (рис. 1 – 54, 55). Две центральных боковых накладки (рис. 1 – 56, 57). С одной массивной центральной боковой накладкой (рис. 1 – 58). Наиболее существенным хронологическим признаком для этой категории находок является отсутствие концевых боковых накладок, наличие вкладышей и фронтальных концевых накладок, а также массивных одиночных боковых накладок. Такие типологические особенности костяных накладок массово распространяются на юге Западной Сибири и Саяно-Алтае с VIII в. (Худяков Ю.С., 1986, с. 141-142; Неверов С.В., 1988, с. 66-68; Горбунов В.В., 2006, рис. 4-8). *Колчаный крюк на длинной пластине*. Такие крюки на пластинах с кольцами (рис. 1 - 52) могли использоваться как поножи для крепления обуви. Появление подобного рода крюков типологически предшествует колчаным крюкам аскизского типа (Адамов А.А., 2000, с. 58; Кызласов И.Л., 1983, с., 50, рис. 86-88).

Снаряжение верхового коня. Конский полудоспех. Панцирный набор (рис. 1 – 62, 63). В этом панцирном наборе насчитывается более 392 панцирных пластин и 23 детали наременной гарнитуры общим весом 2 кг 800 г. Сбруйная гарнитура находилась внутри отдельных спекшихся скоплений панцирных пластин (рис. 1 – 59-61; 2 – 22). Бедность декоративного оформления, упрощение и огрубление форм поясной и сбруйной гарнитуры из железа является характерным признаком наступления нового этапа развития сбруйной и поясной гарнитуры. Массовое изготовление наременной гарнитуры из железа – все это признаки новой эпохи, более прагматического, функционального, подхода к массовому производству всаднической и конской амуниции. Хронологически это явление начинает распространяться в южносибирском регионе с середины X в. (Кызласов И.Л., 1983, с. 12-13). Предполагаемая идентификация панцирного набора с конским нагрудником представляется наиболее вероятной и в контексте воинской атрибутики кремнированного погребения. Это, безусловно, всадническое погребение воина-копейщика с сопребением сбруйной амуниции и панцирного ламмелярного конского нагрудника (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2006, с. 265-268). *Однокольчатые удила* (рис. 2 – 1-3, 5) представлены тремя типами: перпендикулярнокольчатыми с подвижным кольцом для повода и стержневыми S-видными псалиями, соединеннокрюковыми с пластинчатой скобой для недоуздка и стержневыми S-видными псалиями, однокольчатыми удилами с кольчатым псалием. Перпендикулярнокольчатые с подвижным внешним колечком для повода и крюковым соединением звеньев удила относятся ко времени не ранее VIII в., когда они широко распространяются в Евразии и бытуют вплоть до рубежа X-XI вв. Однокольчатые соединеннокрюковые удила со стержневыми S-видными псалиями со скобой для недоуздка позже IX в. встречаются очень редко. Следовательно, основной

период их бытования не выходит за пределы VIII-IX вв. (Неверов С.В., 1988, с. 82-86), что подтверждается массовыми материалами из Новосибирского Приобья и сопредельных территорий (Неверов С.В., 1988, с. 121-123; 1998, с. 146, рис. 5 – 5; 6 – 5). Перпендикулярнокольчатые удила с подвижным внешним колечком для повода или недоуздка и крюковым соединением звеньев удил, безусловно, относятся ко времени не ранее второй половины VIII в., когда они широко распространяются в Евразии вплоть до рубежа X-XI вв. *Двукольчатые удила* (2 – 6-8). Железные двукольчатые удила без псалиев с неравновошьмерковидными кольцами, лежащими в одной плоскости, с витыми звеньями и их крюковым соединением, дополнительными подвижными кольцами для недоуздка могут быть отнесены к отделу 2, типу 1 по В.А. Могильникову (Могильников В.А., 2002, с. 85-86, рис. 160 – 15; 208 – 17; 216 – 9). В этой связи, представляет интерес его наблюдения, относительно вторичного использования 8-видных удил с кольчатыми псалиями в погребении с кремацией кургана 2 из Гилево I. В этом же комплексе находились 8-видные удила с витыми стержнями. Использование 8-видных удил без псалиев является результатом скорее практической необходимости в случае утери или поломки стержневых псалий, нежели чем звеном их эволюции. В этом случае большие внутренние кольца удил могли выполнять функции неподвижного псалия для крепления ремней повода или нащечных ремней. В других вариантах к ним крепились кольчатые псалии взамен стержневых, как это было замечено В.А. Могильниковым (Могильников В.А., 2002, с. 87, рис. 208 – 14). *Бубенчики с щелевидной прорезью и кольцевые обоймы с пластинчатыми зажимами* (рис. 2 – 9-11). Они появляются не ранее VII в. и широко распространяются в последующее время (Ковалевская В.Б., 1979, с. 48; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с. 50). *Стремена*. Они представлены удлиненнопластинчатыми и горизонтальнопетельчатыми (рис. 2 – 14-16). Горизонтальнопетельчатые стремяна с вытянутоовальными и арочными очертаниями дужек ранее середины IX в. не встречаются. Более широкие временные пределы имеют стремяна с пластинчатым ушком указанных типов, для рассматриваемого времени они являются запаздывающими (Неверов С.В., 1988, с.138-139; 1998, с. 147-151, рис. 6-8). *Подпружные пряжки*. Костяные подпружные пряжки представлены двутавровой роговой пряжкой с приёмной прорезью соединённой с концевой сплошной прорезью для щитка (рис. 2 – 26). Синхронное бытование однотавровых и двутавровых пряжек не исключает широких хронологических рамок для первых и более узких для вторых. Двутавровые пряжки имеют на бортиках скругленные уступы и полукруглые вырезы, отделяющие рамку от щитка. Именно этот типологический признак, появившись в конце VII-VIII вв., максимальное распространение получает в VIII-X вв. (Амброз А.К., 1973, с. 93-98). Промежуточная форма с плавным переходом от щитка к рамке также представлена в кузнецкой коллекции подпружных костяных двутавровых пряжек.

Гарнитура геральдического стиля. *Псевдопряжки* (рис. 3 – 81, 82). В отличие от кудыргинских сбруйных псевдопряжек (Гаврилова А.А., 1965, Табл. XVIII – 11, 17; XX – 15) кузнецкие преувеличенно массивны, полые изнутри с выпуклым внешним контуром, который повторяет внешнюю форму В-образной рамки функциональной пряжки. Псевдоязычок в виде узкой нервюры выступает за край рамки, имитированы и парные симметричные круглые прорези и узкие щелевидные горизонтальные отверстия, предназначенные для крепления язычка на рамке. Признаки деградации кудыргинских псевдопряжек очевидны (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 68), что особенно характерно для верхнеобских геральдических украшений (Савинов Д.Г, Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008, Табл. V – 4-7; VI – 4-16, 19-21, 23; XI – 3-9; XII – 7). К ним относятся и одночастные бляшки с симметричными прорезями и слабо выделенной нервюрой-псевдоязычком или без него (рис. 3 – 80, 83, 84). Крыловидные двухчастные и одночастные бляшки (рис. 3 – 8, 87), также являются составной частью геральдических наборов как и в Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, Табл. XII – 8, 9; XVII – 6; XVIII – 13, 16; XIX – 3), наряду с Т-видными сплошными и прорезными (рис. 3 – 91, 93-95, 98), также хорошо известными среди кудыргинских геральдических изделий (Гаврилова А.А., 1965, Табл. XII – 2; XV – 7; XVIII – 12; XIX – 2; XX – 34; XXIV – 4, 5). В состав геральдических наременных украшений входят ланцетовидные узкие и широкие наконечники с вогнутыми торцами, боковыми выступами и приостренными носиками (рис. 3 – 88, 89), повторяющих форму

одночастных геральдических бляшек. В Западной Сибири трансформированные формы геральдических украшений продолжали изготавливаться и после VIII в. (Васютин А.С., 1997, Табл. I, II; 2001а, с. 143-145; 2001б, с. 225-226), в отличие от Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, Табл. X – 14; XVIII – 8-10).

Гарнитура катандинского облика. *Наконечники ремней и подвесных ремешков.* Наиболее сопоставимы с саяно-алтайскими и сrostкинскими полуовальные гладкие наконечники с прямыми и рельефными сторонами, полуовальным или чуть приостренным носиком (рис. 3 – 63, 64, 67-69, 77), как и появившиеся позднее наконечники ремней и подвесных ремешков с крыловидными торцами (рис. 3 – 65, 66, 70-74). *Накладные бляхи.* Прямоугольные с прямоугольными и сердцевидными прорезями; полуовальные с прямоугольными прорезями – сегментовидные с прямоугольной прорезью; рельефные полуовальные с носиком и сердцевидными прорезями (рис. 3 – 75-79). Основной период их бытования распространяется на VII-IX вв., встречаются они и в более поздних комплексах (Неверов С.В., 1988, с. 153-154). Наличие сердцевидных и фигурноскобчатых прорезей на некоторых типах указанных блях рассматривается как промежуточный типологический признак, появление которого связывается с серединой VIII в. Этому времени соответствует присутствие в рассматриваемой коллекции рельефной сердцевидной бляшки, аналогичной сrostкинским изделиям (Распопова В.И., 1979, с. 109-112, рис. 3 – 1, 3, 4-6, 26-28). Немаловажным для датировки рассматриваемой коллекции кузнецких блях с прорезями является установленные по монетам даты с точностью до четверти века для аналогичных изделий из Пенджикента. Набор среднеазиатских накладных блях содержит все выше перечисленные типы такого рода изделий из кузнецкого предметного комплекса: прямоугольные бляхи-оправы, полуовальные бляхи, сегментовидные с прямоугольными и скобчатыми прорезями, датированные преимущественно не позднее третьей четверти VIII в. (Распопова В.И., 1979, рис. 3 – 8-19, 22, 30). Показательна и взаимовстречаемость указанных типов накладных блях, хорошо известных по сибирским материалам, с другими формами наременной гарнитуры, также представленной в рассматриваемой коллекции. К их числу, безусловно, относятся сердцевидные и полупунные бляшки, полуовальные и овальные бляшки с фестончатыми краями (Мажитов Н.А., 1977, табл. I – 162, 163, 167).

Наременная гарнитура середины IX - X вв. характеризуется развитой растительной и зооморфной орнаментацией по всей поверхности изделий с мотивами трилистника, виноградной грозди, цветочных бутонов и древовидных композиций (Кызласов Л.Р., 1981, с. 55-56; Могильников В.А., 1981, с. 45; Бараба..., 1988, с. 67, 75, 83-86, 89-90; Неверов С.В., 1988, с. 144-147, 154-159; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 70-75; Савинов Д.Г., 1994, с. 92; Король Г.Г., 2008, с. 10-26). Широко известный «сrostкинский тип» изделий представлен не только в материалах одноименного могильника на Алтае и в курганах из северо-западных алтайских предгорий, но и в синхронных комплексах всего урало-сибирского региона (Мажитов Н.А., 1977, табл. I; Савинов Д.Г., 1998, рис. 1-3; 6-9; Могильников В.А., 2002, рис. 215 – 2-4, 12, 14; 216 – 3, 4, 7, 8; 217 – 24, 25, 31, 29, 30; 218 – 4-6, 13, 17, 21, 23-27, 30, 35, 41).

Гарнитура развитого сrostкинского типа. Прежде всего это Т-видные тройники с литым растительным орнаментом, пластинчатые гладкие вырезные тройники, колесовидные тройники с растительным, зооморфным, геометрическим декором и функциональные пластинчатые колесовидные тройники (рис. 3 – 1-21). Позднюю дату для этих типов изделий подтверждают прямые аналогии в материалах сrostкинской культуры по всему её ареалу. Особенно разнообразны трехлопастные тройники Т-видной формы с завершаем лопастей в виде трилистника, их форму повторяют трехлопастные бляшки для подвесных ремешков (рис. 3 – 16-20). Эти типы орнаментированных наконечников имеют прямые аналогии в инвентаре алтайских кочевников, датирующихся не ранее середины IX в. и активно бытующих на протяжении столетия во всех синхронных культурах юга Западной Сибири и прилегающих территориях (Савинов Д.Г., 1987, табл. LXVII; Неверов С.В., 1988, рис. 47, 48, 56; Григоров Е.В., 1998, рис. 2; Могильников В.А., 2002, рис. 216 – 4; 218 – 21, 41). *Бляхи-подвески* (рис. 3 – 22-24) представлены гладкими кресаловидными и сердцевидными формами блях и ажурной с вырезным трилистным декором, а также с волютообразным орнаментом (рис. 3 – 33). В Южной Сибири и на сопредельных территориях (Мажитов Н.А., 1977, группы Б, В, Д; Неверов С.В., 1988, с. 109-110; Григоров

Е.В., 1998, с. 157-158.) такие типы украшений являются наиболее массово распространенными, начиная с IX в. Активный период бытования наиболее развитых типов таких украшений приходится на вторую половину IX-X вв. (Савинов Д.Г., 1987, табл. LXVII; Неверов С.В., 1988, рис. 47, 48, 56; Григоров Е.В., 1998, рис. 2). *Бляшки-полулунницы* (рис. 3 – 35-37) – гладкие и с полулунным торцевым вырезом, рельефными краями и центральной нервюрой (рис. 3 – 37). Сердцевидные бляшки-полулунницы и U-видные бляшки с полукруглыми и крыловидными вырезами аналогичны типам 24, 25 и 28 сроткинских бляшек, которые по ряду типологических признаков датируются не позднее середины IX в. (Неверов С.В., 1988, с. 155-156).

Рельефные бляшки. Овальная с рельефными боками и центральной нервюрой (рис. 3 - 38); в виде сдвоенного трилистника (рис. 3 – 40); фрагмент овальной накладки с петлей на торце и тисненым растительным орнаментом в виде трилистника и волютообразных растительных побегов (рис. 3 – 41); 8-видная накладка с боковым выступом и рельефными торцами в виде бутонов (рис. 3 - 39); полуовальная и прямоугольная с растительным лекором (рис. 3 – 56, 57). *Подвески-полубубенчики* (рис. 3 – 60). Такие подвески широко распространены в лесостепной и подтаежной зон Западной Сибири с четкой нижней датой, не ранее X в. (Адамов А.А., 2000, с. 61, рис. 39 – 4; 41 – 19; 44 – 5, 6; 46 – 22). *Наконечники ремней.* *Полуовальный наконечник* с приостренным носиком, рельефными боками и крыловидным основанием (рис. 3 – 53). *Язычковые.* Узкие язычковые гладкие и орнаментированные наконечники с продольной нервюрой и выделенными для крепления верхними лопастями (рис. 3 – 45-47); рельефный наконечник ножен от палаша с крыловидным и килевидным торцами и тисненым растительным орнаментом в виде трилистника (рис. 3 – 50); с широким гладким язычком и выделенной орнаментированной лопастью (рис. 3 – 49); полуовальный с зооморфным декором, волнистыми боками и основанием (рис. 3 – 48); полуовальный с выделенным носиком и крыловидным основанием с растительным декором (рис. 3 – 51, 54, 55); широколопастной наконечник неволинского типа с литым орнаментом в виде «замочной скважины» (рис. 3 – 52). Наиболее простые, исходные формы язычковых наконечников в Западной Сибири и Средней Азии представлены небольшими наконечниками в виде узкого язычка с продольным ребром (Распопова В.И., 1979, рис. 4 – 13). Они происходят из слоя третьей четверти VIII в. (Амброз А.К., 1973, табл. – 72-74; Распопова В.И., 1979, с. 112, рис. 1-3, 10, 11, 15-17). Наконечники гладкие с округлым концом и фестончатыми краями из Пенджикента, как и типологически близкие им кузнецкие наконечники, также датируются указанным периодом (Распопова В.И., 1979, с. 113). В данном случае речь идет о нижней дате тех евразийских типов наременной гарнитуры, которые сформировались и получили распространения до времени сложения салтовской культуры в Восточной Европе (Могильников В.А., 1991, с. 57-59; 2002, с. 123). На Верхней Оби появление рассматриваемой наременной гарнитуры сопоставимо по времени с ранним этапом формирования сроткинской АК, определение нижней даты которой до сих пор вызывает затруднения и ориентировано на вторую половину или конец VIII в. (Могильников В.А., Конилов Б.А., 1983, рис. 10 – 10; Плетнева Л.М., 1984, рис. 11 – 2, 4; Могильников В.А., 1987, табл. 99, 28, 49). Прототипы наконечников неволинского типа хорошо известны в Приуралье из памятников деменковской стадии ломоватовской культуры, наряду с собственно салтовскими и сроткинскими типами деталей поясов. Немаловажно, что в Средней Азии смена поясов, подобных неволинским и салтовским, произошла на рубеже 3-й и 4-й четверти VIII в. (Распопова В.И., 1979, с. 113). В Прикамье этот процесс начался с некоторым запаздыванием в последней четверти VIII в. (Краснов Ю.А., Ковалевская В.Б., 1973, с. 282, рис. 1; Голдина Р.Д., 1985, с. 132). В целом подобные изделия из Западной Сибири, типологически близкие прикамским (приуральским), демонстрируют более упрощенные и деградированные формы. Такие широколопастные наконечники известны в Томском Приобье (Могильницкий могильник, Архирейская заимка) и в Прииртышье (Окунево III). Как правило, они сочетаются с пластинчатыми прямоугольными тиснеными бляхами с зооморфным и волютообразным орнаментом с бордюром из псевдозерни (Савинов Д.Г., 1987, табл. 40 – 6; 1994, табл. VI). В Прикамье такие украшения представлены двумя локальными группами: узкими, ланцетовидными наконечниками агафоновского типа и широкими с лопастями, неволинского типа (Амброз А.К., 1973, рис.

73; 81). Вагановский наконечник, повторяя форму неволинских наконечников вплоть до деталей, имеет не прорезной, а литой орнамент в виде «замочной скважины» и горизонтального пояса из каннелюр на широкой лопасти. Впервые такое сочетание агафоновских (кудыргинских) и неволинских деталей поясов с датой VIII-IX вв. как в Прикамье (Амброз А.К., 1980, с. 49), зафиксировано в погребении 28 Архирейской заимки. По замечанию Л.М. Плетневой, такие детали нехарактерны для сибирских поясов, в том числе и для кочевнических комплексов, они производились в Пермской области (Плетнева Л.М., 1984, с. 81). Представленные типы наконечников, за исключением некоторых других типов, имеют широкие хронологические границы от рубежа VII-VIII вв. до конца I тыс. н. э. (Неверов С.В., 1988, с. 159). Особый интерес в этой связи представляют наконечники с растительной орнаментацией, появление которой на ременной гарнитуре Верхнего Приобья фиксируется не ранее конца VIII - середины IX вв. (Левашова В.П., 1952, с. 122, рис. 28-30; Неверов С.В., 1988, с. 153; Савинов Д.Г., 1994, табл. VI, 6; Григоров Е.В., 1998, с. 157-158; Шиготарова Т.Г., 2001, с. 171-172, рис. 3, 4).

Накладные бляхи. Прямоугольная с ромбическим рельефом на лицевой поверхности (рис. 3 – 44); с килевидными торцами и рельефным валиком по центру (3 – 42, 43); с крестовидной прорезью и скобой для подвески (рис. 3 – 34); рамчатая накладка с прямоугольной прорезью и рельефными подтреугольными зубчатыми торцами (рис. 3 – 61); двухчастная бляшка-полулунница с крыловидными рельефными сторонами, поперечной нервюрой и угловыми полукруглыми рифлеными выступами (рис. 3 – 62).

Такие штампованные и литые прямоугольные накладки различной конфигурации, помимо Кузнецкой котловины, известны в Новосибирском Приобье и Минусе, в массовом виде распространены на Южном Урале (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1988, с. 54-56). Пик их встречаемости в евразийских культурах приходится на VIII-IX вв. (Неверов С.В., 1988, с. 155-156).

Наносный султанчик (рис. 3 – 58). Это сборный султанчик с цилиндрической втулкой и растительной орнаментацией на крепежной пластине, типологически близкий сrostкинским султанчикам X - первой половины XI вв. (Неверов С.В., 1988, рис. 48 – 3; Могильников В.А., 2002, рис. 218 – 4; Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В., 2009, рис. 63). *Штампованные многолепестковые розетки* (рис. 3 – 58). Они являются частью сбруйных сrostкинских наборов, начиная с середины IX в. (Савинов Д.Г., 1998, рис. 3; 9; Могильников В.А., 2002, рис. 215 – 23; 217 – 32, 38; 218 – 33, 36).

Бляхи-оправы и рельефные накладки с растительной орнаментацией с геральдическими мотивами виноградных гроздей, цветочных бутонов и птиц. Они широко представлены в сибирской гарнитуре IX-X вв. (рис. 3 – 35-41). Бляхи-оправы геометрических форм имеют также сердцевидные врезы в прямоугольных и овальных прорезях, наряду с типологически более развитыми бляхами с рельефными формами, которые появились в сибирской гарнитуре не ранее конца VIII-середины IX вв.

Остеологический материал. Наиболее полно нами изучены материалы из памятников Калтышино-II (курган 3), Ваганово-I (курганы 6-7, 10-12), Озерки-I (курган 8) и Озерки-5 (курган 1).

Калтышино-II. Найдено 3 скопления костей животных разных видов и разрозненные остатки скелетов животных вне этих скоплений. Скопление К (глубина 46 см) содержит фрагменты черепов и посткраниальных скелетов водяной полевки (*Arvicola terrestris*), обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*), краснощекого суслика (*Spermophilus erithrogenus*) и 2-х узкочерепных полевок (*Microtus gregalis*). Здесь же находятся остатки посткраниального скелета 2-х птиц.

Скопление Г (глубина от 44 до 66 см) включает фрагменты черепов и посткраниальных скелетов водяной полевки и хомяка, а также фрагменты ребер, тазового пояса и задней конечностей птицы. В расположенном рядом скоплении Г₁ в верхнем слое (находится на глубине 44 см) обнаружены фрагменты черепов и посткраниальных скелетов водяной полевки, хомяка и суслика, почти полные скелеты 2-х птиц, одна из которых утка. Во втором слое этого скопления (глубина 66 см) содержались почти полные скелеты утки и 2-х других птиц, а также хомяка. При его вскрытии было обнаружено, что скелеты птиц лежали на спине, перекрывая скелеты грызунов. Отсутствие следов перекопов (нор и камер) около скоплений костей и наличие ненарушенных скелетов птиц и

грызунов на этой глубине позволяет предположить, что было произведено преднамеренное захоронение тушек птиц и млекопитающих перед сооружением насыпи.

В разных местах насыпи кургана были найдены: череп серого сурка (*Marmota baibacina*); 2 черепа сусликов (один из которых современный); фрагменты черепа и конечностей лошади и молодого годовалого теленка, а также остатки их грудных позвонков и ребер, обломки трубчатых костей, элементы суставов задних конечностей.

Обнаруженные при раскопках кургана остатки скелетов водяной полевки, хомяка, суслика, сурка и водоплавающей дичи относятся к обычным для северной периферии Кузнецкой котловины охото-промысловым видам животных. С учетом особенностей их захоронения тушки животных можно расценивать как компонент погребального ритуала.

Ваганово-1. Характерной чертой вагановского могильника является наличие большого количества погребенных останков лошадей, которые выражено количественно доминируют среди жертвенных животных. Всего в остеологической коллекции из курганов №№ 6,7, 10-12 присутствуют остатки скелетов, принадлежащие как минимум 52-58 животным разных возрастных групп. Среди них до 70 % составляют молодые особи. Среди проанализированной серии наиболее насыщенными остеологическими находками были курганы №№ 10 и 11. Курган № 12 привлекает внимание не количеством находок, а специфической структурой остеологического материала. Ее основу, помимо остатков скелетов лошадей, образуют чрезвычайно разнообразные в видовом отношении остатки скелетов других животных – млекопитающих (сурок, суслик, лисица обыкновенная *Vulpes vulpes*) и птиц. Наличие в некоторых скоплениях полного набора костей скелета животных позволяет считать, что при сооружении этого кургана были захоронены не остатки пищевых отходов, а тушки животных.

По стратиграфии и планиграфии костных фрагментов животных и их скоплений каждый из проанализированных курганов обладает определенной спецификой. Общей же чертой является концентрация костных остатков «полями», локализованных на определенных участках секторов погребальных сооружений, в одном-двух горизонтах. Целые черепа, как правило, были захоронены в специально сделанных грунтовых ямах или размещались на древней дневной поверхности курганов. Отсутствие следов воздействия огня (обожженных участков на поверхности зубов и костях) позволяет считать, что останки животных не использовались в качестве сопроводительных животных в обряде погребения.

Озерки-1. Имеется сопроводительное погребение очень молодой лошади без черепа. Здесь же находились немногочисленные фрагменты черепа и посткраниального скелета собаки, часть из которых обожжена. Отдельное скопление представляет в разной степени фрагментированные кости из разных отделов скелета (конечности, челюсти, зубы, ребра и т.д.), принадлежащих лошадям и другим видам животных (водяной полевке, собаки, лисицы и птицам).

Озерки-5. Содержит остатки скелетов как минимум 3-х лошадей. Из них одна была взрослой и 2 молодой особью, от одной из которых сохранился целый череп. Фрагменты скелета лошадей находились во рву на разной глубине и в разных секторах кургана. Кроме того, среди них фрагмент метаподии лося (*Alces alces*) и коренной зуб косули (*Capreolus pygargus*).

Анализ остеологических материалов из верхнеобских курганов Кузнецкой котловины, как и в целом материальных остатков послепохоронных ритуалов на площади курганных некрополей, позволил установить их жертвенный характер (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2004, с. С.315-316) и доминирование в составе костных остатков животных лошадей, преимущественно молодых особей (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 129, 130). Полученные данные и их интерпретация вполне сопоставимы с материалами сrostкинской культуры Барабы, Новосибирского и Томского Приобья Приобья, лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины, свидетельствующие о симбиозном характере развития этих территорий под значительным влиянием кочевого компонента, включая погребальный обряд на всех стадиях его реализации (Васютин А.С., Онищенко С.С., 2002, с. 288-290).

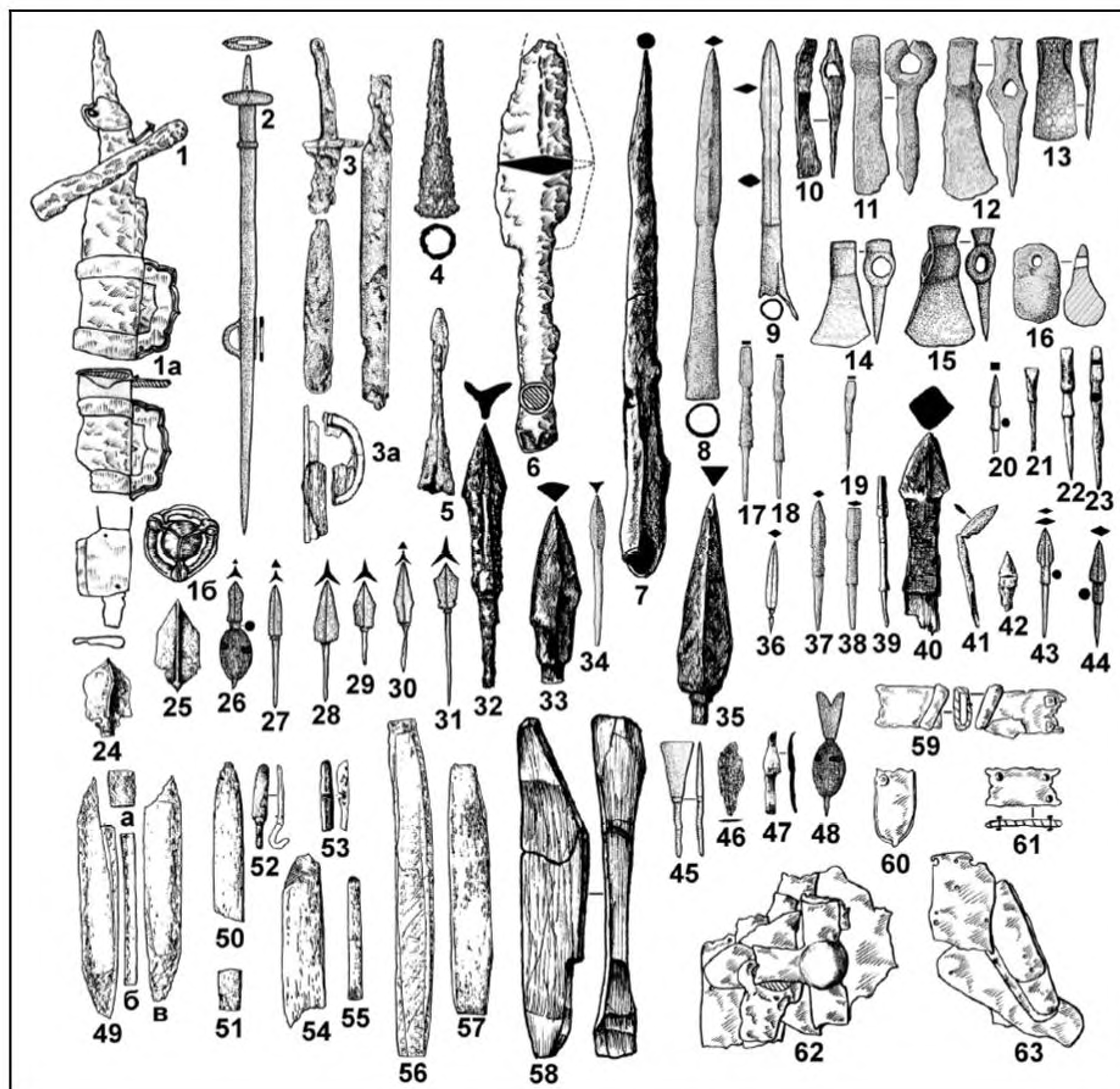

Рис. 1

Предметы наступательного и защитного вооружения
из курганных могильников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.
Без масштаба.

1, 6, 32, 33, 35, 40, 59-63 – Озерки-I; 58 – Калтышино-II (Васютин А.С. и др., 2004);
3-5, 7, 10, 21-26, 41, 42, 46, 47, 49-57 – Ваганово-I (Васютин А.С., 1997); 8, 11, 12, 16-20, 27-
31, 34; 2, 9, 13-15, 26, 29, 36, 43-45, 48 – Сапогово-II (Илюшин А.М., 1997).

1-3 – сабля, палаши; 4-9 – втульчатые наконечники копий и пик; 10-15 – топоры;
16 – кистень; 17-48 – наконечники стрел; 49-51, 53-58, – костяные и роговые накладки на
лук; 52 – колчаный крюк; 58-63 – детали конского полудоспеха и сопроводительной
сбруйной гарнитуры.

1-47, 59-63 – железо; 1а, б – бронза; 48 – железо, кость; 49-58 – кость, рог.

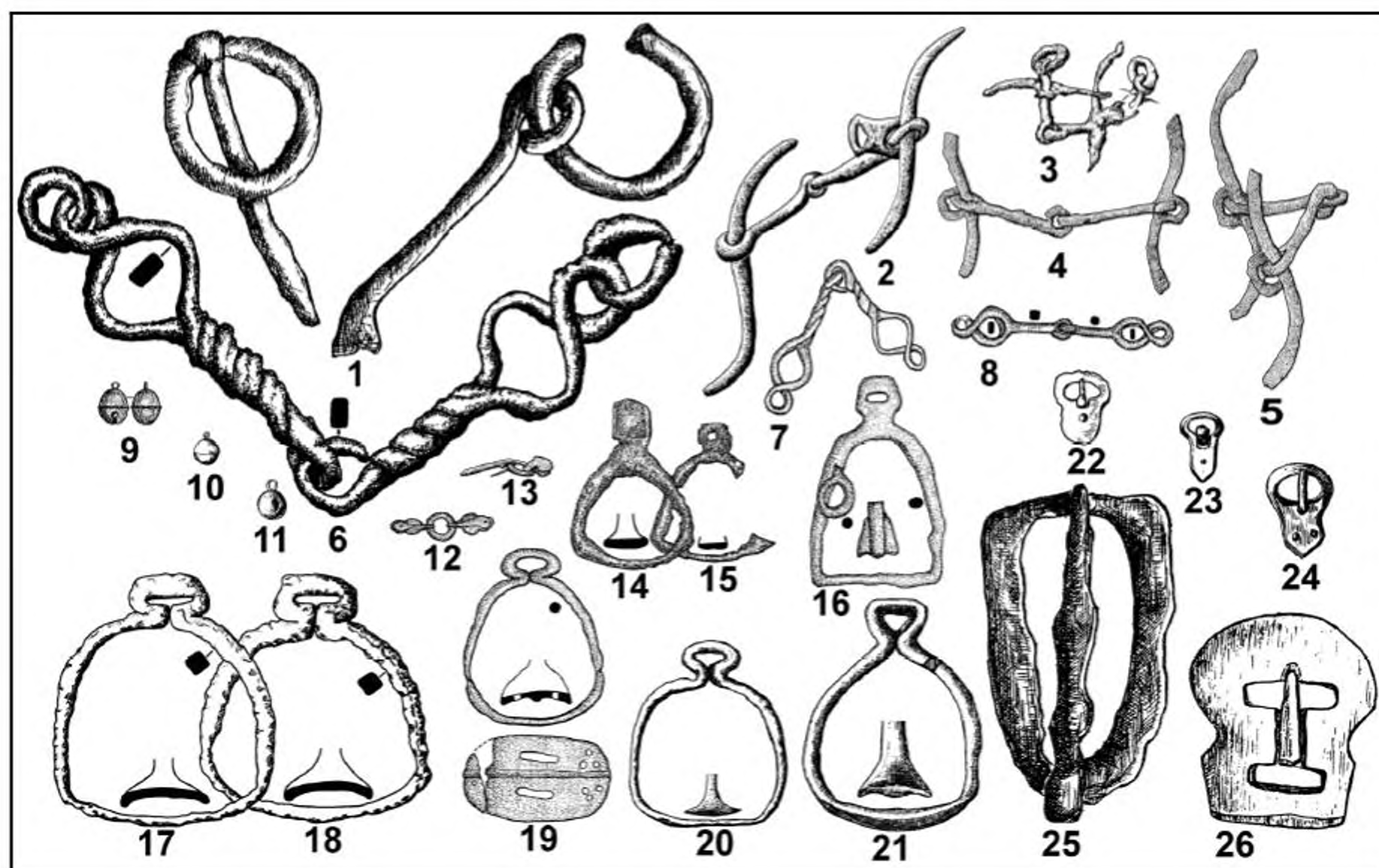

Рис. 2

Детали конской упряжи кочевнического облика
из курганных могильников верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.

Без масштаба.

1, 29 – Зимник (Васютин А.С., 1998); 6 – Калтышино-II (Васютин А.С. и др., 2004);

2, 3, 5, 10, 11, 12, 15, 16, 18, 20, 21, 23, 24, 26 – Ваганово-I (Васютин А.С., 1997);

4, 5, 8, 10, 14, 32 – Сапогово (Илюшин А.М. и др., 1992);

7, 9, 13, 16, 19 – Сапогово-II (Илюшин А.М., 1997); 17, 18, 22 – Озерки-I.

1-8 – удила; 9-11 – бубенчики-колокольчики; 12, 13 – кольчатые распределители ремней с пластинчатыми зажимами; 14-21 – стремена; 22-24 – цельнолитые сбруйные пряжки; 25, 26 – подпружные пряжки.

1-8, 12-22, – железо; 9-11, 23, 24 – бронза; 26 – рог.

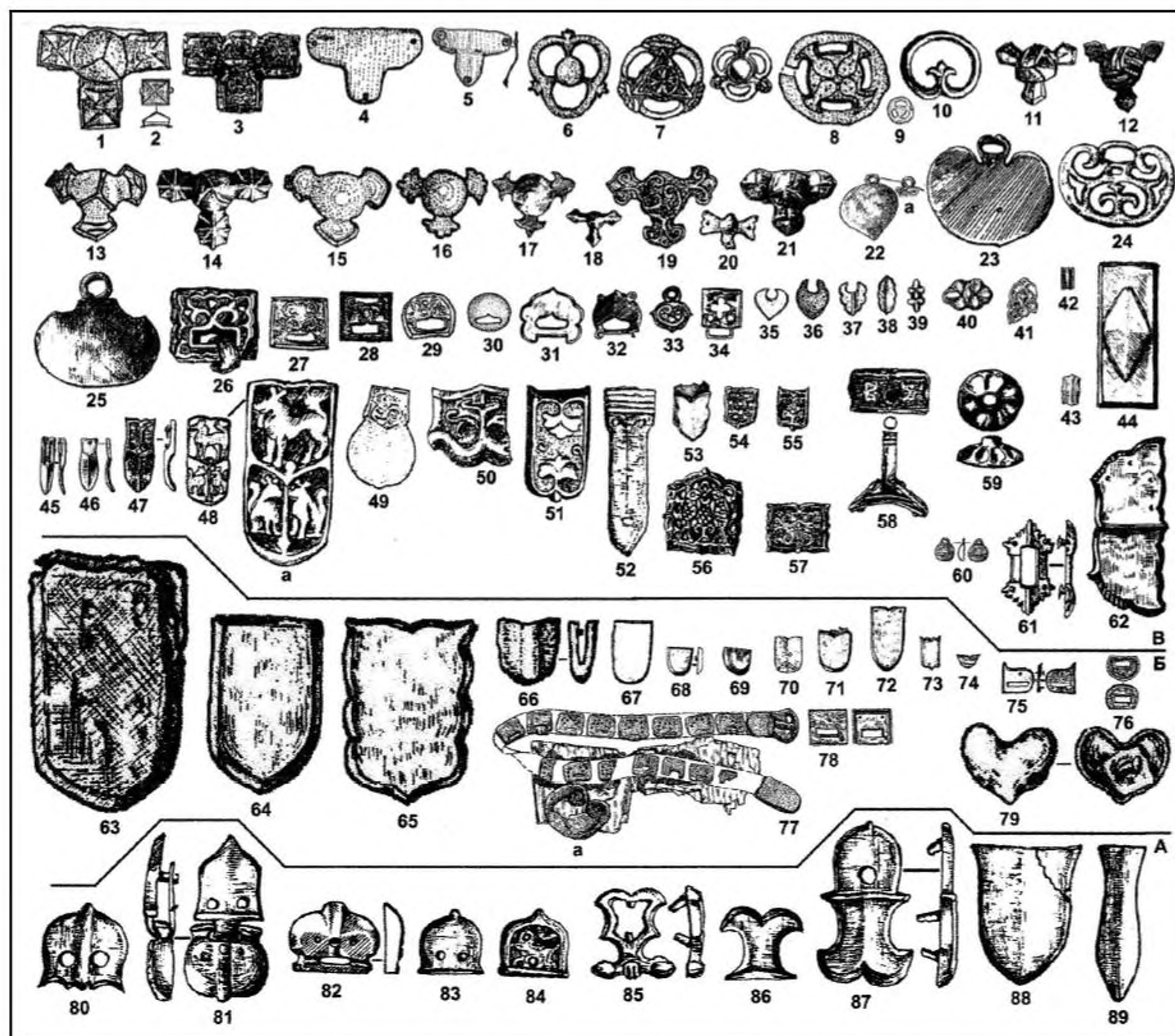

Рис. 3

Наремённая гарнитура евразийских типов в закрытых погребальных комплексах верхнеобской культуры Кузнецкой котловины.

Без масштаба.

А – стиль псевдопряжек кудыргинского типа (VII – середина VIII вв.);

Б – гарнитура катандинского и раннего сроткинского типов (VIII - середина IX вв.); гарнитура позднего катандинского и развитого сроткинского типов (вторая половина IX-X вв.).

1, 2, 4, 5, 8, 9, 15, 16, 17, 19, 26-28, 33, 48, 49 – Сапогово-II (Илюшин А.М., 1997); 3, 32, 40, 54-58, 60 – Саратовка (из раскопок М.Г. Елькина – см.: Илюшин А.М., 1999); 6, 10, 11, 18, 22, 24, 25, 30, 31, 34, 35, 37-39, 41, 42, 45—47, 50-53, 59, 61, 62, 65, 67-76, 78 – Ваганово-I (Васютин А.С., 1997); 8, 23, 24, 27, 29, 32, 35, 36, 77 (а - наборный пояс с калачевидным кресалом) – Сапогово (Илюшин А.М. и др., 1992); 80, 81, 83-89 – Юрты-II (Васютин А.С., 1997); 82 – Лебединский клад (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1989).

1-25 – распределители ремней; 26-44, 56, 57, 59-62, 75, 76, 79-87 – подвесные и накладные бляхи; 45-55, 63-74, 88, 89 - наконечники; 58 – наносный султанчик.

1-62, 64-76, 78-89 – бронза; 63, 77 – железо.

Обсуждение результатов анализа

Сопоставление материалов сроткинской и верхнеобской культур на синхронном и асинхронном уровнях было проведено С.В. Неверовым по ведущим категориям инвентаря и погребальной обрядности поздних верхнеобских памятников Новосибирского Приобья и сроткинских могильников Алтая, свидетельствующих о

преемственном характере формирования сrostкинской АК (Васютин А.С., 2001, с. 223-226, рис. 1). Типологическая близость обнаруживается также в эволюции верхнеобской и сrostкинской наременной гарнитуры (Неверов С.В., 1988, с. 170-186, рис. 46-50; 52-56). В культурогенезе верхнеобской АК особое место занимают поясные и сбруйные металлические украшения. Смена стилей наременной гарнитуры определяет динамику рассматриваемой культуры, как и смена «моды» на экипировку всадника и снаряжение верхового коня, так как имеют отчетливые хронологические контуры.

Заключение

В настоящее время хронология верхнеобской АК во многом определяется аналогиями из кочевнических древностей Саяно-Алтая и нижними датами этапов развития сrostкинской АК. Результаты анализа группы металлических украшений из кузнецких могильников со сrostкинскими типами аналогичных изделий позволяют уточнить верхнюю дату финального этапа развития кузнецкого локального варианта верхнеобской культуры. С учетом запаздывания, сrostкинские типы наременной гарнитуры могли быть заимствованы населением не ранее рубежа VIII-IX – середины IX вв., а более развитые, классические сrostкинские формы наременной гарнитуры и украшений, в более позднее время, включая и X век.

Проблема взаимоотношений кочевого мира с культурами западносибирской лесостепи и южной кромки тайги до сих пор не решена в глобальном масштабе. Сколько-нибудь глубокого объяснения причин и характера симбиоза южных, кочевых, и северных, осёдлых, культур Западной Сибири на протяжении всей древнетюркской эпохи в науке не дано (Васютин С.А., Васютин А.С., Онищенко С.С., 2008, с. 197-198). Нам представляется, что на современном этапе изучения этого исторического феномена, главным является выявление этапов воздействия мира кочевых культур на развитие и трансформацию самодийских и угорских культур Западной Сибири.

Библиографический список

1. Адамов, А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. / А.А. Адамов. – Тобльск-Омск: Изд-во ОмГПУ, 2000. – 256 с.
2. Амброз, А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV-VIII вв.) / А.К. Амброз // СА, 1973, № 4. – С. 81-98.
3. Амброз, А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. / Амброз А.К. // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 3-56.
4. Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 176 с.
5. Бобров, В.В. Лебединский клад / Бобров В.В., Добжанский В.Н. // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: Тез. докл. науч.-практ. конф. – Красноярск: Изд-во КрГУ, 1989. – С. 133-135.
6. Бобров, В.В. Конский полудоспех в сопроводительном инвентаре кремированного погребения X в. н. э. в могильнике Озерки I (Калтышинский археологический микрорайон) / В.В. Бобров, А.С. Васютин, С.А. Васютин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XII, часть I. Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. – С. 265-268.
7. Васютин, А.С. Урало-сибирский стиль псевдопряжек / А.С. Васютин // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. Ун-та систем управления и радиоэлектроники. – С. 263-269.
8. Васютин, А.С. Новое в хронологии и культуре юрт-акбалыкского этапа развития верхнеобского ареала (по материалам погребений из Кузнецкой котловины) / А.С. Васютин // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: изд-во Том. Ун-та, 2001а. – С. 142-145.

9. Васютин, А.С. Сросткинские типы изделий в верхнеобской garniture (к вопросу о культурных взаимосвязях на Верхней Оби в конце I тыс.) / А.С. Васютин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Выпуск XII. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001б. – С. 223-226.
10. Васютин, А.С. О характере вторичного использования курганов конца I – начала II тыс. н.э. на юге Западной Сибири / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Том VIII. – С. 286-290.
11. Васютин, А.С. Пространственная структура жертвенных комплексов на могильнике верхнеобской культуры Ваганово I из Кузнецкой котловины / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2004. – С. 313-316.
12. Васютин А.С. Жертвоприношения лошадей в кургане № 11 могильника Ваганово-I из Кузнецкой котловины (верхнеобская культура) / А.С. Васютин, С.С. Онищенко // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии: сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 128-130.
13. Васютин, С.А. Характер взаимодействия кочевого и оседлого населения на юге Западной Сибири в период раннего средневековья / С.А. Васютин, А.С. Васютин, С.С. Онищенко // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – С. 197-199.
14. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. – Л.: Наука, 1965. – 113 с.
15. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. – 280 с.
16. Горбунов, В.В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие) / В.В. Горбунов. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 232 с.
17. Горбунова, Т.Г. Наконечники ремней конского снаряжения из раннесредневековых памятников Алтая (классификация и типология) / Т.Г. Горбунова // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – № 11. – С. 112-123.
18. Горбунова, Т.Г. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов: монография / Т.Г. Горбунова, А.А. Тишкин, С.В. Хаврин. – Барнаул: Азбука, 2009. – 144 с.
19. Григоров, Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII-X вв. / Е.В. Григоров // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С.152-158.
20. Илюшин, А.М. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине / А.М. Илюшин, М.Г. Сулейменов, В.Б. Гузь, А.Г. Стародубцев. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. – 128 с.
21. Илюшин, А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины / А.М. Илюшин. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 119 с.
22. Илюшин, А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования / А.М. Илюшин. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.
23. Краснов, Ю.А. Рец. На книгу: I Erdelyi, Ojtozi, Gening. Das Graberfeld von Nevolino. Akademiae Kiado. Budapest, 1969, 93 с. / Ю.А. Краснов, В.Б. Ковалевская // СА. – 1973. – № 2. – С. 298-287.
24. Ковалевская, В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. САИ - Е1-2. / В.Б. Ковалевская. – М.: Наука, 1979. – 57 с.
25. Король, Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г.Г. Король. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.
26. Кызласов, Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX-X) / Л.Р. Кызласов // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 54-59.
27. Кызласов, Л.Р. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник / Л.Р. Кызласов, Г.Г. Король. – М.: Наука, 1990. – 215 с.

28. Кызласов, И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. САИ, выпуск ЕЗ-18 / И.Л. Кызласов. – М.: Наука, 1983. – 126 с.
29. Левашова, В.П. Два могильника кыргыз-хакасов / В.П. Левашова // МИА. – 1952. – № 24. – С. 121-136.
30. Мажитов, Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. / Н.А. Мажитов. – М.: Наука, 1977. – 239 с.
31. Могильников, В.А. Тюрки / В.А. Могильников // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29-43.
32. Могильников, В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI вв. / В.А. Могильников. – М.: Наука, 2002. – 362 с.
33. Могильников, В.А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье / В.А. Могильников, Б.А. Конилов // СА. – 1983. – № 2. – С. 162-182.
34. Неверов, С.В. История племён сросткинской культуры в VIII-XII вв. н.э.: дис....канд. ист. наук / С.В. Неверов. – М., 1988. – 223 с.
35. Неверов, С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типология) / С.В. Неверов. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998 – С.129-151.
36. Плетнева, Л.М. Погребения IX-X вв. в Томском Приобье // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Л.М. Плетнева. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – С. 64-87.
37. Плетнева, С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитровский археологический комплекс / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
38. Распопова, В.И. Основания для датировки металлических изделий из Пенджикента / В.И. Распопова // КСИА. – 1979. – Вып. 158. – С. 228.
39. Савинов, Д.Г. Государство и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья / Д.Г. Савинов. – Кемерово: Кемеровский госуниверситет, 1994. – 215 с.
40. Савинов, Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) / Д.Г. Савинов // Древности Алтая: Изв. Лаб. Археол. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. Ун-та, 1998. – № 3. – С. 175-190.
41. Савинов, Д.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура) / Д.Г. Савинов, А.В. Новиков, С.Г. Росляков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.
42. Троицкая Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
43. Худяков, Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: Наука, 1986. – 231 с.
44. Шиготарова, Т.Г. Наносные султанчики из средневековых памятников Алтая / Т.Г. Шиготарова // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 200. – Т. II. – С. 60-61.
45. Шиготарова, Т.Г. Бляхи-подвески конского снаряжения (по материалам раннесредневековых памятников Алтая) / Т.Г. Шиготарова // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2001. – С. 164-172.

Рыбаков Н.И.
(г. Красноярск, Россия)

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ЕНИСЕЙСКИХ КЕРЕИТАХ

В отчетных грамотах Томских воевод и правительственных актах XVII в. несколько раз упоминается племя керетцев, керельцев, корельцев (kereiti), обитавших между устьями Упсы и Ои, а в томе IV «Русской исторической библиотеки» они указаны по месту нахождения близ устья Абакана и на Белом Июсе с кыргызами. На карте при «Сибирской истории» керейты обозначены на правом берегу Енисея – между Енисеем и рекой Тубою (Аристов Н.А., 1897, с.98; Бахрушин С.В., 1955, с. 177; Фишер, 1774, с.500, 518; «Русск. ист.библ.», Т. IV, с.318.). После нескольких притеснений отрядами служилых людей русского царя и отступления на Тубу краткая история енисейских керейтов заканчивается во второй половине XVII в. Вместе с тубинцами и есерами керейты ушли за Саяны – после войны с «Алтын-ханом» к джунгарскому контайше» (Потапов Л.П., 1957, с.33).

Этот род керейтов фигурировал в исторической среде кыргызов в таком же отношении, как и тубинский, т.е. считался близким и равноправным. Н.А. Аристов сообщает, что до издания 3-го выпуска «Сибирских древностей», где В.В. Радлов приводит керейтские тамги, гравированные на серпах, найденных на берегу р.Сиды и вблизи села Бейского, формально тождественные керейским тамгам, «можно было бы предполагать, что керейты суть частица киреев, нашедших приют у кыргызов на Енисее после разгрома киреев Ван-хана при Чингизхане». Однако автор допускает возможное существование частицы киреев (керейтов) на Енисее в гораздо более раннее время, еще во времена династии Тан, задолго до эпохи чингизитов. Рассматривая упомянутые памятники, он говорит, что первая тамга тождественна наиболее распространенной керейской тамге в виде креста, вторая же представляет производную от второго типа киреевских тамг (фигура в виде спаренных прямоугольников узкими сторонами). Но к последней принадлежит в качестве производной тамга сары-усуней Большой Орды. В этой связи исследователь указывает на сходство остяцких знамен типа четырехугольника с керейскими и сары-усуньскими, которые предполагают возможность их динлинского происхождения (Аристов Н.А., 1897, с.98).

В именах родов керейтов у Рашид-адина значится сахыят, близкое к кругу наименований родов сагайцев на Енисее и якутов (саха). Как попал к керейтам близкий енисейским кыргызам род сагай и каким образом в XVII в. оказался на Енисее между кыргызами род керейтов? Н.А. Аристов полагает, что между керейтами и кыргызами существовало родство, по происхождению. Н.Ф. Катанов свидетельствует в экспедиционном отчете к карагасам о двух гидронимах – реках Кирей, правых притоков реки Уды, берущих начало в хребте Ергик-Таргак тайга. Г.Н. Потанин указывает, что по преданию сары-усуни являлись предками ойратских киреев (Потанин Г.Н., 1881, с.3). [О разнице в названиях этнонимов «кирей» и «керейт» см.: Валиханов Ч.Ч., 1958; Аристов Н.А., 1897, с.80-82, 97-99. Например, историческое лицо Ван-Хан являлся керейтом (керейтом у И. Березина), а его брат Джаханьбо – кирей. Таким образом, разница этнонимов, кажется, только по обозначению новых родов, а потому глубоких различий по родословной не имеет (Березин И. 1868, с.106-107)]. Мы будем следовать порядку определений: ойратские керейты – кирей, енисейские – керейты.

Позднесредневековая история и история нового времени киреев и керейтов связана с их расселением на юго-запад и запад из пределов Монгольских степей и Юга Сибири и их контактами с найманами, кыпчаками, башкирами, казаками так называемыми кочующими этнонимами, «не имеющими постоянного места» в составе Средней и Большой орды (Потанин Г.Н., 1881, с.2, 3, 6; Аристов Н.А., 1897, с.80-81; Зуев Ю.А., 1962, с.115; Кононов А.Н., 1958, с.45-50). Не будем касаться вопросов новой истории этих племен.

Как было замечено выше исторические, материалы дают сведения о двух районах местопребывания енисейских керейтов: первый – «тубинская земля», среди киргизов, тубинцев и алтырцев до погрома алтын-ханом Лоджаном в середине XVII в., точнее – 1663

г., второй – на «Белом Июсе с киргизами» (Бахрушин С.В., 1955, с.207). Такова краткая справка исторических фактов, касающихся ойратских киреев и енисейских кереев.

В 2003 году автором был открыт ряд писаниц с кереевскими крестами по правобережью Черного Июса (падь Албан), по левобережью Белого Июса (р.Кизилка) и вариант киреевской тамги «второго типа» в районе с.Подкамень. Местонахождение всех памятников – в локальном окружении Июских степей. Крест как таковой, по результатам изучения, принадлежит к киреевскому типу тамг Меньшей орды (Левшин А., 1832, с.134), или в перевернутом виде, также – киреевскому типу тамг (Пэрлээ Х., 1975, с.192). Он представляет двухчастное сочленение равноконечного креста и нижней графемы в виде горизонтального отрезка, лежащего под крестом, но не примыкающего к нему, другими словами «крест над поперечиной» (далее – знак КНП). Второй вариант – одиночный крест без перекладины – определяется как киреевский знак-тамга Средней Орды. Здесь следует оговориться: А. Левшин и Н.А. Аристов приводят тамги-кресты киреев-кереев нового времени. Например, крест над поперечиной относится к киреев Малой орды киргиз-казаков, которая кочевала в районе Мангышлака (XVIII-XIX вв.) (сведения: Жирмутский В.М., 1960, с.331). Однако определенная группа тамг несет устойчивую семантическую характеристику, датирующую ее концом VIII – нач. IX вв. В этой связи множество вариантов знаков-тамг в пределах Июских степей говорит о том, что енисейские исторические кереев до их ухода за «Камень» периодически посещались своими родственниками из монгольских степей и других родоплеменных объединений, орд (жузов) Юга и Запада.

Киреевский-кереевский знак КНП в нескольких вариантах по реке Кизилке, как видно из нижеследующих материалов, хронологически старше знаков-тамг перечисленных жузов, а его родоплеменное происхождение гипотетически может иметь прямое отношение к тюркско-самодийской (тюркско-динлинской) метисации по месту и времени, т.е. первоначального обитания киреев-кереев в Саянах. Часть мотивов кереевских крестов (р.Кизилка) сопряжены с солярно-лунарными знаками типа «небесная пара», которые требуют отдельного пояснения (см. ниже).

Итак, рис.1 – 1-2, падь Албан, р. Черный Июс. На плите ограды тагарского кургана грубо выбитое изображение двух тамг: слева – кереевская тамга КНП, справа – киргизский крест-тамга.

Рис.1 – 3, Подкамень. На плите треугольных очертаний, вершиной вверх смутнообозначенного погребения тагарского периода грубо выбитое изображение киреевской тамги «второго типа» в виде сомкнутых прямоугольников узкими сторонами с дополнительным элементом – лучком со стрелой, повернутой вправо. Вверх и вправо изображены фигуры козла и круглые двухполовинные тамги. Этот тип киреевских тамг с дополнительной графемой в виде лучка неизвестен в корпусе подобных знаков средневековья, что ставит определенный ряд вопросов.

Рис.1 – 4, р. Кизилка, Кандеевский лог. На торце полуразрушенной надкурганной плиты – изображение киреевской тамги «крест под поперечиной» (поперечина сдвинута вправо).

Рис.1 – 5-6, р. Кизилка. На скальном выступе породы темно-коричневого девонского песчаника воспроизведены две фигуры: слева – знак КНП, справа – солярно-лунарный символ «небесная пара». Изображения единовременны.

Рис.1 – 7, р. Кизилка. В этой же группе изображений на соседней плоскости выбиты мелкоточечными ударами три знака КНП.

Рис.1 – 8-9, р. Кизилка. Здесь же в череде подобных изображений воспроизведен мотив из пяти фигур: справа два знака КНП, слева знак «небесная пара» в трех вариантах – триада. Круг неправильной формы между группами знаков не учитываем (мнение автора – брак художника исполнителя).

Рис.1 – 10-11, р. Кизилка. Солярно-лунарная триада и кереевский крест без поперечины. Весь ряд визуальных источников несет стилистическую и иконографическую целостность реликтового свойства. Их графические элементы единовременны, хотя, похоже, кресты и другие знаки выбивались двумя-тремя адептами, без каких-либо дополнительных наслоений. Хронологически памятники вышеприведенной группы петроглифов ориентированы на период конца VIII – нач. IX вв.

Опыт осмысления. Солярно-лунарные знаки на территории стрелки Междуречья Июсов входят в корпус культового искусства енисейского манихейства. Они сопровождают так называемые «загадочные фигуры в мантиях», открытые финской экспедицией под руководством И. Аспелина в 1887 г. Знак «небесная пара» и ее варианты – диады, триады, тетрады – не несут обозначение тамг, ни фамильных личностных, ни родоплеменных. Знак декламирует мистический акт спасения души (знак Девы Света – «место души»: Рыбаков Н.И., 2009, с.355-366). Природа и происхождение знака лежит в пределах гностической космогонии сиро-вавилонской традиции. Древнейшие варианты знака «небесная пара» имеют происхождение в культурах раннеземледельческого периода (исходные варианты: древнесемитский, египетский, месопотамский, мало-азиатский, а также поздне-ассироахименидский). Как дополнение, знак сопровождает иконографические элементы буддийского гнозиса, отмечен в культуре сасанидского Ирана, в нумизматике средневекового Согда и, очевидно, является тамгой в корпусе центрально-азиатской эпиграфики. Особо отметим: знак «небесная пара» семантически характеризует тюркско-манихейское божество *Kun-Ai-Tengri* («Священная книга двух основ»: *Le Cog*, 1912, p.24), известное по уйгурско-манихейским текстам, которое имеет прямое сходство с женскими божествами, «сидящими на звере, держащими солнце и луну» в памятниках Восточного Туркестана и Средней Азии (VI – VIII вв.). Родственное этому божеству, выраженное в формах енисейской петрографии кыргызско-манихейское (Енисейское) божество *Kun-Ai-Tengri* (г. Барстаг), на сегодняшний день – самый убедительный пример «продвижения» согдийско-манихейской традиции на Енисей (Рыбаков Н.И., 2008, с.60-82). «Тюркский бог света (*Kun-Ai-Tengri*) полностью интегрировался в манихейской теологии. Это божество играет ключевую роль в соединении манихейской религии с языческой религией тюрков (J. BeDuhn – личные контакты).

Манихейская эсхатология допускает заимствования и обратную связь языческих божеств с гностическим принципом сознательного дуализма, разделяя свет и тьму, жизнь и смерть (две основы). «Известно, что манихейство охотно включало в свой пантеон «обратившиеся» местные божества, воспринимая вместе с тем и связанные с ними представления (Кляшторный С.Г., 1981, с.131). Что касается солярно-лунарных триад и их реминисценций, которые визуальнo демонстрируют манихейское волшебство поклонения луне и солнцу, авторская версия такова: «небесная пара», воспроизведенная в трехактовом мотиве, гипотетически представляет религиозно-мифологическую структуру божественной нумерологии «отец-мать-сын» иудео-христианской традиции в манихействе, и дополнительно – астрально-календарные визуальнo-схематические мотивы (утро-полдень-вечер) в системе традиционных представлений о времени носителей кереитских крестов. Солярно-лунарная символика, по сути, моделировала манихейский космос и явилась важным компонентом визуального языка манихейской проповеди. Солнце и луна «не только светочи, но и движущиеся обитатели божеств». Они – «корабли» света, роль этих светил в спасении праведных душ (Смагина Е.Б., 1998, с.416). Солярно-лунарные вариации особенно характерны для Восточно-манихейской церкви, что подтверждают уйгурско-манихейские тексты и примеры турфанской иконографии.

Июсская астральная космография не изучена, но, по предварительному заключению автора, имеет прямые символические сходства с уйгурским шаманистско-буддийским манихейским и согдийским манихейским (гностическим) религиозными каналами. Фактор сближения двух-трех идеологий концептуально отражен в вышеприведенных памятниках. Рис.1 – 1-2 – знак «Небесная пара» и тамга КНП воспроизведены в едином графическом ключе. Мотив декламирует критерии дружбы, единства, или родства, или форму сходства идеологий, что неоднократно отмечено в историографии, касательно енисейских кереитов и кыргызов средневекового периода (XVII в.).

Как правило, тамга в контексте рунической эпиграфики Енисея является графическим знаком подтверждения родоплеменной и личностной принадлежности, своеобразным автографом исполнителя. В том же аспекте – (рис.1 – 8-9) триада и два кереитских креста представляют мотив, в котором каждой фигуре отведено свое место в формате изобразительного поля. Триадная структура небесной пары, слева- направо: круг, и две «небесных пары», меньшая и большая информируют о чужеродном культе

солнца и луны, но их сопоставление с крестами свидетельствует о сближении идеологий религиозного характера – западной и местной, языческой. Рис.1 – 10-11 дифференцированная структура триады и крест (без перекладины) над кругом дополнительно декламируют иконологический аспект предпочтения трем прототипам «небесной иерархии»: луне, полумесяцу, солнцу-луне как универсальным объектам, обладающим божественной санкцией в вопросах спасения души. Манихейская космогония вовлекла в круг астрономических объектов только солнце и луну, обожествив их. Другие планеты и созвездия – порождение Материи (тьмы), властители демонов мрака (Смагина Е.Б., 1998, с. 371). На первый взгляд крест определяется как элемент посетительской эпиграфии, а солярно-лунарная комбинация – космологическая структура божественного акта дарения наряду с молитвой и словом обращенных к божеству, выраженная визуальным языком. Воображаемые связи с божеством через посредство солнца и луны выражают тенденции, характерные для Восточной манихейской церкви. Изобразительные мотивы и компоненты этого культа имеют место в материалах книжных миниатюр Турфанских памятников (Gulacsi.Z., 2001, p.105-127). Этот предварительный эскиз манихейского практического богослужения не решает сути вопроса, он лишь намечает канву будущих исследований.

Осмысление культовой июсской иконографии астрального характера ставит ряд трудно разрешимых проблем:

1. Вопросы кыргызско-манихейской души не изучены, они входят в разряд предполагаемых исследований. Литературные источники и восстановленные объекты Турфанской книжной графики по результатам новейших исследований бесспорно окажут содействие в распознавании манихейского енисейского искусства.

2. Астрально-календарные мотивы в средневековых календарных системах племен Центральной Азии и Саяно-Алтая недостаточно реконструированы, кроме традиционных свидетельств подобного круга новой истории.

3. Нет сомнения, что июсские источники пополняют кыргызско-манихейский репертуар божественной космографии, но ожидаемые предпосылки их идентификации сопряжены с изучением иудео-христианской, буддийской, зороастрийско-зерванисткой знаковых систем, импортированных с Запада, и элементов тюркского духоведческого культового искусства. Более того, в свете манихейского синкретизма, камне-графический материал фигуративных сцен (Подкамень, Барстаг, Ошколь) однозначно адаптировал и вовлек в структуру изобразительной среды ранний пласт дописьменного периода тюркского эпоса. Есть основание считать, что космология и космогония дошаманистских и шаманистских культов раннесредневекового периода народов Центральной Азии, с астральными объектами солнцем и луной в центре, повлияли на манихейский изобразительный комплекс. Без широкого охвата этих религиозно-мифологических и знаковых систем Запада и Востока невозможен семантический анализ универсальных образцов июсской космографии.

4. Дополнительно значительную сложность представляет, в частности, такой солярно-лунарный элемент, как круг и другие специфические детали иконографии. Круг (луна и солнце) взаимозаменяемы во всех памятниках петрографии Саяно-Алтая, начиная с глубокой древности до нового времени, что усложняет распознавание реликтовых источников.

Кереитский крест. Понимание структуры знака окажет содействие в доступном распознавании семиотических моделей двухактных построений креста и «небесной пары». Крест как таковой – универсальный символ высших сакральных ценностей. Как ритуальный знак занимает важное место в религиозно-мифологических системах Евразии. В структуре компонентов мифологических знаков крест подчеркивает идею центра, линии связей и зависимостей, идею алтаря, космическую ориентацию двух направлений, идею восхождения духа, устремление к богу, к вечности. Возможны предполагаемые эмблемы креста в эпоху неолита: мотивы деревянного огнива, позднее – воловьей упряжки. В древнеиндийских культах ведийской и индуистской мифологии крест сближается с ваджрой, символизируя прочность, неуничтожимость и скипетр плодородия (фаллос быка); вертикаль – мужское начало, путь; горизонталь – женское начало, плод, мудрость (пассивность), сакрализованный элемент духовных ценностей – «колесо закона», «колесо времени»

(Дхармачакра) – колесо движения солнца в его небесной повозке. Разумеется, здесь крест как таковой не имеет никакого отношения к кресту иудео-христианскому, если только не затрагивать крест как архетип добиблейского периода. Одной из версий структуры креста может послужить схема «иерогамической пары», муже-женского соединения: вертикаль *босоо хайрлага* (монгл) на сексуально-эротическом языке – фаллос, элемент вариантов тамг канглов и кипчаков, горизонталь – поперечина статичная устойчивая графема, гарантирующая *status quo*, символизирующая женское начало. Небезинтересное в этом круге функциональное тождество *brahman* – *barhis* (крест), подтверждающееся рядом отрывков из Вед, Упанишад, как место для богов, для героев; нахождение на нем ведет к богатству и благополучию. Вместе с тем концептуальное значение этих понятий более глубокое: если *barhis* характеризуется возрастанием в горизонтальной плоскости, то *brahman* – возрастанием по вертикали. Брахман нередко описывается в Ригведе как опора вселенной – «опора есть то, что *brahman*», или о том, что жилище *brahman*'а на небе и на земле, или о пути *brahman*'а с земли на небо и т.п. Однако, в связи с космологическим пространством, *brahman* может моделировать как и мировое дерево (верх-низ), так и отождествлять антропоморфное существо. (RV. X, 61,7: Топоров В.Н., 1968, с.129-133).

Пространственная четверичность креста и центра перекрестья подчеркнута в центральноазиатских традиционных представлениях. Достаточно информативное значение керейтский знак приобретает в символическом комплексе образов супонно-гужевого транспорта кочевнической среды. Из обширной исторической литературы известно, что необходимым средством передвижения любой, даже самой мобильной верховой группировки, являлась и кочевая кибитка, в которой в периферийном обозе перевозился скарб, старики, женщины, дети. По каталогу монгольских тамг Х.Пэрлээ (1975, с.192,209,224) керейтский знак «крест над поперечиной» и керейтский крест без поперечины соотносятся с понятием **чека-застежка**, и, судя по приведенным данным, подтверждается не только керейтской тамгой, а и ногайской. Приведем фрагмент этногенетического сказания каракалпаков о создании телеги-канглы, где чека занимает показательное место: «Конграт нашел одну оглоблю, Мангыт нашел другую оглоблю... тогда Канглы стал мастерить, стуча, прикрепляя, он сделал арбу, а Шуйыт чеку *шуй* вложил» (Зуев Ю.А., 2002, с.138).

О распространении знаков тамг «по родству» Г.И. Карпов уточняет, что тамги казахских племен – агрын, кирей, канглы, кипчак, ногай – имеют сходство с основными туркменскими тамгами племен теке, салыров, иомутов и сарыков и соотносятся по начертанию с крестом *атанак*, прямой вертикальной в большинстве чертой *элип*, *таяк*. По новейшим исследованиям, тамги племен (родов) кипчаков, керейтов и конрат Среднего жуза, территория расселения которых начиная с XI в., включала Южный Казахстан, имели структурный характер вертикаль-горизонталь-крест *кос-алып*, *атанак*, формообразование которых относится к раннесредневековому периоду тамговых комплексов (VI – VII вв.) «тюркской этнической основы» (Байпаков К.М., Подушкин А.Н., 1980, с.150). Археологическая сводка Х. Пэрлээ (1975, с.205) указывает бытование косоугольного креста над поперечиной в более древнее время.

Итак, чека-застежка, деталь кочевнической повозки есть запорная шайба, предназначенная для крепления колеса на оси, по археологическим источникам, существовала у хунов (нач. I тыс. н.э.: Руденко С.И., 1962, с.51). (Бытование колесных повозок зафиксировано с конца II тыс. до н.э.: Румянцева Е.А., 1961, с.136). Исследователь уточняет, что чека запирала съемное колесо на двуколках и одноколках хуннского колесного транспорта. Однако древнейшие повозки с несъемными колесами, насаженными на ось, в которых ось и колесо вращались одновременно, могли функционально иметь запорную чеку (шайба-штырь).

Из сказанного вытекает, что керейтский-керейтский крест-чека *чагтан* декламирует и сближает «по родству» варианты знаков тамг: *хос тамга* (ногайск.), *куп-хувь* (найманск.), *загалмай* (кара-калп), *куйускан* (черно-ногайск) (Пэрлээ Х., 1975, с.194, 195), распространенных в тюркско-монгольском мире. А «крест над поперечиной» *чагтан* – *хондолтой онгин* семантически тождественен ногайской тамге *хос тамга*, которая именуется – транспортная «парная перевозочная тамга» (Монголо-русс. сл. 1957, с.560). В словаре понятие *хос* – составная часть группы синонимов: *хосог-транспорт*, *хосор-*

земля, почва, хос-пара, дополняющих представление об образе наземных колесных экипажей кочевников, опосредованно совоплетенных с понятием «земля».

Нижней графемой двухчастного знака *хондолтэй онгин* (КНП) является **поперечина**. По исследованиям нового времени, этот символ лежит в глубине мифологем и автохтонных представлений кочевых этносов Центральной Азии однозначно связанный с магической границей между двумя мирами: средним-нижним либо средним-верхним. Количество знаков-тамг с поперечиной (верх-низ) достаточно велико, чтобы в какой-то мере понять глубину распространения поперечины, как сакрально-специфического разделителя двух миров. Следуем материалам Х.Пэрлээ: *куп* (*хувь*) (кипчак) «х»-образная тамга с поперечиной наверху (с.194), *хондолтэй саран* полумесяц над поперечиной (с.208), *хондолтэй наран* круг солнца под поперечиной (с.209), *хондолтэй чойндон* треугольник над поперечиной – тренога (с.225), *хондолтэй буйл* буйл – рогатка с поперечиной в центре (с.225) и т.д.

Синонимичный ряд значений поперечины в современном монгольском языке (Монгл.-русск. сл. 1957, с.552) выражается в следующих терминах: перекадина, поперечина (разрезать поперек, пересекать, пересекать дорогу, путь, наперерез, поперечный-горизонтальный), а в словаре И.А. Подгорбунского (1909, с.206) – перекадина, балка. Вместе с тем знак-тамга (по Х. Пэрлээ) в виде одиночной черты имеют определения: наклонная черта – косолюбимый путь (вар. любимый кнут), вертикальная черта – любимый, стоячий (фаллич.), горизонтальная черта – счастливая поперечина (*хендлен хайрлага*). В этих определениях тип тамг в виде прямой черты (вар. прямой, косолюбимый) бытовал в нескольких хронологических периодах, начиная с эпохи Чингисхана у племен Малой орды: канглов, кипчаков, киреев, найманов (Аристов Н.А., 1895, с.27). Дополнительно поперечина-перекадина именуется переправой, порогом, матицей (русск.) и является составляющей двухчастных знаков-тамг в своде геральдических символов ирано-язычных народов (Яценко С.А., 2001, с.185.) Из всего сказанного следует, что поперечина – чрезвычайно емкое понятие, ориентированное на синкретический образ глубокой религиозно-мифологической традиции в среде этнокультурных комплексов евразийского макромира. Она комментирует иконографические сходства в языческом духоведческом культурном пласте, и древнекитайском добуддийском (шаманистском), и буддийском центрально-азиатском и индоиранском мире. Ограничимся краткой характеристикой и перечислением ее значений в рамках ритуально-профанной терминологии выше указанных этнокультурных центров: 1 – перекадина-порог, поперечина, перекрытие (матка-балка, стропило-болозно, русск.); 2 – перекадина-переправа, мост; 3 – перекадина – праформа, подстилка, подушка, место, несущее на себе богов; 4 – перекадина – элемент мирового дерева.

Параллели мотива перекадины имеют место в сопоставлениях (верх – низ) строительных конструкций: кочевнической юрты, дома, строения, храма и т.д. Порог, как архитектурный элемент, разграничивает «внешнее и внутреннее» мирского окружения. Перекадина – переправа, или мост, находит концептуально-символическое подтверждение в обширных примерах фольклорно-поэтических формул средневекового кочевнического мира, чаще всего в случаях преодоления героем реки, моря: «Сары Тымаш, великий шаман через реку ходил по суше, осушая воду». Мост в сказке «Алтын-Чобе» сотворен посредством брошенного героем своего коня через море, или – герой, опускаясь в царство Эрлика, проходит в подземное море по волосу (Потанин Г.Н., 1883, с. 328, 567, 65). Или «связались водоросли и всплыли черепахи» и сын небесного государя Чхумо-ван переправился через реку (Троцкевич А.Ф., 1968, с.125). «Теленгитский кам Кайракан ходил через реку посуху: высушит переправу, а как пройдет, после него опять вода потечет» (Потанин Г.Н., 1893, с. 61-62). Переправа через реку или место пересечения большой дороги украшалась калмыками-буддистами «с целью отвращения несчастья от проезжающих» («Алтан-тобчи». 1858, с.25).

Естественно-природные реалии ландшафтных преград во все времена становились проблемой передвижения для кочевнического гужевого транспорта и верховой езды. В этой связи переправа элемент глубокой религиозно-мифологической традиции, фактор неотделимых представлений о локальных божествах местности, уважение родовых традиций земельных угодий, их духов гор, земель и вод.

Дорога-путь в религиозно-магических представлениях тюрков опосредованно связана с понятием земля, что объясняет почитание тайной сакральной силы земли. Из рунических текстов (КТ.м,4) известно о племени западных тюрков байарку, почитавших «Бога земли Байар», или из других орхонских текстов – бога «Священной Земли-Воды» Йер-Суб, относящихся к божествам универсальной религии «тенгриизма». Так, Феофилакт Симокатта пишет, что тюрки «поют гимны земле». С государственным культом тюрков связан образ Йол – тенгри («бог путей») и два божества второго плана: «бог путей на пегом коне» и «бог путей на вороном коне» («Книга гаданий» – «Ырк битиг»). И.В. Стеблева связывает «бога судеб (путей) на пегом коне» с аллегорией быстротечного времени, а «черного бога путей» трактует как божество наделенное спасительной и созидательной функцией. Они – спасители и благодетели человека, включенные в смысловую доминанту текстов – вселенские противопоставления добра и зла с вектором движения от плохого к хорошему (Стеблева И.В., 2007, с.82-83). Йол-тенгри (тибетский «Каталог княжеств») – младший родич Тенгри, который выполняет волю последнего, постоянно находясь в пути, он связывает верхний и средний миры (Зуев Ю.А., 2002, с.258; Кляшторный С.Г., Султанов Г.И., 2000, с.158-159).

Вместе с описанием макрокосмоса в орхонских надписях существует иная горизонтальная картина мира, излагающая ситуационные (маршрутные) описания ландшафта с его орогидрографией, без указания границ ойкумены. В пределах ландшафтной схемы йер суб воспринимается как плоскость, обязательно атрибутируемая вертикалью (Кляшторный С.Г., 2003, с.324). В традиционных представлениях земля имеет слои, как и небесная твердь. Дневной слой земли алтайцы называют «действительная земля». Под этой землей лежит другая земля, где царствует вечный мрак (Анохин А.В., 1994, с.17). Земная поверхность (действительная земля) характеризует структуру «земное тварное – преисподнее» и декларирует вечно конфликтующие стороны в космическом и земном сознании человека, и создает контрастирующие понятия открытого и закрытого, непреодолимого пути. Мигрирующее понятие пути проходимо/непроходимо в следующих примерах: в Авесте говорится: «Можно пройти путем, на котором стоит войско на колесницах. Один только путь непроходим – безжалостного Vaju» (бог ветра и неотвратимой смерти: Зуев Ю.А., 2002, с. 180). Древнеиндийская формула *varivodha* («создавать свободный путь»: RV, VII, 62, 6) напротив, заключает преднамеренность открытого пути.

Поверхность земли в свете гностических моделей структуры космоса отражена в манихействе как «граница», которая неразрывно связана с ориентацией верха и низа. В коптских текстах Свет и Мрак ориентированы вертикально по отношению друг к другу: Свет – вверху, а Мрак – внизу. Верх таким образом соответствует понятию страна Света, а низ или бездна – понятию страна Мрака. Восхождение – это всегда возвращение светлой субстанции к своим мирам, нисхождение – возвращение темного элемента во мрак. Между Светом и Тьмой существует граница. Наличие границы и пограничного укрепления – основное отличие конечного состояния вселенной (апокастасиса). Таким образом, граница представляется плоскостью бесконечно протяженной и горизонтально рассекающей вселенную (у мусульманских авторов граница – линия между светом и тенью: Смагина. Е.Б., 1998, с.380, 391). Ниже земной поверхности «границы» лежат в бесконечности нижние бездны и геенна. Хтонический мир под поверхностью земли – место, куда попадают души отступников-грешников. Это место, где нет покаяния. В Турфанских текстах Материя называется Az – имя демона алчности муже-женской природы зороастрийской традиции. Материя синоним слова Мрак (коптск.) «помысла смерти». Материя – Мрак вступает в борьбу со Светом. От Материи произошло морское чудовище, но и ею же сотворены Адам и Ева, первые люди (Смагина Е.Б., 1998, с.380, 391).

По ряду исследований мы знаем, что манихеями заимствовались автохтонные божества и связанные с ними представления. В этой связи вернемся к тюркской стандартной модели нижнего яруса космоустройства: духи и божества во главе с владыкой мира мертвых Эрликом населяют Нижний мир в трехуровневой вселенной. Эрлик разлучает людей, посылает вестников смерти в мир живых людей. Именно Он, отрывая жизнь, забирает души (Кляшторный С.Г., 2003, с.332-333; Анохин А.В., 1994, с.3).

Эрлен-хан (Эрлик) изначально имел небесное происхождение и был братом Ульгеню. В тереутских и алтайских мифах и преданиях сохранились объяснения низвержения Эрлика с небес на землю, а затем в подземный мир (Хангалов М.Н., 1958, с.317; Потапов Л.П., 1991, с.256).

Есть основание полагать, что у древних тюрков в прошлом существовало представление об Эрлике, как небесном божестве, ибо в притче «Ырк битиг», говорится о греховности называть Эрлика небесным богом, считать небо местом его пребывания (Кляшторный С.Г., 2003, с.329). Вместе с тем в формах экстраполярных космогонических представлений о силах тьмы допустимо сближение (но не тождественность) образа Эрлика (Эрлик-каган, монгл.; Эрклиг, древне-тюркск.; Эрлен-хан=Jama, др. уйгурск.) и манихейского божества Тьмы Az = Материя, наряду с зороастрийскими («злой помысел» – Аку Манна, пославший на битву Ахримана и его силы). Те и другие констатируют представление о несовершенстве и падении младшего божества в корпусе мифологем гностических космогоний и в центральноазиатских мифах. Особо подчеркнем, главным предметом борьбы этих демонических стихий, сил зла является человек, воля которого парализуется, вытесняется за пределы «действительной земли». Место их власти (после падения) в пределах среднего и нижнего миров, над границей и под границей дневной поверхности земли. Вполне очевидно, эта пограничная зона отмечена особым статусом сакрализации. Согласно текстам Ригведы, под землей – царство мертвых. «Когда копаешь землю, нельзя идти глубже, чем корни травы, ибо дальше живут Отцы (RV, X, 57, 494). Мир под земной поверхностью – самая пространная метафора, закономерно связанная с элементом нестабильности.

Становится понятным, почему в сводах родоплеменных и фамильных геральдических обозначений графема в виде горизонтальной черты названа «счастливой поперечиной»: она является сакрализованным маркером, преднамеренным разделителем (*открытого/закрытого*) между счастливым, светлым, легким и темным, нестабильным, потусторонним, земным миром и преисподней. Как следствие – пожелание легкого пути через преграды во времени и пространстве один из основополагающих принципов выживания (преодоления) пути-дороги в опыте кочевника. Картина «движения-преодоления пути» замыкается на бытовом уровне архитектурными реалиями кочевнической кибитки и ее функциональными свойствами. Вращающаяся ее часть колесо-чека несет глубокое символическое значение, о чем было сказано выше. Таким образом, кереитский знак КНП («парная перевозочная тамга») аргументирует два архитектурных звена совокупно обращенных в едином образе повозки: колесо-чеку модель акта «преодоление пути» и взаимозависимую, связанную с ней поперечину – структурный классифицирующий символ (граница) магико-культового характера, размежевывающий «вход/выход» между мирами.

Контаминация (возникновение-соприкосновение) знака КНП из двухчастной формы, по сути, несет признаки универсального образа мирового дерева, со всеми вытекающими из его структуры элементами.

Вернемся к памятникам иконографии. Сопоставление солярно-лунарных комбинаций и знака КНП представляет наиболее сложную задачу (осмысление триад - дело предстоящих исследований). Однако доступные интерпретационные варианты опираются на уже известные результаты исследований новейшего времени. Касательно «божеств путей» из «Книги гаданий»: И.В. Стеблева видит в них спасителей и благодетелей человека, опираясь на антитезу светлый-черный, хороший-плохой. Согласно дуалистической концепции извечной борьбы добра и зла, света и тьмы, утверждается победа в человеке, который также имеет двойственную природу сил света и сил тьмы – победа духа над телом (материей) (Стеблева И.В., 2007, с.85).

С учетом накопленных знаний о манихейских астральных божествах Солнце и Луне, которые вовлечены в искупительный процесс человека, как правило, центральным звеном этой практической драмы представляется душа. Манихейский космос справедливо устроен: солнце и луна, корабли света, принимают спасенный свет, на солнце и луне пребывают светлые божества, Живое Я (Мировая душа) воскресает к свету с действием молитвы и псалмов как набожные пожертвования (святые дары). Дева Света, а ее эмблема солнце-луна, является праведнику и препровождает (его душу) в высь при кончине. Текст из Псалтыря гласит: «Вас, Святые дары, наверху ждут корабли, чтобы поднять вас и взять вас

к Свету». (ПС 163.14-28: BeDuhn J., 2000, p.174). В коптских главах о солнце (корабле) сказано: «Оно – врата жизни и мирная переправа (для души) к тому великому зону (Света)... но так как Сатана знает, что оно – врата исхода душ, он положил строгое ограничение в своем законе, чтобы никто не почитал его (Солнце) (Кефалайя, 1998, 158, 31-32; 159, 1-3).

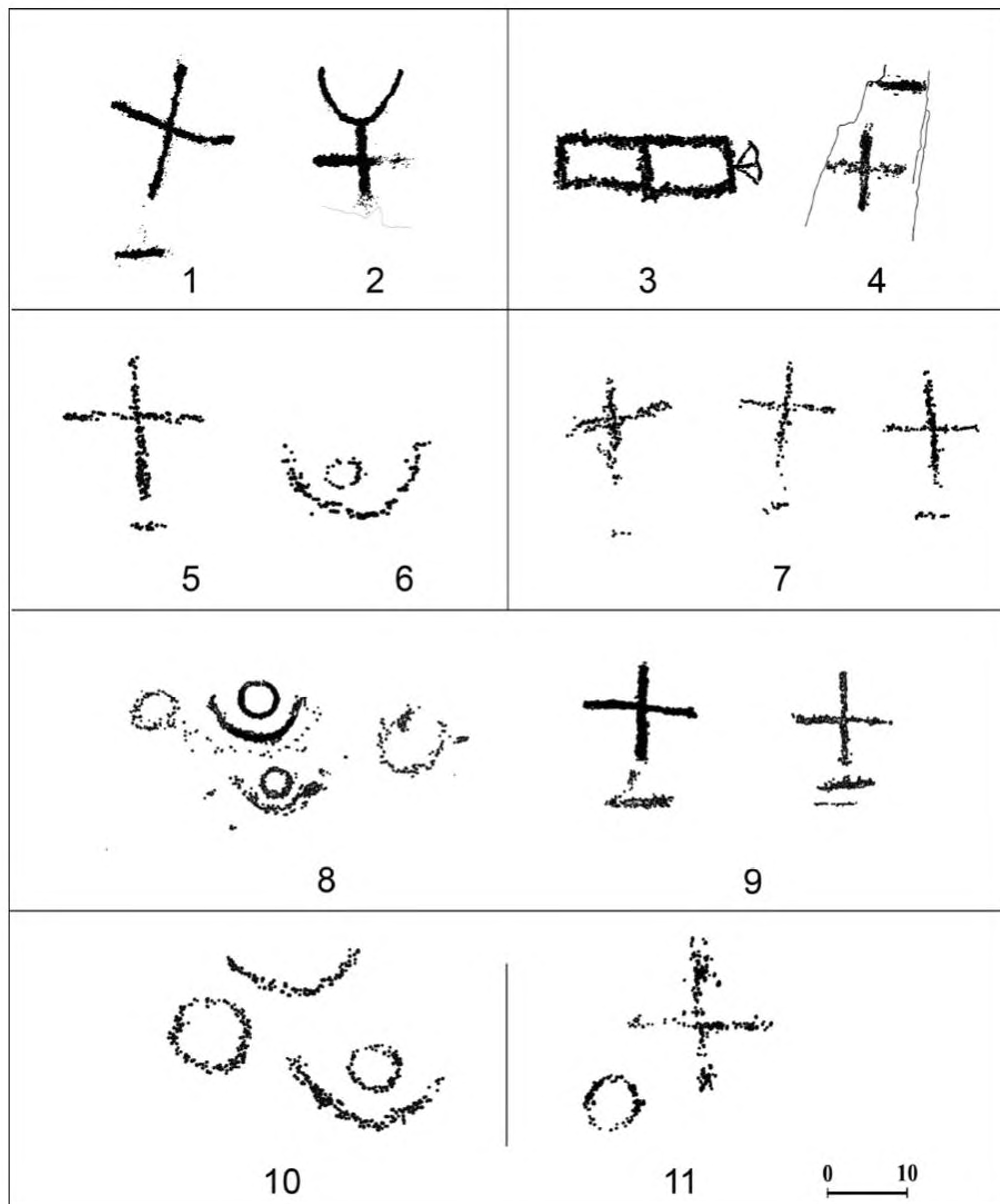

Рис.1

Керейтские тамги и солярно-лунарные символы (материалы-Н.Р.).

1-2 – керейтский крест над поперечиной и кыргызская тамга-крест (падь Албан, р.Черный Июс); 3 – кирейская тамга «второго типа» (Подкамень); 4 – кирейский крест под перекладиной (р.Кизилка, Кандеевский лог, по Пэрлээ Х., 1975, с.192); 5-6 – керейтский крест над поперечиной и манихейский знак «небесная пара»

(р.Кизилка); 7 – три кереитских креста над поперечиной (р.Кизилка); 8-9 – два кереитских креста над поперечиной (справа) и солярно лунарная триада (слева) (р.Кизилка); 10-11 – солярно-лунарная триада и кереитский крест без поперечины (р.Кизилка).

Заключение

В сложной доктрине манихейской души солярно-лунарные элементы, в нашем материале – «небесная пара» и её составляющие, трактуются и приемниками света (Корабли света), и медиаторами между нижним миром и небесным, и в формах визуальной наглядности – набожными пожертвованиями (Святые дары).

Двухактовая структура вселенной с «демоническим низом» и «светлым верхом» трактуется в манихействе и, в случае с кереитским крестом, в близких понятиях, которые утверждают местоположение человека в пределах макроскопической системы отношений, другими словами – то и другое отвечает трансцендентным свойствам спасения. Дарственные жертвования в виде группы трех знаков (солнце-луна), воспроизведенных в формах камне-графического искусства, не противоречат известной художественно-образительной традиции принятой в манихействе, тождественны функции спасения души в акте возвращения в «небесный дом» – «место души» (рис.1 – 8, левая часть). Кереитский крест над поперечиной концептуально несет свойства пожелания легкого, светлого пути, «парализуя» тьму поперечиной, формально адекватной границе запирающей бездну, место-пребывания стихийных демонических сил (рис.1 – 9, правая часть). О пути – дороге в высоту свидетельствуют манихейские тексты: «Мы выйдем (из земли) грешников к земле благодетельных» (М, 219, средн.перс. MMII: Asmussen J.P., 1975, р.13). Из апокалиптических фрагментов парфянских гимнов: «Я спасу Вас от всех волн моря. И от его глубины, в которую потопа бросали Вас. Я буду делать Ваше место новым в пределах высокого Царства... И буду делать Ваш путь гладким, освобожденным от ужаса и досады (PS VI. 45; VI.65-66: KLimkeit H.J., 1993, р. 113-114).

Манихейские тексты переполнены формулами: «путь истины», «двери спасения», «дорога к свету»; «Это дорога, это тайна, это – большая заповедь и врата освобождения» (М.39: BeDuhn J., 2000, р.231). Эти примеры богословия подтверждают манихейские практические формы освобождения света (души) и в символическом аспекте утверждают идентичность «пути-дороги», выраженной в кереитской геральдике.

Мани был уверен, что его мудрость включает мудрость всех народов. Ключевой факт понимания своей системы он видел в привлечении божеств из религиозно-мифологических комплексов этносов по месту проповеднической деятельности его посланников. Заполнение места между богом и миром потребовало воспроизведения на языке «видимых начертаний»: знаков-схем, символов, числовых и харизматических обозначений, что документально подтверждается материалами уйгурско-турфанской иконографии. Кереитско-манихейская космография отвечает этим положениям.

Не исключено, что разъединение частей в знаке КНП, креста от поперечины является структурной новацией, связанной с концепцией двойственности (дуализм) манихейского учения, и имеет отождествление с эсхатологическим периодом окончательного разделения Света от Тьмы манихейского апокастасиса. Кереитский крест, по сути, символизирует акт отделения света (крест) от тьмы (поперечина, в аспекте *хондолдох «преграждать путь»*). Изучение ранней космографии древних кереитов на основе их контактов и родстве с сары-усунями и динлинами прояснит это иконографическое явление.

Исторический эффект манихейской проповеди (Северная ветвь Восточной манихейской церкви) локально произошел в пределах монгольских и енисейских степей, которую предложила тюркская языческая духоведческая традиция. Действительность, которую вовлекли манихеи, была той, в которой божество имело шаманистскую и дошаманистскую родословную, поэтому средства спасения включали символы автохтонного окружения. Среди многих следствий взаимозависимости языческих божеств светлого и теневого подразделений на уровне кочевнической культуры кереитская тамга просматривается как знак рода. Знак рода – след памяти рода. В свое время Н.А. Аристов высказал предположение, что тамга может иметь соотношение с именем духа-

покровителя (Аристов Н.А., 1895, с.23), в иконографическом варианте представленная как тотем, столб, крест, дерево и т.д. Вместе с тем дух-покровитель, как правило – предок ... первый умерший человек. Универсальная структура кереитского креста мотивирует признаки жертвенного столпа-дерева и может рассматриваться как воплощение души первого умершего. Восшествие к богам или осуществление связи с низом (культ предков) - это отношение взаимодополнения, характерное для древне-тюркских шаманистских культов. (Вопросы культа мертвых и кыргызско-манихейской души требуют отдельного исследования). В этой связи кереитский крест имеет обозначение эмблемы божества, но никаких свидетельств на этот счет мы пока не имеем.

Что касается киреев-кереитов, то их история засвидетельствована только на рубеже XII-XIII вв., в связи с дружбой и враждой Ван-хана и Чингисхана. Почему локализация манихеев и кереитов, задокументированная в материалах иконографических памятников, связана с территорией Июсских степей, на сегодняшний день не находит четких определений - не ясен хронологический фактор и нет археологических подтверждений. Вполне понятно то, что пребывание чужеземцев внутри государства кыргызов могло быть позволительно только с высокой санкции администрации и лично самого кагана. Известно, что период с 840 г. до начала X в., время отсутствия кагана на Енисее. Тогда вполне допустимо, что интерес к новой вере и инновационным контактам с Согдом, могли иметь культурно-историческую определенность вовремя наивысшего расцвета государства кыргызов, а именно в конце VIII – серед. IX вв.

Форма манихейского поведенческого кодекса «непрерывно бродить в мире» нашла взаимопонимание с мифотворческой идеологией кереитов. Мы допускаем, что род (племя) енисейских кереитов, кочующий от Июсов до Тубы, принял манихейство. Тогда как известно, их ойратские соплеменники в IX в. были вовлечены в христианскую веру несторианского толка. По словам Марко-Поло, ойратские киреи приняли христианство «отцов несториан и матерей кераиток» после 845 г., когда несториане были изгнаны из Китая императорским указом этого же года (Аристов Н.А., 1897, с.91). Вместе с тем известно, что на 83 года раньше (761-762) манихейские проповедники проникли в пределы Уйгурского государства при Бегю-кагане (759-779), где манихейство утвердилось как государственная религия (Klimkeit Н. J., 1993, p.271). Одной из версий начала манихейской проповеди на Енисее являются последствия кыргызской экспансии 840 г. в монгольские степи, т.е. – принудительный привод проповедников на Июсы в качестве военнопленных. Однако Л.Р. Кызласов полагает, что первый приход манихейских проповедников на Енисей сопряжен с военным походом уйгурского правителя Элтмиш Бильге-кагана (747-759) ранее на семь десятков лет, в 759 г., в результате которого древне-хакасскому правителю пришлось признать свою вассальную зависимость и принять особый понижающий его достоинство титул: Бильге (Тун)-Иркин. Следующая историческая веха предполагаемого продвижения манихеев в енисейские степи возможна после антиманихейского переворота в Ордубалыке в 779г., когда манихейская вера была запрещена, а восстановлена только через 16 лет в 795 г. новой династией во главе с Алп Кутлугом (795-805).

Библиографический список

1. Алтан-тобчи. Монгольская летопись // Труды ВОИАО.– СПб., 1858. – Ч.VI.
2. Анохин, А.В. Материалы по шаманству у алтайцев / А.В. Анохин. – Горно-Алтайск, 1994.
3. Аристов, Н.А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов / Н.А. Аристов. – СПб., 1895.
4. Аристов, Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности / Н.А. Аристов // Отт. «Живая старина», 1896. – СПб., 1897. – В.III и IV.
5. Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана / К.М. Байпаков, А.Н. Подушкин. – Алма-Ата, 1989.

6. Бахрушин, С.В. Избранные труды по истории Сибири XVII – XVIII вв. / С.В. Бахрушин. – М.: Наука, 1955. – Т. III. – Ч. 2.
7. Березин, И.Н. Сборник летописей. История монголов. Сочинений Е. Рашид-Эддина пер. пред. И.Н. Березина / И.Н. Березин // Труды ВОИАО. – СПб., 1868. – Ч. XIII.
8. Валиханов, Ч.Ч. Избранные произведения. Под ред. Маргулана А.Х. / Ч.Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1958.
9. Дюмезиль, Ж. Осетинский эпос и мифология / Ж. Дюмезиль. – М., 1976.
10. Жирмунский, В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В.М. Жирмунский. – М.: Наука, 1960.
11. Зуев, Ю.А. Из древнетюркской этнонимии по китайским источникам (бузма, гуй, энмо) / Ю.А. Зуев // Труды ИИАЭ им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата, 1962. – т. 15.
12. Зуев, Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии / Ю.А. Зуев. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002.
13. Карпов, Г.И. Родовые тамги у туркмен / Г.И. Карпов // ИАН Турм. СССР. – Ашхабат, 1945. – №3-4.
14. Кефалайа («главы») Коптский манихейский трактат. Пер.ком.глосс. Е.Б. Смагиной. – М., 1998.
15. Кляшторный, С.Г. Мифологические сюжеты в древне-тюркских памятниках / С.Г. Кляшторный // ТС. – 1977. – М., 1981.
16. Кляшторный, С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма / С.Г. Кляшторный. – СПб.: СПбГУ, 2005.
17. Кляшторный, С.Г. Государство и народы Евразийских степей. Древности и средневековье / С.Г. Кляшторный, Г.И. Султанов. – СПб., 2000.
18. Кононов, А.Н. Родословная туркмен / А.Н. Кононов. – М.-Л., 1958.
19. Кызласов, Л.Р. Сибирское манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии / Л.Р. Кызласов // Хакасия: История и современность. – Новосибирск: Наука, 2000.
20. Левшин, А. Описание киргиз-казачьих орд и степей / А. Левшин. – СПб., 1832. – Ч. 3.
21. Монгольско-русский словарь. Под общ. ред. А. Лавсандэндэва. – М., 1957.
22. Подгорбунский, И.А. Русско-монгольско-бурятский словарь / И.А. Подгорбунский. – Иркутск, 1909.
23. Потапов, Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности / Л.П. Потапов. – Абакан: ХНИИЯЛИ, 1957.
24. Потапов, Л.П. Алтайский шаманизм / Л.П. Потапов. – Л., 1991.
25. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии / Г.Н. Потанин. – СПб., 1881. – В. 2.
26. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические / Г.Н. Потанин. – СПб., 1883. – В. 4.
27. Пэрлээ, Х. Изучение этногенеза монгольских народностей по родовым знакам / Х. Пэрлээ. – Улан-Удэ, 1975.
28. Радлов, В.В. Сибирские древности / В.В. Радлов. – СПб., 1894. – Т. 1. – В. 3
29. Руденко, С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы / С.И. Руденко. – М.-Л.: Наука, 1962.
30. Румянцева, Е.А. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая / Е.А. Румянцева // СА. – 1961. – №1.
31. Рыбаков, Н.И. «Солнце-луна» в петроглифах Южских степей / Н.И. Рыбаков // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб.ст. – Барнаул: Азбука, 2008. – Вып. 2.
32. Рыбаков, Н.И. Материалы чужеродной религиозной традиции в иконографии Южских степей / Н.И. Рыбаков // «Ното Eurasicus» у врат искусства: сб. научн. тр. – СПб.: Астерион, 2009.
33. Смагина, Е.Б. Глоссарий, пер.ком. Кефалайа («главы») Коптский манихейский трактат / Е.Б. Смагина. – М., 1998.
34. Стеблева, И.В. Жизнь и литература доисламских тюрков / И.В. Стеблева. – М.: Ин-т вост. РАН, 2007.
35. Топоров, В.Н. К предистории двух архаических концепций / В.Н. Топоров // III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. – Тарту: Тарт. Гос. у-т., 1968.

-
36. Топоров, В.Н. Исследования по этимологии и семантике / В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры. – 2005. – Т.1.
 37. Троцкевич, А.Ф. Корейские легенды о предках-основателях государств Тонмёне и Чумоне / А.Ф. Троцкевич // НААН№2. – М., 1968.
 38. Хангалов, М.Н. Собрание сочинений / М.Н. Хангалов. – Улан-Удэ, 1958. – Т.1.
 39. Яценко, С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С.А. Яценко. – М.: Вост. лит-ра РАН, 2001.
 40. Asmussen, J.P. Manichaean Literature / J.P. Asmussen. – Delmar, New York. 1975.
 41. BeDuhn, J. The Manichaean body. In *Disciplin and ritual*. The Johns Hopkins University Press / J. BeDuhn. – Baltimore – London, 2000.
 42. Gulacsi, Z. Reconstructing Manichaean Book Paintings through the technigue of Their Makers... / Z. Gulacsi // *The LIGHT AND The DARKNESS*, Egited by P.Mirecki and J.BeDuhn. – Brill-Leiden-Boston-Koln, 2001.
 43. Klimkeit, H.J. *Gnosis on the Silk Road: Gnostic Parables, Hymns and Prayers from Central Asia* / H.J. Klimkeit. – San Francisco: Harper Collins, 1993.
 44. Le Cog A. *Von Turkishe Manichaica aus Chotsco* / A. Le Cog. – Berlin, 1912. – Bd. 1.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н.
(г. Барнаул, Россия)

**ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ
УРКОШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА
(Онгудайский район, Республика Алтай)***

Несмотря на длительную историю изучения, Онгудайский район до сих пор является одной из наиболее слабо исследованных с археологической точки зрения территорий Республики Алтай. Вместе с тем, на сегодняшний день в этой части региона известно значительное количество погребальных и поминальных комплексов, а также случайных находок, петроглифов и других памятников, относящихся к различным историческим периодам от каменного века до этнографической современности. Начальные сведения об археологических объектах Центрального Алтая получены задолго до начала реализации систематических научных изысканий. В 70-е гг. XIX в. у представителей местной интеллигенции и академической науки стал возрастать интерес к малоизученным областям Азии (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2004, с.14). Как следствие Императорским Русским географическим обществом и его сибирскими отделами при содействии Археологической комиссии были организованы экспедиции, маршруты которых проходили через Алтай (Марсадолов Л.С., 1996). К примеру, в 1878 и 1880 гг. Н.М. Ядринцев, известный публицист, этнограф и археолог, во время своих экспедиций описал курганы в долинах Оби, Катуня, Чуи, Чулышмана и Улагана. В частности, исследователь представил план расположения и краткое описание археологических памятников в местности Кур-Кечу, находящейся неподалеку от урочища Уркош (Ядринцев Н.М., 1883, с.195–196; Тишкин А.А., 2007).

Однако ни в ходе различных экспедиций, ни в процессе целенаправленных полевых работ, проводившихся центральными и местными учреждениями в Онгудайском районе в последующие годы, памятники Уркошского археологического микрорайона не привлекли внимание исследователей. Вероятно, это в значительной степени объясняется тем, что объекты, расположенные на территории рассматриваемого урочища, не отличаются выдающимися размерами и для их выявления необходимы целенаправленные обследования. Данное предположение отчасти подтверждается тем обстоятельством, что рассматриваемые ниже памятники не упомянуты в монографии «Древности Чуйского тракта» (Бородовский А.П. и др., 2005), хотя находятся в непосредственной близости от указанной автомагистрали.

Проведение первых археологических исследований памятников Уркошского микрорайона относится к самому концу XX в. В 1989 г. в этой местности проводила работы совместная экспедиция Института археологии АН СССР и ГАНИИИЯЛ под руководством В.А. Могильникова и А.С. Суразакова. Одним из памятников, раскопанных в ходе полевых изысканий, был могильник, находящийся к северу от устья р. Большой Яломан и обозначенный как Большой Яломан-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994). Комплекс состоял из восьми сооружений, расположенных по линии север–юг. В центре могильника были сгруппированы объекты №1–4, исследованные одним большим раскопом. К северу и к югу от этого скопления находились еще четыре насыпи (объекты №5–8). Всего на рассматриваемом памятнике были исследованы шесть курганов. Материалы раскопок полностью опубликованы (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994). Предметный комплекс из могил оказался невыразительным, поэтому заключения о датировке и культурной принадлежности объектов, представленные авторами, основывались прежде всего на анализе характеристик погребального обряда. По мнению исследователей (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 44), наиболее древним был курган №5, о чем свидетельствовала сильная скорченность ног умершего. Указанные

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» по проекту «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

авторы датировали данное погребение VI в. до н.э., предположив, что выкладка №6, раскопки которой не дали каких-либо находок, а также не исследованные сооружения №7–8 относятся к этому же времени. Курганы №1–3 по ряду признаков исследователи связали с пазырыкской культурой и датировали в широких хронологических рамках V–III вв. до н.э. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с.44–46). Среди специфичных характеристик изученных объектов археологи отметили наличие двух колец в структуре насыпи, соединение отдельных сооружений своеобразными каменными перемычками и отсутствие сопроводительных захоронений животных. Выкладка №4, пристроенная с северо-запада к самому крупному кургану №3 и содержащая одиночное захоронение лошади, была рассмотрена В.А. Могильниковым и А.С. Суразаковым (1994, с.47) в качестве кенотафа и датирована на основе обнаруженного предметного комплекса VII–VIII вв.

Параллельно с раскопками могильника было начато изучение наскальных рисунков святилища, указанного А.С. Суразакову О.В. Лариным в 1980-х гг. и получившего обозначение Большой Яломан-III (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с. 38). Некоторые результаты исследований на указанном памятнике, в том числе прорисовка части изображений, опубликованы в небольшой заметке (Суразаков А.С., 1996, с. 82–84; рис. 1). А.С. Суразаков привел общую характеристику выявленных рисунков, предположив, что основное ядро композиции сложилось в эпоху бронзы, а в последующие периоды было дополнено. Произведенные раскопки у подножья своеобразного скального выступа, показали, что перед наскальными изображениями для совершения ритуальных действий разжигались костры, производились жертвоприношения (Суразаков А.С., 1996, с.82). По мнению А.С. Суразакова, начиная с эпохи бронзы отмеченное место имело значение священного центра для родоплеменных групп достаточно обширной территории. Это привело к сакрализации всего урочища, где позднее появились многочисленные «малые святилища», которые устраивались небольшими семейно-родственными коллективами. Кроме этих важных заключений, А.С. Суразаков (1996) попытался наметить семантику имеющихся композиций, где главной сюжетной линией, переданной через общую мировоззренческую схему, являлся охотничий промысел, конкретную удачу в котором можно было «...испросить у духа-хозяина местности (человеческая фигура, стоящая на спине у оленя – его ездового животного)». Обозначена также связь святилища с верхним миром.

Начало реализации комплексных исследований на территории урочища Уркош связано с деятельностью Яломанской археологической экспедиции Алтайского государственного университета (руководитель – А.А. Тишкин). С начала 2000-х гг. проводятся целенаправленные работы по выявлению, всесторонней фиксации и многоаспектному изучению погребально-поминальных комплексов и наскальных изображений, относящихся к различным историческим периодам. Реализация комплексной программы исследований позволила получить интересные результаты, связанные с реконструкцией историко-культурных процессов на территории микрорайона.

Одним из направлений работ Яломанской экспедиции является изучение наскальных изображений, находящихся на территории Уркошского археологического микрорайона. Так, начиная с 2001 г. осуществлялось обследование местности у святилища Большой Яломан-III и наблюдения за состоянием писаницы. Предварительные результаты подобных работ опубликованы (Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004; Тишкин А.А., 2005, 2006, 2009).

Прежде всего, в ходе исследований обозначилась необходимость регулярного мониторинга состояния данного памятника (Тишкин А.А., 2005, с.181). Нет сомнений, что рассматриваемый комплекс представляет исключительный научный интерес и является важным историко-культурным объектом. Однако сохранность его вызывает серьезные опасения, несмотря на то, что памятник малоизвестен, находится немного в стороне от Чуйского тракта и от активных туристических маршрутов. В настоящее время территория археологического объекта не используется в хозяйственном отношении, хотя еще хорошо видны следы бывшей летней животноводческой стоянки. Обеспокоенность связана с тем, что святилище в полной мере не исследовалось, а между тем оно регулярно подвергается негативному природному и антропогенному воздействию. Наскальные изображения писаницы Большой Яломан-III, создаваемые на протяжении многих сотен лет, искорежены

современными варварскими выбивками и нелепыми примитивными подражаниями. Заложённый в свое время археологический раскоп остался нерекультивированным, его края осыпаются, а отвал, поросший сорняком и крапивой, дополняет обезображенный вид. Участвовавшие неконтролируемые посещения «диких» туристов и местных жителей, приезжающих на автомобилях, могут нанести дополнительный ущерб незащищенному объекту культурно-исторического наследия.

Имеются и некоторые проблемы, связанные с изучением святилища. Начатое копирование главной писаницы обозначило ряд серьезных трудностей, связанных с достоверностью фиксации рисунков, а также их последующей интерпретацией. Опубликованные результаты (Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004) привлекли внимание специалистов по наскальному искусству и позволили обсуждать имеющиеся проблемы в научно-исследовательском и охранном плане. В частности, Е.А. Миклашевич указала на характерные и, возможно, неоднократные «обновления» древних изображений человеческих фигур с грибовидными головными уборами в центральной композиции. Очевидно, что для дальнейшего продуктивного изучения петроглифов святилища Большой Яломан-III необходимо сотрудничество с квалифицированными исследователями, занимающимися наскальными рисунками. Актуальным является также привлечение специалистов различных сфер деятельности, в том числе геодезистов и астрономов, о чем свидетельствуют пока немногочисленные примеры подобной практики. Дополнительные обследования святилища позволили выявить средневековую надпись, что сделало необходимым сотрудничество с известными востоковедами (Тишкин А.А., 2006; 2009).

Помимо работ на известных комплексах участниками Яломанской археологической экспедиции выявлен ряд новых археологических объектов. В 2003–2005 гг. осуществлена фиксация погребально-поминальных комплексов Яломан-XV*, Уркош-I–VI. Анализ ряда признаков данных памятников позволил предварительно отнести их к различным периодам раннего железного века и средневековья (Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В., 2006). Результатом археологических разведок, проведенных в 2008–2009 гг. стало обнаружение погребально-поминальных комплексов Уркош-VII–X, XIII, среди которых имеются объекты эпохи энеолита–ранней бронзы (афанасьевская культура), скифо-сакского времени (пазырыкская культура) и, возможно, раннего средневековья (Тишкин А.А., Матренин С.С., Серегин Н.Н., 2009; Тишкин А.А., Серегин Н.Н., 2009а-б). Кроме того, уточнено расположение и осуществлена фиксация местонахождений петроглифов, обозначенных в монографии В.Д. Кубарева и Е.П. Маточкина (1992, с.48) как Яломан-II. Авторы привели следующую краткую информацию об объекте: «... на левом берегу р. Катунь, в 1 км ниже устья р. Большой Яломан. Рисунки оленей, козлов и другие изображения выполнены на крупных глыбах камнепада у подошвы гор». Следует обратить внимание на то, что урочище, в котором обнаружены рассматриваемые памятники, находится вне долин рек Большой и Малый Яломан. Археологический комплекс с наименованием Яломан-II известен специалистам в качестве некрополя булан-кобинской культуры Горного Алтая (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003). Для обследованных групп петроглифов более обоснованным будет присвоение очередных обозначений в кругу памятников местности Уркош (Уркош-XI, XII).

Перечень пунктов наскального искусства, расположенных на территории Уркошского археологического микрорайона, был дополнен обнаружением скопления петроглифов Уркош-XV, которое, судя по всему, следует рассматривать как святилище. Следует отметить, что Е.П. Маточкиным выявлен ряд изображений животных на крупных камнях, получивших обозначение Уркош-XIV.

В 2010 г. участниками Яломанской археологической экспедиции осуществлен мониторинг состояния памятников Уркошского микрорайона, в ходе которого было определено современное состояние известных объектов, уточнены их параметры, планировка и взаимное расположение. Одним из выявленных примеров антропогенного

* В одной из публикаций данный могильник был рассмотрен в одном комплексе с памятниками долины р. Большой Яломан (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С., 2004). В настоящий момент совершенно понятно, что некрополь Яломан-XV является самым крайним объектом Уркошского микрорайона.

воздействия на памятники, помимо представленной выше ситуации с комплексом Большой Яломан-III, стало то, что на месте одиночного кургана Уркош-V было возведено обо. Впрочем, судя по всему, внутримогильные сооружения объекта не пострадали. Помимо уточнения информации об уже известных комплексах был выявлен ряд новых памятников – местонахождения петроглифов Уркош-XVI–XVIII, XX, а также одиночный курган Уркош-XIX. На святилищах Большой Яломан-III и Уркош-XV осуществлены работы с привлечением специалистов по изучению наскального искусства (А.Н. Мухарева) и астрономии (Е.Г. Гиенко), осмысление результатов которых является делом будущего. Кроме того, была раскопана одиночная ограда Уркош-X, исследование которой, несмотря на отсутствие каких-либо находок, позволило получить интересную информацию о своеобразном объекте.

Проведенное изучение Уркошского археологического микрорайона показывает, что территория урочища активно использовалась людьми с древности. В настоящее время в данной местности в течение всего года функционирует скотоводческая стоянка, включающая комплекс необходимых строений и представляющая определенный интерес для этнографического изучения хозяйства современного населения Центрального Алтая. Высокая степень концентрации погребально-поминальных комплексов на весьма ограниченной территории, наличие крупного святилища, а также многочисленных местонахождений петроглифов (своего рода «малых святилищ») (Суразаков А.С., 1996, с. 84) позволяет поставить вопрос об особом сакральном статусе урочища. Имеющийся массив данных является важным источником для изучения и реконструкции специфики историко-культурной ситуации в обозначенной местности и на соседних территориях.

Библиографический список

1. Бородовский, А.П. Древности Чуйского тракта / А.П. Бородовский, В.П. Ойношев, В.И. Соенов, А.С. Суразаков, М.В. Танкова. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – 103 с.
2. Кубарев, В.Д. Петроглифы Алтая / В.Д. Кубарев, Е.П. Маточкин. – Новосибирск: Наука, 1992. – 123 с.
3. Марсадолов, Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX в.) / Л.С. Марсадолов. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 100 с.
4. Могильников, В.А. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II / В.А. Могильников, А.С. Суразаков // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 38-48.
5. Суразаков, А.С. Святилище Большой Яломан-III / А.С. Суразаков // Актуальные проблемы сибирской археологии (тезисы научной конференции). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 82-84.
6. Тишкин, А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай / А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Вып. XIV. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 179-189.
7. Тишкин, А.А. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 1: Древности Онгудайского района / А.А. Тишкин. – Барнаул, 2006. – 12 с.
8. Тишкин, А.А. Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) / А.А. Тишкин // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т.1. – С. 94-98.
9. Тишкин, А.А. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 488-493.
10. Тишкин, А.А. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, С.С. Матренин // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: ОмГУ, 2004. – С. 93-97.

11. Тишкин, А.А. Основные аспекты изучения скифской эпохи Алтая / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 238 с.
12. Тишкин, А.А., Археологические памятники в урочище Уркош / А.А. Тишкин, С.С. Матренин, В.В. Горбунов // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 156-165.
13. Тишкин, А.А. Уркошский археологический микрорайон на Алтае / А.А. Тишкин, С.С. Матренин, Н.Н. Серегин // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – С. 129-134.
14. Тишкин, А.А. Выявление новых и мониторинг известных объектов в Онгудайском районе Республики Алтай / А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Вып. V. – Барнаул: АлтГПА, 2009. – С. 36-40.
15. Тишкин, А.А. Итоги археологического обследования в Онгудайском районе Республики Алтай / А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин // Древности Сибири и Центральной Азии. – Вып. 1-2 (13-14). – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2009. – С. 49-59.
16. Тишкин, А.А. Сцена охоты лучников с писаницы святилища Большой Яломан-III (Горный Алтай) / А.А. Тишкин, О.И. Чекрыжова // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 394-398.
17. Ядринцев, Н.М. Описание сибирских курганов и древностей / Н.М. Ядринцев // ТИМАО. – М., 1883. – Т. 9. – Вып. II и III. – С. 181-205.

Горбунова Т.Г., Шелепова Е.В.
(г. Барнаул, Россия)

АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ*

Современная практика культурного и научного туризма в качестве основной установки использует идею актуализации наследия, под которой понимается деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру, во-первых, путем активизации социокультурной роли его объектов, а, во-вторых, путем их интерпретации (Словарь актуальных музейных терминов, 2009, с.49). К современным направлениям актуализации наследия относятся музеефикация памятников, создание музеев-заповедников и заповедных территорий, а также интерпретация объектов наследия путем развития экскурсионно-туристической деятельности, рекламно-информационных и популяризаторских мероприятий.

А.И. Мартынов (2001, с.10–12) справедливо отмечает, что мировой опыт использования историко-культурного наследия заключается не только в его сохранении, но и в использовании современным сообществом, на основе чего необходимо создавать единую систему: «памятники историко-культурного наследия–музеи–познавательный туризм–музейно-туристический сервис и музейно-туристический бизнес». И в этом контексте аутентичные, подлинные памятники играют ключевую роль, составляя источниковую базу для функционирования всей этой системы.

Вдоль главной транспортной артерии Республики Алтай – Чуйского тракта – располагается огромное количество археологических комплексов различных периодов времени, позволяющих реконструировать страницы дописьменной истории Центральной Азии и Южной Сибири (Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соёнов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В., 2005). Большое количество аттрактивных археологических объектов сосредоточено в Онгудайском районе Республики Алтай в непосредственной близости от тракта. В природно-климатическом отношении данная территория характеризуется наличием многоступенчатых террас, примыкающих к скалистым бортам, обилием относительно изолированных друг от друга долин и межгорных котловин, которые в древности активно осваивались кочевыми народами. Отмеченные природные особенности определили удобство территории не только для яйлажного скотоводства, но также для устройства родовых кладбищ, святилищ, пунктов астрономического наблюдения. И сейчас этот район привлекает археологов и обывателей. Среди наиболее посещаемых туристами объектов по линии Чуйского тракта следует назвать территорию археологических памятников у села Туэкта и Талда (курганы, ритуальные выкладки и балбалы пазырыкской и тюркской археологических культур), комплекс памятников Кур-Кечу (курганы и тюркские поминальные оградки и каменные изваяния), стелы раннескифского времени в районе с. Иня, святилище Калбак-Таш (комплекс разновременных петроглифов), Чуйский олений камень и святилище Адыр-Кан с большим количеством петроглифов. Обозначенные объекты нуждаются в пристальном внимании со стороны властей, которые должны действовать в тесном сотрудничестве с учеными (археологами, историками, музеологами), способными разработать адекватные пути изучения, сохранения и популяризации уникальных памятников.

Особым интересом у «диких» туристов уже не первый год пользуется комплекс памятников, расположенных на Чуйском тракте в месте впадения реки Большой Яломан в реку Катунь. Территория этого района всегда привлекала исследователей своими археологическими памятниками. Сведения о них имеются в трудах многих путешественников (Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, И.Р. Аспелина и др.). В советское время там работали выдающиеся отечественные ученые М.П. Грязнов, С.И. Руденко, С.В. Киселев, а также современные археологи из разных городов России (Тишкин А.А., 2006).

* Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Археологическая карта памятников Алтая эпохи средневековья» (проект №09-01-60103а/Т).

Данные памятники представляют культурно-познавательный интерес в силу нескольких причин:

1. Большинство из объектов уже раскопаны (раскопки А.А. Тишкина, В.В. Горбунова), следовательно, о них имеется полноценная информация, которая может быть отражена в экскурсиях (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с.488–493).

2. Все объекты после раскопок восстановлены максимально близко к первоначальному состоянию, пережив, таким образом, первые этапы музеефикации и представляют неповторимые образцы для экскурсионного показа.

3. Имеются разработки рекламно-информационных изданий на русском и английском языках и выставочных материалов по археологическому наследию обозначенного археологического микрорайона.

Для популяризации и презентации памятников в долине р. Большой Яломан разработано несколько экскурсионных маршрутов под общим наименованием «Сокровища долины Большого Яломана». Первый маршрут проходит по курганам пазырыкской и булан-кобинской археологических культур на памятниках Яломан-II, III (конец VI в. до н.э. – первая половина V в. н.э.) и тюркским оградкам на памятниках Яломан-II, VII (вторая половина V–X вв. н.э.). Вторая экскурсия связана с посещением Яломанской крепости (соотносится с эпохой раннего средневековья). Третий маршрут представляет собой экскурсионный осмотр древних рисунков и объектов письменности на святилище Большой Яломан-III (Афанасьева Е.А., Горбунова Т.Г., 2009, с.20–24).

Объекты показа на обозначенном маршруте тщательно изучены и представляют собой уникальные архитектурные сооружения, давшие замечательные комплексы находок из бронзы, золота, камня, железа, кости, бересты. На памятнике Яломан-II можно обозначить несколько групп погребений. Первая группа курганов Яломана-II относится ко II в. до н.э. – I в. н.э. и связана с ранним этапом булан-кобинской археологической культуры. Вторая группа курганов Яломана-II может быть датирована второй половиной IV – первой половиной V вв. н.э. и отнесена к позднему этапу этой же культуры. Данные сооружения представляют собой сложные архитектурные конструкции, курганы в которых пристраивались друг другу по принципу пчелиных сот. Исследованные на обозначенном памятнике тюркские оградки с балбалами (ряды вкопанных камней, символизирующие убитых врагов) относят к тюркской культуре и могут быть датированы V – VII вв. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с.488–493).

Яломанская крепость располагается на склоне террасы левого берега р. Большой Яломан. Объект представляет собой значительную по своим размерам крепость тюрков. Памятник имеет вид естественно сложившейся террасы высотой до 20–25 м. К вершине террасы ведёт узкий проход, защищённый искусственным рвом (оборонительное сооружение для защиты поселений) и земляным валом (земляная либо деревоземляная насыпь, ограждавшая поселение). Территория крепости представляет собой вытянутый мыс, образовавшийся в месте слияния рек. Мыс как бы делится на две части: более высокую у основания и более низкую от центра к окончанию. В некоторых местах сохранились остатки стен, которые повторяют абрис мыса. На территории крепости за рвом и валом находятся возвышенности округлой формы, трактуемые как основания жилищ-юрт (более 80 единиц).

Наконец, святилище Большой Яломан-III находится у живописной скалы с петроглифами на террасе левого берега Катуня ниже устья р. Большой Яломан. Отмеченный комплекс представляет исключительный научный интерес и является важным историко-культурным объектом. В 1980-е гг. на данной местности были проведены небольшие раскопки и, зафиксированный там археологический объект был интерпретирован как святилище, включающее писаницу и культурный слой со свидетельствами ритуальных действий. В левой части композиции писаницы имеются фигуры охотников. Две из них расположены вертикально (одна над другой), а третья находится немного в стороне. Достаточно многочисленны фигуры животных. В средней части композиции рисунки животных выполнены в увеличенном масштабе. Имеются также остатки надписи. Специалисты определили, что надпись тюркская, и сделана она древнеуйгурским письмом, скорее всего, в VIII–IX вв. Святилище регулярно подвергается негативному антропогенному и природному воздействию. Наскальные изображения,

создаваемые на протяжении многих сотен лет, повреждены современными выбивками (Тишкин А.А., 2005б, с.181).

Проект «Сокровища долины Большого Яломана» является формой популяризации новейших достижений и сведений по археологии Алтая. Приведенные свидетельства позволяют констатировать тот факт, что долина р. Большой Яломан представляет собой уникальное своеобразное место, объединяющее раскопанные и исследованные объекты древних и средневековых культур. Реализации экскурсий на обозначенном маршруте способствует небольшая выставка, организованная в непосредственной близости от археологических памятников и состоящая из пяти тематических постеров. Три из них («Пазырыкские курганы Алтая», «Уникальные находки из курганов пазырыкской культуры», «Тюркские воины») раскрывают особенности материальной и духовной культур кочевников Алтая. Два постера («Археологические находки из памятника Яломан-II», «Тюркские оградки Яломана») ориентированы на демонстрацию недостающих звеньев показа в экскурсиях по аутентичным памятникам долины Яломана.

Выставочно-экскурсионный проект разработан преподавателями кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета и студентами, обучающимися по специальности «Музеология» и направлению «История». Мобильная экспозиция развернута в национальном алтайском жилище – юрте. После экскурсии туристам может быть предложена карта-путеводитель складного типа «Сокровища Яломана» с картинками реальных археологических памятников данной местности в точках их расположения (схема маршрута). Путешествие с картой может проходить как самостоятельно, так и в сопровождении экскурсовода. Его главная цель заключается в знакомстве туристов с подлинными объектами культурно-исторического наследия и популяризации достижений современной археологической науки с помощью метода «самостоятельного научного открытия».

Еще одним интересным пунктом сосредоточения археологических объектов является комплекс разновременных памятников в долине Кур-Кечу, расположенной в 6 км на юго-запад от устья р. Большой Ильгумень и в 6–7 км к юго-востоку от центра с. Купчегень в Онгудайском районе. Урочище разделено на две части пролегающим по его территории Чуйским трактом. Общая протяженность долины с археологическими сооружениями составляет 3,5 км. Указанная местность характеризуется остепненным характером растительности, встречаются незначительные скопления кустарников. Благодаря обозначенным благоприятным условиям в древности и средневековье урочище активно осваивалось кочевниками. Об этом свидетельствует его насыщенность археологическими памятниками. Всего известно несколько сот объектов («элитные» и «рядовые» курганы раннескифского времени и пазырыкской культуры, более ста тюркских оградок, изваяния, балбалы и т.д.), составляющих несколько групп. Впервые памятники в этой зоне были открыты и осмотрены еще в середине XIX в. целым рядом исследователей (Тишкин А.А., 2009). Одним из первых здесь побывал Н.М. Ядринцев (1883, с.195–196). Он описал две «каменные бабы», на одной из которых показано лицо, и курганы, произвел некоторые зарисовки (к сожалению, многие из них не соответствуют текстовым описаниям). В 1879 г. Г.Н. Потанин (1885, с.50–53) по пути в Монголию также останавливался в этом урочище* и отметил некоторые сооружения.

Отрывочные сведения об археологических объектах долины имеются у В.И. Верещагина (1910) и других исследователей (Тишкин А.А., 2009, с.74–75). Начиная с 70-80-х гг. XX в. специальные исследования данного участка левобережья Катуня проведены В.Д. Кубаревым (1984, 1985), В.А. Могильниковым (1986), А.С. Васютиным, В.Н. Елиным, А.М. Илюшиным (Васютин А.С., 1983; Васютин А.С., Елин В.Н., 1983; Васютин А.С., Елин В.Н., Илюшин А.М., 1987), А.П. Бородовским и др. (2005). В.А. Могильников (1988) вскрыл здесь 12 разновременных объектов. Раскопки двух курганов скифского времени произвел также В.Д. Кубарев (1985, с.130–135).

А.С. Васютин (1983, с.192; 2009) исследовал две рядом стоящих оградки тюркского времени (одна со стелой в центре). Обнаружен интересный вещевой материал (Васютин

* Г.Н. Потанин (1885, с. 50) назвал местность «Корт-Кичу».

А.С., 2009, рис. 1–2), на основе которого определено время строительства всего комплекса (2-я пол. IX – 1-я пол. X вв.). К сожалению, после раскопок оградки не были должным образом восстановлены и музеефицированы. Тем не менее, в настоящее время они представляют значительный культурно-познавательный и научный интерес, так как являются единственными раскопанными ритуальными сооружениями тюркской культуры, достоверно относящимися к указанному периоду на территории Центрального Алтая.

Невдалеке от них располагаются другие средневековые объекты. Это оградки с установленными с востока изваяниями, на некоторых из которых имеются изображения. Значительный интерес представляет изваяние с изображением человеческого лица, вкопанное внутри небольшой оградки. Как уже сказано, скульптура была открыта Н.М. Ядринцевым (1883) и впоследствии неоднократно становилась предметом научных дискуссий (Тишкин А.А., 2005а, с.176, 178; и др.). Прежде всего, споры вызывает датировка отдельных изображений. Вполне возможно отнесение изваяния к разряду «оленных» камней (Тишкин А.А., 2005а, с. 178). Наряду с другими археологическими объектами долины оно вызывает несомненный интерес и может стать объектом показа в специально разработанном экскурсионно-туристическом маршруте.

Кроме того, центральное положение в долине занимает большой херексур – самый северный памятник подобного типа в Центральной Азии (Тишкин А.А., 2009). Вокруг кургана располагается 50 округлых ритуальных сооружений, группирующихся в не смыкающиеся на северо-востоке и юго-западе дуги. С западной стороны дуга составлена из выкладок, а с востока – из «курганчиков» (Тишкин А.А., 2009, рис.1). По своему планиграфическому и конструктивному решению херексур может быть поставлен в один ряд с подобными курганами из Западной Монголии (Тишкин А.А., 2009, с.76).

При разработке соответствующего экскурсионно-туристического маршрута, которому предлагается дать название «Древности долины Кур-Кечу», учтены все названные объекты. Важность включения их в экскурсионный показ определяется несколькими обстоятельствами:

1. Расположение вблизи, по левую сторону и в непосредственной близости от Чуйского тракта, с которого они хорошо просматриваются.

2. Наличие на большом участке местности разнотипных и разновременных сооружений, среди которых выделяются изваяния и оградки периода раннего средневековья; некоторые памятники (большой херексур, возможно, являющийся самым древним курганом в долине) в своем роде уникальны. Такую экскурсию планируется оснастить красочными буклетами с общей картой местности, краткой аннотацией о памятниках и археологических культурах, к которым они относятся, историей их изучения, а также качественными фотоснимками конкретных объектов. Тем более в настоящее время под руководством А.А. Тишкина (2007, с.96–97; 2009, с.76) осуществлена тахеометрическая съемка долины, в результате чего упорядочены обозначения множества зафиксированных памятников.

Информацию, сопровождающую демонстрацию различных памятников, предполагается дополнить сведениями о системах жизнеобеспечения древних и традиционных обществ, осваивавших долину Кур-Кечу. Это позволит наполнить научные экскурсии ярким историко-этнографическим материалом. Следует указать, что древностями долины уже интересуются «дикие» туристы (например, изваяние с изображением человеческого лица, которому приносят «подношения» в виде монеток). Кроме того, ведутся активные дорожно-строительные работы, в результате которых ряд объектов уже утерян. Поэтому в проекте разрабатываемого маршрута по археологическим комплексам долины Кур-Кечу поставлена цель сохранения историко-культурного наследия уникальной территории.

Одним из авторов настоящей статьи в 2006 г. осуществлен поиск новых археологических памятников в долине Кур-Кечу (Шелепова Е.В., 2007). Особенно интересен комплекс, получивший название Кур-Кечу-VII. Памятник находится на третьей надпойменной террасе левого берега р. Катунь, в 6,2 км к юго-западу от центра с. Купчегень и в 6,3 км от устья р. Большой Ильгумень, в 250 м к юго-западу от Чуйского тракта (справа от него). Объекты располагаются на сравнительно обособленном участке урочища, на небольшой седловине террасы. Ранее данная местность третьей

надпойменной террасы не исследовалась. Комплекс состоит из 29 объектов, представленных курганами, выкладками и камнями-стелами. Вероятно, место для устройства могильника было выбрано не случайно и имело цель сокрытия отдельных сооружений от оживленных трасс. Весьма интересны обнаруженные два камня-стелы. Первая из них имеет заостренную верхнюю часть, вторая – скошена сверху, с выемкой в средней части (находилась в поваленном состоянии). Памятник имеет важное научное значение и также может быть учтен при реализации экскурсионного проекта «Древности долины Кур-Кечу».

Внедрение современных форм использования археологических памятников способствует развитию такой разновидности культурного туризма как туризм археологический, который можно определить как групповые или индивидуальные посещения археологических памятников с познавательными целями. При посещении археологического объекта туристы могут не только прослушать рассказ, но и увидеть своими глазами аутентичные объекты наследия, следы жизнедеятельности, культовой практики, искусства древнего человека.

В мировой практике культурное наследие используется достаточно интенсивно. Многие объекты наследия являются символом, своеобразной визитной карточкой ряда регионов, стран, городов. Безусловно, приведенный опыт пока носит пробный характер, не имеет необходимого финансирования и поддержки местного сообщества. Тем не менее, он демонстрирует возможности создания уникальных археологических территорий в отдаленных уголках России, которые становятся в последние годы очень востребованными туристическими центрами. Разработанные маршруты позволят познакомить туристов с различными аспектами жизнедеятельности древнего и средневекового населения Алтая. Кроме прочего, такие экскурсии нацелены на пропаганду идеи сохранения и целесообразного использования памятников культурного наследия.

Библиографический список

1. Афанасьева, Е.А. Памятники Яломанского археологического микрорайона как объекты экскурсионно-туристической практики в Горном Алтае / Е.А. Афанасьева, Т.Г. Горбунова // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы региональной научно-практической конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – Вып. XVII. – С.20–24.
2. Бородавский, А.П. Древности Чуйского тракта / А.П. Бородавский, В.П. Ойношев, В.И. Соёнов, А.С. Суразаков, М.В. Танкова. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – 103с.
3. Васютин, А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае / А.С. Васютин // Археологические открытия 1981 г. – М.: Наука, 1983. – С.192.
4. Васютин, А.С. Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая / А.С. Васютин // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С.87–94.
5. Васютин, А.С. К датировке алтайских оградок уландрыкского типа / А.С. Васютин, В.Н. Елин // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1983. – С.118–122.
6. Васютин, А.С. Новые находки предметов вооружения в древнетюркских оградках горного Алтая / А.С. Васютин, В.Н. Елин, А.М. Илюшин // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.107–114.
7. Верещагин, В.И. Поездка по Алтаю летом 1908 года (путевые заметки) / В.И. Верещагин // Алтайский сборник. – Барнаул: Типо-Литография Главного Управления Алтайского округа, 1910. – Т. X. С.1–46.
8. Древности: Труды ИМАО. – М., 1886. – Т. XI. – Вып. II. – Табл. I-VII.
9. Кубарев, В.Д. Археологические исследования у бома Коркечу (Центральный Алтай) / В.Д. Кубарев // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С.130–137.
10. Мартынов, А.И. Современные проблемы использования историко-культурного наследия / А.И. Мартынов // Проблемы сохранения и музеефикации памятников историко-культурного наследия в природной среде. Материалы Научного совета музеев и научно-

- практического семинара. – Кемерово: Изд-во «Притомское», 2001. – С.8–13.
11. Могильников, В.А. Курганы Кер-Кечу (к вопросу об этническом составе населения Горного Алтая второй половины I тыс. до н.э.) / В.А. Могильников // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1988. – С.60–107.
 12. Могильников, В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке / В.А. Могильников // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С.35–67.
 13. Потанин, Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии / Г.Н. Потанин // Древности. – М., 1885. – Т. X. – С.50–57.
 14. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. – 2009. – №5. – С.47–68.
 15. Тишкин, А.А. Новые и известные находки каменных stel и изваяний скифского времени на Алтае / А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – Вып. XIV. – С.171–179.
 16. Тишкин, А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай / А.А. Тишкин // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – Вып. XIV. – С.179–189.
 17. Тишкин, А.А. Археологические памятники в урочище Кур-Кечу (Горный Алтай) / А.А. Тишкин // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т. I. – С.94–98.
 18. Тишкин, А.А. Крупный херексур в Центральном Алтае (Онгудайский район Республики Алтай) / А.А. Тишкин // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Ховд-Томск, 2009. – Т. II. – С.74–78.
 19. Тишкин, А.А. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае / А.А. Тишкин, В.В. Горбунов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. - Ч. I. – С.488–493.
 20. Тишкин, А.А. Историко-культурное наследие Алтая / А.А. Тишкин. – Барнаул: Азбука, 2006. – Вып. 1. – 12с.
 21. Шелепова, Е.В. Отчет о результатах археологической разведки в Онгудайском и Чемальском районах Республики Алтай в полевом сезоне 2006 года / Е.В. Шелепова. – Барнаул, 2007. – 61с. (Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. №239).
 22. Ядринцев, Н.М. Описание сибирских курганов и древностей / Н.М. Ядринцев // ТИМАО. – М., 1883. – Т. 9. – Вып. II и III. – С.181–205.

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Куропятникова С.В.
(г. Павлодар, Казахстан)

КЕРАМИКА ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ШАУКЕ 3

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

Поселение Шауке 3 находится в 15 км к северу от города Павлодара, в 1 километре от северной окраины с. Шауке, на месте частично отработанного песчаного карьера. Большая часть культурного слоя памятника была уничтожена при выборке строительного песка и продолжает разрушаться поныне. С 1994 года, когда был открыт памятник В.К. Мерцем, до нынешнего времени здесь проводится сбор подъемного материала, давший значительную коллекцию разновременной керамики.

Из общей массы коллекции, составляющей большей частью типичную для Павлодарского Прииртышья керамику эпохи поздней бронзы, несколько выделяется небольшая серия фрагментов керамической посуды в целом не характерной для данной территории. Она состоит из немногочисленных фрагментов от пяти сосудов, орнаментация которых представлена одним-двумя рядами жемчужника или ямочными вдавлениями с разделителем. Разделители выполнены в виде отпечатков короткого гребенчатого штампа (2-4 зубцов), либо насечками. Один фрагмент, помимо жемчужника с разделителем, орнаментирован горизонтальной елочкой (рис. 1 – 6). В трех случаях имеются неширокие валики (рис. 1 – 2,4,6).

Распределение орнамента на сосудах следующее: в одном случае – два ряда ямочных вдавлений с разделителем в виде короткого гребенчатого штампа (4 зубца) (рис. 1 – 2), в двух случаях – на переходе от шейки к тулову один ряд жемчужника с разделителем в виде насечек (рис. 1 – 4), на другом сосуде (рис. 1 – 1) – один ряд ямочных вдавлений с разделителем из двузубой гребенки. В обоих случаях еще имеется ряд насечек и двузубой гребенки под венчиком (рис. 1 – 1,4). Четвертый сосуд украшен только одним рядом жемчужника с разделителем короткого трехзубого гребенчатого штампа (рис. 1 – 3). Венчики трех сосудов округлые, на двух других – они скошены на внешней стороне.

В 2002 году обнажилась неразрушенная до этого часть культурного слоя. В 2004 году там было собрано еще несколько фрагментов от сосуда из той же серии, типичной для эпохи поздней бронзы. Сосуд был орнаментирован рядом косых насечек под венчиком, двумя рядами ямочных вдавлений между которыми находился ряд трехзубого гребенчатого штампа (рис. 1 – 5).

Посуда с поселения Шауке 3, орнаментированная жемчужником с разделителем, в Павлодарском Прииртышье не единственное местонахождение подобной керамики. Фрагменты с аналогичной орнаментацией в 1995 году были обнаружены в числе подъемного материала на разновременном поселении у с. Мичурино, в 2-х км севернее поселения Шауке 3 (Мерц В.К., Франк Д.А., 1996, с. 74; рис. 1-31,32).

Кроме того, в фондах Павлодарского историко-краеведческого музея хранится несколько фрагментов с абсолютно той же орнаментацией, что и с поселения Шауке 3. К сожалению, информации об их месте обнаружения не имеется.

На территории Казахстана подобная керамика встречена на поселении Новошувльбинское в Восточном Казахстане, где найдены немногочисленные фрагменты керамики с «намеком» на жемчужник с разделителем (Ермолаева А.С., Ермоленко Л.Н., Кузнецова Э.Ф., Тепловодская Т.М., 1998. с. 44; рис. 2).

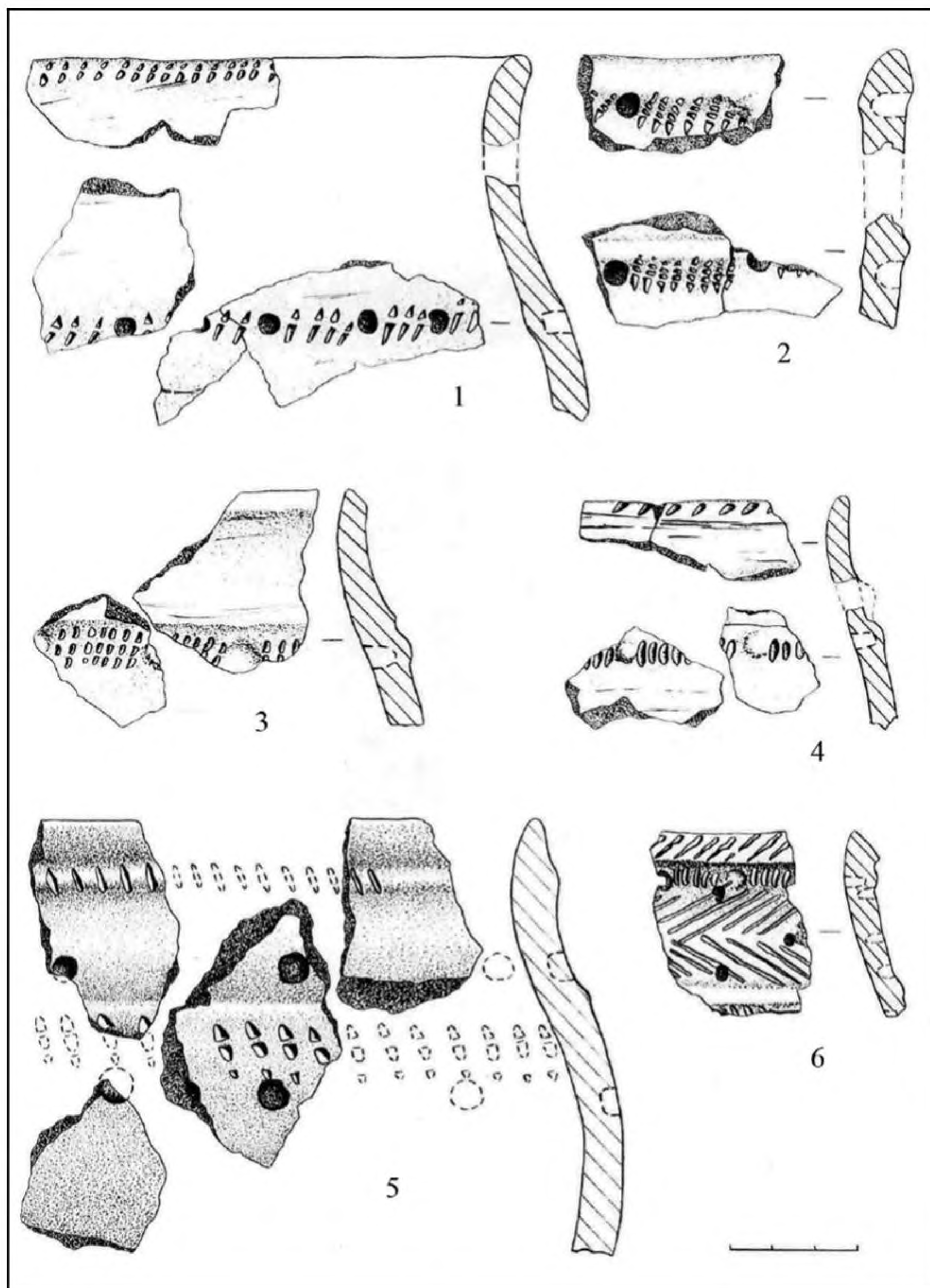

Рис. 1

Керамика с поселения Шауке 3. Павлодарское Прииртышье.

Посуда с подобной орнаментацией более характерна для поселений Алтая скифского времени и переходного периода от поздней бронзы к раннему железу. Павлодарская коллекция, хотя имеет свои некоторые особенности, все же напоминает по

орнаментации алтайскую керамику с поселений Мыльниково, Аллак III и др. (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 1998, с. 99, 106; рис. 6-11; 13 – 1, 14). В период, предшествующий скифскому времени, жемчужник с разделителем обычно располагается в два ряда, зачастую в сочетании с другими орнаментами (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 38).

Керамику с поселения Шауке 3, вероятнее всего, можно отнести к переходному от поздней бронзы к скифскому времени (VIII – нач. VII вв. до н. э.). Мы имеем как два ряда вдавлений с разделителем, так и жемчужник с разделителем в сочетании с другим орнаментом. Происхождение этой керамики связано, по нашему мнению, с Алтайским Приобьем. О связях алтайского населения с Павлодарским Прииртышьем в эпоху поздней бронзы – начале раннего железного века свидетельствуют, найденное в 2000 г. в Павлодаре, ирменское погребение (Пересветов Г.Ю., 2000, с. 79) и находка ножа с аркой на кронштейне в раннетасмолинском погребении на р. Щидерты (Пересветов Г.Ю., Куропятникова С.В., 2002).

Библиографический список

1. Абдулганеев, М.Т. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н. э. / М.Т. Абдулганеев, В.Н. Владимиров. – Барнаул, 1997.
2. Ермолаева, А.С. Поселение древних металлургов VIII-VII вв. до н. э. на Семипалатинском правобережье Иртыша / А.С. Ермолаева, Л.Н. Ермоленко, Э.Ф. Кузнецова, Т.М. Тепловодская // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 1998. – Вып. 2.
3. Мерц, В.К. Раскопки у с. Мичурина / В.К. Мерц, Д.А. Франк // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996.
4. Папин, Д.В. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье / Д.В. Папин, А.Б. Шамшин // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998.
5. Пересветов, Г.Ю. Ирменское погребение из Павлодара / Г.Ю. Пересветов // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2000.
6. Пересветов, Г.Ю. Тасмолинское погребение у станции Щидерты / Г.Ю. Пересветов, С.В. Куропятникова // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2002.

Пересветов Г.Ю.
(г. Павлодар, Казахстан)

ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУЛЬТОВО-ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ТОРАЙГЫР VI

Научный руководитель – доцент, к.и.н. В.И. Соёнов

Культово-погребальный комплекс Торайгыр VI расположен в 500 м к востоку от восточного берега озера Торайгыр в Баянаульском р-не Павлодарской области. Он состоит из 12 каменных курганов раннего железного века (рис. 1 – 1), вытянутых двумя цепочками с юго-запада на северо-восток (южная часть комплекса) и с юга на север (северная часть). В комплексе присутствуют культовые объекты: курганы с усами и 4 каменные стелы, три из которых т.н. койтасы (бараньи камни), а один – олений камень с изображениями оленей в летящем галопе и неполным изображением тигра на обратной стороне стелы (фото 1 – 4,5,6).

Памятник обнаружен в 1989 г. Павлодарским отрядом отдела Свода памятников ИИАЭ им. Ч. Валиханова под руководством А.К. Акишева (Мерц В.К., 2008, с.246). На комплексе были проведены частичные раскопки самого большого кургана 10: разобрана центральная и западная часть каменной насыпи. Далее работы были приостановлены. В 2002 году экспедицией ПГУ им. Торайгырова под руководством В.К. Мерца были продолжены работы на памятнике, в ходе которых было зачищен участок восточнее кургана 10. В ходе раскопок обнаружены небольшие каменные выкладки, очевидно опоясывавшие курган 10, и расколотая пополам каменная стела-“койтас” с изображением круга в верхней части обелиска. По ряду причин работы на памятнике были свернуты.

В результате хозяйственной деятельности, ряд объектов памятника сегодня утрачен, а часть находится в аварийном состоянии. В восточном секторе проселочной дорогой и периодически распахиваемой противопожарной полосой разрушены каменные выкладки-“усы”. В юго-западном секторе часть объектов в прошлом столетии была уничтожена при строительстве птицефермы. В настоящее время ферма заброшена, а ее руинами засыпаны расположенные рядом курганы. Кроме того, сейчас часть территории памятника вошла в участок строительства новой зоны отдыха, вследствие чего оказалась под угрозой уничтожения южная часть комплекса. В частности, каменная стела, находившаяся рядом с курганом 2, была использована в качестве строительного материала при укладке фундамента под дом.

В виду угрозы уничтожения памятника, Институтом археологии им. А.Х. Маргулана были срочно организованы охранные работы по изучению южной части комплекса, где строительные работы подошли вплотную к объектам памятника. В 2008 году было исследовано три кургана (рис. 1 – 2, фото 1 – 1).

Целью проводимых охранных работ было изучение курганов с последующей реставрацией каменных насыпей для музеефикации объектов.

Курган 1. Объект был засыпан различным мусором. Визуально, памятник больше походил на мусорную кучу, чем на курган. Однако под густой растительностью и мусором с северной стороны, прослеживалось небольшое скопление камней, которое для проверки было решено расчистить. После удаления верхнего слоя почвы, в котором повсеместно встречалось битое стекло, современные кости животных и строительный мусор, была выявлена каменная конструкция в виде курганной насыпи диаметром 7 м, сложенная из рваного камня. К северо-востоку от насыпи расчищена небольшая однослойная кладка в виде идущей на восток дорожки, выложенной из камней. Длина выкладки 3 м. У ССЗ части кургана, расчищено небольшое скопление камней, от которого на север также шла небольшая дорожка, соединяющая курган 1 с курганом 2. Обе выкладки были полностью задернованы и на поверхности до раскопок не прослеживались. С западной стороны кургана подобных конструкций не прослежено. К южной части каменной насыпи кургана примыкал овраг, промытый протекающим здесь родником. Поэтому нельзя установить здесь наличие какой-либо выкладки.

После разборки насыпи выяснилось, что в центре кургана (высота насыпи 0,4 м) находился каменная наброска из крупных камней, диаметром около 3,5-4 м. При этом,

некоторые камни стояли вертикально (наиболее крупные), образуя тем самым ограду. Под наброской расчищены две крупные плиты, лежащие горизонтально. К северу от них обнаружены немногочисленные фрагменты костей человеческого скелета и фрагменты черепа. Погребение, видимо, находилось под этими плитами в неглубокой (не более 20 см от уровня материка) яме, размеры и конструкцию которой, из-за полной ограбленности, определить не возможно. Судя по расположению плит можно предположить, что ориентировка могилы была с СЗ на ЮВ.

При расчистке насыпи с западной стороны под камнями обнаружен фрагмент толстостенного сосуда украшенного жемчужником (рис. 1 – 6).

Курган 2. До раскопок представлял собой небольшое сильно задернованное, скопление камней, в центре которых просматривались три крупных плиты от каменного ящика. До недавнего времени около восточной части кургана лежала каменная стела-“койтас” с изображением круга (глаза?, солнца?) в верхней части и тамгообразным изображением горного козла в средней части. Стела при строительстве домиков для туристов, была разбита строителями на три части и использована ими как строительный материал для фундамента.

После зачистки насыпи с оставлением бровки, ориентированной С-Ю, выявилась каменная конструкция насыпи кургана, сложенного из рваного камня. Диаметр насыпи 5 м, высота 0,4 м. С южной стороны, рядом с насыпью обнаружен каменный скребок, изготовленный из желтой яшмы (рис. 1 – 3). Возможно, скребок не имеет прямого отношения к памятнику.

Северо-восточная окологурганная площадь памятника была полностью перекопана в недавнем прошлом. Здесь повсеместно находилось битое стекло, современные кости животных и строительный мусор. Сама насыпь кургана практически нетронута.

От юго-восточной полы кургана на северо-восток шла аккуратно сложенная каменная дорожка (ус) длиной 4 м, шириной около 1 метра, заканчивающаяся небольшой каменной кладкой. Вероятно, параллельно ей от северо-восточной части насыпи шла аналогичная дорожка, уничтоженная в прошлом столетии при строительстве и функционировании птицефермы. Судя по наличию до недавнего времени здесь вышеупомянутой стелы (“койтас”), она располагалась между этими выкладками (усами).

В центре кургана после разборки насыпи был расчищен каменный ящик, размеры которого по внутренней стороне составляют 70 x 150 см (фото 1 – 2). Восточная стенка ящика состоит из крупной плиты гранита (заваленной во внутреннюю часть), западная – из двух плоских гранитных плит. Торцовые стенки состоят из крупных плоских плит. Вся конструкция дополнительно укреплена плитами более мелких размеров.

Заполнение ящика составляли мелкие камни с землей. На дне ящика находились немногочисленные фрагменты костей скелета человека, полностью разрушенного при ограблении. Череп отсутствовал. Из-за сильной разбросанности определить положение костяка трудно. Однако, судя по ориентировке самого ящика с СЗ на ЮВ, а также учитывая то, что фрагменты нижней челюсти лежали в СЗ части ящика, а фрагменты костей ног – в ЮВ части, можно, предположить, что погребенный лежал головой на СЗ.

К северу от ящика находились две горизонтально уложенные крупные плиты, возле одной из которых обнаружено каменное тесло из порфирита (рис. 1 – 3). Других находок, ни возле плит, ни под ними не обнаружено. Расположение предмета под камнями насыпи говорит о том, что он не был выброшен при ограблении из ящика, а, скорее всего, был оставлен здесь при сооружении кургана.

Курган 3. Объект прослеживался по довольно высокой холмообразной насыпи диаметром около 12 м и скоплениям камней возвышающихся над поверхностью на 10-20 см. После расчистки с оставлением двух бровок С-Ю и З-В, курган представлял собой, каменную насыпь диаметром 10 м, высотой 0,6 м. С южной стороны насыпи была расчищена каменная кладка ориентированная СЗ на ЮВ. Размеры кладки 2 x 3 м. Под кладкой, каких либо находок или пятен не обнаружено.

При разборке насыпи кургана, среди камней, встречались немногочисленные фрагменты костей животных. В юго-западном секторе под камнями на уровне материка обнаружен каменный нуклеус (рис. 1 – 4). В северо-западном секторе найден небольшой фрагмент толстостенной керамики без орнамента.

Западная околокурганная площадь и северо-восточная часть кургана были перекопаны в недавнем прошлом.

В южной бровке, у края насыпи на глубине 30 см от уровня дневной поверхности обнаружено захоронение младенца. Погребенный лежал на правом боку головой на запад. Вещей нет. Погребение, видимо, совершено в этнографическое время (XIX в.)

Структура насыпи кургана выглядит следующим образом: по краю насыпи выложены наиболее крупные камни, в центре сложены более мелкие камни.

С юго-восточной стороны насыпи расчищена конструкция из 4 крупных плит, выложенных квадратом. При расчистке каких-либо находок не обнаружено. Скорее всего, данная конструкция являлась укреплением для стелы, которая когда-то здесь стояла, а ныне, возможно, утрачена.

В центре кургана под камнями насыпи находились плиты перекрытия могильной ямы, расположенные длинной осью с СЗЗ на ЮВВ (фото 1 – 3). Одна плита, находилась в наклонном состоянии. Это – результат ограбления могилы. Интересным фактом является вертикально стоящая стелообразная плита размерами 90 x 30 x 20 см. Сразу под плитами перекрытия, находилась неглубокая (не более 30 см от уровня материка) могильная яма размерами 190 x 70 см, на дне которой покоился неполный скелет человека. Верхняя часть скелета была выброшена при ограблении в древности. *In situ* сохранились только кости ног. Судя по ним, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на СЗЗ. Возле левого коленного сустава обнаружено 5 бронзовых втульчатых, двулопастных наконечника стрел (рис. 1 – 7). Других находок не обнаружено.

Наиболее ранним объектом памятника Торайгыр VI является курган 2 с каменным ящиком. К сожалению, из-за сильного повреждения при ограблении затруднительно датировать памятник точно. Однако находка каменного тесла, как и наличие каменного ящика на уровне древней поверхности свидетельствуют в пользу принадлежности объекта к эпохе бронзы. Для алексеевско-саргаринской культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана характерны погребения, совершенные в каменных ящиках, сооруженных на уровне материка или древней поверхности. Ящики являются основным типом могильной конструкции, известным во всех алексеевско-саргаринских могильниках (Ткачев А.А., 2000, с. 201). Они обычно окружены прямоугольными, квадратными или округлыми оградами. В отличие от вышеназванных памятников, в кургане 2 комплекса Торайгыр VI, ящик окружен каменной насыпью курганного типа, сложенной из камней. Это существенно отличает данный памятник от алексеевско-саргаринских погребальных сооружений.

Курган 2 комплекса Торайгыр VI не единственный памятник подобного типа в Павлодарском Прииртышье. В 2005 году на реке Щидерты в Экибастузском районе Павлодарской области автором исследован аналогичный курган с насыпью из камней, где в центре находился каменный ящик, установленный на уровне древнего материка. Погребение было полностью разграблено, что затрудняет его датировку. Но, несмотря на отсутствие надежно датирующих вещей, наличие каменного ящика установленного на уровне древнего материка указывает в пользу датировки подобных памятников эпохой поздней бронзы. Курганная насыпь, сложенная из камней вокруг ящика, может свидетельствовать о несколько более позднем периоде существования сооружений подобного типа. Мы склонны датировать данные памятники IX-VIII вв. до н.э. – переходным периодом от эпохи поздней бронзы к РЖВ. В Павлодарском Прииртышье пока известны два подобных памятника. Их устройство наглядно показывает трансформацию погребальных сооружений поздней бронзы представленных погребениями, совершенных в каменных ящиках, сооруженных на уровне материка или древней поверхности и окруженных прямоугольными, квадратными или округлыми оградами в курганные насыпи раннего железного века, где ящик впоследствии опускается в материковый слой. В связи с датировкой IX-VIII вв. до н.э., наиболее близкие аналогии конструкции кургана 2, культово-погребального комплекса Торайгыр VI, отмечаются на памятниках восточных районов. Примером, могут служить, курганы могильника Семисарт I в Онгудайском районе Республики Алтай, где в центре каменных насыпей сооружены ящики из каменных плит, установленных на уровне древней дневной поверхности (Марсадолов Л.С., Погожева А.П., 2002, с. 44-46, рис. 1,6). По находкам в курганах рогового псаля с тремя круглыми отверстиями и бронзового ножа с кольцевидным окончанием, а также фрагментам керамики

орнаментированных жемчужником, объекты были датированы VIII-VII вв. до н.э. Раскопки в Семисарте позволили в 1980-90 годы датировать довольно большой пласт безинвентарных погребений Саяно-Алтая в каменных ящиках, ранее относимых исследователями к разным историческим периодам, а затем выделить особую этнокультурную группу (семисартцев), проживавших в центральных районах Алтая (Марсадолов Л.С., Погожева А.П., 2002, с. 55).

Насколько памятники типа кургана 2 комплекса Торайгыр VI и кургана на р. Щидерты близки к памятникам Алтая, еще предстоит выяснить. Присутствие в комплексе оленного камня, с изображениями на нем оленей в классической традиции оленных камней, связанных с памятниками Западной и Северо-Западной Монголии (Новгородова Э.А., 1981, с. 38), однозначно указывает на связь с восточными территориями. Отличительной чертой торайгыровской стелы, является отсутствие рогов у оленей (фото 1 – 4). В остальных деталях (характерный выступ на спине, клювовидная форма морды животного) они аналогичны с оленями в т.н. “летучем галопе” на оленных камнях (Членова Н.Л., 1992, с. 454, таб. 104). В Казахстане известно лишь несколько пунктов с изображением клювовидных оленей в виде наскальных рисунков: Бугытас и Мойнак в Восточном Казахстане (Тарбагатай), Саймалы-Таш (Внутренний Тянь-Шань), Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) и Джингильчак (Каратау) (Молодин В.И., Черемисин Д.В., 1992, с. 90). Интересно, что олени из местонахождения Джингильчак (Каратау), как и на торайгыровском оленном камне, изображены без рогов (Самашев З.С., 1992, с. 55, рис. 62-9). Оленный камень на культово-погребальном комплексе Торайгыр VI является на сегодняшний день самым северо-западным пунктом распространения подобных памятников.

Курган 2 имеет дополнительные сооружения в виде каменной вымостки (очевидно их было две, между которыми была установлена каменная стела) идущей на северо-восток. По сути дела мы, вероятно, имеем дело с протокурганами с “усами”, широко распространенными в Казахстане в раннем железном веке и связанными с тасмолинской археологической культурой. В отличие от классического варианта кургана с “усами”, где довольно длинные, каменные вымостки не соединяются с основным курганом (Кадырбаев М.К., 1966, с. 309, рис. 2). У кургана 2 усы короткие и идут от полы кургана.

Второй особенностью является наличие каменной стелы-“койтаса” (бараний камень) с тамгообразным изображением козла и изображением круга в верхней части стелы. Подобные памятники были широко распространены в Центральном Казахстане в эпоху поздней бронзы и переходный период к сакскому времени (Маргулан А.Х., 1979, с. 295, рис. 215).

Следующим по времени, после кургана 2 культово-погребального комплекса Торайгыр VI, был сооружен, видимо, курган 1, представляющий собой каменный курган характерный для раннего железного века. Однако погребение в неглубокой могиле (практически на уровне материка) свидетельствует о более ранней дате сооружения объекта: в переходное время от эпохи поздней бронзы к РЖВ. Этому не противоречит и фрагмент керамики с жемчужником, характерный как для посуды эпохи поздней бронзы, так и для посуды раннесакского времени. Погребения в неглубоких ямах на древнем горизонте или материке, под земляными курганными насыпями, были распространены в Северном Казахстане в позднебронзовую эпоху и переходный период к сакскому времени (Хабдулина М.К., 1987, с. 19). Это также указывает в пользу датировки кургана 1 комплекса Торайгыр VI переходным временем от эпохи поздней бронзы к РЖВ. В тасмолинское время, начиная уже примерно с VII в. до н.э., в Центральном Казахстане и в Павлодарском Прииртышье, могильные ямы уже довольно глубокие (более 1 м). В связи с этим, неглубокие ямы и погребения на древнем горизонте могут датироваться более ранним периодом, а именно – IX-VIII вв. до н.э.

В кургане 3 погребение сооружено в неглубокой яме (не более 30 см). В отличие от погребения в кургане 1, здесь над могилой была вертикально поставлена стелообразная плита-обелиск размерами 90 x 30 x 20 см. Подобные сооружения имеют параллели на территории Алтая, где в памятниках раннескифского времени стелы зачастую устанавливались в центре курганной насыпи или в районе головы погребенного над каменным ящиком (Шелепова Е.В., 2008, с. 146-147, Бобров В.В., 1999, с.22).

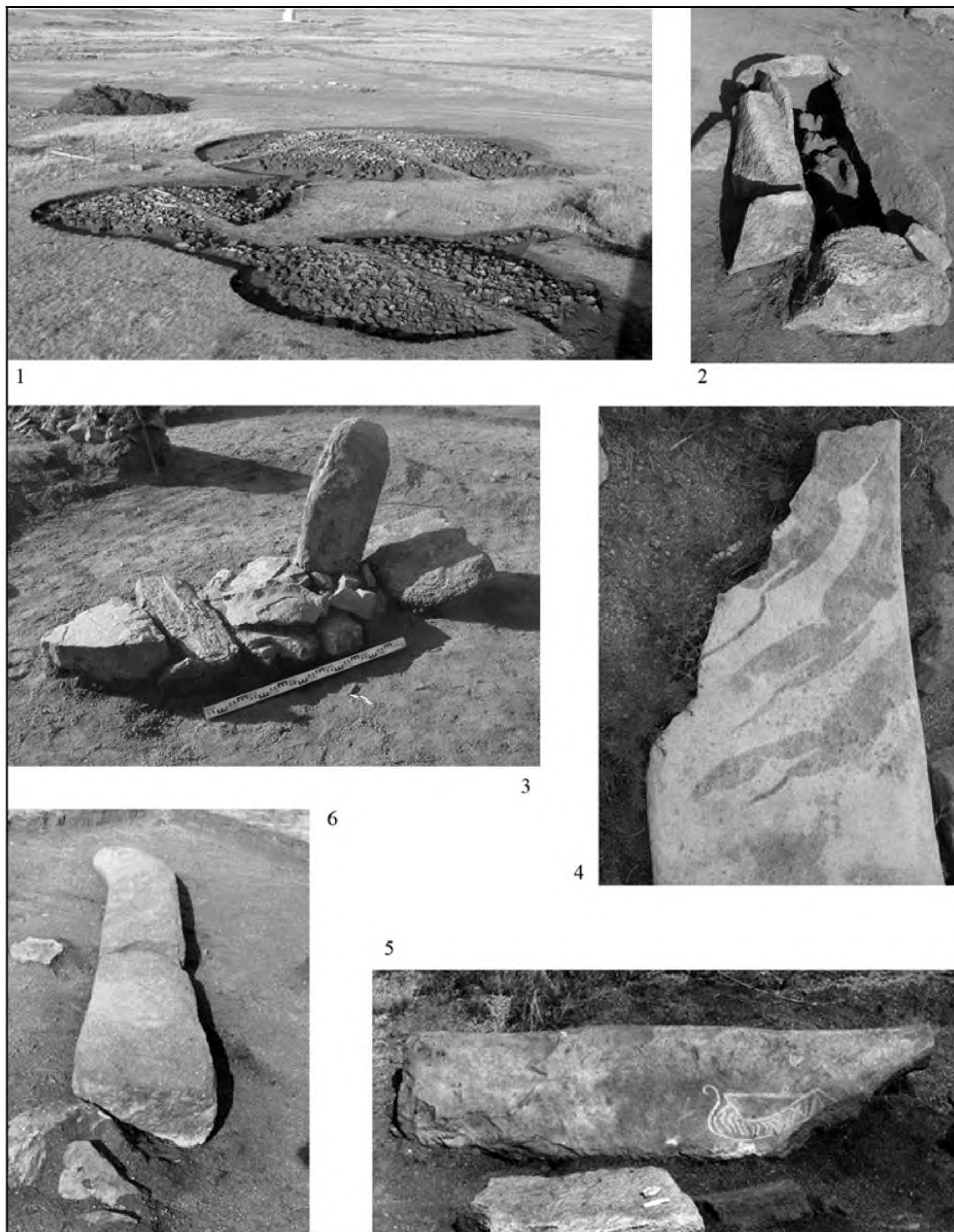

Фото 1

1 – общий вид на курганы 1, 2, 3 ритуально-погребального комплекса Торайгыр VI;
 2 – каменный ящик в кур. 2; 3 – плиты перекрытия могилы и обелиск в кур. 3;
 4 – изображения оленей на оленем камне у кур. 10; 5 – изображение тигра на
 обратной стороне оленего камня; 6 – каменная стела (койтас) расположенная
 у северо-восточного края кургана 10.

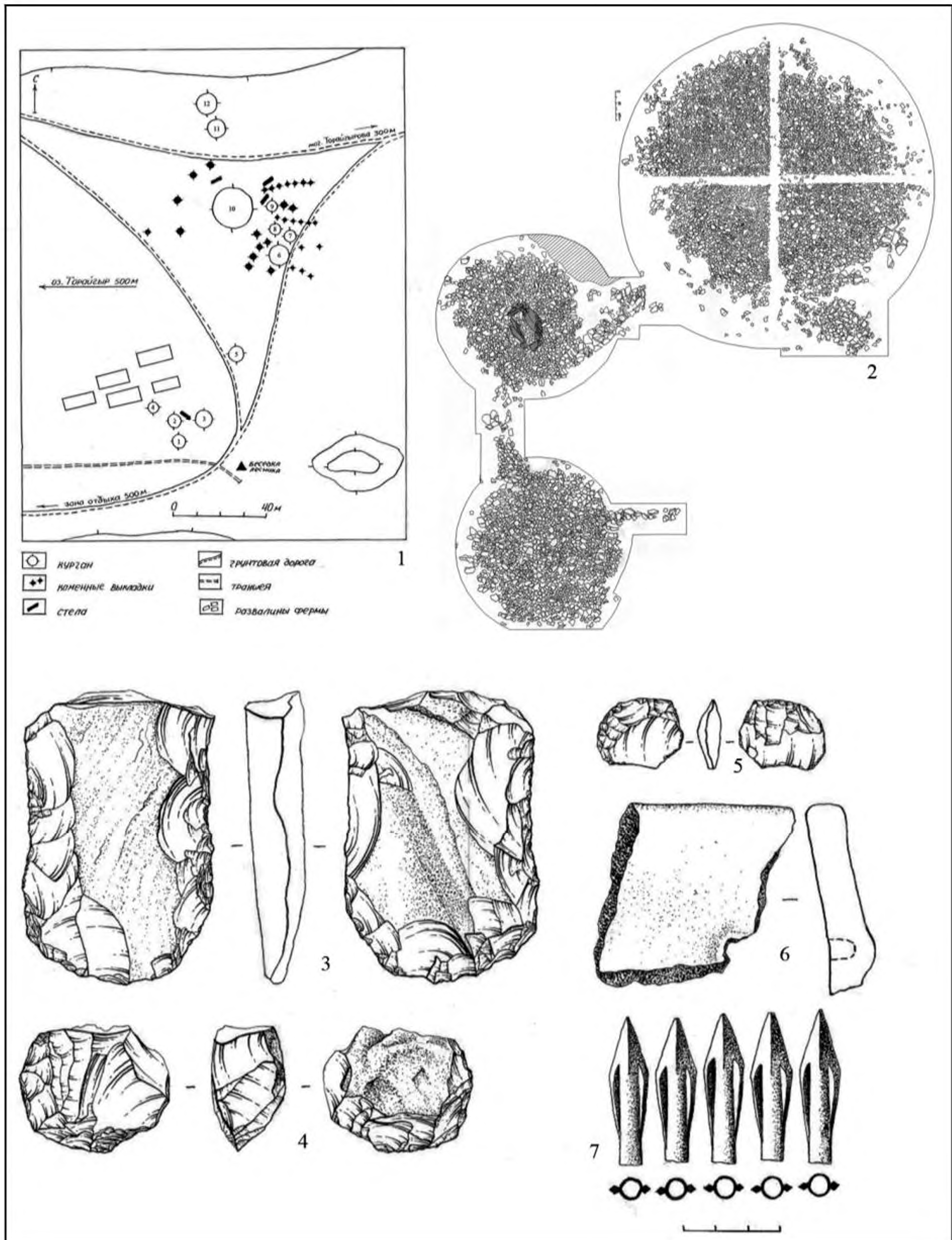

Рис. 1

1 – план комплекса Торайгыр VI; 2 – план исследованных курганов 1,2,3; 3,5 – каменное тесло и яшмовый скребок из кур. 2; 4,7 – яшмовый нуклеус и бронзовые наконечники стрел из кур. 3; 6 – фрагмент керамики из кур. 1.

В памятниках Северного Казахстана подобные сооружения известны. В курганах средних размеров Ишимо-Чаглинского района (степная зона Казахского мелкосопочника) в основании наземных каменных построек можно встретить установленный в западной половине насыпи, в изголовье камень (Хабдулина М.К., 1986, с. 12), отличающийся размерами, цветом или материалом.

Судя по приведенным аналогиям погребений, а также наличию камней-обелисков в насыпи курганов комплекса Торайгыр VI, на Алтае и Северном Казахстане в переходное и раннескифское время проходили аналогичные процессы формирования раннескифских культур на основе позднебронзового населения данных территорий. Процесс этот в Павлодарском Прииртышье, видимо, продолжался сравнительно недолго, потому как уже в VII в. до н.э. тасмолинские памятники представлены более глубокими могильными ямами, каменный ящик опускается в материк, появляются подбойные погребения. Камни-обелиски над погребением не встречаются.

Курган 3 датируется, главным образом, по наконечникам стрел найденным в погребении. Все они втульчатые, с выступающей втулкой и узкими лопастями, что придает им вытянутую форму. Характеристика их следующая:

1 – высота 4,5 см, вес 7,1 гр., наибольшая ширина пера 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см, длина полости втулки 2,3 см. Наконечник имеет в нижней части втулки отверстие;

2 – высота 4,4 см, вес 7,0 гр., наибольшая ширина пера 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см, длина полости втулки 2,6 см;

3 – высота 4,6 см, вес 8,2 гр., наибольшая ширина пера 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см, длина полости втулки 2,1 см. На втулке имеется литейный брак в виде несквозного отверстия;

4 – высота 4,6 см, вес 7,6 гр., наибольшая ширина пера 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см, длина полости втулки 2,6 см;

5 – высота 4,7 см, вес 8,4 гр., наибольшая ширина пера 1,2 см, диаметр втулки 0,6 см, длина полости втулки 2 см. На втулке имеется литейный брак в виде не сквозного отверстия.

Наконечники довольно тяжелые, по весу и длине близки к центральноказахстанским двуплостным втульчатым наконечникам раннескифского времени (Кадырбаев М.К., 1966, с. 377, рис. 58), обнаруженным в кургане 5ж, мог. Карамурун I. Датировка втульчатых наконечников с ромбической и близкой по форме асимметрично-ромбической формой пера, довольно широко распространенных в лесостепном Обь-Иртышском междуречье, в Средней Азии, Казахстане и др. территориях традиционно определяется в рамках VII-VI вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 82).

Учитывая неглубокое погребение и наличие камня обелиска в кургане 3, объект можно датировать VIII-нач. VII вв. до н.э.

Изучение культово-погребального комплекса Торайгыр VI является весьма перспективным. Его исследование позволит выявить как особенности формирования тасмолинской культуры Центрального Казахстана, так и возможные пути культурного обмена. В частности можно установить его связь с раннескифскими памятниками Алтая и Северо-Западной Монголии. Об этом свидетельствует наличие в комплексе Торайгыр VI такого памятника как олений камень.

Библиографический список

1. Бобров, В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н. э. на территории Южной Сибири / В.В. Бобров // Итоги изучения Скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999.
2. Кадырбаев, М.К. Древняя культура Центрального Казахстана / М.К. Кадырбаев, А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, А.М. Оразбаев. – Алма-Ата, 1966.
3. Кирюшин Ю.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. – Барнаул, 1997. – Ч. 1.
4. Марсадолов, Л.С. Два кургана VIII-VII вв. до н. э. в Семисарте на Алтае / Л.С. Марсадолов, А.П. Погожева // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002.

5. Маргулан, А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана / А.Х. Маргулан. – Алма-Ата, 1979.
6. Мерц, В.К. Новые памятники раннего железного века Павлодарского Прииртышья / В.К. Мерц // Номады Казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи. – Астана, 2008.
7. Молодин, В.И. К вопросу о связях населения Казахстана и Саяно-Алтая в эпоху раннего железа / В.И. Молодин, Д.В. Черемисин // Маргулановские чтения. – Петропавловск, 1992.
8. Новгородова, Э.А. Периодизация петроглифов Монголии / Э.А. Новгородова // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М., 1981.
9. Самашев, З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья / З.С. Самашев. – Алма-Ата, 1992.
10. Хабдулина, М.К. Погребальный обряд населения раннего железного века Северного Казахстана (VIII-II вв. до н. э.) / М.К. Хабдулина // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск, 1986.
11. Членова, Н.Л. Культура плиточных могил / Н.Л. Членова // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992.
12. Шелепова, Е.В. Вертикально установленные камни на погребальных комплексах скифской эпохи Алтая / Е.В. Шелепова // Этнокультурная история Евразии: Современные исследования и опыт реконструкций. – Барнаул, 2008.

Серегин Н.Н.
(г. Барнаул, Россия)

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ*

Научный руководитель – профессор, д.и.н. А.А. Тишкин

Согласно современным представлениям о методике социальных реконструкций по материалам погребальных комплексов, одним из важных этапов исследования является изучение показателей обряда, вариабельность которых связана с определенным полом и возрастом умерших. Известно, что в древних и средневековых обществах, в том числе и в социумах кочевников, роль, положение и функции мужчин, женщин и детей серьезным образом различались. Наиболее очевидной является трудовая специализация – мужчины занимались военным делом, женщины вели хозяйство, воспитывали детей и т.д. Существенными являются и возрастные показатели. К примеру, в письменных источниках и этнографических материалах имеются многочисленные свидетельства, связанные с описанием прохождения юношами инициации, после которой они становились полноправными воинами и членами общества (Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004, с.29; Социальная структура ..., 2005, с.61–62). Различным могло быть положение людей преклонного возраста, с одной стороны, обладавших значительным жизненным опытом и знаниями, но имевших меньше возможностей для физического труда. Изучение обозначенных показателей для конкретного социума представляет большой интерес. Кроме того, подобная работа является базой для дальнейшего исследования, направленного на выделение показателей обряда, обусловленных уже не половозрастными характеристиками умерших, а их социальным статусом.

Особенности половозрастной дифференциации в погребальном обряде населения тюркской культуры неоднократно рассматривались исследователями. В первую очередь изучались различия в составе сопроводительного инвентаря. Наиболее подробно данный вопрос представлен в статье Г.В. Длужневской (1976), которая обозначила основные характеристики предметного комплекса в погребениях мужчин, детей и женщин. При этом исследовательница подчеркнула, что положение последних в обществе номадов раннего средневековья было достаточно высоким (Длужневская Г.В., 1976, с.200). Д.Г. Савинов (1982, с.119–120) отметил, что отличительной особенностью женских погребений тюркской культуры является наличие металлического зеркала в сочетании с гребнем и маленьким ножиком, что отражает, по мнению исследователя, реальные этнографические особенности раннесредневекового населения.

Комплекс вопросов, связанных с изучением особенностей женских погребений тюркской культуры, в последние годы затрагивался в целом ряде работ. В.Н. Третьякова (2000, с. 55) обратила внимание на то, что на некоторых некрополях, раскопанных в Минусинской котловине, могилы представительниц слабого пола определенным образом приурочены к курганам мужчин. Описание трех женских захоронений тюркской культуры, обнаруженных в Монголии, приведено в совместной статье Ю.С. Худякова и К.Ы. Белинской (2006, с.498–499). Авторы отметили, что рассматриваемые объекты, по сравнению с мужскими могилами, отличаются меньшим разнообразием черт обряда. Перспективы изучения женских погребений тюркской культуры Саяно-Алтая обозначены в ряде публикаций К.Ы. Белинской (2006, 2007а-б). По ее мнению, в материалах захоронений представительниц слабого пола не наблюдается социальной градации, и все объекты принадлежат рядовым членам общества номадов раннего средневековья (Белинская К.Ы., 2007а, с.147). В специальной работе исследовательницы приведена характеристика

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

женской погребальной обрядности на основе анализа материалов раскопок раннесредневековых памятников Горного Алтая (Белинская К.Ы., 2007б). Судя по приведенным описаниям, всего автором было учтено 22 захоронения. При этом остался неясным принцип определения гендерной принадлежности умерших из рассмотренных могил. К примеру, среди прочих объектов, к женским погребениям отнесена могила 12 некрополя Кудыргэ, в составе сопроводительного инвентаря которой зафиксированы остатки меча и колчана (Гаврилова А.А., 1965, с.25–26, Табл. XX), а также несколько других захоронений, однозначное определение которых вызывает вопросы. Следует отметить, что К.Ы. Белинская (2007б, с.204) подчеркнула необходимость продолжения подобной работы с привлечением не только археологических, но также письменных, этнографических и изобразительных источников. Некоторые возможности анализа женских захоронений тюркской культуры продемонстрированы в недавней статье С.А. Васютина (2009, с.200–201), выделившего две возрастные группы женщин, получившие отражение в материалах погребальных комплексов Саяно-Алтая.

Специфика детской погребальной практики тюрков раннего средневековья представлена Г.В. Кубаревым (1996; 2005, с.21–22), обратившим внимание, преимущественно, на особенности скальных объектов. При этом исследователь отметил, что для мужских и женских могил характерен единый обряд, а отличия фиксируются только в составе сопроводительного инвентаря (Кубарев Г.В., 2005, с.23).

Итак, в работах целого ряда исследователей намечены некоторые характеристики обряда, являющиеся отражением половозрастной дифференциации в обществе кочевников тюркской культуры. Целенаправленный анализ имеющихся материалов позволяет более подробно раскрыть специфику мужских, женских и детских погребений кочевников раннего средневековья.

Основой для изучения различных аспектов социальной структуры и организации общества тюркской культуры Саяно-Алтая стали материалы 204 погребений, исследованных на территории Горного Алтая (110 объектов), Тувы (40 объектов) и Минусинской котловины (50 объектов). Основными факторами в ходе отбора памятников из общего количества раскопанных на сегодняшний день могил (более 300) являлось наличие антропологической характеристики умершего, либо возможности определения пола на основе имеющихся показателей, выделенных в ходе работы. Учитывались не ограбленные погребения, а также частично потревоженные объекты, для которых сохранились характеристики, необходимые для полноценного анализа. В итоге учтено 133 могилы, определенные как мужские, 40 женских захоронений и 31 детское. Ниже представлены характеристики, отличающие погребальную обрядность каждой из обозначенных групп.

Обратим внимание, что работа проводилась на основе учета показателей погребального обряда, выделенных и подробно рассмотренных автором ранее (Серегин Н.Н., 2009а-в и др.). Все признаки объединены в рамках трех блоков: погребальные сооружения, ритуал и сопроводительный инвентарь, и представлены с учетом подобного разделения. Подчеркнем, что в процессе исследования принимались во внимание результаты, полученные при анализе основных элементов погребальной практики для всей совокупности объектов.

Погребальные сооружения (Табл. 1).

Сопоставление типов погребальных сооружений, а также их отдельных конструктивных элементов (Серегин Н.Н., 2009а), с половозрастной принадлежностью умерших продемонстрировало отсутствие, в абсолютном большинстве случаев, какой-либо зависимости между обозначенными показателями. Некоторые тенденции в этом плане, характерные для отдельных некрополей тюркской культуры, отражают локально-территориальное своеобразие различных групп кочевников. К примеру, на могильнике Белый Яр-II в Минусинской котловине зафиксирована связь мужских могил с погребальной камерой в виде гроба. В ходе раскопок комплекса Аймырлыг в Туве отмечено преимущественное помещение мужчин в подбой. Не исключена связь скальных объектов с захоронениями детей, однако редкость подобных памятников ограничивает возможность выявления тенденций в этом плане.

Следует отметить, что достаточно четко фиксируется приуроченность «околокурганнных» объектов к насыпям, под которыми исследованы погребения мужчин и кенотафы, также определенные как «мужские». Вместе с тем, наибольшее распространение дополнительных элементов наземных и внутримогильных конструкций (кольцевая выкладка по периметру насыпи, перегородка, приступка, подбой, погребальная камера), характерно для женских погребений. В целом же, распределение типов сооружений отражает тенденции, зафиксированные при рассмотрении общей совокупности объектов, и не связано с половозрастной дифференциацией в обществе номадов тюркской культуры.

Определенным показателем в этом отношении являются размеры погребальных сооружений. Вариабельность параметров наземных и внутримогильных конструкций в значительной степени определялась половой принадлежностью похороненных людей и их физическими данными.

Таблица 1. Специфика погребальных конструкций мужских, женских и детских захоронений тюркской культуры Саяно-Алтая

Элемент конструкции	Мужские погребения <i>133 (100%) погребения</i>	Женские погребения <i>40 (100%) погребений</i>	Детские погребения <i>31 (100%) погребение</i>
Округлая насыпь	112 (84,21%)	31 (77,5%)	26 (83,87%)
Подквадратная насыпь	6 (4,51%)	4 (10%)	2 (6,45%)
Впускное погребение	14 (10,52%)	5 (12,5%)	1 (3,22%)
Скальное погребение	1 (0,75%)	-	2 (6,45%)
Кольцевая выкладка	29 (21,8%)	13 (32,5%)	10 (32,25%)
Крепида	21 (15,78%)	7 (17,5%)	8 (25,8%)
Ограда	8 (6,01%)	6 (15%)	2 (6,45%)
Перегородка	46 (34,58%)	18 (45%)	8 (25,8%)
Приступка	42 (31,57%)	19 (47,5%)	4 (12,9%)
Подбой	10 (7,51%)	5 (12,5%)	3 (9,67%)
Перекрытие	18 (13,53%)	6 (15%)	4 (12,9%)
Погребальная камера	17 (12,78%)	8 (20%)	4 (12,9%)

Погребальный ритуал (Табл. 2).

В ходе изучения основных элементов обряда населения тюркской культуры были выделены стандартные формы ритуала (Серегин Н.Н., 2009б-в). Представляется возможным утверждать, что особенности ориентировки и положения умерших, а также сопровождавших их животных, связаны со своеобразием развития общности на различных территориях и обусловлены, по всей видимости, спецификой этнической или родовой принадлежности конкретных групп номадов. В частности, наиболее существенным является различие стандарта погребального ритуала населения Горного Алтая и Тувы, с одной стороны, и Минусинской котловины – с другой. В связи с этим, очевидно, что вариабельность обозначенных показателей не связана с половозрастной принадлежностью умерших.

Гендерная и возрастная дифференциация общества кочевников тюркской культуры получила отражение в таких признаках ритуала, как вид и количество захороненных животных, сопровождавших умершего человека. Стандартом мужских и женских погребений (более 70%) является помещение в могилу одной лошади. По всей видимости, это было обязательным элементом обряда для полноправных представителей взрослого населения. При этом следует подчеркнуть, что распространение женских и мужских погребений без лошади связано с явлениями не только социального, но также этнического и хронологического характера.

Существенным признаком, вариабельность которого связана с гендерной принадлежностью умершего, является количество лошадей. В могилах мужчин нередко было присутствие двух и более особей. Подобная ситуация отмечена в ходе раскопок 24 (18%) объектов. Для погребений женщин подобные случаи единичны.

Таблица 2. Сопроводительные захоронения животных в мужских, женских и детских погребениях тюркской культуры Саяно-Алтая

Количество и вид сопровождавших человека животных	Мужские погребения <i>133 (100%) погребения</i>	Женские погребения <i>40 (100%) погребений</i>	Детские погребения <i>31 (100%) погребение</i>
Одна лошадь	95 (71,42%)	32 (80%)	2 (6,45%)
Две лошади	19 (14,28%)	1 (2,5%)	-
Три лошади	4 (3%)	-	-
Четыре лошади	1 (0,75%)	-	-
Лошадь отсутствует	13 (9,77%)	7 (17,5%)	17 (54,83%)
Овца	1 (0,75%)	-	12 (38,7%)

Отметим, что сам факт наличия лошади в погребении был важным показателем наличия возрастной дифференциации в обряде населения тюркской культуры. Иллюстрацией подобного утверждения являются результаты раскопок детских погребений. Только в двух случаях (6,45%) в могиле ребенка присутствовало сопроводительное захоронение лошади. Более чем в половине детских погребений (54,83%) животное отсутствовало. В 12 (38,7%) случаях зафиксирована замена лошади на овцу. Подобный показатель обряда получил наибольшее распространение на территории Среднего Енисея.

Сопроводительный инвентарь (Табл. 3).

Наиболее четким показателем половозрастной дифференциации в обществе номадов тюркской культуры Саяно-Алтая является комплекс предметов, зафиксированных рядом с умершим. Для выявления и конкретизации закономерностей в этом плане был проведен статистический анализ, который позволил обозначить степень распространения конкретных находок в мужских, женских и детских могилах. Совокупность вещей, обнаруженных в погребениях, разделена по функциональному назначению на несколько предметных комплексов, включающих различные группы изделий.

I. Вооружение и воинское снаряжение: 1) сложносоставной лук; 2) железные наконечники стрел; 3) клинковое оружие (длиннолезвийный боевой нож, кинжал, меч); 4) топор; 5) копье; 6) защитный доспех.

II. Украшения и предметы костюма: 1) наборный пояс; 2) серьги; 3) другие украшения (бусы, подвески, ожерелья, кольца); 4) монеты; 5) фрагменты шелковой одежды.

III. Предметы быта и туалета: 1) металлическое зеркало; 2) гребень (костяной или деревянный); 3) металлический сосуд; 4) керамический сосуд; 5) котел; 6) игольник.

IV. Орудия труда: 1) нож; 2) пряслице; 3) тесло; 4) оселок; 5) плетель/стек; 6) кочедык.

V. Снаряжение верховой лошади: 1) удила и псалии; 2) стремяна; 3) украшения узды.

Распределение некоторых из обозначенных предметов в погребениях было связано с половой принадлежностью умерших. В меньшей степени имеется возможность обозначения возрастной дифференциации общества, что обусловлено редкостью антропологических характеристик.

Основным атрибутом и наиболее четким показателем мужских погребений тюркской культуры являются предметы вооружения. Подобные предметы зафиксированы в абсолютном большинстве объектов – 124 (93,23%) погребения. Оружие отсутствовало только в 9 (6,76%) могилах. В ряде случаев, когда имелось определение возраста последней группы умерших, отмечена их принадлежность к юношам и пожилым мужчинам

(Гаврилова А.А., 1965, с.58; Комарова М.Н., 1973, с.208; Могильников В.А. и др., 1992, с.83).

Наиболее распространенным в мужских погребениях тюркской культуры было оружие дистанционного боя. Остатки сложносоставного лука и железных наконечников стрел зафиксированы в 84 (63,15%) и 105 (78,94%) могилах. Менее частыми являются находки оружия ближнего боя и таранного удара, а также защитного доспеха. Боевые длиннолезвийные ножи, кинжалы и мечи обнаружены в 34 (25,56%) погребениях. Гораздо реже встречены топор и копье, зафиксированные в четырех (3%) и пяти (3,75%) мужских могилах. Всего шесть раз (4,5%) отмечено присутствие в погребении или кенотафе фрагментов защитного доспеха.

Судя по всему, насыщенность погребения предметами вооружения определялась, прежде всего, не возрастом, а заслугами и профессиональным статусом умершего воина. К примеру, в ряде случаев в могилах юношей 16–20 лет зафиксировано несколько различных категорий рассматриваемых предметов. Не исключено некоторое снижение статуса пожилых (более 55 лет) людей, что нашло отражение в сокращении количества обозначенных вещей, отсутствии оружия ближнего боя и др. Вместе с тем, то, что предметы вооружения зафиксированы в ряде погребений мужчин этой возрастной группы, свидетельствует о сохранении ими определенного статуса.

Предметы вооружения, а именно кинжалы, зафиксированы только в двух (5%) женских погребениях. Также в двух детских могилах обнаружены железные наконечники стрел. Таким образом, наличие оружия в погребении является одним из существенных показателей гендерной и возрастной принадлежности умерших.

Таблица 3. Предметный комплекс мужских, женских и детских погребений тюркской культуры Саяно-Алтая

Группа предметов	Элемент предметного комплекса	Мужские погребения 133 (100%) погребения	Женские погребения 40 (100%) погребений	Детские погребения 31 (100%) погребение
Вооружение	Лук	84 (63,15%)	-	-
	Наконечники стрел	105 (78,94%)	-	2 (6,45%)
	Клинковое оружие	34 (25,56%)	2 (5%)	-
	Топор	4 (3%)	-	-
	Копье	5 (3,75%)	-	-
	Защитное вооружение	6 (4,5%)	-	-
Украшения и предметы	Наборный пояс	68 (51,12%)	2 (5%)	3 (9,67%)
	Серьги	23 (17,29%)	20 (50%)	2 (6,45%)
	Другие украшения	5 (3,75%)	9 (22,5%)	3 (9,67%)
	Фрагменты шелковой одежды	34 (25,56%)	8 (20%)	-
	Монеты	8 (6,01%)	1 (2,5%)	-
Предметы быта и туалета	Металлическое зеркало	1 (0,75%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)
	Гребень	4 (3%)	7 (17,5%)	-
	Металлический сосуд	6 (4,5%)	1 (2,5%)	-
	Керамический сосуд	16 (12,3%)	6 (15%)	12 (38,7%)
	Котел	4 (3%)	-	-
	Игольник	-	5 (12,5%)	-
Орудия	Нож	77 (57,89%)	21 (52,5%)	7 (22,58%)
	Пряслица	-	7 (17,5%)	1 (3,22%)
	Тесло	41 (30,82%)	-	1 (3,22%)

	Оселок	7 (5,26%)	1 (2,5%)	-
	Кочедык	8 (6,01%)	-	-
	Плеть/стек	13 (9,77%)	4 (10%)	-
Снаря- жение лошади	Удила, псалии	100 (75,18%)	25 (62,5%)	2 (6,45%)
	Стремена	93 (69,92%)	22 (55%)	2 (6,45%)
	Украшения узды	17 (12,78%)	13 (32,5%)	1 (3,22%)

Меньшая обусловленность половозрастными характеристиками погребенных наблюдается для распределения украшений и предметов костюма. Вместе с тем, некоторые тенденции отмечены и при рассмотрении подобных предметов. Наиболее четкая закономерность связана с распространением такого важного элемента костюма как наборный пояс. Подобная деталь одежды являлась важным показателем воина-кочевника и встречена в 68 (51,12%) погребениях мужчин. Наборный пояс зафиксирован также в двух (5%) женских и трех (9,67%) детских могилах. Почти в равной степени в погребениях мужчин и женщин отмечены фрагменты шелковой одежды – 34 (25,56%) и 8 (20%) случаев, соответственно.

Различные виды украшений, что вполне закономерно, получили наибольшее распространение в могилах представительниц слабого пола. Серьги из цветных металлов зафиксированы в половине (50%) женских погребений и только 23 раза (17,29%) находились рядом с умершим мужчиной. Другие украшения (подвески, ожерелья, бусы, кольца) также чаще всего маркировали женскую могилу – 9 (22,5% случаев), и более фрагментарно входили в состав сопроводительного инвентаря мужчин – 5 (3,75%) погребений и детей – 3 (9,67%) объекта.

Достаточно четким маркером могил женщин были также предметы туалета. Металлические зеркала, костяные и деревянные гребни и игольницы, встреченные рядом с умершей, соответственно, в 13 (32,5%), 7 (17,5%) и 5 (12,5%) случаях, в погребениях мужчин и детей являются единичными. Противоположные тенденции характерны для распределения металлической посуды. Железные котлы, являясь крайне редким элементом предметного комплекса раннесредневековых номадов Саяно-Алтая, зафиксированы всего в четырех (3%) мужских погребениях. Также принадлежностью почти исключительно мужчин были металлические сосуды. Подобные изделия встречены рядом с умершим шесть раз (4,5%), и только однажды входили в состав сопроводительного инвентаря женского погребения. Керамические сосуды, наибольшее распространение которых в раннем средневековье отмечено для территории Среднего Енисея, чаще всего обнаружены в захоронениях детей – 12 (38,7%) случаев. Почти в равной степени подобные находки зафиксированы в могилах мужчин – 16 (12,3%) раз и женщин – 6 (15%) погребений.

К украшениям и предметам костюма условно отнесены китайские монеты, в ряде случаев зафиксированные в погребениях тюркской культуры (Сергеев Н.Н., 2008). Следует отметить, что бытование подобных предметов в среде кочевников если и было связано с использованием их как эквивалента стоимости (Щербак А.М., 1960), то, безусловно, только этим не ограничивалось. Вполне обоснованным представляется утверждение о том, что китайские монеты могли носиться как амулеты. Свидетельством изменения функций изделий можно считать благожелательные надписи на отдельных экземплярах (Добродомов И.Г., 1980; Кляшторный С.Г., 2006, с.117). Кроме того, существует предположение, что китайские монеты использовались для украшения одежды в качестве нашивных блях, являлись частью ожерелий, подвесок, входили в состав наборного пояса и др. (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, с.30; Камышев А.М., 1999, с.59; Масумото Т., 2001, с.52; Филиппова И.В., 2005, с.15). Отметим, что основной характеристикой распространения рассматриваемых изделий, помимо их редкости, является то, что они зафиксированы почти исключительно в погребениях мужчин – 8 (6,01%) случаев.

Универсальным орудием труда, степень распространения которого была примерно схожа для лиц обоих полов, является нож. Подобные изделия обнаружены в 104 погребениях тюркской культуры, что составляет более половины (51%) учтенных нами объектов. Нож является стандартным элементом сопроводительного инвентаря мужчин и

женщин и зафиксирован, соответственно, в 77 (57,89%) и 20 (50%) могилах. Несколько реже рассматриваемые находки фиксируются в захоронениях детей – 7 (22,58%) случаев.

Особенности трудовой специализации в обществе кочевников тюркской культуры отражает обнаружение почти исключительно в мужских погребениях тесел – 41 (30,82%), оселков – 7 (5,26%) и изделий для развязывания узлов (кочедык) – 8 (6,01%) случаев. По всей видимости, хозяйственная деятельность женщин была связана с использованием пряслиц, встреченных в 7 (17,5%) погребениях. Плеть или стек в равной степени (около 10%) зафиксированы в могилах лиц обоих полов.

Отметим, что из орудий труда в захоронениях детей распространение получили только ножи. Другие изделия рассматриваемой группы в подобных объектах не зафиксированы или встречены в единичных случаях. По всей видимости, данное обстоятельство является отражением ограниченной вовлеченности детей в хозяйственную деятельность.

Наиболее распространенным элементом вещевого комплекса в погребениях населения тюркской культуры являются предметы, входившие в комплекс снаряжения верховой лошади. Удила, псалии и стремяна, встреченные в могилах лиц обоих полов почти в равной степени, отсутствовали только в 12 (30%) женских и 22 (16,54%) мужских захоронениях. Снаряжение лошади в ряде случаев имелось даже в одиночных погребениях (без животного). Более редким элементом конской амуниции являлись украшения узды. Интересно, что подобные изделия значительно чаще зафиксированы в женских могилах – 13 (32,5%), чем в мужских объектах – 17 (12,78%) случаев. Снаряжение верховой лошади, а также украшения узды почти не обнаружены в детских захоронениях, входя, преимущественно, в состав сопроводительного инвентаря взрослых членов общества тюркской культуры.

Итак, анализ степени встречаемости различных категорий предметов в погребениях раннесредневековых кочевников Саяно-Алтая позволил выделить группы вещей и отдельные находки, являющиеся показателем определенной половой принадлежности умерших. Маркером почти исключительно мужских могил были предметы вооружения, наборный пояс, металлическая посуда, и некоторые орудия труда (тесло, оселок, кочедык). Женские погребения отличались присутствием предметов туалета (металлическое зеркало, гребень, игольник), а также большей степенью распространения украшений. Многие предметы являлись универсальными и присутствовали в могилах лиц обоих полов, отличаясь лишь частотой встречаемости. Безусловно, выявленные закономерности отражают, прежде всего, трудовую специализацию населения тюркской культуры.

Возрастная дифференциация общества тюркской культуры нашла отражение, прежде всего, в редкости или отсутствии большинства рассмотренных предметов сопроводительного инвентаря в погребениях детей. Самыми распространенными находками в могилах данной группы населения являются ножи и керамические сосуды. Более чем в трети захоронений – 11 (35,48%) какие-либо находки отсутствовали.

К сожалению, рассмотрение возрастной дифференциации среди взрослых мужчин и женщин затруднительно в связи с отсутствием, в большинстве случаев, антропологических определений. В то же время, можно предположить, что положение людей определялось, прежде всего, не возрастом, а имеющимися заслугами и происхождением. Известны погребения юношей, включающие разнообразный и многочисленный сопроводительный инвентарь. В то же время, очевидно и то, что основное значение в обществе имели возмужалые и зрелые мужчины. В ряде случаев отмечается сохранение статуса лиц, находящихся в преклонном возрасте. Последние утверждения справедливы и по отношению к особенностям прижизненного положения женщин.

Таким образом, половозрастная принадлежность умерших являлась одним из факторов, определивших специфику погребального обряда. Наиболее показательными в этом отношении признаками являлись размеры наземных и подкурганых сооружений, количество захороненных лошадей и качественный состав сопроводительного инвентаря. Другой фактор, обусловивший вариативность этих и других характеристик обряда, связан с различным социальным статусом умерших и требует детального рассмотрения в отдельной работе.

Библиографический список

1. Белинская, К.Ы. Изучение гендерных отношений у древних тюрков (по материалам археологии) / К.Ы. Белинская // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Красноярск: КГПУ, 2006. – Т. II. – С. 12–13.
2. Белинская, К.Ы. Археологические памятники древнетюркских женских захоронений Саяно-Алтая / К.Ы. Белинская // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий. – Новосибирск: НГПУ, 2007. – С. 146–148.
3. Белинская, К.Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая / К.Ы. Белинская // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – С. 199–204.
4. Васютин, С.А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая / С.А. Васютин // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 198–201.
5. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен / А.А. Гаврилова. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
6. Длужневская, Г.В. Сопроводительный инвентарь и вопросы половозрастной дифференциации древнетюркского общества (по материалам погребального обряда) / Г.В. Длужневская // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. – Вып. 21. – С. 193–200.
7. Добродомов, И.Г. Вторичные рунические надписи на монетах и вопросы денежного обращения у древних тюрков / И.Г. Добродомов // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. – М.: Наука, 1980. – С. 94–97.
8. Камышев, А.М. Монеты Китая из Кыргызстана / А.М. Камышев // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 1999. – Вып. IV. – С. 57–65.
9. Кляшторный, С.Г. Монета с рунической надписью из Монголии / Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. – СПб: Наука, 2006. – С. 115–119.
10. Комарова, М.Н. Тюркское погребение с конем в Аржане / М.Н. Комарова // Ученые записки ТНИИЯЛИ. – Кызыл: Тувкнигоиздат, 1973. – Вып. XVI. – С. 207–210.
11. Крадин, Н.Н. Социальная структура хунну Забайкалья / Н.Н. Крадин, С.В. Данилов, П.Б. Коновалов. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 106 с.
12. Кубарев, Г.В. Детские древнетюркские погребения Саяно-Алтая / Г.В. Кубарев // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: ИрГТУ, 1996. – Ч. II. – С. 107–111.
13. Кубарев, Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников) / Г.В. Кубарев. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. – 400 с.
14. Масумото, Т. Китайские монеты из средневековых погребений Западной Сибири / Т. Масумото // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 49–52.
15. Могильников, В.А. Раскопки в Куроте / В.А. Могильников, А.В. Куйбышев, В.Н. Елин // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГПИ; ГАНИИИЯЛ, 1992. – С. 83–84.
16. Савинов, Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) / Д.Г. Савинов // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.
17. Серегин, Н.Н. Китайские монеты из погребений тюркской культуры Саяно-Алтая и Монголии / Н.Н. Серегин // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 190–193.
18. Серегин, Н.Н. Погребальные сооружения тюркской культуры Саяно-Алтая (систематизация и анализ) / Н.Н. Серегин // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. №4/2 (64/2). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009а. – С. 190–194.

19. Серегин, Н.Н. Погребальный ритуал тюркской культуры Саяно-Алтая / Н.Н. Серегин // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Ховд; Томск: Изд-во Ховдского государственного университета, 2009б. – С. 43–49.
20. Серегин, Н.Н. Специфика развития тюркской культуры Саяно-Алтая (к вопросу о выделении локальных вариантов) / Н.Н. Серегин // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. №4/4 (64/4). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009в. – С. 225–228.
21. Социальная структура ранних кочевников Евразии: монография / под ред. Крадина Н.Н., Тишкина А.А., Харинского А.В. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – 312 с.
22. Троицкая, Т.Н. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье / Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1998. – 152 с.
23. Филиппова, И.В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским Китаем в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... к.и.н. / И.В. Филиппова; НГУ. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
24. Худяков, Ю.С. Особенности женской погребальной обрядности древних тюрков на территории Монголии / Ю.С. Худяков, К.Ы. Белинская // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2006. – Т. XII. Ч. 1. – С. 497–500.
25. Щербак, А.М. Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска / А.М. Щербак // ВДИ. – 1960. – №2. – С. 139–141.

Теркина У.А.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

КАРТИНА МИРА В АЛТАЙСКОМ И КОРЕЙСКОМ ШАМАНИЗМЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Для мировоззрения алтайского шаманизма, также как для корейского, характерен анимизм – одухотворение всего, что окружает человека. Существует вера в злых и добрых духов, способных влиять на жизнь и смерть человека, вызывать у него болезни, обеспечивать удачу и обречь на несчастья.

В алтайском шаманизме известно 17 небес (Радлов В.В., 1989, с.356). По анимистическим представлениям алтайцев духи обитают в трех сферах мироздания: под землей, на земле и на небе. Подземных духов обычно называют көрмөс (черт), духов неба – кудай (бог), духов земли – јер-су (земля-вода), или Алтай. Кроме этого, алтайцы разделяют всех духов на две категории:

- 1) Төс (начало, основание), то есть, духи первоначальные
- 2) Дьадьян-немее (нечто созданное), то есть духи позднейшие.

Далее духи бывают или чистые (ару), или нечистые, черные (кара). Сообразно этому духи рассыпаются на ару төс, кара төс, ару немее, кара немее. Последние две категории – духи позднейшие, называются общим именем көрмөс. Эти көрмөс в действительности представляют собой души давно умерших шаманов. Они разделены на две категории:

- 1) озогы тадалар – предки по женской линии
- 2) кан адалар – предки по мужской линии (Анохин А.В., 1994, с.17).

Подобное Хананиму в корейском шаманизме, верховное небесное божество в алтайском шаманизме называют Ыльген. Путь к нему лежит через семь, а по другим версиям через девять препятствий. Ыльген имеет дворец с золотыми воротами и золотой престол. По виду он представляется человеком, а в молитвенных обращениях его называют «Белая светлость» (ак Айас), светлый Хан (Айас Каан), градоносец, милосердец и палящий. Ыльген является творцом солнца, луны и всего небесного света. Он обладает божественной силой: управляет небесными светилами, производит гром, молнию, посылает дождь и град, но не способен сделать что-нибудь плохое человеку. Кроме самого Ыльгена, к духам неба принадлежат его сыновья, дочери и служебные духи: Жайык, Сусла, Карлык, Уткучы (Баскаков Н.А., 1993, с.7).

Дочерей у Ыльгена девять. Они называются ак кыстар – чистые девы и не имеют имен собственных. Сыновей у Ыльгена семь: 1) Каршыт, 2) Пура-кан, 3) Жажыл-кан, 4) Бурча-кан, 5) Кара-куш, 6) Пакты-кан, 7) Ар-каным. Каждый сеок (род) имеет родовым покровителем того или другого сына. Сыновья Ыльгена, таким образом, являются для алтайцев такими же первопредками, как и Ыльген. Им приносятся такие жертвы, как и Ыльгену (Анохин А.В., 1994, с.12).

Среди духов посредников первое место занимает Жайык – дух небожитель и часть существа Ыльгена. Жайык живет на земле среди людей. Ыльген послал его с неба охранять человека от всего худого и злого и давать всему жизнь, за что он славится в молитвах, как бог – кудай.

Но главная роль Жайыка заключается в посредничестве между человеком и Ыльгеном. Жайык у алтайцев пользуется особым уважением. Весной при первых удоях кобылиц алтайцы делают Жайыку кропление смесью толокна с кобыльим молоком. Этот обряд называется Жайык көдүрери – поднимать Жайыка. При этом просят, чтобы он в наступающий год давал им милости, как и прежде.

При совершении обряда үстүгү, шаман призывает Жайыка, который ведет его на небо вместе с жертвенным животным. Без участия Жайыка шаман восходить на небо не может.

Следующий земной страж человека – Суйла имеет конские глаза и видит кругом на таком расстоянии, которое можно проехать за 30 дней. Некоторые шаманы представляют Суйлу в виде птицы беркута с лошадиными глазами. Суйла принадлежит к разряду небожителей и называется «обритками» месяца и солнца. Во время камланий Суйла сопровождает шамана на небо и в нижний мир, охраняя его от несчастий и вместе с

Жайыком ведет жертвенное животное в ту или иную область. Суйле брызгают вином, других жертв ему не приносят.

Карлык – сотрудник Суйлы. Между Суйлой и Карлыком такая же близкая связь, как между мужем и женой. Они сопутствуют шаману при совершении обряда жертвоприношений. При камлании Карлыку брызгают воду из ложки через дымовое отверстие аила.

Уткучы (букв.: приветливо встречающий) живет только на небе и является единственным, ближайшим посланником Ыльгена. При совершении ұстұғу, он посылается Ыльгеном навстречу шаману, Суйле, Карлыку и Жайыку в пятую сферу небесного пространства и ведет здесь с пришельцами земли переговоры. Он передает волю Ыльгена, потом берет жертвенное животное, которое проводит через золотые ворота к престолу Ыльгена (Анохин А.В., 1994, с.14).

В алтайском шаманизме подземный мир состоит из девяти ярусов. Здесь обитают все злые духи, то есть те существа, которые преследуют человека, которые только и промышляют о том, чтобы навредить ему. В корейском шаманизме их называют Сагем. В алтайском шаманизме существует владыка всех злых духов – Эрлик-Кан.

С именем Эрлика алтайцы связывают самые тяжелые бедствия, например эпидемии. Он наводит болезни для того, чтобы вынудить человека принести ему жертву; если человек не удовлетворяет его желания, Эрлик поражает его смертью. Эрлик-кан страшный враг человечества, но, несмотря на это, его называют отец-Эрлик, так как по представлениям алтайцев все люди принадлежат ему, и именно он лишает их жизни. Поэтому человек по отношению к Эрлику испытывает болезненный страх, боится произносить его имя, называя его просто: кара немее – нечто черное. Эрлика называют дерзким, бесстыжим, упрямым, несговорчивым. Его внешний облик, описанный в шаманских заклинаниях, вызывает у многих людей ужас. Эрлик живет во дворце из черной грязи, а по другим версиям – во дворце из черного железа с оградой. Царство Эрлика населяют бесчисленное количество душ умерших людей. Питается Эрлик кровяной пищей, пьет внутреннюю кровь. Поэтому человек постоянно воздаст ему почести, добиваясь его благосклонности с помощью богатых жертвоприношений.

Средством для выражения почтения доброму или злему началу является жертва. Жертвы разделяются на кровавые и простые. К первым принадлежит заклятие (с последующим поеданием) животных, ко второму – обильное приготовление и распитие особенной браги.

Кроме главных сил алтайцы оказывают почести множеству других, подчиненных Ыльгену, чистых духов (ак немее) и подчиненных Эрлику злых духов (кара немее).

Подобно духам гор, которые в Корее называются Сансин, в алтайском шаманизме существуют духи земли и воды Дьер-Суу. К духам земли и воды относятся духи долин, гор, озер, рек, деревьев. Причем у каждого рода есть свои, родовые, фамильные духи-покровители. Каждый человек приносит дары духам Дьер-Суу, чтобы проявить свою благодарность и почитание. Восхвалять духов земли и воды в песнях и молитвах и почитать их может каждый без всякого для себя ущерба. На каждом опасном горном перевале, на каждой переправе через большие реки путник приносит благодарность духу этого места, кладя камень на груды камней – обо или привязывая ленточку – кыйра к священному дереву. Следует отметить, что у корейцев также прослеживается жертвенники духам на дорогах, перевалах и в обоих случаях целью поклонения является обеспечение благополучного пути (Анохин А.В., 1994, с.53).

Среди покровителей шаманов обязательно стоит упомянуть Божество огня, являющееся универсальным с глубокой древности. У Алтайцев оно называется от – эне, мать – огонь. Камы начинали любое свое камлание с обращения к ней и «угощения» кроплением. Мать-огонь не была слугой, а являлась покровительницей камов и выступала как посредник между камом и божеством более высокого ранга.

Еще одна важная категория духов-помощников это духи-предки самих шаманов. От этих духов они получали шаманское призвание и шаманский дар, передаваемые по наследству. Именно это представление нашло отражение в канонической формуле алтайцев в связи с появлением у человека признаков шаманского призвания, которая выражалась словами: Тös барып јат – «дух предка наступает» – или тös базып јат – «дух

предка давит». Духи умерших шаманов, как и духи – хозяева гор и вод, лесов и долин, зверей и птиц и т.п., относились к категории земных духов, ибо после смерти двойники шаманов не переселялись в «страну умерших», а оставались на земле (Анохин А.В., 1994, с.47).

Представления о душе является важным звеном в алтайском шаманизме и носит весьма специфичный характер, делающим его совершенно не похожим на то, что в мировых религиях. Представление об индивидуальном двойнике отражало веру алтайских шаманистов в своеобразный круговорот существования человека. Структура круговорота такова: жизнь каждого человека начинается с небесной зоны Вселенной, где она еще не имеет антропоморфной формы; отсюда она посылаясь божеством на землю в материализованной форме, например в виде падающей звезды, или через солнечный луч, или через «зародышей» на детей, висящих как листья на священной березе и падающих через дымовое отверстие в аиле к изголовью очага, а затем к женщине; после наступал утробный период земной жизни человека, во время которого возникала его связь с женским небесным божеством Умай, образовывались кости, тело, кровь.

С появлением на свет, первым признаком которого было «дыхание» (тын), наступал период пребывания человека на «лунно-солнечной земле» (айлу-күндү жер), до самой его смерти, пока не «обрывалось дыхание» (тын үзүлди). В земной жизни, в самый ранний период, до того как ребенок начинал свободно говорить, многие алтайцы считали его более связанным с небесным миром, откуда он появился на земле, чем с окружающими людьми. По их мнению, тогда ребенок находился под присмотром «матери-Умай» – покровительницы рожениц и новорожденных младенцев.

Не умея говорить, младенец свободно общался с Умай (обычно во сне), смеялся или улыбался, когда она его забавляла, и плакал, если уходила. Однако как только ребенок начинал свободно говорить, общаться со своими родственниками, т.е. входил в социальный мир, его связи с Умай прекращались. Вместе с ним рос и выросл его двойник, который до самой смерти человека был неразрывно связан с его телом. Во время смерти двойник, по одним представлениям, покидал тело и возвращался к божеству, а по другим – переключивался в страну умерших (Потапов Л.П., 1991, с.29).

Двойник обладал способностью отделяться от тела во время сна и бродить по разным местам и возвращаться при пробуждении человека. Обыкновенный человек мог видеть двойников людей, в том числе родных и знакомых, только во сне, но шаманы и «видящие» – и воочию. Один из наиболее распространенных рассказов о душе таков:

На охоте два человека остановились на ночлег. Один из них был видящим. Когда его друг уснул, он вдруг увидел, что из ноздри друга вышла его душа и пошла вверх по носу. «Видящий» решил подшутить над другом и положил поперек переносицы спящего стебель дудки (растения семейства зонтичных). Душа спящего долго пыталась перелезть через стебель, даже вспотела, но никак не могла этого сделать. «Видящий» не выдержал и рассмеялся, а его друг от этого проснулся. На вопрос, «Что ты видел во сне?» рассказал, что во сне он взбирался по крутой скалистой горе, но тут на его пути оказалось огромное, в несколько обхватов, поваленное дерево. И что он так и не сумел через него перелезть (Тюхтенева С.П., 2001, с.98).

Таким образом, жизнь человека изменчива. Поэтому человек больше всего почитает те непостижимые для него силы света и тьмы, которые правят как его судьбой, так и судьбой мира. Но эти силы так могучи, и их проявления настолько непостижимы, что он не может вступать в непосредственное общение с ними. Для этого он прибегает к тем существам, которые хорошо знают духов (своих умерших предков) и которые сами живут по законам иного мира. Лишь они в состоянии помочь ему. Для общения с предками необходима помощь шамана, который как в корейском, так и в алтайском шаманизме является посредником между сверхъестественными существами и людьми.

Картина мира в корейском шаманизме также имеет многоуровневый характер. Так, в корейском шаманизме известно 13 небес. Корейские шаманисты одухотворяют видимую природу, населяя ее бесчисленным множеством духов и демонов. Это духи умерших людей, а также явлений и предметов живой и неживой природы, Они, как правило, не персонифицированы, не имеют определенных иконографических образов, что свидетельствует о древности этих представлений. Другие, напротив, наделены плотью, а

некоторые имеют зооморфный облик. Такого рода мифические существа, в отличие от духов, принято квалифицировать как демонов, а вся система в корееведческой литературе определена как пандемонизм (Ионова Ю.В., 1980, с.6).

Символами демонов считаются фетиши, различные предметы: керамические сосуды, корзины, одежда, куски ткани и т.д. Следует отметить, что большинство демонов носит групповой, классификационный характер. Так, по материалам Ким Тэ Кона, различаются природные и человеческие духи. К природным относятся Божества неба, месяца, земли, горы, плодородия, воды, огня, дерева, камня, света, ворот, священных мест, животных. К человеческим – дух короля, дух генерала, духи буддизма, духи даосизма, обычные духи (Ким Тэ Кон, 1991, с.54-55).

Корейский шаманизм – это сочетание общешаманских воззрений с конфуцианскими, буддийскими и даосскими понятиями. Основные черты его заключаются в почитании неба ханьль, от которого якобы исходит все земные блага: произрастание злаков, хороший урожай, избавление от болезней.

Представления о небе и о небесном мире у корейцев были сложными. Так, шаманы признавали наличие тринадцати небес: первое и второе небо покровительствуют добродетельным людям, с третьего по седьмое – лицам, утвердившимся в добрых делах и праведной жизни, на восьмом и девятом обитают «святые», на одиннадцатом и двенадцатом – малые шаманы, на тринадцатом – великие шаманы (Ионова Ю.В., 1980, с.7-8).

Что касается представлений о верховном божестве небесном владыке Хананим, которому приписывается способность активно приходить на помощь, то они были нечеткими и, вероятно, более поздними. В период опасности или бедствий корейцы взывали к небу, но никогда действительно ему не поклонялись, за исключением церемонии вызова дождя. Осенью, в период всеобщих молений об обильном урожае и благополучии, обращались не к небу, а к духам гор, духам дома или духам предков (Поджио М.А., 1892, с.263-264).

Значительное место в пандемониуме корейцев занимают демоны, олицетворяющие души умерших людей квисин. В представлениях корейцев человек после смерти продолжает существовать и либо перерождается в животное, либо становится злым или добрым духом. У корейцев отсутствует понятие о бессмертной, бестелесной душе. По шаманским воззрениям, человек после смерти отправляется в подземный мир, однако дорогу к нему знает только великий шаман. Во время поминок он провожает умершего в далекий мир, где душа умершего живет счастливо и богато (Ким Тэ Кон, 1991, с.84).

На представления о загробной жизни человека оказала значительное влияние господствующая натурфилософия; по ней все сущее образовано в результате взаимодействия Инь и Ян, с которыми связываются понятия о мужском и женском, активном и пассивном началах, свете и тьме, твердости и мягкости и т.д. Согласно этим воззрениям, в момент смерти человека его Инь и Ян, составляющие единое целое при жизни, распадаются. Причем Ян превращаются в светлых духов верхнего мира, а инь – в темных демонов нижнего мира. Помимо этого в среднем мире остается невидимая копия человека, наделенная всеми свойствами умершего. Она находится среди живущих сородичей и требует к себе постоянного внимания. Таким образом, после смерти человек продолжает существовать как бы в трех ипостасях самхон: светлый дух, темный демон и невидимая копия. Воображаемые миры оказываются ареной деятельности огромного количества сверхъестественных существ, тесно связанных с человеком и влияющих на его судьбу. Счастье и благополучие всякого человека ставится в зависимость от его умения снискать себе расположение нейтральных или добрых духов и преодолеть действия злых. Главнейшими и наиболее популярными демонами в Корее являются следующие:

1. О-бан-цзан-гун. С этим названием существуют пять духов. Это властители неба, которое они поделили между собой. Они весьма чтимы населением. Их изображают в виде столбов, верхушки которых представляют грубо вырезанные изображения человеческого лица. Эти демоны считаются покровителями деревень и получают приношения весной и осенью в виде риса и фруктов.

2. Син-цзан. Этих демонов до 80000, причем каждый из них имеет под собой целое полчище других низших демонов. Они наполняют землю и воздух. Алтари отдельным

членам этой воинствующей армии встречаются часто в центральной Корее, причем в каждом алтаре имеется ярко раскрашенная лубочная картина, изображающая гигантского воина с надписью: «Я, дух, обитаю здесь».

3. Ток-га-би. Самые страшные и ненавистные демоны, которые чаще всех напоминают людям о себе. Это души людей, погибших внезапной или насильственной смертью; они ищут себе пищу на лобных местах, побоищах и вообще всюду, где люди гибнут во множестве.

4. Сагем. Настоящие нечистые духи, пользующиеся малейшим случаем, чтобы досаждать и беспокоить людей. Шаманы ведут с ними постоянную борьбу при помощи своих заклинаний.

5. Сан-син – демоны гор. Алтари в честь них встречаются на всех возвышенностях страны большей частью под большими деревьями. Эти духи считаются хранителями женьшеня и, как таковые, весьма почитаются; они же покровительствуют охотникам за оленями. Изображают этих духов на алтарях в виде пожилого мужа со свирепым взглядом, едущего верхом на тигре. Вокруг помещаются алтари для его гарема, причем женщинам-демонам часто придают облик японок. Тигр, встречающийся во множестве в центральной и северной Корее, является доверенным слугой этих горных духов. Когда он производит опустошения, народ верит, что это гневается местный дух, и поэтому спешит умиловить его жертвоприношениями. Демонов гор, которые считаются очень могущественными, сильно боятся земледельцы и жители нагорных деревень. Находясь на горе для рубки леса или других целей, кореец непременно уделяет духу этой горы первую ложку риса. Эти демоны очень капризны и требовательны и за малейшее к себе пренебрежение мстят виновнику, принося ущерб его семье, скоту и урожаю. Тем не менее, видеть во сне духа гор или его представителя, тигра, считается хорошим предзнаменованием.

6. Ион-син – демоны-драконы, являются духами воды. Им не ставят алтарей, но в честь их при участии шаманов устраиваются на берегах моря и рек дорогостоящие жертвоприношения за успокоение душ утопленников.

7. Сон-хоан-дан. Наиболее распространенными в Корее являются алтари, известные здесь под названием Сон-хоан-дан т.е. алтарь святому царю. Это большой жертвенник, грубо сложенный из камней под тенью дерева, на ветвях которого развешиваются приношения в виде лоскутков бумаги, тряпок, мешочков с рисом и пр. Корейские путешественники пользуются этими жертвенниками для воздания почестей духу-хранителю путников, дабы обеспечить себе благополучный путь, и навешивает на ветви дерева обрезки имеющихся у них товаров.

8. Демоны-покровители жилища весьма почитаются корейцами. К ним относятся дух доменной кровли, дух того места, на котором стоит дом, демон кухни, семейный демон, демон рождаемости, демон богатства и т.д. (Ким Тэ Кон, 1991, с.62-63).

Счастье и благополучие человека зависят от умения снискать расположение демонов. Но обычный человек не может оказывать непосредственного воздействия на них. Для этого требуются люди, специально подготовленные для общения с ними. Такими посредниками между людьми и духами являются шаманы, которые играют роль жрецов в этом культе демонов, и лица с такой ролью известны в самом раннем периоде корейской истории.

В целом шаманские воззрения Кореи и Горного Алтая были представлены различными верованиями, восходящими к древним эпохам. Традиционные картины мира корейского и алтайского народов характеризовались переплетением таких древних форм религии, как тотемизм, анимизм, фетишизм, культ природы, культ предков.

Для шаманизма в целом была характерна вера во множество сверхъестественных существ – злых и добрых духов. Шаманизм корейцев и алтайцев имели характерные черты и особенности, отличающие их друг от друга.

Рассмотрим сначала общие моменты этих двух мировоззрений. Представление о трехмерном делении мира: на верхний, средний и нижний с посредствующей вертикальной центральной осью, выступающей в виде мирового дерева, или мировой горы, характерно для шаманизма корейцев и алтайцев. Мировое дерево в применении к структуре шаманских космогонических представлений рассматривается так: корни – подземный мир, ствол – земной, крона – небесный.

Корейцы верят в существование высшего существа – создателя и хранителя видимого мира. Но об этом высшем существе они имеют весьма смутное понятие и отождествляют его с представлением о небе, от которого исходят все земные блага. У алтайцев также в роли высшего существа выступает небо. Именно Небо является местом обитания Ыльгена, самого главного доброго духа в пантеоне божеств алтайцев. Так как нельзя упоминать имя этого божества, его просто заменяют словом «Небо».

Корейские шаманисты одухотворяют видимую природу, населяя ее бесчисленным множеством духов и демонов. Это духи явлений и предметов живой и неживой природы. Почитание и поклонение духам гор наблюдается у обоих народов, о чем говорят каменные кучи на перевалах и дорогах. По представлениям корейцев, духи и демоны живут в каждой вещи, в каждом доме. Они сопровождают человека на всех стадиях его жизни. В шаманском представлении алтайцев духи также являются хозяевами природы, всех живых предметов.

Представления о душе человека, в плане наличия у души двойника, также прослеживаются в этих двух исследуемых мировоззрениях. По материалам Ким Тэ Кона, в шаманских представлениях корейцев, душа человека также имеет двойника, который, как и по алтайским верованиям, может покидать тело хозяина на время, либо во время сна, либо только после смерти (Ким Тэ Кон, 1991, с.67).

Значительное место среди духов корейцев и алтайцев занимают духи, олицетворяющие души умерших людей. Квисин, по-корейски, душа умершего либо уходит в подземный мир, либо остается в срединном мире, мире живых, либо перерождается в животное. По представлениям алтайцев көрмös или Сўне отправляется в подземный мир Эрлика. Идея перерождения изредка встречается в фольклоре, но устоявшегося понятия на этот счет нет.

Что касается духов предков, то, как видно, в корейском мировоззрении почитание предков идет на общем основании, т.е. нет определенных первопредков, так как, у корейцев отсутствует система родов.

Существование у алтайцев определенных родов конкретными первопредками и связанными с ними родовые горы, родовые деревья, животные-тотемы являются наиболее отличительной чертой в сравнении с корейским почитанием предков. Например, род төлös восходит к первопредку Бактыган, имеет родовую гору Абакан, священное дерево – береза, животное-тотем Олень; род майман начинается с первопредка Каршыткан, родовой горой является Көк-Мөнкү, животное тотем – собака (Ямаева Е.Е., 1994, с.188).

Если в целом в пантеоне божеств корейского и алтайского картин мира примерно одинаково выявляются божества неба, духи земли, души умерших, то отличительным моментом в корейской демонологии выступают духи воды, в частности дух-демон Дракон. Мифологическое животное дракон, являющееся характерным мифическим персонажем в основном для стран Восточной Азии, в Центральной Азии не популярен. Отсутствие такого типа духа в алтайском пантеоне объясняется тем, что местоположение Горного Алтая находится далеко от больших вод, где по представлениям корейцев возможное обитание этих существ. В корейской шаманской традиции духу дракона – повелителю водной стихии приносились жертвы за успокоение душ утопивших людей (Ефимов А.В., 2004, с.88).

Также, важным отличием в сравнении картин мира двух народов является наличие у алтайцев культа огня и культа богини деторождения Умай, которые, также как и культ родовых первопредков, относятся к семейно-родовому пантеону божеств. С почитанием божества от-эне, олицетворяющего огонь домашнего очага, связаны множество правил, которые до сих пор соблюдаются на Алтае. Считается совершенно недопустимым осквернять огонь, т.е. бросать в него какой-либо мусор и нечистоты, класть острые железные предметы, перешагивать через очаг, наступать на золу. За нарушение перечисленных норм поведения божество огня может наказать домочадцев различными болезнями, лишить их своей охраны. В аиле алтайца также почитается порог; на него нельзя садиться или наступать, т.к. там находится охраняющий жилище хозяин двери, или порога. Подобные духи покровители жилища есть и в корейском шаманизме и они также весьма почитаются. Но главное отличие на уровне картин мира состоит в наличии

сегмента родовых покровителей, включенных в алтайский пантеон и отсутствующий в Корее.

Библиографический список

1. Анохин, А.В. Материалы по шаманству у алтайцев / А.В. Анохин. – Горно-Алтайск, 1994. – 248 с.
2. Радлов, В.В. Из Сибири / В.В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – 749 с.
3. Баскаков, Н.А. Шаманские мистерии Горного Алтая / Н.А. Баскаков. – Горно-Алтайск, 1993. – 122 с.
4. Ефимов, А.В. Шаманизм в социальной истории Кореи в эпоху правления династии Коре / А.В. Ефимов // Этнографическое обозрение. – Новосибирск, 2004. – С.85-97.
5. Ионова, Ю.В. Обряды, обычаи и их функции в Корее / Ю.В. Ионова. – М., 1982.
6. Ионова, Ю.В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев / Ю.В. Ионова // Религия и мифология народов Восточной и Юго-Восточной Азии. – М., 1970. – С. 7-8.
7. Поджио, М.А. Очерки Кореи / М.А. Поджио. – СПб, 1892.
8. Потапов, Л.П. Алтайский шаманизм / Л.П. Потапов. – Л.: Наука, 1991. – 319 с.
9. Тюхтенева, С.П. «Неошаманство» на Алтае в 1980-1990-х гг. / С.П. Тюхтенева // Шаманизм и иные традиционные верования и практики. – Новосибирск, 2001. – С.92-99.
10. Ямаева, Е.Е. Алтайские легенды и мифы / Е.Е. Ямаева. – Горно-Алтайск, 1994. – 385 с.
11. Ким Тэ Кон. Хангук-ы мусок. (Корейский шаманизм) / Ким Те Кон. – Сеул, 1991. – 256 с.

Кичекова Б.Ю.
(г. Горно-Алтайск, Россия)

ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА АЛТАЙЦЕВ*

Материальная культура любого народа всегда вызывает большой интерес. Важное место в ней занимает традиционная одежда, которая тесно связана с традиционным мировоззрением народа, обозначая место человека в обществе и культуре.

Алтайская традиционная одежда также служит очень важным источником по материальной культуре алтайского народа. Кроме непосредственно утилитарной функции, она выполняет и ряд других. Так, по одежде можно было узнать о человеке важную информацию: пол, имущественное и семейное положение, родовую принадлежность и т.д. Кроме того, одежда, как предмет, наиболее тесно контактирующий с телом человека, выполнял и магическую, охранительную функцию. С этой целью использовались различные украшения, дополнения к одежде.

Наиболее ранние данные об одежде населения Горного Алтая можно найти в археологических материалах. Более поздние сведения об одежде тюркских кочевников Алтая сообщает китайская летопись Танской эпохи (Бичурин Н.Я., 1851, с.268). Некоторые данные об одежде населения южного Алтая дают русские исторические документы середины XVIII в., когда алтайцы входили в состав Джунгарии.

Многочисленные описания внешнего вида и одежды алтайцев даются в материалах экспедиций и путешествий первой половины XIX в. Это труды Г.И. Спасского, А.М. Горохова, К.Ф. Ледебура, А.А. Бунге, А.К. Мейера, П.А. Чихачева и др. Во второй половине XIX в. — начале XX в. появились работы В.В. Радлова, В.И. Вербицкого, Н.М. Ядринцева, С.П. Швецова, А.В. Анохина и др. Эти исследователи лишь описывали внешний вид алтайцев и их одежду, не анализируя ее. Практически все они выделяли различия в одежде жителей Северного и Южного Алтая, описывали многие виды верхней и нижней одежды, особенности причесок и украшений алтайцев по возрасту, полу, семейному положению.

В советское время национальный костюм алтайцев продолжал интересовать исследователей. Ученые, помимо простого описания, переходят и к анализу одежды. Традиционный костюм наиболее полно рассмотрен в статье Л.П. Потапова «Одежда алтайцев», вышедшей в сборнике Музея археологии и этнографии в 1951 г. В ней автор исследовал алтайскую одежду, опираясь на археологические данные, исторические документы, литературу и собственные полевые материалы. Очень подробно дается описание алтайской одежды, украшений и причесок с разделением по полу, возрасту, этнической группе.

Во второй половине XX в. появляются общие работы, посвященные материальной культуре народов Сибири, среди которых рассматривались отдельные аспекты традиционной одежды. Так, в 1956 г. вышла большая коллективная работа «Народы Сибири» под редакцией М.Г. Левина и Л.П. Потапова в серии «Народы мира», в которой была дана краткая обобщающая характеристика комплекса традиционной одежды алтайцев. В 1961 г. был издан «Историко-этнографический атлас Сибири» (под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова). В данной работе проводится систематизация и классификация ранее собранных материалов по традиционной культуре народов Сибири. В основу каждой классификации положен какой-либо один признак, например, в основу характеристики типов одежды взят покрой.

От простого описания исследователи стали переходить к изучению значения и семантики одежды и ее элементов. Так, в работе Ключевой Н.И., кроме сравнения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Алтайская одежда и украшения: традиции и инновации» (№ 09-01-61101а/Т).

различных видов накосных украшений у сибирских народов, было рассмотрено значение и смысловая нагрузка самих накосных украшений (Клюева Н.И., 1988). В книге Н.И. Шатиновой «Семья у алтайцев» встречаются упоминания об одежде и украшениях для свадеб, похорон и т.п. (Шатинова Н.И., 1981). В монографии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир» (1988) особо выделен вопрос значения одежды и ее элементов, украшений. Делается вывод о том, что нет ничего случайного в традиционном костюме, каждая часть и каждый элемент имеет свое значение и несет определенную смысловую нагрузку: «Детство, отрочество, зрелость, переход из одной возрастной группы в другую, включение человека в систему родственных связей — все это находило отражение в костюме тюрков Южной Сибири» (Традиционное мировоззрение ..., 1988, с. 171).

В большинстве этих работ рассматривались отдельные элементы алтайской одежды. Исследователи начинают классифицировать и систематизировать одежду, украшения и их элементы. Делаются попытки соотносить традиционную одежду с мировоззрением алтайцев. Проводятся сравнения с традиционной одеждой других народов, однако обобщающего труда не вышло.

Современное положение национальной алтайской одежды показано в книгах Н.И. Шатиновой, Е.П. Зайцевой, Н.А. Тадиной, В.П. Дьяконовой и других. В последнее время выходит очень много публикаций в периодических изданиях. В газетах «Звезда Алтая» и «Алтайдын Чолмоны» публикуются статьи об алтайской одежде, украшениях и декоративно-прикладном искусстве. Даются сведения о мастерицах, живущих в Республике Алтай, интервью с ними, раскрываются некоторые секреты технологии, шитья и т.д. Выпускается журнал «Эпшилер», также публикующий материалы по традиционной культуре алтайцев, в котором особое внимание уделяется способам, обычаям и правилам шитья.

В наше время по-прежнему выходят работы, посвященные данной теме. Несколько статей опубликованы и автором в различных сборниках статей и материалах конференций. Однако большого труда, исследующего одежду и украшения алтайцев в целом, до сих пор нет. Перед учеными стоит задача обобщить все имеющиеся данные, привлечь современные полевые материалы, поскольку в последнее время интерес к традиционной одежде возрастает.

В большинстве этих работ можно встретить упоминания и о верхней одежде алтайцев как составной части всего комплекса алтайской одежды.

Целью данной статьи является показать виды верхней одежды, бытовавшие у алтайцев в конце XIX — начале XX вв., и изменения, которым они подверглись в современный период. В своей работе автор опирался на опубликованные источники и на полевой материал, собранный в течение 2009-2010 гг. в селах Республики Алтай в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 09-01-61101а/Т «Алтайская одежда и украшения: традиции и инновации».

Практически все исследователи и путешественники отмечают, что тяжелой верхней одеждой алтайцев была тяжелая запашная шуба *тон* (рис. 1), которую шили в основном из овчины, также из шкур косули, сурка, реже — хорька. Считать ее только зимней одеждой нельзя, так как ее носили и летом. Обычно эти шубы покрывали плюшем, бархатом, дабой или нанкой. Шубы богатых алтайцев покрывались китайским шелком и имели прямые отложные воротники из дорогого меха. По покрою шубы были без талии, свободно расширяющимися книзу, с запахиваемой левой полой, вырезанной ступенчато. Рукава этих шуб были очень широкими от плеча (по сведениям информаторов на шитье одного рукава могла быть использована шкура одного барана). В запястье рукава резко сужались, заканчиваясь манжетой (уштук) треугольной формы, закрывающей пальцы рук. По концам рукавов, по подолу и вдоль левой полы нашивали широкую кайму (кыйу) из бархата, простой материи или из телячьей или жеребьячьей кожи. Воротник, как правило, делали из лисьего меха. В жаркое время шубу спускали с плеч, и верхняя часть ее опускалась на пояс. В дождливый день шубу выворачивали мехом наружу, чтобы предохранить ее от сырости. Зимой поверх шубы надевали очень теплые, непромокаемые дохи из шкур косули, шерстью вверх, а поверх шубы надевался также широкий пояс. Шуба

была просторной, в ней было удобно сидеть на лошади, а широкий рукав позволял при перекочевках транспортировать маленького ребенка (Клешева Ш.З.).

По внешнему виду шубы можно проследить различия в половом и возрастном отношении. Так, детская шуба украшалась более нарядно по сравнению с шубами взрослых. Женскую шубу можно было шить короче, а мужскую — длиннее. К тому же, левая пола в женской шубе выкраивалась в виде четырехугольного выступа, а не ступенчатого, как в мужской шубе, и эта часть одежды более тщательно украшалась вышивкой. Концы рукавов также делались по-другому. Обшлага снаружи обшивались красной материей, а по самому краю — черной мерлушкой. Оканчивался обшлаг округлым клином. Обычно женщина могла отогнуть их, а при гостях, согласно этикету, ими положено было закрывать кисти рук (рис. 2).

Сейчас такие шубы шьют редко. Сфотографированные нами экземпляры были в основном изготовлены в 60-70-х гг. XX в. Чаще всего это шубы, сшитые самими информаторами для работы зимой, или подаренные им свекровью во время свадьбы. Встреченные нам образцы сшиты из овчины собственной выделки. В большинстве случаев эти шубы не покрыты с внешней стороны никакими тканями. Однако они не выглядят неказисто и бедно, так как богато украшены цветными нитками. В отделке можно проследить использование определенных узоров. Так, по словам информаторов, вырез, левый подол и рукава шубы чаще всего украшались узорами «малта», «чычырган» («чычыркай»), «көстөр» (Калташева С.С.).

Другой верхней одеждой алтайцев был *чекпен*, по покрою схожий с халатом. Шился он в основном из тканей фабричного или домашнего производства. Чаще всего чекпен был синего цвета, а у теленгитов красного. Эта одежда всегда подпоясывалась кушаком (Потапов Л.П., 1951, с.14). Сейчас такой вид одежды шьется только для театрализованных представлений, причем используются современные ткани и фурнитура, хотя покрой сильно не изменился.

Существовал еще один вид алтайской верхней одежды, который носили только замужние женщины. Это был длиннополый и распашной *чегедек* без рукавов, который новобрачная впервые надевала на свадьбу и носила его всю жизнь или до смерти мужа. Без него женщина не могла показываться свекру или старшему брату мужа. Чегедек мог надеваться поверх любой одежды. Он шился из темной материи (у богатых из шелка и бархата) и обшивался вокруг пройм рукавов и воротника, по спине и подолу каймой. Чегедек не застегивался, хотя на левой поле его всегда пришивали две большие китайские красные пуговицы (куйка). В холодное время чегедек надевали поверх овчинной шубы, то есть носили его и зимой, и летом. Женщины, как правило, имели чегедек для повседневного ношения и праздничный чегедек, который надевали на большие праздники, моления или когда шли в гости. Плечи чегедека («крылья» — «канаттар») должны были «стоять», поэтому их специально обмазывали мукой, чтобы держать форму. Подобная форма «крыльев» информаторами объясняется по-разному. Так, одни считают, что это делается для красоты, чтобы было видно украшение платья или рубашки под чегедеком (Карманова Т.Ч.), а другие полагают, что стоящие и устремленные вверх плечи чегедека обозначают горы Алтая (Кудачина А.А.).

Опрошенные нами информаторы смогли описать традиционные чегедеки, которые они видели сами в детстве. По их словам, чегедек чаще всего шился из черного бархата. Покрой чегедека не отличается от того, что описан в литературе, только современные чегедки шьются с пришитым воротником, тогда как раньше воротника у чегедека не было (Калташева С.С.). Это объясняется тем, что эту одежду обычно носили поверх платья или рубашки, которые, как правило, уже имели богато украшенные воротники. Так как в современных условиях чегедеки теперь одевают на обычную повседневную одежду, то теперь к нему стали пришивать воротники, украшенные низками бус. Сначала на специальную твердую основу нашивали украшения, а затем к этой отделке пришивали (иногда приклеивали) сам чегедек. Отделка обычно состояла из цветных перекрученных ниток, пришитых вплотную друг к другу. Как правило, для отделки использовали нитки семи цветов радуги.

В последнее время именно чегедек подвергается самым большим изменениям и приобретает стилизованные черты. Теперь чегедеки шьют из тканей самых различных

цветов, хотя в Улаганском и Кош-Агачском районах предпочтение отдается красному цвету. В этих же районах сохраняется традиция на свадьбу невесте привозить свой чегедек, тогда как в Усть-Канском и Онгудайском районах чегедек для невесты шьют родственники жениха. Иногда кроме чегедека шьют и платье свободного покроя, обычно белого цвета, поверх которого и надевают чегедек. Однако в последнее время некоторые люди стали надевать чегедек поверх белого европейского платья для «русской свадьбы» («орус той»). Соответственно меняется покрой одежды, поскольку эти платья, как правило, имеют кринолин. Поэтому верхнюю часть чегедека стали шить из алтаса, крепа и др. тканей, а нижнюю часть — из более легких и прозрачных тканей — капрон, шифон, органза. Цвет чегедека выбирается в тон свадебному платью, чаще всего это яркие цвета: голубой, красный, зеленый и их различные оттенки. На голову невесты надевают либо специальную шапку сүрү бөрүк, сшитую чаще всего в тон чегедеку, либо более распространенный и носимый всеми түлкү бөрүк.

В литературе встречается и описание легкой верхней одежды вдовы (*чуба*). Она представляла собой широкую одежду, похожую на длинный халат из черной или синей материи. На груди пришивались четыре китайских пуговицы попарно одна над другой. На них можно было застегивать одежду, но полы ее все равно расходились. Носили чуба летом поверх нижней одежды, но зимой, в отличие от чегедека, носили под шубой.

В настоящий момент в Усть-Канском и Онгудайском районах упоминаний об этом виде одежды мы не встретили. Лишь в Кош-Агачском районе были получены сведения о таком виде одежды, однако сейчас чуба нигде не встречается.

Описание верхней одежды было бы неполным без упоминания о поясах. Пояс был важной частью одежды алтайцев. Наиболее распространенным был кушак (*кур*) для подпоясывания верхней одежды. Обычно это был отрез материи длиной 3–4 м., которым подпоясывали туловище два раза, а концы подтыкались спереди и свешивались вниз. В основном преобладали пояса темного цвета. Для дальних поездок в горы и на охоту алтайцы надевали кожаный пояс (*кайыш кур*). К нему прикрепляли патронташ и мешочек для пуль, огниво (*отык*) в кожаной оправе с бронзовой отделкой и нож в деревянных или костяных ножнах — «кынду бычак». Ремень украшали бронзовыми бляшками.

Сейчас у алтайцев в основном распространен кур, который используют во время праздников и свадеб. Такие матерчатые пояса повязывают гостям, сватам, невесте и жениху, а иногда и свидетелям на свадьбе. Причем пояса из более дорогих и лучших тканей повязывают наиболее почетным гостям.

Таким образом, можно отметить, что верхняя одежда алтайцев в настоящее время продолжает использоваться, хотя и в несколько измененном виде. Как и весь комплекс традиционной одежды, верхняя одежда носится в основном во время свадеб и национальных праздников. Хотя шуба тон у некоторых людей, в большинстве случаев старшего возраста, используется для повседневного ношения. Практически исчез такой вид верхней одежды, как чекпен. Из описанных выше видов одежды наиболее сохранился и в то же время наиболее подвергся изменениям чегедек.

Несмотря на происходящий процесс стилизации, интрес к традиционной алтайской одежде не исчезает. В Республике Алтай почти в каждом селе есть свои мастерицы, сохранившие традиции и передающие их последующим поколениям.

Библиографический список

1. Бичурин, Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. / Н.Я. Бичурин. — Ч. I. — Спб., 1851. — 484 с.
2. Ключева, Н.И. Накосные украшения у сибирских народов / Н.И. Ключева, Е.А Михайлова // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. — Т. XLII. — Л., 1988. — С.105- 128.
3. Шатинова, Н.И. Семья у алтайцев / Н.И. Шатинова. — Горно-Алтайск, 1981. — 183 с.
4. Потапов, Л.П. Одежда алтайцев / Л.П. Потапов // Сб. МАЭ. — Т. XIII. — М.-Л., 1951. — С. 5-59.
5. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. — Новосибирск, 1988. — 225 с.

ПМА, 2009

1. Калташева Спирт Сергеевна (1930 г.р., с. Келей Усть-Канского р-на РА).
2. Карманова Тана Чыныковна (1936 г.р., с. Верх-Ануй Усть-Канского р-на РА).
3. Клешева Шима Захаровна (1922 г.р., с. Кырлык Усть-Канского р-на РА).
4. Кудачина Анжелика Анатольевна (1968 г.р., с. Ело Онгудайского р-на РА).

Рис. 1
Шуба тон

Рис. 2
Манжета уштук

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Азбелев Павел Петрович** – методист 1-й категории (с.н.с.) Государственного Эрмитажа. 190000, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34. Государственный Эрмитаж, НПО. Тел.: +7(911)713-11-61, e-mail: azb13@hotmail.com
- Васютин Александр Сергеевич** – старший научный сотрудник КЛАЭ КемГУ-ИАЭТ СОРАН, кандидат исторических наук. Тел.: (384-2)38-67-29
- Горбунова Татьяна Геннадьевна** – доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, каб. 211. Тел./факс: 8(385-2)66-81-58, e-mail: tanyagor29@mail.ru
- Кичекова Байана Юрьевна** – младший научный сотрудник ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. Тел.: 8-913-694-64-26(моб.), e-mail: bayana_84@mail.ru
- Кубарев Владимир Дмитриевич** – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, профессор Института археологии Монгольской Академии Наук (г. Улан-Батор), доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383)330-44-91, факс: 8(383)330-11-91, e-mail: vdkubarev@gmail.com
- Куропятникова Светлана Викторовна** – учительница ГУ СОШ №5 г. Павлодара. Казахстан. E-mail: gosha197472@mail.ru
- Кызласов Игорь Леонидович** – ведущий научный сотрудник, заведующий группой средневековой археологии евразийских степей Института археологии РАН, доктор исторических наук. 117036, г. Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Институт археологии РАН. E-mail: kyzlasovil@mail.ru
- Маточкин Евгений Палладиевич** – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина, кандидат искусствоведения. 630090, Новосибирск, ул. Академическая, 34-24. E-mail: pallady@ngs.ru
- Онищенко Сергей Степанович** – заведующий лабораторией кафедры зоологии и экологии ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», кандидат биологических наук. Тел.: (384-2)58-07-46, e-mail: bios@kemsu.ru
- Пересветов Георгий Юрьевич** – специалист лаборатории археологии Павлодарского областного историко-краеведческого музея. Казахстан. E-mail: gosha197472@mail.ru
- Подобед Вячеслав Анатольевич** – старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея. 83015, Украина, г. Донецк, б. Школьный, 14, кв. 56
- Рыбаков Николай Иосифович** – действительный член Петровской академии наук и искусств, член Союза художников России. 660017, г. Красноярск, а/я 20899. Тел.: 8-960-752-782-5, 8-983-152-90-79(моб.), e-mail: a-ndrey@list.ru
- Серегин Николай Николаевич** – младший научный сотрудник научно-исследовательского сектора, аспирант кафедры археологии, этнографии и музеологии ГОУ ВПО

«Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61.
Тел/факс: 8(3852)66-81-58, e-mail: nikolay-seregin@mail.ru

Соёнов Василий Иванович – заведующий Научно-исследовательской лабораторией по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО «Горно-Алтайский государственный университет», доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения ГОУ ВПО ГАГУ, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, 16-5. E-mail: soyonov@mail.gornu.ru

Степанова Надежда Федоровна – старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул-49, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)66-84-23, e-mail: nstepanova@mc.asu.ru; nstepanova10@mail.ru

Теркина Урсула Александровна – младший научный сотрудник ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова». 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6. Тел.: 8-913-694-64-26(моб.), e-mail: ursulai@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич – профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», доктор исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61. Тел./факс: 8(385-2)66-81-58, e-mail: tishkin@hist.asu.ru

Усачук Анатолий Николаевич – старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, кандидат исторических наук. 83047, Украина, г. Донецк, ул. Багратиона, 9а, кв. 12. E-mail: dood@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: khudjakov@ngs.ru; khudjakov@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович – ведущий научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии Донецкого областного краеведческого музея, кандидат исторических наук. 86108, Украина, г. Макеевка, пос. Котовского, 27, кв. 15

Шелепова Елена Владимировна – преподаватель кафедры религиоведения и теологии ГОУ ВПО «Алтайский государственный университет», кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, каб. 312. Тел.: 8(385-2)26-15-81, e-mail: ele-shelepova@yandex.ru

Шульга Пётр Иванович – старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул-49, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)66-84-23, e-mail: shulgapi55@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Соёнов В.И. (г. Горно-Алтайск, Россия) ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНОСТЕЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г.....	3
Степанова Н.Ф. (г. Барнаул, Россия) ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА МОГИЛЬНИКЕ ЕЛО-2 В ГОРНОМ АЛТАЕ	7
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (г. Донецк, Украина) ПСАЛИИ, «ЗАБЫТЫЕ» В ОСТАВЛЕННОМ ДОМЕ (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы).....	15
Маточкин Е.П. (г. Новосибирск, Россия) ПЕТРОГЛИФЫ ТАРХАТИНСКОГО МЕГАЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА.....	35
Кубарев В.Д. (г. Новосибирск, Россия) ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СВЯТИЛИЩА КАЛБАК-ТАШ (РЕСПУБЛИКА АЛТАЙ)	44
Маточкин Е.П. (г. Новосибирск, Россия) ДВА КОМПЛЕКСА ПЕТРОГЛИФОВ ИЗ БУЛАН-КОБЫ.....	60
Шульга П.И. (г. Барнаул, Россия) ИЗОБРАЖЕНИЯ КОПЫТНЫХ ГРИФОНОВ ИЗ ДУНХЭЙГОУ (СИНЬЦЗЯН).....	63
Кызласов И.Л. (г. Москва, Россия) РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ АЛТАЙСКОГО УРОЧИЩА ТЕКЕ-ТУРУ.....	73
Азбелев П.П. (г. Санкт-Петербург, Россия) К ИСТОРИИ СЕДЕЛЬНОГО ДЕКОРА.....	76
Худяков Ю.С. (г. Новосибирск, Россия) ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ БОЖЕСТВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ПАНТЕОНА НА ПАМЯТНИКАХ ИСКУССТВА НОМАДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	93
Васютин А.С., Онищенко С.С. (г. Кемерово, Россия) КОЧЕВНИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ (VII-X вв. н. э.).....	104
Рыбаков Н.И. (г. Красноярск, Россия) ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ЕНИСЕЙСКИХ КЕРЕИТАХ.....	117
Тишкин А.А., Серегин Н.Н. (г. Барнаул, Россия) ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ УРКОШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (Онгудайский район, Республика Алтай).....	130
Горбунова Т.Г., Шелепова Е.В. (г. Барнаул, Россия) АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ТУРИЗМ.....	135

РАБОТЫ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Куropyтннкoвa С.В. (г. Павлодар, Казахстан) КЕРАМИКА ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ ШАУКЕ 3.....	141
Пересветов Г.Ю. (г. Павлодар, Казахстан) ИССЛЕДОВАНИЯ НА КУЛЬТОВО-ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ТОРАЙГЫР VI	144
Серегин Н.Н. (г. Барнаул, Россия) ПОЛОВОЗРАСТНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ НАСЕЛЕНИЯ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ.....	155
Теркина У.А. (г. Горно-Алтайск, Россия) КАРТИНА МИРА В АЛТАЙСКОМ И КОРЕЙСКОМ ШАМАНИЗМЕ. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	161
Кичекова Б.Ю. (г. Горно-Алтайск, Россия) ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА АЛТАЙЦЕВ	168
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	173

Научное издание

***ДРЕВНОСТИ СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.
№3(15)***

Ответственный редактор – В.И. Соёнов

Статьи публикуются в авторской редакции

*Составление, оформление, компьютерная верстка, корректура, макет – В.И.
Соёнов*

Начальник редакционно-издательского отдела – ***А.Ю. Казанцев***

Ведущий редактор РИО – ***А.Г. Карышев***

Подписано в печать 18.10.2010. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. – 22,0. Заказ № 793.
Тираж – 500 экз.

РИО Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1

Отпечатано полиграфическим отделом
Горно-Алтайского государственного университета.
649000, г. Горно-Алтайск, ул. А. Ленкина, д.1